

АНАСТАСИЯ СОБОЛЕВСКАЯ

ХРОНИКИ РАЗРУШЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

КОРОНА ДВУХ КОРОЛЕЙ

Animedia

Анастасия Соболевская
Корона двух королей
Серия «Хроники разрушенного
королевства», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57407462
Корона двух королей: Animedia Co.; Прага; 2020
ISBN 978-80-7499-407-4

Аннотация

Главным событием в жизни юношей королевства Ангенор является тавромахия – поединок с бешеным шестирогим быком. Победитель получает деньги, славу и право присоединиться к элитной части армии – королевским кирасирам. Но наследники трона проходят обряд с иной целью – показать, что они достойны носить алмандиновую корону – венец воинов. Смерть единственного наследника престола во время обряда приводит к ожесточенной борьбе за корону между его отцом – королем Осе, дядей Теабраном и принцессой Вечерой – старшей кузиной, которую считают виновной в гибели принца. Пестрое полотно Хроник наполнено кровавыми битвами, дворцовыми интригами, предательством и жестокостью. Короли, наследники, северные правители самраты, графы южных земель, дикие горные

племена – их всех объединит желание обладать той самой алмандиновой короной.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	28
Глава 3	40
Глава 4	60
Глава 5	77
Глава 6	105
Глава 7	119
Глава 8	138
Глава 9	168
Глава 10	211
Глава 11	242
Глава 12	263
Глава 13	279
Глава 14	296
Глава 15	310
Глава 16	327
Глава 17	352
Глава 18	378
Глава 19	421
Глава 20	461
Глава 21	481
Глава 22	499
Глава 23	519

Глава 24	527
Глава 25	541
Глава 26	562

Анастасия Соболевская
Корона двух королей

КОРОНА
КОРОЛЕЙ
ДВУХ

Корректор: Мария Скворцова

Выпускающий редактор: Мария Ланда

© Анастасия Соболевская, 2020

© Издание, оформление. Animedia Company, 2020

Глава 1

Резня

В то утро солнце последний раз поднялось над рыжими крышами Негерда.

Альфред сидел на перилах Колокольной башни и, подставив лицо ласковым лучам летнего солнца, напевал себе под нос запрещённую аббатом песенку о пастухе и сборщице фруктов, которую услышал на площади два дня назад. Конечно, услышь старик его неразборчивые напевы о «сладких персиках» и «красном кнутае», он бы вмиг показал мальчишке цену мирских развлечений, но здесь, на самой высокой точке Негерда, Альфред находился на безопасном расстоянии от знаменитых перчёных розог настоятеля Монастыря-на-Руне, а посему мог позволить себе небольшие вольности.

Солнце в северо-западных широтах Ангенора редко выглядывало из-за толстых туч, но сегодня оно решило порадовать жителей этого маленького уютного городка Приграничья и светило посередине глубокого, неестественно синего

го неба, лишённого любых облаков. Воздух тяжёлой плитой лежал на раскалённой земле и был тягуч и пахуч, как свежий липовый мёд.

Сутки до поста на верхушке Колокольной башни юный послушник безвылазно провёл в своей тесной тёмной келье в старом монастырском крыле близ башни и, не разгибая спины, завитушка за завитушкой старых ангенорских рун копировал тексты полуистлевших фолиантов, что две недели назад привезли из столицы кирасиры. И сейчас Альфред был счастлив сделать долгожданный перерыв и подставить лицо летнему солнцу.

Альфред сам себе не верил – ещё год назад он не умел ни читать, ни писать, но с тех пор, как старый аббат взял мальчика под своё крыло, он не только смог выучить то, что написано в священном семикнижии, хранившемся на аналое, но ему ещё и доверили копировать эти великие книги.

В этих пыльных фолиантах, старых, как сам мир, рунами размером с ячменные зёрнышки, были изложены трактаты о бытии, много лет назад написанные рукой безымянных приверженцев Святой благодати – новой религии, что пришла в эти земли с далёкого севера, и руки послушника всё ещё хранили запах старой бумаги и чернил, с которым в его кожу впиталась их мудрость. Во всём монастыре только ему и ещё паре послушников хватало усидчивости и аккуратности долгими часами выводить перьями святые писания на шероховатом пергаменте. Это дело было кропотливым

и требовало огромного внимания, и потому аббат в качестве награды иногда разрешал Альфреду и другим писарям съесть по яблоку на ужин, что, по сравнению с пресной монастырской едой, было сродни настоящему лакомству. Старик называл Альфреда удивительно способным для простого мальчишки из глуши, но розги за малейшую оплошность не давали ему этим возгордиться.

Но как бы Альфреду ни нравилось переписывать руны за руной, увековечивая законы для новых последователей истинной, как говаривал аббат, веры, он был рад, когда старый священник попросил его весь день провести здесь, наедине с набатным колоколом, рядом с солнцем и ветром. У этого юноши во всём монастыре были самые зоркие глаза, а потому в важные для города дни его чаще других оставляли вглядываться в даль всех четырёх сторон.

Колокольная башня ещё при возведении считалась собственностью монастыря, так как именно на его деньги была когда-то построена, а потому службу на ней несли исключительно послушники, да и то только те, кто не боялся высоты. В монастыре таких было немного: личный служка аббата, младший поварёнок, Альфред да дьякон, но тот уже два дня как уехал в Паденброг просить короля о ссуде на починку старой часовни, а служка и поварёнок были заняты подготовкой к ежегодной ярмарке, и потому, кроме Альфреда, нести дозор больше было некому.

Король Огасовар, Осé, последний из династии Роксбур-

гов, как и подавляющее число жителей Ангенора, поклонялся Перламутровым горам, что на западе крутыми хребтами уходило далеко за горизонт, – там, если верить старым легендам, живут боги. Но Святая благодать с каждым днём становилась сильнее и всё увереннее набирала паству на просторах королевства среди всех слоёв общества, от крестьян до графов, и потому королю, тем более находящемуся в шатком положении, не прислушиваться к народным настроениям было бы опрометчиво. Даже сама Суаве, любимая королева ангенорцев от Керестайских холмов до покрытых пышными лесами гор Ла Верн Кантамбрии, также стала исповедовать Святую благодать. Говорили, что именно по этой причине король весьма снисходительно начал относиться к новым верованиям, которые всё настойчивее прокрадывались на его территории. Любой из его предшественников – Магнар Законодатель, ЭссеGRID Растратчик или даже Дитман Укротитель – не моргнув глазом приказал бы вздёрнуть на площади Агерат тех, кто несёт заразу в души его народа, но ни у одного из них не было Суаве. И было ли это к добру или худу, каждый решал сам.

Религиозные распри были лишь каплей в море общего недовольства королём. К Осе Кровавому в народе относились прохладно. Как к тени, отброшенной гением царственного Эдгара Роксбурга, почившего восемнадцать лет назад. Особенно это было заметно среди старшего поколения, кто ещё помнил Короля Жезлов благодаря его походам в Дикие

горы и Пустодол. Младшее же поколение, особенно воцерковленное, чтило его лишь как ментора и покровителя, которыми были все его предки. Выросшие на законах Святой благодати, они не видели в мягкости Осе слабости, скорее многогранность и невозможность поступать так, как поступали его предшественники в условиях слишком изменившегося мира. И всё же эта нелюбовь к последнему Роксбургу витала в воздухе и, приправленная сплетнями и толками, постепенно отравляла умы людей всех возрастов и социального статуса. И потому многие перестали обращать внимание на заслуги Осе перед своим народом, начав укоренять в головах народа образ слабого и трусливого короля, отгородившегося от мира высокими стенами Туренсворда, чьим уделом было лишь взирать на свой народ с высоты балкона тронного зала в окружении по-собачьи преданных короне северных головорезов. Кто-то оправдывал его, кто-то усугублял его недостатки, возводя их в абсолют, кто-то его жалел, сам же Альфред благоволил королю хотя бы за то, что прошлой зимой тот выделил их монастырю деньги на новые рясы и послушникам не пришлось мёрзнуть, как бывало раньше.

Но признательность молодых монахов королю не разделяли прочие жители Ангенора, которые вменяли ему в вину бездействие на пороге большой беды. Времена сейчас были непростые – выстоять мог только тот, кто не боялся показать силу, что едва ли относилось к Осе. Злые ветры дули с далёкого севера, и оттуда всё чаще и чаще доносилось тревожное

ЭХО ВОЗМОЖНОЙ ВОЙНЫ.

Так, несколько лет назад люди, прибывшие в Негерд с залива Горящего неба, рассказывали, что княжество, расположенное на севере в долине Гирифор, полностью разграбила и истребила армия самозванного короля Теабрана.

«Там теперь ни городов, ни деревень не осталось, – говорили люди. – Всех, кто попадался на пути, резали как скотину. Даже замок князя Ээрдели Ровенну разграбили и сожгли дотла, а княжескую семью перерезали, всех до единого, как свиней».

Говорили, что с тех пор в тех краях больше никто не живёт, и земли те прозвали Долиной чёрных деревьев из-за покрывающего всю округу пепла как символа полного уничтожения, разорения и смерти.

Послушник много раз слышал леденящие душу истории, как вырезались целые города, как почва пропитывалась человеческой кровью, и ему не верилось, что можно вот так просто уничтожить целое княжество, пусть даже маленькое.

– Ведь так же не бывает, – возражал он. – Старый аббат говорил, что Бог помогает всем страждущим. Разве те люди не пострадали? Разве Он не мог помочь им спастись?

– Вла́хосу об этом скажи, – отвечали ему. – Ему ли не знать, как быстро теряешь веру, когда бродишь по развалинам своего дома?

Альфред бы никогда не стал спрашивать об этом Влахоса из Ровенны. Он бы никогда даже не подошёл к нему ближе,

чем на пушечный выстрел.

Внизу пёстрой массой копошились люди – готовилась летняя ярмарка. Послушник ждал её ещё с прошлого года. Только был он тогда простым пятнадцатилетним парнишкой, сыном дубильщика, который дрался за право первым забраться на парафиновый столб и хватал местных девчушек за юбки, а теперь он мог наблюдать за праздником только со стороны. Но всё же его положение отличалось некоторой выгодой – остальные послушники не могли присутствовать на ярмарке вовсе. Их уделом было прислуживать на кухне, помогать монахам в коровнике да учить псалмы и древние языки в тесных, сырых, душных кельях с крошечными отверстиями под потолком вместо окон, и потому все они страшно завидовали Альфреду, который удостоился чести вырваться из благочестивого плена.

В этом году земля была плодоносной как никогда. Даже аббат на проповедях всех уверял, что это божья благодать, ибо никогда ранее, пока не был вбит последний гвоздь в крышу монастыря, земля не давала такого богатого урожая. Староверы же не сомневались, что помогла богиня Беркана и духи земли и воды Ситри и Ллер, и с благодарностью сыпали зерно в Чистый ручей да подносили свежий хлеб к статуям богов у леса.

«До чего же хорошо», – думал Альфред, нежась в лучах доброго солнышка и потирая висевший на груди четырёхлистный чистотел – символ его нового Бога. У всех монахов

были такие же, но у старших – больше и из золота, а цветок Альфреда был сделан из меди.

Он ещё не дал ни одного обета, потому как послушником был всего год, и его положение пока не мешало ему смотреть с высоты на стайку местных девушек, которые стирали в речке бельё. Раньше они стирали чуть ниже по течению, но монахи начали жаловаться, что девушки в мокрых одеждах мешали им читать молитвы и вдумываться в Слово Господне, и потому был вырыт небольшой канал на окраине, откуда девушек было видно только с Колокольной башни. С такого расстояния их фигурки казались маленькими-маленькими, почти и не разглядеть, но богатое воображение послушника позволяло ему дорисовать всё, не видимое глазу, и оно же позже рисовало ему все адовы муки, кои обрушатся на его голову после смерти за осквернение души монаха.

К полудню солнце уже пекло что есть сил и жара стояла несусветная. Послушнику хотелось раздеться, но, если его снизу увидит кто-то из монахов и доложит аббату, он снова получит десять ударов розгами. Подумав об этом, Альфред поёжился. Монахи, глубоко верующие люди, били с такой же силой, с которой из лучших побуждений желали наставить на путь истинный не чтящего монашеский уклад мальчишку. Их поучения обычно заживали на его коже по несколько дней.

Альфред наблюдал за людьми внизу, как вдруг заметил среди них ту, что совсем недавно оставила в его душе осо-

бенный след. Он не знал, как её зовут, да и видел всего один раз, когда настоятель выгнал его из кухни к колодцу за ведром чистой воды, но отдал бы что угодно, чтобы снова увидеть её простое улыбочливое лицо и золотые кудряшки. Альфред грустно вздохнул, любуясь красавицей.

Была бы его воля, он бы никогда не стал монахом, но его отец, человек жёсткий и прагматичный, проводивший в едких щелочах больше времени, чем монахи в молитвах, посчитал, что не хочет сыну такой же участи, а вот труд в монастыре, чья власть в городе крепла с каждым днем, вполне мог сослужить его наследнику хорошую службу. Одно только печалило сердца обоих – священники Святой благодати давали обет безбрачия, и потому Альфред смотрел на золотые кудри и обнажённые конопатые плечи красавицы и пытался смириться с тем, что никогда не почувствует ласку её рук.

Внизу на небольшой площади, рядом с полем для боя мешками, пятеро потных мужиков ставили большие навесы для главной распродажи. Послушник слышал, что там будут танцы и музыка и станут продавать фрукты и северное вино из пшеничного солода, мёда, клюквы и болотного мирта, который добавляли для крепости. Оно, конечно, было не таким сладким и терпким, как южное виноградное из Кантамбрии, но было незаменимо при похмелье, а горьковатый привкус оставлял приятное послевкусие. Мама Альфреда добавляла его в тесто вместо уксуса, и у её выпечки появлялся приятный горько-сладкий, чуть землистый аромат. Самое дорогое

северное вино, что разливали близ Мангрового леса, настаивалось в кедровых бочках по пять-шесть лет, но его могли себе позволить только богачи, такие как местные купцы или торговцы из крупных деревень и городков округи, остальные же крестьяне и ремесленники довольствовались вином куда проще – годичной или двухгодичной выдержки. Местные виноделы уже предвкушали наплыв южан, готовых скупать вино бочками на целый год вперёд. Если их будет столько же, как в прошлом году, то каждый из них, выставив цену чуть больше прошлогодней, сразу набьёт карманы деньгами. Южане по отношению к северным винам никогда не скупались.

По приказу местных властей жители украшали дома. Те, в чьих карманах звенела серебряная и золотая монета, чинил черепицу и просмаливал швы, а кто в своей жизни видел только медяки – просто кидал на крыши слой нового сена и траву, которую сам же и накосил. Дети и женщины собирали в полях цветы и складывали в букеты, чтобы украсить окна и двери. Извилистые улочки посыпали песком, чтобы скрыть грязь после дождя.

Посередине площади стоял высоченный, натёртый парафином столб, на верхушке которого уже висели мешочки с готовыми угощениями и подарками. Вчера Альфред и другие послушники лично раскладывали в них фрукты и пряники. У подножия столба, собравшись дружной стайкой, чирикала местная детвора. Один из мальчуганов, самый сме-

лый и задиристый, шустро растолкал конкурентов и попытался забраться наверх, но заскользил на парафине и свалился на землю, а остальные окружили его и засмеяли. Бедолага только сурово посмотрел наверх и погрозил угощениям кулаком.

Послушник заскучал. Колокольная башня была самым бесполезным сооружением в Негерде – на город никто не нападал ни разу за всю историю его существования. А если бы кто и напал, что с того? В городе не было ни одного солдата. Они были здесь ещё с месяц назад, ходили, гордо сверкая начищенными железными латами с грифоном, гербом графа Корбела, к чьим землям примыкал Негерд. Но потом их хозяин почему-то приказал всем вернуться в Озёрный замок, что царапал высокими башнями небо на горизонте. Да и что здесь брать? Только товар торговцев шерстью да вином или зерно в местном амбаре.

Иногда, конечно, случались стычки между староверами и нововерами, но они решались быстро и по большей части почти без насилия. Хотя так было не везде. Например, в соседней деревне развернулась настоящая религиозная война, из-за которой едва не погибла половина населения. Но такие случаи были редки, потому как большая часть ремесленников решила быть терпимой по отношению к новым религиозным веяниям. У них были проблемы куда серьёзнее: как вырастить пшеницу, когда корни пожирают черви, чем кормить скот да как расплатиться с местным кузнецом за новые под-

ковы для кобылы, чем решать, чья вера правильнее. А монахи Святой благодати предпочитали осторожничать, наученные горьким опытом соседей, и старались быть в своих речах убедительными, но не настолько настойчивыми, чтобы вызвать к себе неприязнь и желание народа схватиться за вилы и факелы.

Ещё через час изнывающему от безделья Альфреду стало совсем невмоготу всматриваться в недвижимый горизонт и уже в который раз перечитывать выученный наизусть псалтырь – лучше бы его отправили прислуживать на кухне. К ярмарке там сегодня пеклись самые вкусные пирожки с картошкой, и можно было бы что-то украсть. А тут? Что тут? Одно – смотреть сверху на людей, что кажутся ползающими по земле муравьями, любоваться сверкающей золотой звездой на главной башне монастыря да ворон считать. И почему их сегодня так много? Будто кто выгнал их с насиженных мест, и все они не нашли ничего лучше, чем летать вокруг колокольни и громко каркать.

– Какие же лужёные глотки. – Послушник заткнул уши. – И кар! И кар! А ну, пошла! – Он замахнулся псалтырём на особенно крикливую птицу. Та в ответ лишь так же отчаянно каркнула, взлетела и села на соседние перила, глядя на человека без страха.

Издали нестерпимо тянуло гарью – наверное, где-то охотники опять поджаривают на костре свежую дичь, или в пекарне что-то сгорело. В животе заурчало.

– Я бы сейчас съел целую лошадь... – вздохнул Альфред.

Но день только начинался, а потому узнику колокольни оставалось ещё долго нести свой дозор.

Когда площадь наполнилась торговцами, а из-под навеса начали доноситься задорные, как детский смех, звуки свирели, с северной стороны быстро, как ураганный порыв перед грозой, налетел ветер и сдул две опоры шатра. Тот покосился, но не упал. До уха Альфреда донеслось эхо мужицкой брани, и к поломке поспешили работники с молотками. Отовсюду начали стягиваться горожане, готовые оставить на прилавках с тканями, посудой, вином и прочей снедью хорошие деньги. Последовал ещё один ледяной порыв и спугнул с Колокольной башни всех ворон – они, потревоженные вихрем, громко галдя, чёрной беспорядочной массой взмыли вверх и пропали. Какое-то непонятное движение рядом с деревьями у излучины привлекло внимание юноши, будто клубы дыма вздымались над землёй вдалеке, на юго-востоке. Он пригляделся. Туча двигалась к городу по песчаной дороге.

«Торговцы из Паденброга», – решил Альфред. Они всегда приезжали в Негерд по этому тракту. Странно, что в этом году они решили явиться так рано – ярмарка ещё только началась, а они прибывали обычно к вечеру, когда, сбросив первую партию товара, торговцы выкладывали на прилавки всё самое лучшее. Альфред пожал плечами: «И ладно. Чем больше людей, тем лучше. Всё равно половину из них пря-

мой дорогой приведёт в часовню к мироточащим статуям. Вот бы дали больше денег, тогда аббат разрешит кормить нас чем-то повкуснее жидкой просяной каши». Мальчишка сам прервал свои мечты, вызванные воспоминаниями о вкусной маминой стряпне, храни боги... Господь её душу, настолько теперь для него они были нелепы.

«А если нет, то, может быть, я куплю для монастыря хотя бы половину мешка соли». Мечтая о солёном привкусе еды, который ему когда-то всё-таки удалось ощутить, утащив щепотку соли из личного мешка аббата, Альфред просидел на перилах ещё несколько минут, потом вздохнул по несбыточному и уткнулся носом в свой потрёпанный псалтырь. Снова повеяло гарью.

– Что за невыносимая вонь? – Альфред высунулся из-под крыши наружу и снова устремил взгляд вдаль. Всадники остановились, но рядом с ними появилось странное сооружение непонятной формы, чем-то похожее на огромную катапульту, камнем из которой, если верить преданиям, король Дитман II когда-то победил Зло Серебряной горы. Или нет? Странно. Ничего не видно. Люди сгрудились вокруг – Альфреду было непонятно, что они делают. Он напряг глаза, стараясь различить действие вдалеке.

«Они будто... будто... Погодите...» Противный холодок скользнул по спине послушника. Ему удалось разглядеть их одежду. Все они были в доспехах, и кони их тоже. Первой мыслью Альфреда было, что это возвращаются воины гра-

фа Корбела, но его солдаты носили обычные железные латы и синие плащи, а эти были сплошь в чёрном с серебром, и плащи их были алыми, как у Ловчих. Но что отряд личной охраны короля делает так далеко от столицы? Хотя Альфред и жил в изоляции в келье монастыря, едва ли его стены могли оградить юного монаха от сплетен. Он слышал о Ловчих и об их предводителе, Влахосе Бродяге из Ровенны, чья рука исполняла любые приказы короля. И если этому человеку что-то понадобилось в их краях – жди беды. Ловчих боялись как огня, как чумы. Они, как ищейки, выискивали заговорщиков против короны и устраивали кровавые облавы, за пять лет существования вымарав свои имена в людской крови. Неужели в Негерде готовился бунт против короны? Но кем?

И что у всадников в руках?

И тут ледяные лапы испуга вцепились в горло мальчишки. Луки и факелы! Началось движение, и из того странного устройства, у которого суетились солдаты, в сторону Негерда полетели три серых предмета. Люди внизу зажгли наконец-таки стрел и прицелились в брошенные мишени. Послушник растерялся и отпрянул в сторону. Он никогда в жизни не видел нападения, и страх перед надвигающейся опасностью, которая вдруг возникла из ниоткуда и оказалась совсем близко, ударил его в самое сердце. Он вцепился в язык набатного колокола, и протяжный гулкий звон накрыл Негерд.

Привыкшие к спокойной жизни жители не сразу поняли,

что за звон разносится по округе, начали лениво оглядываться, возникла какая-то суета. Кто-то посмотрел наверх и увидел, как мальчишка-послушник суматошно дёргает язык набата, всё громче предупреждая об опасности. Три странных предмета, похожие на камни или набитые доверху мешки, уже оказались над крышами. Все замерли, словно застигнутые врасплох нерасторопные звери. Раздался оглушительный хлопок, похожий на взрыв. Снаряды полыхнули в небесной выси и пропали в яркой вспышке, ослепляющей, как тысячи солнц. Внезапно свет погас, и с неба посыпались капли. Они падали на землю беззвучным дождём, искрящимся на солнце серебряной паутиной. Ослеплённые люди сквозь пальцы глядели, как он опускается на них, подобно туману.

Через секунду совсем рядом раздался чей-то вопль. Кричал человек, чьей кожи коснулось это невесомое серебро. Крик нарастал, и вот уже кричали двое, трое, дюжина, десятки людей. Люди со страшным воем, будто отбиваясь от налетевшей стаи пчёл, метались из стороны в сторону, толкая друг друга. Их кожа начала покрываться кровавыми язвами. Ядовитое серебро прожигало тело всякого, на кого попадало, проходило сквозь тела, как раскалённый нож сквозь масло. Люди кинулись к шатру, началась давка. С краёв крыши, под которой всё ещё бил в набатный колокол испуганный послушник, капали сверкающие смертоносные капли, с шипением проедавая старую черепицу. Альфред видел, как изъеденные язвами люди сдирают с себя кровоточащую кожу,

и зажмурился. Внезапно дождь прекратился.

И тут сверху посыпались горящие стрелы. Сухое сено на кровлях вспыхнуло в ту же секунду. Одна из стрел угодила в крышу навеса и прошила его насквозь, найдя свою конечную цель в груди подмастерья торговца. Ткань вспыхнула, как сухая трава. Люди бросились врассыпную. Под натиском толпы столы опрокинулись, и все товары погибали под ногами испуганных людей, стремящихся найти безопасное место. Горящие ярмарочные шатры накренились и повалились на затоптанную траву. Люди спешили укрыться в домах, что были ещё не тронуты пламенем, кто-то бежал к монастырским воротам. На шум из монастыря выбежал всполошённый аббат. Земля под ногами уже дрожала от топота приближающейся конницы, и люди бежали к спасителю с мольбами о помощи. Священник поспешил раскрыть ворота шире, позвав на помощь нескольких подоспевших монахов. Люди же бежали и бежали, наступая на тех, кого до смерти или полусмерти сжёг огненный дождь. Кто похватал свои пожитки, а кто бежал налегке. Мужчины толкали женщин, дети спотыкались и падали. Аббату удалось протиснуться сквозь наступающую толпу, чтобы помочь одной женщине, каждое воскресенье посещавшей его мессы, но она шла к спасительному убежищу так медленно, что монах, грешным делом, подумал, что из-за неё сам не успеет в укрытие.

Всадники вторглись в город, чёрно-красной массой вгрызлись в Негерд, мечами и огнём пробивая себе путь вперёд

по узким изломанным улочкам, и уже жгли, кололи, рубили всё живое и неживое на своём пути. Несколько человек спрыгнули с лошадей и принялись выбивать двери домов. Они за шиворот выволакивали оттуда людей, не делая различий между мужчинами, женщинами, стариками и детьми, и казнили на месте. Альфред спрятался за перилами, где, не в силах отвести глаз от страшной картины, продолжал смотреть сквозь щели между балками, как убийцы разоряли дома. Опустошающее чувство вины сдавило его сердце. Ловчие были подобны стихии – как вода, они заполняли все улочки, неся за собой огонь и металлический блеск окровавленного оружия. Обречённый Негерд возопил десятками голосов. Альфред забился в угол и зажал уши, чтобы не слышать этого визга, будто там, внизу, резали сотню свиней. Раздался мужской крик и сразу прервался, Альфреду показалось, что кричал его отец, и к его горлу подкатил рвотный ком. Небо наполнилось чернотой и смрадом. Мальчик не хотел думать о том, успел ли кто-то спрятаться за монастырскими воротами и успел ли старик их закрыть, прежде чем войско добралось до убежища.

Аббат говорил: «Если ты веришь, то не будешь бояться смерти, потому что там, за чертой, тебя ждёт другая жизнь без бед и страха», но все эти мудрые слова уже вылетели из головы Альфреда. Он боялся, как затравленный зверь, и вжимался в деревянную стенку Колокольной башни. Ему было плевать на слова старика – всё его существо хотело

жить.

Между щелей в полу потянуло серым дымом, и Альфред в испуге отпрянул в сторону – Колокольная башня горела. Он знал ещё не все молитвы, но и они в тот же миг куда-то исчезли, уступив место впитанным с молоком матери старым напевам древних богов, которым поклонялись все его предки. Мальчик схватился за голову и зашептал себе под нос сбивчивые мольбы о спасении. Раздался громкий удар, звон искорёженного металла и грохот. Воздух наполнила новая волна криков и плача – всадники сломали монастырские ворота. Теперь жителям некуда было деваться. Затягвали какие-то псы, но их лай мгновенно сменился побеждённым визгом. На улицу выбежало несколько человек, но всадники догнали их и зарубили на месте.

Альфред не знал, как долго это продолжалось: полчаса, час, шесть часов или несколько минут, – он потерял счёт времени, – но, когда смолкли последние крики, убийцы исчезли так же стихийно, как появились, чёрной толпой уносясь обратно на юго-восток. Только тогда послушник смог выйти из укрытия.

Пол дымил чернотой и душил угаром. Отовсюду лезли языки пламени. Трясущимися руками Альфред вцепился в перила. Он осмотрелся в поисках места, куда ему можно было бы деться от наступающего огня, и его глаза остановились на соседней башенке монастырского амбара. Он горел – почерневшее дерево облизывали языки пламени, и крыша,

казалось, вот-вот рухнет, но всё ещё держалась на балках. Послушник, собрав всю волю в кулак, перелез через перила и прыгнул на сожжённую крышу. От удара его тела она треснула и обвалилась. Мальчишка отлетел от неё и кубарем свалился вниз, приземлившись на груды хлама, который остался от сожжённой телеги. При падении он задел головой торчащий откуда-то гвоздь и распорол себе щёку, но боли не почувствовал. Подол его одежды загорелся, и он затушил его голыми руками. Вытерев лицо, он увидел кровь, но не придал этому значения. Альфред встал и бросился к дому. Всё, что он видел вокруг, было разрушено и горело, повсюду лежали тела. Но больше вывернутого наизнанку уродства осквернённой обгоревшей человеческой плоти, послушника пугала звенящая тишина. Только ветер трепал сено да смердело сгоревшим мясом. Всюду на дорогах валялось людское добро: тюки с разорванной тканью, еда, шерсть, лежали пустые сундуки. Всадники забрали всё, что смогли увезти.

– Отец! – закричал мальчик, подбегая к родному крыльцу. – Отец!

Внутри был только огонь. Альфреду вдруг почудилось, что в ответ он услышал своё имя, и он попытался войти в дом, но его лицо лизнули языки пламени, и Альфреда откинуло назад. Поднявшись на четвереньки, он увидел за углом тело мужчины, лежащее поперёк коромысла. Всадники обезглавили его отца, когда тот пытался укрыться в дубильне. Альфред повалился на землю, зажав рот рукой, и завыл,

как зверёныш.

Вдруг как из-под земли перед послушником выросла какая-то девушка.

– Альфред! – Рыдая, она бросилась к мальчишке, упала рядом и прижалась к нему всем телом. – Альфред!

Он не знал, кто она, или не узнал из-за синяков и грязи на её лице, но обнял. Её платье было разорвано, а по лицу и ногам текла кровь.

– Они всех убили, Альфред! – едва слышно шептала она разбитыми губами. – Всех! Они только убивали. Они убили всех...

Ужас ознобом скользнул по спине юноши. Он обернулся и посмотрел в сторону монастыря. Ворота, сорванные с петель, валялись на земле, а внутри не было ничего, кроме пламени.

Глава 2

Кровавый король Ангенора

Король Осе не спал вторые сутки. Всё время с вечерних сумерек до первых лучей солнца он стоял у окна своей опочивальни в самой глубине замка Туренсворд и размышлял о последних новостях, принесённых лазутчиками.

Тучи сгущались над его головой. Человек, которого он никогда в жизни не видел, но о котором многое слышал, его кровный враг, набирал силы.

Королю сообщили, что один из городов Приграничья был полностью вырезан несколько дней назад. У него не было никаких сомнений, что это сделали солдаты его вассала, графа Корбела, с недавних пор перешедшего на сторону человека, который провозгласил себя истинным королём Ангенора. Лазутчики сообщали, что предатель уже присягнул новому королю и даровал ему свою армию. Причины внезапной лояльности графа к самозванцу умалчивались, но король Осе в них и не нуждался. Он знал, что рано или поздно протектер Приграничья переступит черту, ища способ отомстить коро-

не, но он не думал, что их личные счёты приведут к началу гражданской войны.

Если граф примкнул к Теабрану, то его владения, пусть незаконно, но присоединились к владениям Ложного короля, близ руин печально известного замка Лит, тем самым расширив его территории до реки Руна, служившей границей между центральной частью Ангенора и северными землями. Но что настораживало короля больше всего, так это то, что, по словам доносчиков, всадники напали на Негерд с юго-востока, тогда как Озёрный замок находился севернее. В таком случае солдатам Адариха Корбела необходимо было пересечь тракт между двумя сторожевыми башнями, Столпами, а это уже отбрасывало тень на несущих там дозор касарийских наёмников, которые в своё время были изгнаны самратом Ютгейром и присягнули королю Эдгару.

Осе тряхнул головой, отгоняя скверные мысли. Как эти воины могли перейти Приграничье и остаться незамеченными? Целый отряд на скакунах с катапультной пересёк часть Ангенора, и никто ничего не видел! Никто! Где были глаза у его шпионов? Налицо была измена. Измена!

Король видел в случившемся и свою вину, отчего ему становилось ещё горше думать о произошедшем. Несколько месяцев назад Осе поступился своим единственным принципом – решать проблемы путём переговоров – и отказал Теабрану в аудиенции, и теперь ему было жутко из-за того, что его отказ спровоцировал гибель невинных людей. Научен-

ный горьким опытом король больше не хотел, чтобы проливалась чья-то кровь.

Он знал этот город. Будучи ещё ребёнком, он вместе со своим отцом, королём Эссегридом, и старшим братом Эдгаром останавливался там на пути в Озёрный замок, когда отец собирался нанести визит графу Эрхарду Корбелу, отцу нынешнего хозяина замка. Отчего-то ему запомнился тот уголок, где дети играли у речки, а монахи, ведомые верой в Святую благодать, строили для себя небольшой монастырь.

Негерд был тихим уголком, где кроме ремесленников, которые ещё могли защититься – кто лопатой, кто молотом – из воинов были только люди графа. Если бы Осе знал, к чему приведёт его упрямство, под влиянием испуга перепутанное с решимостью, он бы принял этого убудка Теабрана и не пролились бы реки крови. Теперь же, когда бывший друг примкнул к его врагу, самопровозглашённый король северных земель принялся откусывать по кусочку от Ангенора, начиная с самых незащищённых уголков. Осе вдруг представилась страшная картина пылающего города.

Но, как бы ни грызло Огасовара изнутри чувство вины, король корил себя недолго. Очень скоро разум его начал искать доказательства того, что начало войне было положено гораздо раньше, чем он отказал Теабрану в личной аудиенции, а именно в тот день, когда он и его отец переступили порог Озёрного замка.

Именно тогда король Эссегрид «Золотой Щит» Роксбург,

гордо сидя на могучей спине облачённого в доспехи боевого ангенорского быка, увидел ту служанку, чьего имени и лица Осе не помнил, но которой было суждено сыграть главную роль в истории Ангенора. У короля ушло мало времени на то, чтобы увлечься этой девушкой и снова позабыть данную королеве клятву верности. По обоюдному желанию это произошло или же нет, но, когда королевское семейство покинуло замок, та девушка уехала домой, на север, в крошечный рыбацкий городок близ Голой башни на острове Валевор, чтобы родить того, кто через несколько лет наберётся силы и власти, дабы претендовать на трон самого могущественного из существующих государств.

Будучи незаконнорождённым сыном короля, а потому имея весьма спорные права на ангенорский престол, Теабран всё это время не показывал носа с Холодных островов, но смерть единственного законного наследника Осе развязала ему руки.

Были ещё две принцессы, но женщины наследовать альмандиновую корону не могли, и этот закон теперь только усугублял положение короля как единственного человека, который теперь стоял между самозванцем и троном. И если в младшей Ясне, родной дочке, Осе души не чаял и мечтал увидеть сияющую алыми искрами корону на её белокурой головке, то про дочь старшего брата Осе и думать не хотел. Ему становилось дурно, даже когда королева Суаве просто упоминала о ней.

Вечёра... Когда-то он назвал её в честь первой звезды, что появляется на небосводе с наступлением сумерек, именем, звенящим, как ночной хрустальный колокольчик, но теперь в этом имени ему слышался рокот надвигающейся бури. Когда-то он пытался полюбить её, но теперь всей душой желал, чтобы она умерла. Как же он хотел, чтобы она умерла, она, а не его сын!

Каждый раз, проходя мимо портрета Вечеры в Красной галерее, Осе останавливался и глядел на неё, как люди смотрят на пожар, уничтожающий их дом. Жестокая, лицемерная дрянь! И никто не мог убедить его в том, что она невиновна.

Когда король узнал, что Негерд разграблен, первым его импульсом было всё бросить и исчезнуть. Слишком страшно ему стало нести ответственность за искалеченные жизни, и только тень умершего брата не дала ему сдаться. Если бы только в нём была хоть толика храбрости Эдгара! Тревога не отпускала. Что же будет дальше?

Вчера он приказал привести к себе Гезу. Это была странная женщина, прозванная в народе Леди Полудня. Люди говорили, что она происходила из рода древних полулюдей-полубогов эллари, которые живут в глубине Перламутровых гор. Говорили даже, что Леди Полудня лично знала богов. Она жила за городской стеной, в глубине Редколесья, в небольшой хижине под сикомором, которую, как она утверждала, построил её покойный муж, и всегда заходила в город через Ворота Мира – самые громоздкие и тяжёлые,

отделанные железом, с многочисленными замками. Чтобы открыть их, необходимо было больше всего времени и усилий зрителей, а потому кроме особ королевской крови ворота не открывали ни перед кем. Кроме неё.

Эта совершенно седая, неестественно высокая женщина, которой на вид было чуть больше тридцати, но в чьих серебряных глазах читались несколько столетий прожитой жизни, всегда носила только белую одежду и никогда не надевала обувь, даже зимой. Она говорила, что её сила в земле, и потому она никогда не должна терять с нею связь. Она раскрашивала руки древними узорами с помощью красящих трав и готовила отвары и настои от многих болезней. Только она знала правильный рецепт приготовления «Слёз Скаки» – снадобья из дурман-травы, где всего одна лишняя капля одного из ингредиентов превращала снотворное в яд, а недостаток одной капли другого туманил разум людям, и безумный бог Глуас овладевал ими уже навсегда. И только она знала сотни рецептов ядов из солянума, которыми травили кто – крыс, кто – нежелательный плод, зарождённый в утробе женщины вне брака.

Но главный её дар заключался не в этом. Геза умела общаться с камнями, как люди общаются друг с другом, и будто бы этим даром её наградила сама богиня магии Чарна. Геза задавала вопрос, и камни рассказывали ей всю правду. За это её уважали и боялись. Ответы камней никогда не расходились с истиной. Именно Геза однажды, сжимая в руках два

бурых граната, как безумная, закричала на всю рыночную площадь, что Паденброг будет обезглавлен, а уже на следующий день город узнал, что принцесса Вечера ранила наследника трона.

Осе очень боялся услышать ответ на свой вопрос, но надежда на то, что боги скажут через камни, как ему поступить, билась в его груди раненой птицей.

Гезу нашли на площади Агерат, когда она натирала ступни статуй богов благоуханными маслами. Она знала, что король пошлёт за ней, и заранее взяла с собой мешочек с гадальными камнями. Услышав просьбу короля, она села на пол тронного зала и, нашёптывая что-то тихо-тихо, высыпала камни перед собой. Красный альмандин, камень династии Роксбургов, разбился на две половинки, едва коснувшись мраморного пола. Необычайно длинными и тонкими пальцами Геза бережно подняла их и выложила на разрисованной ангенорскими рунами ладони. Её лицо ничего не выражало, будто всё, что она видит в камнях, ей глубоко безразлично.

– У вас чистое сердце. Такие, как вы, становятся хорошими королями, но проигрывают войну. Королевство будет расколото, и произойдёт это быстро, мой король. – Её нежный, как шенойский шёлк, голос бабочкой порхнул над тронным залом и эхом отразился от белоснежных гладких стен.

– Оно уже расколото. – Осе потёр аккуратную рыжую бородку. – Мраморная долина всё реже интересуется дела-

ми королевства, полностью сосредоточив внимание на своих рынках и банках. Шеной уже полгода как прибрал к рукам Крак Виа де Монте и Скорпионью нору и считает себя отдельным государством, а не частью Кантамбрии. Они даже достали из сундуков старые знамёна – зелёное полотно с тремя белыми шелкопрядами! Проклятые торгоши! Север тоже потерял до самого Приграничья стараниями графа Корбела. Куда уж королевству быть более расколотым?

Геза, казалось, не заметила его раздражения. Она кротко покивала, опустила лицо и провела рукой по камням.

– Наследник династии сможет победить врага.

– Королева сможет ещё родить? – поднял бровь Осе, памятуя о последних тяжёлых родах королевы, когда она более суток не могла разродиться Ясной и, по словам повитухи, больше рожать не могла.

Геза раздвинула смешавшиеся в кучу обсидианы и янтарь и посмотрела на короля своими огромными серебряными глазами в обрамлении длинных белых ресниц. Её необычное узкое лицо одновременно пугало Осе и заставляло зачарованно смотреть на него.

– Нет, – сказала она, будто произнося приговор королевской семье. – Я не вижу продолжения рода королей по вашей крови.

И сердце короля будто пропустило удар.

– Но в ваших силах найти наследника.

– Я не отдам трон кому бы то ни было не из моего рода, –

стукнул по подлокотнику Осе. – Мои предки передавали корону от отца к сыну с самого начала династии. Кто я такой, чтобы нарушать эту традицию?

– Камни не говорят о безвозвратной потере вами королевской власти, но в вашем роду должен быть наследник. Я вижу обсидиан рядом с вашим камнем. Это молодой, смелый мужчина, юноша, благородной крови. Рубин говорит о том, что он, возможно, уже воевал или ещё только собирается.

– Я знаю, о ком ты говоришь, – сказал король. – Его зовут Роланд. Это жених моей Ясны. Но даже когда они пожениятся, всё равно прямой наследник появится не раньше, чем Ясна родит, а это значит, что нам нужно минимум три года. И то это только в случае, если её первенцем будет мальчик – и если самозванец даст нам ещё лет семнадцать. Но война уже на нашем пороге. Как наследник трона, по-твоему, может помочь нам, будучи младенцем?

– Я говорю не о младенце – малыш Ясны едва ли может спасти королевство. И я говорю не о Роланде. – Геза прикусила тонкую губу и призадумалась. – Хотя, безусловно, его камни я тоже вижу. Лунный камень, туманная яшма. Мой король, вы уверены, что хотите, чтобы этот человек стал мужем вашей дочери?

– А что говорят камни?

– Что вы колеблетесь, но всё равно не слушаете моего совета.

– Родители Роланда – мои друзья. Они помогли мне, когда

я только взошёл на престол после брата. Тогда против меня были почти все графы, потому что я не походил на Эдгара ни в чём. Если бы не эти люди, произошло бы восстание, а их поддержка помогла мне остаться у власти. Я обещал им, что наши дети поженятся. Я не могу нарушить обещание.

– Но почему не наследник южных земель? Его отец также поддержал вас и предлагал соединить в браке своего сына и вашу дочь. И его сын – юноша с чистыми помыслами и душой.

– Лаэтан? Сын этого двуличного безумца? – горько усмеялся король. – Побойся богов, Геза! Этот мальчик живёт в мире иллюзий, которые ему внушил его отец. Спроси у камней, каков Эрнан Монтонари, и ты меня поймёшь. Родители Роланда богаты, влиятельны и, что бывает редко, совершенно бесхитростны, до смешного предсказуемы и верны. В то время как Эрнан – интриган, ведомый только ему понятными мотивами. Он самовлюблён, азартен и непредсказуем. Я никогда не отдам свою дочь за сына этого кантамбрийца. Роланд – лучший вариант для моей Ясны, – король запнулся. – Они поженятся. Я так решил, а Ясна согласилась. Да, этот юноша вспыльчив, как его дед, иногда эгоистичен и заносчив, и, возможно, я бы предпочёл для своей дочери другого мужа, но этот молодой человек также силен, умен и обещает стать прекрасным воином.

– Вы убеждаете себя в том, что не соответствует истине, мой король.

Король тяжело вздохнул и задумался. Любого другого человека, который бы осмелился бросить правду ему в лицо, Осе в ту же секунду приказал бы кинуть в темницу. Но Геза знала, что к ней он и пальцем притронуться не посмеет.

– Я знаю, – обронил он, сжав губы. – Но, если выбирать между Роландом и Лаэтаном, я отдаю предпочтение первому, потому что поступки его родителей я вижу наперёд, а второй – стихия. Ни предсказать, ни усмирить. Даже наш казначей сбежал в Паденброг, подальше от власти Эрнана. Я не желаю, чтобы в наследниках моего трона текла хотя бы капля этой дикой крови. Роланд станет мужем Ясны. Я поселю их в замке, и он позаботится о ней и их будущем сыне, пока тот не вырастет и не унаследует мою корону.

– Тогда, если вы для себя всё решили, мой король, зачем же вы позвали меня? Чтобы я развеяла ваши сомнения? Но не эти ли сомнения уберегают вас от опрометчивого шага? Хотите знать, что боги хотят ответить вам на самый важный вопрос?

– Хочу.

Геза поднялась с пола и подошла к королю.

Подходить к Осе так близко имели право только приближённые к трону, но этой женщине он не посмел бы перечить, даже коснись она его.

– Возьмите. – Геза протянула ему мешочек с оставшимися камнями.

Король послушно взял мешок.

– Теперь подумайте, что спасёт королевство, какая сила окажется на вашей стороне и объединит его, и достаньте оттуда любой камень.

Осе не хотел принимать участие в гаданиях, потому что при всех своих регалиях правящего короля всё же не считал себя достойным личного общения с богами, но не посмел отказать Гезе. Он сунул тонкие пальцы в мешочек и вытянул оттуда первый же попавшийся камень.

Это был огненный опал.

– Вы знаете, чей это камень, мой король? – Ласковый голос ведьмы проникал королю в самую душу.

– Нет.

– Скоро узнаете. Очень скоро. Этот камень холоден, но этот холод лишь видимость – он обманчив. В нём хранится пламя, что бушует в душе этого человека. Его приведут сюда сами боги. Этот камень недавно нашёл своего обладателя и покинет его лишь со смертью. Он поведёт за собой народ на борьбу с тем, кто угрожает королевству, и люди пойдут за ним. Пойдут, потому что поверят. Вы сами только что своей рукой выбрали его. Это ваша судьба и его судьба.

Спокойствие этой женщины с серебряными глазами и её убеждённость в сказанном пробирали короля до костей, как лютый зимний мороз. Он более не мог выносить её присутствия, как если бы за спиной Гезы стояли и глядели ему в душу все боги и духи незримого мира.

Король приказал увести эту женщину.

Глава 3

Пурпурное сердце влюблённой принцессы

В день, когда Влахос должен был вернуться из Приграничья, служанка разбудила Ясну ни свет ни заря.

– Принцесса, вставайте! Уже утро! – полушёпотом произнесла она, склонившись над усыпанной золотыми волосами бархатной подушкой, и легонько тронула белоснежное плечико. – Принцесса Ясна!

– Что? – пробубнила сквозь сон девочка и лениво повернула светленькую головку. – Что случилось?

– Вы просили меня разбудить вас, когда дозорный скажет, что Ловчие уже близко...

Не успела служанка договорить, как принцесса вскочила, будто её окатили ушатом ледяной воды, и откинула шёлковое одеяло.

– Что-что?! Уже? Почему ты меня раньше не разбудила, глупая ты служанка?! – по-детски смешно возмутилась она

и потёрла заспанные глаза.

– Всадники ещё на горизонте, – поспешила та оправдаться. – Мне смотрящий на башне сказал, что они ещё там... – растерянно лепетала Ирма. – Не быстрее, чем через полчаса, они доберутся до Сумеречных Ворот, потом пересекут город и окажутся в замке...

– Ладно-ладно. – Ясна замахала руками, будто прогоняя назойливую муху. – Принеси мне воды.

Для всего двора этот день был самым обычным, но для младшей принцессы он обещал стать особенным, ведь сегодня после важного задания в Приграничье в замок возвращался Влахос, и Ясна уже порхала, как бабочка, в ожидании встречи. Она не видела его уже больше недели, и теперь её душа пела счастливыми трелями жемчужных скворцов.

Как она наивно полагала, никто в Туренсворде не догадывался о её увлечении Ловчим. И отчасти она была в этом права – разве что отец пребывал в блаженном неведении, почему его любимая дочка иногда бывает особенно взволнована и рассеяна, и никак не связывал это с моментами, когда Влахос Бродяга появлялся в её поле зрения. Придворные же лишь в самом начале забили тревогу из-за её пылкого увлечения наёмником, но сам виновник смутных домыслов, услышав озвученные подозрения, лишь засмеялся и по-прежнему оставался подчёркнуто вежливым с влюблённой в него дочерью короля, не скрывая своего к ней полного равнодушия. Кто-то молчал, кто-то снисходительно ухмылялся

её очевидным знакам внимания безродному солдату, кто-то понимающе качал головой, но все признавали одно – в этом увлечении не было ничего серьёзного, как и в предыдущих, и принцесса едва ли в последний момент наберётся смелости и отвергнет наследника Алого утёса.

Но Ясна была влюбчива и любила мечтать, пребывая в томительном ожидании Влахоса, и чем чаще реальность напоминала ей о женихе, тем отчаяннее она мечтала, что однажды Влахос из Ровенны украдёт её и увезёт туда, где её никто не заставит выходить замуж за заносчивого Роланда. Пусть в Перевёртыши, пусть в Долину чёрных деревьев, лишь бы подальше от её клятвы отцу. И пусть этим мечтам не было суждено стать явью, в них Ясна находила своё маленькое надёжное убежище, где она часто укрывалась от реального мира.

Служанка помогла ей умыться, расчесала её длинные, едва тронутые рыжиной волосы и заново вплела в них белые ленты. Ясна долго перебирала сундуки с платьями, выбирая между атласом и бархатом, золотой вышивкой и серебряным кружевом, пока не остановилась на нежно-голубом шёлковом платье с белыми кружевными рукавами до пола. «Ему должно понравиться», – решила она. Это было её самое лучшее платье, подаренное на прошлый день рождения графом южных земель; к тому же в нём, как говорили льстивые придворные, Ясна походила на богиню ветра Доран.

Аккуратно зашнуровав корсет, Ирма помогла своей прин-

цессе перетянуть талию красным кушаком, который украшали серебряные цветочные узоры. В Ангеноре до своего расцвета девушки не носили пояса, но в день, когда они переставали быть детьми, им повязывали на талию алый кушак – знак созревшей красоты. Ясна расцвела поздно, почти в четырнадцать. Мама очень из-за этого переживала, а Геза говорила, что если богине-матери Беркане угодно, чтобы принцесса вступила в пору расцвета поздно, то так тому и быть. Однажды до короля дошёл слух о порче, и перепуганный отец приказал принести в жертву богу здоровья Венё одну пятую урожая хлопка за месяц. Такого огромного костра Ясна ещё не видела никогда в жизни. Языки этого пламени, казалось, лизали небеса над площадью Агерат, будто на землю упала и продолжала полыхать огромная комета. А через два дня Ясна узнала, что она уже больше не ребёнок. Когда мама впервые надела на неё алый кушак, Ясне казалось, что все придворные смотрят на неё, и ей становилось стыдно, как если бы она прошла по Туренсворду в плаще из окровавленной простыни. Но позже она привыкла и теперь смиренно ожидала того момента, когда после свадьбы сменит красный кушак на зелёный.

– Вы выглядите чудесно, – любовалась принцессой служанка, когда та придиричиво разглядывала своё отражение в зеркале. От бабушки по материнской линии Лейветты Ферро Ясне досталось простое открытое лицо, главным украшением которого служили юность и свежесть, но, как все де-

вушки её возраста, младшая принцесса находила в нём массу несуществующих недостатков. Втайне она мечтала быть похожей на Вечеру, которая, в отличие от сестры, унаследовала скульптурную внешность Роксбургов. Ясна считала её красивее себя и тайно завидовала сестре. Она видела, как мужчины заворожённо смотрят на Вечеру, и ей хотелось, чтобы они смотрели на неё точно так же. Ясна чувствовала себя каплями росы рядом с пригоршней бриллиантов.

Из окна её спальни был виден внутренний замковый двор и Сумеречные Ворота в городской стене, выходящие на подъездную дорогу, по которой должен был приехать Влахос. Он никогда не возвращался в замок через Ворота Воина, через которые обычно проходили Королевские кирасиры или пешая армия Паденброга. Влахос и его люди, в отличие от солдат, редко покидали город, а служили по два-три человека, патрулируя ночные улицы. Когда они нет-нет, да и покидали пределы Паденброга по распоряжению короля, открывать из-за пары-тройки всадников массивные ворота было слишком долго и сложно, а Сумеречные ворота были меньше и легче даже Ворот Воина. И, в конце концов, Ловчие не были Гезой, чтобы даровать им особые привилегии.

Туренсворд был полон солдат. По всему периметру зубчатой настенной галереи располагались пушки и онагры, ярусом ниже – ряд катапульт, во всех бойницах каждой из караулен, выстроенных в форме многоугольников, стояли арбалетчики, а на верху открытых надвратных башен ждали

своего времени бочки для кипящего масла – король буквально наводнил замок охраной после известий о предательстве графа Корбела. В самом большом внутреннем дворе между бычьим загоном и северной частью донжона ещё при короле Эдгаре пристроили Ласскую башню, предназначавшуюся для жителей замка, которые бы спрятались в ней в случае нападения. Над землёй виднелась лишь одна треть сооружения, в то время как большая часть башни уходила глубоко под землю. Сейчас там располагались казармы Королевских кирасиров, арсеналы и большая кухня. Сама башня соединялась с донжоном длинной открытой галереей.

Пока служанка застилала постель, Ясна стояла у окна и глаз не сводила с замковых ворот, ведущих во внутренний двор. Приятное волнение томило грудь. Одна минута тянулась как десять, а десять – как целый час. Ясна вся извелась в ожидании и терзала кружевной рукав. Служанка предложила принцессе скоротать время за вышивкой, но Ясна от волнения не смогла даже вдеть нитку в иголку. Замок начал просыпаться, и коридоры за дверью наполнялись звуками шагов, разговорами и смехом. И тут с улицы донёсся знакомый цокот. Ясна белкой бросилась к окну. Подъездные ворота отворили двое слуг, и внутрь, гордо восседая на вороном жеребце, въехал всадник в чёрных доспехах, за его спиной развевался алый плащ из тяжёлого шёлка. Отсюда было плохо видно его лицо, но длинные, совершенно седые волосы, забранные кожаным шнуром в хвост на затылке, выдава-

ли в нём Сеара, старшего из отряда Ловчих. Ясна разочарованно вздохнула. Этот поджарый наёмник был вовсе не тем, кого она ожидала увидеть. Перед собой Сеар держал неизвестного юношу в чёрной одежде. Ясна уже видела такую на отце Ноэ, который несколько лет назад пришёл в Паденброг из самого Пустодола и теперь служил духовником королевы Суаве.

«Это, наверное, выживший из Негерда...» – подумала она.

Не успела принцесса закончить свою мысль, как в ворота стрелой ворвался другой, такой же вороной и тонконогий скакун. Ясна узнала всадника – это был Влахос, – и её сердце застучало быстрее. Перед ним, вцепившись в поводья, закутанная в плащ, красным коконом сидела девушка, и Ясну уколола ревность. Молодой наёмник подозвал к себе одного из слуг, сказал ему что-то, и тот помог девушке выбраться из седла. Слуга повел её в сторону донжона, а сам Влахос направил своего коня к небольшому, выложенному бело-красной мозаикой, фонтану у стены, чтобы напиться чистой воды после долгого пути по ангенорским долинам. Принцессе понадобилось всего несколько минут, чтобы выбежать из спальни и, распугивая стремительным бегом придворных, оказаться у входа в королевские конюшни.

Там, в глубине, находились стойла для скакунов северных наёмников. Ясна точно знала, что Влахос придёт сначала сюда, чтобы оставить своего коня, и лишь потом поднимется

к королю. Юркнув в глубину пропахшей конским потом и сеном конюшни, Ясна притаилась за дальней колонной, на которой на крюках висели сёдла и стремяна. В далёком детстве, когда они с Инто, сыном конюха, ещё не совсем понимали, насколько глубока пропасть между ними, они часто прятались здесь от слуг и хрустели яблоками, покатываясь со смеху, когда те вместе с няньками сбивалась с ног в поисках принцессы. Теперь же, повзрослев и полностью игнорируя существование старого друга, принцесса появлялась здесь только тогда, когда хотела проследить из-за укрытия за Ловчими.

Отсюда был хорошо виден вход, и Ясна замерла в ожидании.

Меньше чем через минуту в конюшне появился Вламос.

Ясне было шестнадцать, и она уже давно начала обращать внимание на окружающих её мужчин. Ни о каком фривольном общении с ними речи не шло, как не шло речи и о недостойном флирте, который себе позволяли придворные дамы, но и она всеми силами старалась обратить на себя внимание сильного пола не как принцесса крови, с которой принято быть обходительным, а как девушка.

Ясна часто влюблялась. Первым её избранником стал придворный художник, что несколько лет назад писал её детский портрет для Красной галереи, но с окончанием его работы куда-то пропало и её увлечение. Вторым был кто-то из стражи, его имя Ясна забыла в тот же день, когда узнала, что он

женился. Третьим был кто-то из торговцев шёлком из Кантамбрии, потом Альвгред, сын легата Королевских кирасиров, пятым стал менестрель, который часто пел на площади Агерат, пока его не поймали на воровстве и не казнили, и вот теперь её взор пал на молодого командира Ловчих.

Эти северяне были вообще не похожи на ангенорцев. Длинноволосые, как чародеи, с бледной кожей – они больше походили на племя воинственных ночных лесных охотников из легенд о рыцарях и колдунах, чем на людей. Только их чёрнёные доспехи не сверкали в лунном свете, а вместо изящного лука и стрел они использовали клинки, которые называли «Летучая мышь» из-за особого вида рукояти, напоминавшей раскрытые крылья маленького кровососа, да спрятанную в левом рукаве гарроту. Но, сколько бы дамы не восхищались их тонкими, но мужественными лицами, для Ясны ни один из них не был так же красив, как их предводитель. Она не сомневалась, что имя Влахоса на языке его народа значит что-то такое же гордое, как и его обладатель, но спросить стеснялась – как, впрочем, стеснялась вообще заговорить с личным охранником отца.

Принцесса затруднялась предположить, сколько ему было лет, но Влахос был далеко не самым старшим из своего отряда. Куда старше его был Сеар, но и этот седовласый воин, как и всё их племя, беспрекословно подчинялся молодому командиру. Временами лицо Влахоса казалось Ясне совсем юным, как у Инто или Гарая, королевского лекаря, а време-

нами это было лицо взрослого мужчины, прожившего целую жизнь. Может быть, причиной тому служила ранняя седина, которая то тут, то там серебрила его волнистые чёрные волосы, а может быть, морщины, которые глубокими бороздами пересекали его лицо в уголках глаз, когда редкая улыбка трогала его губы, такие тонкие, что поцелуй он девушку, они бы разрезали ей лицо, как нож – бумагу. Этот смелый мужчина напоминал ей сразу и принца-Сокола, убившего забавы ради любимую соколиху бога леса, и потому обречённого до окончания времён каждую ночь оборачиваться огромной хищной птицей, и воина Ильдерада, который катит в гору каменный щит, чтобы закрыть им солнце и луну и во тьме увидеть свою возлюбленную Одени. И Ясна любовалась иноземцем, отдаваясь иллюзиям и красивым смелым мечтам, краснея, как дурочка, когда Влахос замечал на себе её взгляд.

Ясна боялась представить, что пережил он и его люди, когда войска Теабрана выжгли его город дотла. Однажды она упросила Сеара рассказать ей об этом. Седой наёмник не хотел беречь старые раны и сказал только то, что Влахос был главнокомандующим войск Ровенны, главного замка долина Гирифора, что возвышался над обрывом у Залива горящего неба. Однажды он получил вести с юго-западной границы, что через дельту Скрытой реки к замку князя Ээрдели идёт вражеская армия в несколько десятков тысяч вооружённых солдат, собрал всю армию и повёл остановить врага прежде, чем он подойдёт слишком близко к городу. Но когда Влахос

и его люди пришли на место, они увидели лишь голые поля и ни души вокруг. Оказалось, что шпионы Теабрана перехватили его людей и отправили вести о нападении от их лица, направив войско Влахоса по ложному следу. Когда он понял свою ошибку и повернул обратно, было уже поздно – враг прошёл через Керестайские горы и напал. Ровенна была сожжена, а в городе хозяйничали воины Ложного короля. Влахос предпринял попытку отбить город, но войско захватчика превосходило его вдвое, а их страшные машины, которые Сеар раньше никогда не видел, жгли людей живьём, превращая их тела и железные доспехи в обугленные головешки меньше чем за минуту. Армию Влахоса разбили, и оставшиеся в живых были вынуждены спасаться бегством. После месяцев скитаний по соседним землям северным бродягам повстречались воины под предводительством Согеяра – тот вёл своих людей перехватить кочевое войско, о котором королю Осе сообщили лазутчики. Именно легат Королевских кирасиров приказал отвести измождённых скитальцев в Паденброг, где в обмен на помощь, еду и крышу над головой Влахос и все его люди присягнули королю Осе.

Поначалу Влахос был единственным при дворе, кто никогда не кланялся королю, что Огасовар принимал за неуважение, но скоро Влахос, как и все, научился чтить обычаи нового дома. При дворе его люди выполняли разные задачи. Часть наёмников распределили между легатами и отправили в разные части Ангенора для охраны ближайших го-

родов. Часть осталась в Туренсворде обучать ближнему бою молодых кирасиров, часть пополнила войска лучников Гаала. Влахос же и несколько людей, которым он особенно доверял, стали охранниками королевской семьи.

Дело в том, что почти сразу после коронации Осе в городе прошла волна бунтов – народу не нравились новые законы о налогах на содержание армии, которая в последнее время кроме всадников на быках и инженерных войск состояла сплошь из наёмников с юга и запада. Сначала это были мелкие потасовки на рыночной площади, на которые любой правитель на месте Осе посмотрел бы сквозь пальцы, но однажды разгорелось настоящее восстание. Это были дубильщики кожи, не согласные с указанием короля повысить цены на сырьё. Когда король с принцессами и принцем ехал в карете на площадь Агерат возложить дары к ногам богов, толпа напала на них и начала раскачивать карету. Кто-то кинул в окно бутыль с едкими щелочами. В ход пошли топоры и камни, залязгали ножи. В этот момент подоспел Влахос. Пробивая себе путь клинками, ему и его людям с трудом удалось отбить королевскую семью у взбесившейся толпы прежде, чем карету разрубили топорами.

Осе до сих пор помнил безумие в глазах этих людей, которые смотрели на него, как на воплощённое зло, и не хотел больше рисковать. До него ни один из королей не пользовался охраной, теперь для Роксбургов настали совсем иные времена.

Осе доверял Влахосу безоговорочно и абсолютно, а тот был благодарен королю за дом и пропускал мимо ушей обидное прозвище Бродяга, которым его нарекли придворные. В отличие от остальных наёмников, которые довольно быстро обжились на новом месте и уже успели жениться и обзавестись детьми, их предводитель этого делать не спешил, неся бремя одиночества как наказание за смерти тех, кого он когда-то оставил без защиты. И эта добровольная аскеза ещё больше разжигала в груди юной принцессы пылкое желание оказаться той самой, кому он «отдаст своё страдающее сердце».

Сейчас, притаившись за колонной, Ясна во все глаза глядела, как Влахос ухаживает за своим конём. Его скакун был самым высоким из всех. Мощное тело, длинная шея и невероятно тонкие ноги с копытами, по северному обычаю выкрашенными в изумрудный цвет, как полотно флага долины Гирифор, – скакун создавал впечатление невероятной силы и лёгкости, как стрела на натянутой тетиве. Рядом с ним топталась кобыла Ясны Ситри, которая казалась крошечным пони рядом с северным красавцем. Лагор, конь Сеара, уставший и ждущий конюха, который сотрёт с него пену, стоял позади Ясны и тыкался мордой ей в спину. Он хотел получить припрятанное принцессой яблоко, которое унюхал у неё в кармане. Ясна бросала на него грозные взгляды и дёргала плечом. Наконец настырное животное издало обиженное ржание, цапнуло девушку за шею и схватило зубами

прядь светлых волос. Ясна испуганно завизжала.

– Кто здесь? – Встревоженный Влахос бросил своего коня и поспешил вглубь загона. Живя в Ангеноре пять лет, он всё ещё говорил с грубым гирифорским акцентом, из-за которого в его словах всё время слышалось шипение змей.

Командир Ловчих мгновенно оценил масштаб бедствия, выругался и принялся оттаскивать вредное животное от жертвы. Лагор упирался и продолжал жевать белокурые волосы.

– Пусти её! Пусти!

– Ай, больно! – Ясна, напуганная возможностью лишиться части головы из-за собственной оплошности, дёрнула зажёванные пряди. Лишь через минуту Лагор внял словам предводителя Ловчих, фыркнул, заржал и выплюнул волосы принцессы.

– Вы в порядке? – спросил Влахос, заталкивая коня подалее в стойло.

– Он мне волосы выдрал! – жаловалась принцесса. – Вырвал с корнями!

– Нет, не вырвал. – Влахос взял в руки пожёванные мокрые пряди. – Только пожевал и намочил слюнями. Смотрите.

– Нет?

– Нет. Всё в порядке.

Действительно, все волосы принцессы остались на месте, но выглядели ужасно. Ясна облегчённо выдохнула.

– Слава богам! Я же могла остаться без волос.

Влахос повёл бровью.

– Лучше вам отдать ему угощение, – посоветовал наёмник, – иначе он снова захочет вас укусить.

Ясна замерла, как застигнутая врасплох.

– Яблоко в вашем кармане. – Влахос указал взглядом на её юбку с потайными карманами в складках. – Он всегда так себя ведёт, когда чувствует их рядом. Это его слабость.

Ясна поджала губы. Она приготовила это яблоко вовсе не для Лагора, она хотела отдать его совсем другому коню.

– А если он откусит мне палец?

– Не откусит. – Аквамариновые глаза мужчины скользнули по её лицу. – Обещаю.

Влахос снял перчатку, обнажив длинные пальцы, исцарапанные мелкими порезами от рукояти Летучей мыши. У его бедра, прямо под поясом, блеснула позолоченная маска в виде змеиной морды с чёрными глазницами. Эти маски Ловчие надевали во время ночного дозора, и они очень пугали впечатлительную Ясну, будто Ловчие вовсе переставали быть людьми.

Ясна смущённо достала из кармана юбки спелое красное яблоко. Лагор заинтересованно затоптался на месте и замотал головой.

– Отдайте вы, – попросила она. – Я его боюсь.

Ясна протянула Влахосу яблоко, но мужчина взял её руку, так что щёки девушки вспыхнули румянцем, и протянул её коню. Тот быстро лизнул пальцы принцессы и жадно прогло-

тил угощение. Это было щекотно и мокро – забавное ощущение. Ясна засмеялась и попыталась убрать руку, но Влахос её удержал.

– Дайте ему доесть, иначе он обидится и в следующий раз пнёт вас копытом.

– Он вас пинал?

– Бывало. Он не трогает только своего хозяина. Никогда.

Расправившись с угощением, Лагор в ту же минуту потерял к принцессе всякий интерес и отошёл в глубину стойла.

– Если честно, это яблоко я приготовила для вашего коня, – призналась Ясна, вытирая руку пучком сена. – Он же любит яблоки?

– Багрян любит есть их из рук принцесс не меньше Лагора. – Интонация, с которой ответил Влахос, не давала принцессе шансов понадеяться, что он не заметил её смущения. – Но, боюсь, он уже сыт. По пути из Негерда мы останавливались на постоялом дворе близ Столпов, благодарю. – Влахос легко поклонился и отошёл к своему скакуну, который терпеливо ждал у своего стойла. Конь повернул к нему голову и начал ласкаться, подставляя нос хозяину.

Влахос прошептал ему что-то так, как если бы конь был не животным, а его другом или братом, и Багрян дёрнул ухом. Как же Ясне хотелось его понимать, но на просьбу научить её их языку все до единого северяне ей отказали.

– Я чем-то ещё могу вам помочь, моя принцесса? – Влахос отвлёкся от скакуна и повернулся к Ясне. Титанически-

ми усилиями воли принцесса загнала девичий трепет перед этим мужчиной в дальний угол своей души и спросила:

– А можно его погладить?

– Он весь в поту – вы испачкаетесь.

– Мои волосы только что жевали, и руки испачканы слюнями. Не думаю, что стану ещё более чумазой.

– Как пожелаете. – Мужчина решил уступить желанию принцессы.

Она подошла к коню, и тот послушно подставил ей голову. Ситри ревниво заржала.

– Он же меня не укусит?

– Багрян не кусается.

Когда ладонь принцессы коснулась гладкого мокрого конского виска, Багрян покосился на неё янтарным умным взглядом.

– Вы ему нравитесь.

Под рукой принцессы забилась жилка.

– А что значит имя Багрян?

– Закат, – ответил Влахос и поправил съехавший в сторону хомут, – по-вашему это закат.

– Красивое имя. Вы сами его так назвали?

– Нет.

– А кто?

– Один человек, который был мне когда-то близок.

Она хотела спросить – его ли это невеста, которая, возможно, погибла при нападении Теабрана на Ровенну, но про-

молчала.

– А что значит имя Лагор?

– Пламя. Так в Ровенне называлось пламя факелов, которые зажигались на горной цепи, когда соседние земли предупреждали о нападении со стороны.

– А что значит ваше имя? – Ясна будто пропустила это объяснение мимо ушей.

– Мм?

– Влахос. Что значит это имя?

– Его значение совсем не так поэтично. Почти как «бродяга».

– Разве? – Ясна удивилась. – Мне интересно.

Мужчина немного поразмыслил.

– Нет-нет, – покачал он головой. – Я слишком долго работал над тем, чтобы впечатлить вас своей отвагой, чтобы всё разрушить единственным словом.

– Мое имя тоже не особенно поэтично. – Принцесса скривила смешную мордочку. – Это имя звезды в созвездии Волка – разве это имя для принцессы? – искренне посетовала она. – А всё потому, что отец в юности увлекался астрономией. Помимо этого, он ещё любил и поэзию. Никогда не понимала, почему он не назвал меня в честь одной из героинь его любимых книг или королей нашей династии? Например, в честь королевы Сегюр. Мне кажется, это имя для настоящей королевы.

– Может быть, потому что королева Сегюр была безумна

и после смерти мужа не давала похоронить его в Долине королей, а, когда его всё же у неё забрали, она утопилась в Руне в том месте, где сейчас стоит мост её имени? А все героини книг – лишь плод воображения автора?

– И ими восхищаются.

– Вами тоже. Абсурдно жаловаться, что вас не назвали в честь героини какой-то книги, когда этих героинь называют в вашу честь.

– И они всегда прилежны и нежны, как цветы. Всегда смущаются и задыхаются от прикосновения возлюбленного.

– А вы разве нет?

– Я намного смелее, чем они, и никогда бы не смутилась в присутствии любимого.

– И, надо полагать, в вас живёт дух бунтарства?

Ясна поджала губы. Ещё никогда она не чувствовала себя более глупо. Её смущение вызвало у Влахоса лишь снисходительную улыбку.

– Вы разрешите? – спустя пару секунд тихо спросил он. Умные глаза смотрели в лицо принцессы, и непривычная улыбка играла на его губах.

– Что?

Влахос внимательно посмотрел принцессе в лицо и подался вперёд. Лицо Ясны вспыхнуло краской, когда лицо мужчины вдруг оказалось совсем близко от неё. Он поднял руку, будто желая провести пальцами по её щеке. Это будет самое желанное прикосновение за все шестнадцать лет жизни Яс-

ны, а ведь она совсем не готова к такому проявлению чувств. Так, значит, она ему тоже нравится? А что скажет отец, если узнает? Она никому не скажет, никогда. Сохранит это в тайне... Но Влахос лишь расстегнул защёлку на подпруге Багряна позади принцессы. Он заметил её разочарование и стыд – Ясна не Вечера, все её чувства отражались у неё на лице, и мужчина нашёл в этом странное удовольствие.

– Прошу меня простить, – сказал он, сдерживая ухмылку, – но сейчас меня ждёт ваш отец. Да и ваши слуги, наверное, уже ищут вас по всему дворцу. Идите к ним, иначе все решат, что вы здесь из-за меня. Но мы же с вами знаем, что это не так. Верно, моя принцесса?

С этими словами он легонько шлёпнул Багряна по шее и вышел на улицу, оставив животное подоспевшим конюхам. Они удивились, увидя принцессу в полутьме стойла, и начали кланяться, но Ясна поспешила избежать их учтивости и вернулась к себе в комнату тем же путём, каким и пришла. После встречи с Влахосом её переполняли самые разные чувства, и она с трудом могла устоять на ногах. Он ей нравился гораздо больше, чем позволялось наследнице трона.

Глава 4

Сложное решение

Пока уставшие после долгой дороги дети ожидали в коридоре, Влахос передавал королю не самые приятные вести с окраин Ангенора.

– Боюсь, что мы имеем дело не с изменой, – заключил он, кратко изложив свои наблюдения. – Мы были в Столпах и говорили с Хранителем и его дозорными – они ни при чём.

– То есть как? – удивился Осе. – Ты хочешь сказать, что целое войско прошло перед их носом и никто не увидел в этом ничего удивительного? Если это не измена, тогда что? На всех касарийцев внезапно напала слепота?

– Нет, они не ослепли, мой король. Они были обмануты. Король ошетинился при слове «обмануты».

– Поясни.

– Помните тот случай после восстания кожевников, когда один известный нам человек, подкупленный Теабраном, сразу после вашего временного отбытия в Мраморную долину передал легатам неверный приказ о казни пойманных под-

стрекателей?

Осе старался не вспоминать тот ужасный день, который оставил на его имени несмываемое пятно позора. Но слова предводителя Ловчих заставили его мысленно вернуться в то утро, когда гонец донёс ему вести, что все мятежники, согласно его же приказам, были замучены и казнены, а их тела оставлены висеть вдоль стены арены на радость воронам. Конечно, король, как только вернулся в город, распорядился снять покойных и немедленно захоронить, так как прекрасно понимал причину, которая побудила этих людей устроить восстание, но ему не давала покоя мысль, кто мог дать его солдатам фальшивый приказ. Предателем оказался помощник Согейра, легата кирасиров, который оценил свою верность короне в один мешок золотых монет с клеймом в виде лилии. Его поймали при попытке бегства из города среди ночи под предлогом патруля, допросили и получили признание, однако и его публичное повешенье не спасло Осе от прозвища Кровавого короля.

– Такое сложно забыть.

Влахос продолжил:

– Так вот, по всей видимости, Теабран и его шайка стали лучше продумывать свои действия. Когда мы с Сеаром прибыли в тот город...

– Негерд, – перебил его король. – Этот город назывался Негерд.

Ловчий исправился:

– Когда мы с Сеаром прибыли в Негерд и нашли в амбаре выживших, они напали на нас. Конечно, они были безоружны, но девчонка так брыкалась, что рассекла Сеару бровь какой-то палкой.

– И что? – пожал плечами король. – Они ведь были напуганы.

Влахос согласно кивнул.

– Безусловно. Но давайте представим себе ситуацию: скажем, на вас среди леса нападают разбойники, но вам удаётся сбежать. Вы стремглав бежите по лесу, выбегаете на просеку и случайно сталкиваетесь с проезжающими мимо благородными всадниками. Вы станете на них нападать?

– Нет, – ответил Осе, хотя приведённая аналогия показалась ему несколько неуместной.

– Верно, вы попросите помощи.

– Скорее всего.

– А если на их месте окажутся оборванцы с топорами и верхом на плешивых клячах?

– Постарался бы спрятаться. Они могли быть такими же разбойниками.

Влахос развёл руками, будто только что объяснил королю что-то и без того очевидное.

– Теперь вы понимаете, о чём я говорю? – Он многозначительно приподнял брови. – Эти двое приняли нас за тех всадников, что сожгли их город и которые якобы вернулись, чтобы добить тех, кто остался в живых.

Король нахмурился и заёрзал на троне.

– Но почему?

– Об этом вам лучше расскажут они сами.

– Где они?

– Ожидают за дверью.

– Введи их.

Влахос прошёл к двери и жестом указал Сеару впустить выживших.

Осе ожидал увидеть кого угодно из тех, кто силой смог отбиться от нападавших, но никак не двух детей. Девушке, такой же беленькой, как его Ясна, на вид было не больше шестнадцати. Мальчишке, возможно, чуть больше. Оба, перепуганные и грязные, кротко опустив глаза, пересекли тронный зал и остановились у трона, устало преклонив колени. Вокруг худенького тела девушки всё ещё был обёрнут алый плащ Влахоса.

«Как похожа на Ясну», – король обратил внимание на очевидное внешнее сходство девушки с дочерью, и ему стало совсем худо смотреть на неё, будто перед ним в крови и грязи, униженная и избитая, стояла его родная дочь. Мальчишка же был молодой копией отца Ноэ, от коротко стриженных волос до монашеской рясы из грубой чёрной ткани. Глубокий порез на щеке, наспех замазанный мазью из трав и масла, уродовал его простое деревенское лицо.

– На них были чёрные доспехи, – говорила девушка слабым от усталости голосом, отвечая на вопрос короля,

и украдкой взглянула в сторону Влахоса. Тот молча кивнул ей, давая понять, что бояться нечего.

– И красные плащи с серебряными застёжками, как у вас, – сказала она Влахосу, и слёзы снова потекли у неё по исцарапанным щекам. – Простите, я не хотела на вас нападать, но те!.. Те всадники были точно как вы! Даже у их коней были такие же доспехи и изумрудные копыта! Я не хотела, простите!

– Тебе не за что просить прощения, дитя, – попытался успокоить девушку король. – Здесь этих всадников нет, а Влахос не причинит тебе вреда. Так с какой стороны они напали на Негерд?

– С юго-востока, мой король, – ответил послушник. – Я сидел на Колокольной башне и видел, как они пришли с юго-востока.

– Ты уверен?

– Да. По той же дороге на ярмарку каждый год приезжают купцы из Паденброга. Поэтому я не сразу зазвонил в колокол, я думал, что это они, а когда увидел, что это вооружённые воины, было уже поздно. Слишком поздно. Это я во всём виноват, мой король. Это только моя вина.

– Не думаю, что всё сложилось бы иначе, зазвони ты в набат на пару минут раньше, монах. Ты сделал то, что должен был. Твоей вины здесь нет.

– Но боги меня теперь накажут.

– Боги? – изумился король. – Я думал, ты исповедуешь

новую религию.

– Бог, прошу прощения. – Альфред стыдливо побагровел. – Бог меня теперь накажет.

Осе тяжело вздохнул.

– Можно ли мне задать вам вопрос? – Послушник поднял глаза от пола.

– Да, монах.

– Наш дьякон. Он выехал в сторону Паденброга за несколько дней до нападения, чтобы попросить о ссуде для нашего монастыря. Он здесь? Вы его видели?

Осе нахмурился.

– Не припомню такого. Ко мне никто не приезжал из Приграничья уже несколько месяцев.

Альфред потупил взгляд.

– Ладно, идите, – сказал король, жестом подзывая слуг. – Я прикажу приготовить вам комнаты. На кухне вас накормят. Потом решу, что с вами делать.

Когда послушник и девушка проходили мимо Влахоса, она обернулась и одними губами сказала ему: «Спасибо». Тот ответил лёгким кивком и, пожалуй, задержал на ней взгляд чуть дольше, чем следовало, что не ускользнуло от внимания Сеара.

Когда дверь за ними закрылась и мужчины остались один на один, Осе поднялся с трона и прошёл к длинному занавесу, отделявшему тронный зал от балкона. Он отодвинул тяжёлую ткань и посмотрел на уже давно проснувшийся го-

род внизу, готовый начать свой обычный день. Лёгкая дымка уже подёрнула горизонт. Тёплый ветер пах кровью и переменами.

– Похоже, что дело обстоит куда хуже, чем я предполагал, – с тяжёлым сердцем подытожил он. – Ты можешь развеять мои опасения, Влахос?

– Боюсь, что нет, мой король. Теабран заставил все земли говорить о том, что вы направили моих людей сжечь Монастырь-на-Руне.

– Глупость какая! – взорвался возмущением Осе и с силой задёрнул занавес. – Зачем мне это делать, скажи на милость?! Моя королева поклоняется новому Богу! В Туренсворде есть часовня, чтобы она могла молиться, когда ей заблагорасудится, я приютил этого монаха, с которым она говорит чаще, чем со мной! Я строю в Паденброге кирху, чтобы он и его прихожане перестали ютиться по углам. В городе я за всё время своего правления приютил гораздо больше приверженцев Святой благодати, чем мой брат в своё время вырезал, завоевывая новые земли! Да, мне не нравится, что новая вера год от года подрывает устои моей родной веры, но пусть уж люди верят во что хотят, чем я собственноручно вобью очередной гвоздь в крышку своего же гроба, если допущу религиозную войну по всему Ангенору! Я не мой отец! Зачем мне сжигать монастырь? Чушь!

– Боюсь, что религия здесь только повод, – аккуратно возразил Влахос. – Негерд стоял на границе Ангенора и земель

человека, который вас предал. В глазах людей вы отомстили ему. То, что Теабран исповедует Святую благодать, лишь усугубляет ваше положение. Он поступил так, что теперь весь север только и говорит, что о той резне. Вы же помните те случаи в прошлом году? Чудом удалось избежать религиозной войны, но она слишком выгодна, чтобы совсем отказаться от этой идеи.

– Думаешь, Теабран на это и рассчитывает?

– Теабран, возможно, нет, но по слухам, за его спиной стоит человек, который в этом заинтересован. Сами подумайте, вы придерживаетесь старой веры, Теабран, как многие в Ангеноре, придерживается новой, и в глазах людей вы вероломно напали на незащищенных людей, что жили на спорной территории. Боюсь, что теперь для всех наступят тёмные времена.

– Но где им удалось достать доспехи как у твоих людей?

– Я не знаю, – покачал головой мужчина. – Но смею предположить – уничтожив всё живое в долине Гирифор, Ложный король оставил лишь полезных ему людей, в том числе и кузнецов из Утёса королевы. А в шахтах у побережных гор полно железной руды – отсюда и доспехи.

– Всё очень плохо, – тяжело выдохнул Осе и, поддавшись не свойственному ему импульсу, скинул со столика кипу бумаг. Неожиданный и непривычный для тихого Осе жест заставил Влахоса отступить на шаг.

– Вы могли бы наладить отношения с касарийским са-

мратом, – предложил Ловчий. – Его территории примыкают к землям графа Корбела с севера, как раз близ той местности, где, по слухам, скрывается Теабран. Частокол примыкает к лесу Эя – в случае отступления Теабран не сможет пересечь эти горы, чтобы вернуться на Холодные острова, и ему придётся двинуться в Пустодол, а там голая земля да редкий лес, ни одного замка вокруг, только руины у самого берега. Нет плодородных полей, чтобы выращивать хлеб, нет городов, чтобы грабить. Он не сможет долго жить там без запасов и возможности отплыть куда-либо. Он будет вынужден сдаться. Поговорите с самратом – его люди вполне могли бы обеспечить нужную защиту с севера.

– Этот берложник? Для Тонгейра я последний человек, которому бы он захотел помогать. Ты же знаешь почему?

– Я слышал эту историю, – подтвердил Влахос. – Но его племянник жив-здоров и растит детей, поэтому я думаю, что вы вполне можете наладить с ним отношения.

– Если бы всё было так же просто, как ты говоришь...

– Верните Согейра, поговорите. Думаю, вы сможете прийти к решению, как склонить на вашу сторону его дядю.

Интуитивно король чувствовал, что Ловчий прав, но что он мог сделать? Из-за необдуманной выходки матери Согейра Идалиры отношения с Касарией были окончательно испорчены много лет назад, и только чудо могло возродить их вновь.

Влахос не дал королю забыться в скорбных мыслях.

– Если позволите, – осторожно произнёс он, – я бы хотел высказать своё мнение по этому поводу.

– Говори, – разрешил король.

– У Согейра есть взрослый сын, верно?

– Да. Его Альвгред. Он служит вместе с отцом и его отрядом в крепости Вильхейм.

– И это прекрасно. Касарийский самрат ничем не отличается от большинства правителей – ему нужны деньги и власть, а когда они у него есть, он хочет больше. Так дайте их ему.

Глаза короля сощурились, но он ещё не догадывался, к чему тот клонит. Влахос продолжал:

– Я знаю, что этой зимой принцессе Вечере исполнилось восемнадцать, а это значит, что по законам Ангенора она уже имеет право выйти замуж. Выдайте её за касарийского наследника.

– И в этом твоё предложение? – Осе посмотрел на Ловчего так, будто ничего глупее в жизни не слышал. – Ты предлагаешь мне разворошить осиное гнездо.

– У самрата кроме Согейра в роду остались сплошь дочери, потому его и прозвали Безнаследным, а поскольку, к нашему великому сожалению, у вас нет сыновей, то свадьба Альвгрета, касарийского наследника по крови, и Вечеры, старшей из принцесс, – ваш единственный путь к решению обеих проблем. Как бы вы, мой король, ни относились к Вечере, она дочь покойного короля Эдгара, и с её помощью са-

мрат породнится с королём крупнейшего из существующих королевств, что гораздо лучше любых обещаний человека, чьи права на престол весьма спорны. Самрат упрям, но он не дурак и знает цену королевской крови. С его помощью вы укрепите свою позицию в самом тылу нашего врага.

– Если я выдам замуж Вечеру, то она станет кронпринцессой, а значит, корона станет наследоваться по её линии и перейдёт к моей родной дочери только в том случае, если Вечера не родит мальчика. Моя племянница не из тех, кто позволит лишиться себя власти, а я не хочу подвергать опасности и второго своего ребёнка – ты же знаешь, на какие вещи она способна? Я вручу корону убийце своего сына, и она избавится от любого, кто только посмеет её у неё забрать.

– Никто не говорил, что управление страной даётся легко, мой король. Каждый приносит на алтарь политики свои жертвы. Простите, если это грубо звучит, но этот брак на сегодняшний день – ваш единственный выход.

– Будь моя воля, я бы казнил Вечеру ещё год назад, но Суаве меня остановила. Мой изъян в том, что я слишком часто её слушаю.

– В нашем случае это достоинство, мой король. Казни вы принцессу, сейчас Ангенор бы действительно оказался в безвыходном положении. Помолвка, как в случае принцессы Ясны и наследника Алого утёса, – хороший способ наладить политические связи, но это ещё не гарантия победы в войне. Мы оба с вами знаем, что армия Алого утёса велика и сильна,

но армия Касарии – миллионное полчище обученных убивать головорезов, и лучше, чтобы они были на нашей стороне. Я бы мог посоветовать вам выдать Ясну за наследника самратов, но ей всего шестнадцать. А поженив Альвгрета и Вечеру, мы не нарушим ни один закон Ангенора или Касарии и не оскорбим Тонгейра. Это будет королевский брак, а это вещь более весомая, чем брак с пусть и влиятельным, но графским сыном.

– Жаль, что Ясне всего шестнадцать, – тяжело вздохнул король. – Лучше бы я выдал её за Альвгрета, чем за Роланда. Но я обещал его отцу, что наши семьи породнятся. Король не может нарушать данное обещание.

– Многим бы хотелось, чтобы всё сложилось немного иначе, мой король, но мы вынуждены использовать в этой войне то, что у нас есть.

– Знаю, – подтвердил Осе с тяжёлым сердцем, – знаю.

– К тому же, – Влахос решил выложить перед королем припасённый козырь, – чтобы мои слова относительно Тонгейра не казались голословными... Это мы нашли у одного из сожжённых домов в Негерде. Взгляните.

Он вынул из-за пояса небольшой свёрток и развернул его. В ткань оказался завёрнут тонкий изогнутый нож с золотым, будто внутри него было заточено солнце, лезвием. В мире существовало только одно место, где изготавливались подобные клинки. Лицо короля вытянулось от изумления.

– Когда-то самраты дали клятву нейтралитета по отноше-

нию к правителям соседних королевств, – решительно произнёс Влахос, – но, по всей видимости, из-за давней обиды Тонгейр поступился собственными принципами. Пора предложить ему более выгодную альтернативу, пока всё не обернулось катастрофой.

Своему решению Осе был не рад. Касария, княжество, находившееся севернее земель Адариха Корбела и раскинутое от горной гряды Частокол до пустынных берегов у Кривого рога, было небольшим и не самым богатым, но оно обладало одним неоспоримым преимуществом – железными шахтами, где добывали много руды, а потому Касария по праву считалась территорией оружейного дела. Небогатый, но злой и вооружённый до зубов сосед – так говаривали о княжестве в народе. Именно там изготавливались знаменитые клинки из железного колчедана, камня, в котором, согласно легендам, Чарна когда-то заточила солнце.

Камень этот внешне был подобен металлу, который нарастал на горных породах наплывами и кубами, и был жёлтым, как золото. Он сам по себе отличался хрупкостью, поэтому оружие из него изготавливали только умелые мастера. Они осторожно откалывали куски колчедана и шлифовали их алмазными дисками, как драгоценные камни, придавая им форму клинков, а после всё оружие свозили в замок Кривой рог, что лепился к обрыву на самом северном мысе Касарии, где на верёвках по самую рукоять опускали клинки в жерло вулкана Киторес, в раскалённую лаву. Но ме-

чи и кинжалы не плавилась. Объятые огнём, они, как заговорённые от смерти самой Чарной, вбирали в себя жар пылающей лавы, начинали светиться подобно солнцу и становились горячими. И с того момента уже ничто не могло ни разбить, ни погнуть эти лезвия. Иногда, очень редко, что-то происходило не так, и клинки покрывались алыми прожилками, подобно венам и сосудам человеческого тела, а цена им становилась сродни горсти драгоценных камней. За всю историю Касарии таких клинков было только три: два были похоронены на дне Озера нетающего льда. Третий находился в ножнах Тонгейра.

Несмотря на редкое по качеству и свойствам оружие, Касария не торопилась торговать им с соседними королевствами, предпочитая снабжать клинками только свою армию, а потому касарийские торговцы свозили на рынки только изделия из серебра и мрамор, которым княжество также было богато. И вот теперь оружие самратов обнаружилось у воинов Теабрана.

До поры до времени, несмотря на единичные стычки за право обладания шахтами близ Частокола, между Ангенором и Касарией складывались отношения, если не мирные, то стабильной готовности ответить ударом на удар. Это длилось до тех пор, пока однажды дочь ныне покойного самрата Ютгейра, Идалира, втайне от отца и младшего брата не сбежала с придворным скульптором короля Эссегида Роксбурга, который приехал купить несколько плит чёрного мрамора.

ра для карты королевства на стене за тронем. Конечно, король вернул беглянку домой в тот же день, как узнал о тайном браке, потому что ему, как любому здравомыслящему правителю, не нужна была полномасштабная война с соседом из-за спесивой девицы, но через восемь месяцев к Воротам Мира подъехала телега в сопровождении двух всадников из самратского кадерхана. В ней, завёрнутое в старые платки, лежало тело Идалиры, на её груди спал полуживой новорождённый мальчик, а в её руке лежала записка, которая гласила, что женщина умерла при родах и что ни она, ни её недоношенный бастард, который тоже скоро умрёт, никому не нужны. Касарийку тихо похоронили в саду у Моста Дождей возле Сумеречных Ворот под холмом, покрытым синим мхом, а мальчика отдали на воспитание отцу и нянькам.

Время шло, туча нависла над границей между Касарией и Ангенором, гремело эхо будущей войны. Эссегрид не знал, что ему делать с ребёнком. Мальчик был наследником касарийского трона, пусть и рождённым в браке, который отвергли по обе стороны Частокола, но и отправить его в Таш-Харан он боялся – у короля не было уверенности, что через неделю к воротам его замка не прибудет телега с мёртвым ребёнком. Он начал вести переписку с Ютгейром о возможности вернуть ему внука, но получил однозначный отказ. Единственный выход из сложившейся ситуации Эссегрид видел в выкупе за ребёнка, в качестве извинения за попранную честь и жизнь Идалиры. И едва король принял ре-

шение, двадцать навьюченных золотом ангенорских быков потянулись к северной границе сквозь долину озёр Рассыпаные Бусы и владения графа Корбела, приведя дело к шаткому, но миру с самратом.

С тех пор много воды утекло, мальчик, названный Согейром в честь своего прапрадеда, вырос, возмужал, стал легатом и обзавёлся семьей, но ни разу за всю жизнь не видел никого из своей касарийской родни.

Осе не был уверен, что брак Вечеры и Альвгреда чем-то поможет, но в словах Влахоса он увидел здравый смысл. Кровное родство никто не упразднял, в Альвгреде текла кровь касарийских самратов, и будет течь в их с Вечерой общих детях, что могло сыграть свою роль в отношении Касарии к Ангенору. Оставалось уповать лишь на волю богов и на здравый ум Тонгейра. И если в волю и благосклонность богов король верил как в прописную истину, то в благоразумии правителя Касарии он сомневался.

Конечно, Осе предпочёл бы подождать ещё пару лет до совершеннолетия Ясны, но этим временем он не располагал. Осе выбрал для дочери Роланда и не сомневался, что он будет сильным наследником, но будет ли он хорошим мужем? Осе поклялся сделать всё, что в его силах, чтобы он им стал.

Однако сейчас, хотел этого король или нет, но дело оставалось за малым – смириться с усмешкой судьбы и сделать решительный шаг.

Надо быть предельно осторожным, когда имеешь дело

с Вечерой. Она не из тех, кто не знает, что делать с властью, а Касария отнюдь не безобидна. Действия Теабрана спровоцировали Осе на поступок, о котором он, возможно, будет жалеть до конца своих дней.

Уже вечером король отправил в Эквинский замок письмо с помилованием принцессы и приказом ей немедленно вернуться в Туренсворд.

Так тому и быть – через несколько недель Ангенор получит укрепленные границы на Севере, а Осе – щит и опору. Теперь только Согейр, касариец, легат Королевских кирасиров – вот кто был ему нужен.

А сейчас король до смерти хотел спать. Осе не нашёл в себе сил на новую встречу с Гезой, которая помогала ему справляться с неутихающей головной болью. Он грузно опустился на трон, снял корону и аккуратно положил её на столик, стянул кожаные перчатки и закрыл лицо холодными руками, чтобы на фоне пульсирующего сквозь темноту прикрытых век света увидеть деревянные домики в огне и тела убитых детей, плывущих по реке Руна.

Глава 5

Легат Королевских кирасиров

Когда почтовый сокол сбросил на голову Согейра письмо, легат перевязывал рану. Тройное лезвие Железной лапы оставило глубокий порез на его ноге – он с трудом остановил кровотечение, но кровь всё ещё проступала сквозь свежие повязки.

– Что за глупая птица?! – Он потряс головой и поднял свёрток. Глупая птица громко крикнула, села на груду сожжённого мусора у стены и начала чистить перья.

– Что это, отец? – спросил Альвгред, засовывая за пояс Железную лапу, которую он отобрал у баладжера и оставил себе как трофей.

– Сообщение от короля, – ответил Согейр, разворачивая свёрток.

– И что же хочет наш Тумтабард?

– Я просил тебя не называть его так. – Легат грозно посмотрел на сына.

– Но он же Тумтабард, Пустой Камзол. Он единственный

из династии Роксбургов, кто не участвовал в тавромахии, и... Хорошо, не буду.

– Услышу снова, что ты зовёшь короля Тумтабардом, привяжу тебя к столбу без штанов и отстегаю перед всеми солдатами.

Молодой человек пристыженно потупил взгляд.

– Так чего он хочет?

– Вызывает нас в Паденброг.

– То есть тебя и меня? Правда?

– Сам почитай. – Согейр протянул сыну письмо.

– Ох! Король зовёт нас на частную аудиенцию!

– Надеюсь, тебе стыдно.

Альвгред прикусил губу.

– Но Вильхейм? Нам же нужно ещё сжечь тела, очистить сажу, унести раненых...

– Боюсь, что остальным придётся справляться без нас. Готовься.

– Но твоя рана...

– Не страшно.

– Но она ещё кровоточит.

– Железная лапа ранила меня не в первый раз. Я потерплю.

Альвгред помог отцу встать.

– Что же, мы отбили очередную атаку, – тихо произнёс Согейр, оборачиваясь на кирасиров, которые переносили тела Волков ночей в кучу у стены.

– Теперь Соляная башня может быть спокойна до следующего полнолуния.

В народе замок Вильхейм часто называли Соляной башней, потому что стоял он в «кармане» между холмами и служил охраной шахт, где рабочие добывали глыбы соли, очищали их и отправляли в помол перед тем, как развезти по рынкам Ангенора.

Разбойничьи налёты бывали в Вильхейме не редкостью, а потому крепость охранял целый взвод вооружённых кирасиров. И если военным отрядам уже было не привыкать ловить близ башни мелкие шайки местных разбойников или воришек из ближайших деревень, то настоящей проблемой были баладжеры, «племя грязной крови».

Когда-то эти люди жили в Ангеноре повсюду: цыгане, бродяги, воры, нищие – как крысы, они плодились в самых тёмных закоулках. Кормились они, как говорится, с острия ножа, пока король Эсsegрид не приказал переловить их и выгнать из городов. Объединившись в огромную толпу, они покинули Ангенор и отправились в глубину Диких гор, где продолжали грабежи и убийства. Кирасиры называли их – Волки ночей. Накануне каждого полнолуния они нападали на Вильхейм огромной разнузданной толпой, неся с собой пламя и смерть. Грязная кожа, дикие глаза, сверкающие в ночи, волосы, измазанные глиной, волчья шкура вместо кирасы, браслеты из костей и зубов... душа даже самых смелых кирасиров уходила в пятки при виде этого племени диких

головорезов.

Страшные, странные люди. Они всегда атаковали толпой и оставляли после себя огонь и изуродованные Железными лапами трупы. Было несложно догадаться, зачем Б'аджу, королю баладжеров, понадобилось совершать набеги – соль была дорогой, дорогой настолько, что иногда заменяла деньги, и неважно, что Б'адж был дикарём – он прекрасно знал, что такое торговля и золото.

И в этот раз Волки ночей, отродье Чарны, появились ровно в полночь с горящими факелами и, громко вопя нечеловеческими голосами, подожгли одну из вышек, с помощью которых рабочим под землю доставляли воду и еду. Как и много раз до этого, ни одного дикаря поймать не удалось, да и получись это у кирасиров – эти нелюди предпочтут разодрать Лапой вены себе на шее и истечь кровью, чем гнить в клетке у врага.

Только одно не мог уяснить легат – куда баладжеры свозили награбленное? Ни одного всадника на волке никогда не видели в Мраморной долине, как не видели их и на рынках у Алого утёса или в Кантамбрии. Но где-то же они должны были сбывать награбленное? Не свозили же они всё в горы, в свою Псарню, чтобы просто сидеть на тюках с солью? Или они увозили всё за пределы Диких гор? Но куда? Там же только голая холодная пустыня, по которой ледяной ветер гоняет чёрные пески. «Проклятые дикари, – вздыхал Согейр. – Волчье отродье».

Очередное нападение было отбито, очередная битва выиграна, но сколько их ещё предстояло? А в том, что они будут, легат не сомневался. И что пугало Согейра больше всего – он был уверен, что рано или поздно его кирасиры добровольно сложат оружие и откажутся защищать собственность короля.

«Тумтабард» – сын легата был далеко не единственным, кто называл Осе этим оскорбительным словом в противовес значению его имени «великий воин». В отряде Согейра среди всадников всё чаще слышались нелюбезные высказывания в адрес короны, которые, сродни призывам к измене, резали легату ухо. Согейр всеми силами давил крамолу в зачатке, но яд недовольства, однажды проникший в умы воинов, распространялся среди остальных, как зараза, а казнь повстанцев всё только усугубила.

Так, легат пехоты лучников Гаал был вынужден провести обряд децимации, когда один из его людей проговорился в таверне о подготовке бунта против короны. Он разделил своих лучников на группы по десять человек и в каждой группе провёл жеребьёвку, когда каждый из них вытаскивал разноцветные камни из мешочка. Те, кому достался чёрный агат, были казнены оставшимися девятью солдатами. И вот теперь желание свергнуть короля отравляло умы людей в отряде Согейра, и он очень боялся, что когда-нибудь ему придётся совершить децимацию самому.

Легат не был слепым и видел, что Осе слаб и единствен-

ное, на что он способен, – выслать на поле боя отряд воинов, которых никогда бы не повёл сам. Но, в отличие от многих, Согейр видел и другую его сторону. Эдгар Роксбург был воюющим королём, Осе же был королём мира, который оказался в условиях войны. Согейр знал обоих достаточно долго, чтобы перестать судить о них по публичным выходам и поступкам. Осе всегда жил в тени Эдгара и не собирался занимать престол. Однажды Согейр спросил его, почему он не хочет изучать карты, как брат, учиться биться на мечах, сидеть в седле, предпочитая вместо этого читать книги по астрономии и стихи? А Осе ответил:

– Я короне не нужен. У неё есть Эдгар.

И до некоторых пор это была единственная правда, в которую верил Согейр, пока ему не открылась настоящая причина, по которой Осе не стремился занять трон, но легат хранил её в тайне, даже когда ему от всей души хотелось защитить короля от словесных атак кирасиров.

На склоне у берега Руны Альвгред устроил с отцом гонку – кто быстрее доскачет до излучины – и молодость победила, пребывая в твёрдой уверенности, что опыт никогда не знал такой уловки, как поддавки.

Бык Согейра, дымчатая, покрытая шрамами туша которого переливалась на солнце чёрным серебром, лишь снисходительно помотал головой на приказ своего погонщика не гнать в полную силу. Его звали Ревущий, потому что его голос мог перебить собой звук нескольких горниз. Он был

одним из самых старых боевых быков. В мирное время эти могучие звери доживали до семидесяти-восемидесяти лет, возраст же Ревущего составлял около тридцати с половиной, и по меркам боевых быков это был почтенный возраст. Ревущий был одним из лучших быков: бесстрашным и преданным своему хозяину, много раз спасавшим ему жизнь на поле брани. Они были как одно целое, как когда-то король Эдгар с его Сумраком.

Альвгред гордился тем, что король попросил его вместе с отцом прибыть в замок, потому как Осе редко обращался к кому-то кроме предводителей отрядов, и всё время спрашивал отца, что же королю понадобилось от него.

Парню шёл девятнадцатый год, и он уже три года гордо носил звание Королевского кирасира. Пылкий и смелый юноша, он с детства не давал покоя родителям. Энергия была в нём ключом, а желание быть похожим на отца порой заслоняло собой здравый смысл, потому Согейр не удивился заявлению сына, что в шестнадцать лет он выйдет на арену Туренсворда. Его бык был рыжим и хитрым. На арене он постоянно пытался обмануть мальчишку и зацепить его рогами за спину – Альвгред сразу понял, что не ошибся, выбрав себе именно этого зверя. Его хитрость распаляла азарт юноши, а сила – желание победить. Тогда, на тавромахии, бык лишил Альвгрета мизинца на правой ноге, и тот сразу вернул долг порванным бычьим ухом.

Глядя на сына, Согейр во всех его жестах узнавал себя.

И пусть Альвгред унаследовал черты лица от матери, легат был этому только рад. Его жена, Ниливия, леди Ревущего холма, иногда шутила, что отец Согейра вытесал из гранита и лицо сына, да отшлифовать поленился. Согейру не нравилась своя внешность, хотя к сорока годам он начал относиться к ней намного спокойнее. Влахос не отставал от Нилы и также шутил, что Согейр больше похож на дикую кошку, чем на человека, и всё время предлагал ему надеть свою змеиную маску, чтобы не распугивать народ. Согейра действительно выделяли из толпы непривычные для Ангенора черты лица, которые достались ему от матери-касарийки. Немного удлинённое лицо, рысьи глаза, высокие скулы и резко очерченный рот одновременно соединялись как в довольно непривлекательное, так и в удивительно любопытное лицо. Нила часто говорила, что влюбилась в Согейра, увидев его верхом на быке, когда солнце уже клонилось к закату и на грубом лице воина вырисовывались красивые тени. А вот его младшая дочка Имадея, Има, его любимая стрелкозка, унаследовала отцовские глаза.

В паре лиг от Паденброга они остановились на небольшой привал, чтобы набрать воды из реки и умыться.

Согейр устал и очень хотел пить, а ещё – смыть с себя пыль, пот и остатки запёкшейся крови. Но ещё больше он хотел спать, и если не проспять у себя дома беспробудно до самого вечера под бочком у Нилы, то, по крайней мере, завалиться куда-нибудь на траву и просто побыть в тишине.

– Ты видел этого младшего Элбота? Этого жениха Ясны? Ты его знаешь? – спросил Альвгред, окуная в прозрачную воду прибитый дорожной пылью щит с зарубками по ободку. Их на его щите было всего девять, за каждое отражённое нападение дикарей на Соляную башню, но Альвгред надеялся, что когда-нибудь их будет тридцать две, как у Марция, или того больше – около сорока, как у отца.

– Роланда? Да, я его видел, – ответил Согейр, садясь на траву и давая ветру высушить мокрое лицо. – Год назад, ещё до смерти наследника, он вместе с графом и графиней Алого утёса гостил в Туренсворде. Хороший парень. Немного крупноват для своего возраста, но мне он понравился. В нём есть сила, которая нужна королям. Помню, с Вечерой они не ладили. – Согейр усмехнулся. – Кстати, он будет участвовать в тавромахии в этом году.

– Значит, он, по крайней мере, смелый, если не побоялся поссориться с принцессой. Воздадим хвалу Хакону, он и против быка выстоит.

Его взъерошенные угольно-чёрные, как у матери, волосы трепал ветер, а тёмно-миндальные щёки пылали от жары. Резко очерченные касарийские губы пересекал шрам, который ему достался во время тавромахии и которым парень гордился не меньше, чем другие гордились личной похвалой короля. Тёмно-серые, скорее, даже чёрные, как у матери, глаза сверкали из-под густых красивых бровей.

– Как знать? – Согейр пожал плечами и с серьёзным ви-

дом посмотрел на сына. – Возможно, если судьба не будет благосклонна к тому, кто носит на гербе голову вепря, королю придётся искать юному графу замену. Например, кого-то из военной семьи, возможно, уже прошедшего обряд. Сына того, кому король доверяет.

Альвгред оторвался от протирания своего щита с выгравированным изображением шестирогой бычьей головы и уставился на отца.

– Что?

– Ты меня понял.

Между отцом и сыном повисло неловкое молчание.

– Ты думаешь, что в этом случае король женит на Ясне меня?! – В голосе юноши послышался какой-то ребячий испуг.

– Это возможно, – Согейр продолжал говорить спокойным тоном и отгонять травинкой пчелу. – Ты сын военного, прошёл обряд, и у тебя нет невесты. Я не удивлюсь, если Осе вызвал нас ради этого договора.

– Но король не может так поступить! – возмутился Альвгред, всем своим видом давая понять, что в корне не согласен с таким положением дел.

– Король может всё, – категорично ответил Согейр.

– Он найдёт ей другого графа.

– Ты по крови своей бабушки родня касарийскому самрату, – заметил легат. – А это лучше, чем сын любого графа. Даже не стань ты кирасиром, придворные бы так же кланялись тебе, как сейчас. Не вижу ни одной причины, по кото-

рой на руке принцессы Ясны не может оказаться твой венчальный браслет.

– Но я не хочу, – не унимался Альвгред. – Я её даже не люблю!

– Когда я женился на твоей матери, я тоже её не любил. Но нас сосватал король, и я женился.

– Но я её совсем не люблю!

– Уж конечно, она же не Вечера.

Альвгред чуть сквозь землю не провалился из-за этого замечания.

Происхождение Согейра и его близость к венценосной семье позволило Альвгреду и королевским детям вырасти вместе. Они часто играли на заднем дворе за Ласской башней, когда принц и принцессы не учились выезде, а Альвгред не изучал премудрости ближнего боя. Часто с подачи Кирана они кидались сливами в сад или сидели на крыше конюшни, поедая вишни, пока стражники не сгоняли их оттуда. Когда дети подросли, почти ничего не изменилось, разве что юноша начал замечать красоту королевских дочерей. И если при виде Вечеры сердце юного воина начинало стучать чуть быстрее, то Ясна никогда не вызывала в нём похожие чувства. Он никогда не видел в этой девушке женщину, с которой у него когда-нибудь могли бы родиться дети.

– Она мне как сестра, – настойчиво заявил он.

– Ясна тебе не сестра, а дочь твоего короля. Сыновья многих графов бились за её руку.

– Я не бился. Я на ней не женюсь, – настаивал юноша.

Согейра позабавило смятение храброго в бою, но вмиг растерявшего всю свою молодецкую удаль сына, и он решил прекратить его страдания. Когда на его грубом лице появилась улыбка, Альвгред всё понял и брызнул в отца горстью воды, и они засмеялись вместе.

– На самом деле я не думаю, что тебе грозит этот брак, – признался Согейр.

– Тогда зачем король меня зовёт?

– Я не знаю.

И они продолжили путь.

Подходя к тронному залу, кирасиры встретили Влахоса.

– О, мои друзья, – поприветствовал он воинов. – Я думал, вы придёте не ранее, чем завтра.

– Ты всё ещё недооцениваешь ангенорских быков. – Согейр ответил на дружеское рукопожатие. – Они гораздо быстрее скакунов Ровенны.

– Но также менее изящны и более прожорливы.

Согейр усмехнулся.

– Как вы? – спросил Влахос. – Слышал, на вас снова напали Волки ночей.

– Да, – ответил легат. – Но мы были готовы. Баладжеры убили пятерых, ещё двоих загрызли волки.

– Дикари удивительно постоянны.

– Мы вернём им долг в следующее полнолуние.

– Не сомневаюсь.

– Ты знаешь, зачем мы понадобились королю? – поинтересовался Альвгред, памятуя о том, что редкая новость не долетает до уха Влахоса первой.

– Если вы оба здесь, то, скорее всего, знаю. – Хитрая ухмылка скользнула по тонким губам.

– Наверное, что-то важное, иначе король дождался бы смены караула.

– О, ты даже не представляешь насколько, мой юный друг. И тебя, между прочим, это касается в первую очередь.

– Может быть, он хочет назначить меня легатом? – Славное лицо Альвгрета озарила догадка. – Я же прав? – Его чёрные глаза засветились честолюбивой надеждой. – В отряде, который мы сменили в Вильхейме, в прошлом месяце потеряли командира. Может быть, король хочет назначить вместо него меня?

– Это вполне возможно, – согласился Согейр. – В твоём возрасте меня назначили легатом. Я бы не удивился решению Осе показать тебе, каково это – быть военачальником.

– И будем мы самым старшим и младшим легатами во всём Ангеноре, – засмеялся юноша.

– Ты что же, считаешь меня старым? – в шутку нахмурился Согейр.

– Да, о, согбенный старик, – ответил сын, почтительно поклонившись отцу.

– И почему я в детстве тебя не порол?

– Боюсь, что с назначением придётся повременить, Альв-

гред, – прервал их разговор низкий голос командира Ловчих. – Дело немного в другом.

– Нет? – заметно сник молодой воин – ему так хотелось поскорее встать на одну ступень вместе с отцом. – Тогда в чём же?

– Какой бы ни была причина, обиженным ты не останешься, – заверил его Влахос. – Если хочешь, могу поделиться частью новости.

– Хочу, – ответил сгоравший от любопытства Альвгред.

Влахос осмотрелся по сторонам – двое слуг у дверей тронного зала поняли его приказ без слов и быстро исчезли за поворотом, но он всё равно заговорил тише.

– Эти несколько дней мы часто общались с королём, – сказал он тоном заговорщика. – Он возвращает принцессу.

– Как?! – в один голос воскликнули отец и сын. – Откуда ты знаешь?

– Птичка на хвосте принесла. Говорит, что видела принцессу в сопровождении нескольких слуг, движущуюся в сторону озера Веверн.

Согейр и Альвгред переглянулись.

– И этой птичке можно доверять?

– Её слова подтвердил король.

Для кирасиров эта новость прозвучала как гром среди ясного неба.

– Значит, это правда?! – воспрял духом Альвгред. – Тогда почему?.. Почему об этом никому не известно? Такая но-

вость не осталась бы незамеченной.

– Потому что эта новость пока только между нами. – Вла-
хос сделал паузу. – Пока. Король приказал мне молчать. На-
деюсь, вы меня не подведёте? Я решил, что вы должны знать.
И только вы.

– Но как же королева? – не мог унять вспыхнувшее в груди
волнение Согейр. – Она должна знать.

– Думаю, что король сам хочет ей сказать, всё-таки это их
семейное дело. Вечеры не было при дворе целый год. Ещё
пара часов ничего не решат.

Воины были вынуждены признать его правду.

Душу Согейра будто отпустила удушающая хватка данных
королеве обещаний выпросить у Осе помилование для прин-
цессы.

– Ты думаешь, король нас вызвал из-за этого? – поинте-
ресовался Альвгред.

– Более чем. Вы оба имеете к этому возвращению самое
прямое отношение.

– И что это значит? – не понимал юный воин.

– На моих устах – печать, мой юный друг, – не спешил
раскрывать карты Влахос. – Должен же король сам донести
до вас некоторые вести.

В тронном зале их уже ожидали.

За то время, что воины провели в крепости, здесь ниче-
го не изменилось. Натёртая до блеска холодная белизна мрамора всё так же слепила глаза, сквозь огромные витражные

окна всё так же светило солнце и отбрасывало на пол разноцветные блики. С ажурного потолка свисали две кованые свечные люстры, которые зажигали только вечером. Справа, почти во всю длину стены, тянулся занавес из тяжёлого бордового бархата, за которым прятался балкон. Дальняя стена сразу за тронем была выложена мозаикой в виде карты Ангенора от пола до потолка, состоящей из самых разных пород драгоценных и полудрагоценных камней. Паденброг обозначала алмандиновая бычья голова, за которой рябили чёрно-белые агатовые полосы скалистой Долины королей. Долина Гирифор была выложена изумрудами и авантюринами, Касария сверкала алмазами и лунным камнем, Кантамбрия и Шеной отличались друг от друга только оттенком аметистов, а Мраморная долина пестрела тремя породами мрамора. Все реки были выложены сапфирами, а леса – дроблёным малахитом, крупные замки обозначались большими гранёными самородками, те, что поменьше, помечали небольшие кабошоны, руины – чёрный гагат. Моря и заливы, окружающие Ангенор со всех сторон, сияли нежным аквамаринным блеском. На создание этой карты у архитектора ушло пять лет, и масштаб проведённой работы поистине восхищал. Перед картой на трёхступенчатом постаменте на троне из обсидиана сидел король.

Худой от природы Осе носил уплотнённый бордовый камзол с золотыми застёжками и надевал высокие кожаные сапоги с лисьим мехом, чтобы визуально придать своей фигу-

ре внушительность. Он почти никогда не расставался с перчатками из выделанной лосиной кожи – ему всегда было холодно среди камня. В свои сорок шесть он выглядел моложе Согейра, с которым они были одногодками, и уже давно перестал держаться на троне так, будто занимал его не по праву. На голове короля сияла тяжёлая альмандиновая корона.

По легенде, богиня Беркана, желая сделать подарок своему мужу Хакону, нашла на дне озера Веверн цельный кусок альмандина и попросила своего брата, бога-ремесленника Эгиля, изваять из него корону. Эгиль любил работать с камнем и с радостью принялся за дело. Он вложил в него всё своё мастерство и любовь к самоцветам, чтобы угодить богу войны. Ровно через семь дней кропотливого труда на вершине одной из Звонящих скал Хакону преподнесли драгоценный подарок, который засиял огненно-алыми переливами в лучах полуденного солнца.

– В этой короне кровь быка, бегущего в бой! – воскликнул Хакон, глядя на то, как струящийся сквозь призму алых граней свет создаёт ощущение бурлящей внутри короны крови. – У неё есть душа! Она жива!

Он носил её много веков, прежде чем настала эпоха ангенорских королей, когда богам пришло время уйти в горы и оставить земли в руках достойного преемника. Таковым они посчитали Ардо Роксбурга, который доблестью и храбростью доказал, что сможет защитить свой народ, когда боги уйдут на покой.

– Эта корона – живое создание, она душа и сердце Ангенора. Отныне она будет впору любому королю. И на чьей голове она ни окажется, она никогда не ранит того, кто её достоин, – молвил Хакон и вручил корону воину. Ардо принял дар и пообещал, что отныне альмандиновая корона не покинет Ангенор никогда. С тех пор все Роксбурги носили её, бурлящую огнём бычьего сердца, как символ своей силы и отваги, и будут носить до возвращения богов.

Тяжёлая корона давила на голову Осе, и ему не терпелось поскорее её снять.

Кирасиры приблизились к нему на почтенное расстояние и преклонили колени. Рана легата с новой силой заняла под повязкой, но он не позволил боли завалить его на пол, как тушу раненого животного.

– Мой король, – поприветствовал легат Осе. Альвгред учтиво поклонился.

Осе кивнул.

– Подойдите.

Всадники повиновались.

– Оставим пустые разговоры, – начал король. – Полагаю, вы в курсе того, что произошло в Приграничье?

– Мы слышали, – кивнул Согейр. – Воины графа Корбела перешли всякие границы.

– В том и проблема, что это мы с вами знаем, кто за этим стоит, но те двое, что выжили, опознали в нападавших Ловчих.

– Как? – воскликнул Согейр.

– Я был удивлён не меньше твоего, – скривил губы король. – Кто-то задался целью совершить провокацию, и это ему удалось. Сегодня утром я получил письма из Шеноя и Эвдона. Графиня замка Виа де Монте и постул острова обвинили меня в низости и подлости, потому что я мщу Корбелу за его политические взгляды кровью невинных людей, а не действую с помощью дипломатии, к которой прибегал ранее.

– Теперь люди называют предательство политическими взглядами? – с горечью возмутился легат. – С тех пор, как вы заняли трон, ангенорцы не развязали ни одной войны. С чего бы нам сейчас начинать, это не приходило в их светлые головы?

Король нервно махнул рукой.

– Ты же знаешь, каковы наши отношения с обоими правителями. Стоит ли удивляться тому, что они не думают, а бросаются обвинениями, как комками грязи.

Согейр знал, а потому не был удивлён.

Эвдон и Шеной были камнем преткновения для последних королей. Шеной являлся западной частью Кантамбрии, богатой автономной частью Ангенора, которая после смерти главы семьи Монтонари и нескольких лет сомнительной политики его сына Эрнана потеряла былую политическую силу. Дело было в том, что эвдонские деньги текли в Кантамбрию через Шеной благодаря торговле, и она подверг-

лась опасности из-за того, что Эрнан Монтонари возобновил незаконную перевозку эвдонцев в трюмах своих торговых кораблей.

Этот акт потакания беженцам постул Эвдона, Пелегр Даимах, рассматривал как плевок в лицо своим законам, а Шеной, искренне считавший себя центром Кантамбрии, который, по какой-то исторической несправедливости, был вынужден кормить ленивую восточную провинцию, поспешил принять сторону торгового компаньона. Таким образом, данный конфликт послужил прекрасным поводом к объявлению о разделении Шеноя и Кантамбрии. Так на территории южных земель в одночасье всё полетело в тартарары, и в любой момент на смену дипломатическим переговорам могли прийти военные действия.

Сам граф Монтонари прекрасно знал, что аграрный Шеной едва ли пойдёт на него с мечами и пиками, потому что вся военная мощь, к его счастью, была сосредоточена на территории Альгарды, но король Ангенора не разделял его убеждения. Осе боялся войны, особенно войны на два фронта, и всеми силами пытался найти выход. Казалось бы, выход очевиден – нужно признать суверенитет Шеноя, лишит Монтонари титула и объявит кантамбрийцев воинами короля, но проблема заключалась в том, что даже лишившись власти на бумаге, Эрнан Монтонари своих людей королю не отдаст, а отнятые силой, его солдаты попросту сложат оружие.

«Монтонари выдрессировал своё войско как псов». И именно по этой причине своего правителя солдаты не бросят, просто потому что не бросят, какой бы занозой он ни был. Никто не выполняет приказы так, как кантамбрийцы. Осе в жизни не видел настолько дисциплинированного и преданного своему предводителю войска, и это обстоятельство являлось настоящей головной болью.

– Что мы должны сделать? – Согейр решительно выступил вперёд. Альвгред промолчал и предпочёл остаться позади отца.

– Судя, по всему, наши северные границы слишком слабо охраняются, они находятся от Паденброга чересчур далеко. Сегодня мне сообщили, что небольшое войско с алыми плащами, как у Ловчих, было замечено у северо-западной границы. Думаю, что после бойни в Негерде оно двинется на юго-восток и укроется в Эмронских холмах. Если сейчас мы соберём солдат и отправим навстречу, то сможем перехватить их на краю Приграничья.

Легат Королевских кирасиров подошёл к пёстрой карте ангенорского королевства. Эмронские холмы на северо-западе от Паденброга обозначались серым агатом, который огибал сапфировый приток Руны, Чистый ручей.

– В Приграничье подходящая местность для боя, – согласился Согейр, сверяя свои воспоминания с картой. – На холмы часто опускается туман. Если наши войска займут нужную позицию, – он указал рукой на небольшую часть пёстрой

яшмы близ серого агата, – если поможет погода, мы окажемся невидимыми для войска Теабрана и сможем напасть.

– Их нужно разбить, – сказал король. – И я был бы рад сказать, что пленные мне не нужны, но они могут обладать информацией. Как насчёт людей Иларха?

– Они покинули Вильхейм по вашему приказу ещё две недели назад и сейчас находятся в Ласской башне. Думаю, вы можете направить их на северо-запад.

– Тогда передай этому мятежнику мой приказ выдвигаться как можно быстрее.

– Слушаюсь, мой король, – кланяясь, ответил легат.

– Но эта дорога прилегает к землям у Столпов, – заметил Альвгред и подошёл к отцу. – Почему бы присягнувшим альмандиновой короне касарийцам самим не следить за своими землями?

– Дорога прилегает к Столпам, но не проходит через них, – исправил сына Согейр. – Они могли пройти южнее, к тому же, если они были одеты, как Ловчие, едва ли дозорным пришлось бы в голову поднимать тревогу.

– Согласен с твоим отцом, – кивнул король. – Плюс ко всему, то, что это не наши солдаты, выяснилось только после того, как Влахос принёс в Туренсворд доказательство – клинок из железного колчедана, который никак не мог оказаться в руках королевских солдат.

Король указал взглядом на резной столик в углу у занавеса, на котором лежал сверток с касарийским филигранным

клинком. Согейр взял его в руки и провёл пальцем по лезвию.

– Колчедан, без сомнений, – глухо сказал он и отложил оружие. – Так, значит, Тонгейр заключил союз с Теабраном? А как же нейтралитет, которого самрат обещал придерживаться?

– Между Касарией и Ангенором сложились сложные отношения, легат, – ответил Осе. – Но пока не доказана личная причастность Тонгейра к торговле оружием между Касарией и самозванцем, я не могу выдвигать какие-то обвинения лично против него. Отчасти именно поэтому я и велел вам обоим прибыть в замок: нам нужно мириться с вашей роднёй.

– Едва ли Тонгейр считает нас родственниками, – усомнился Согейр. – Вам же рассказывали, как Ютгейр обошёлся с моей матерью?

– Рассказывали. И тем не менее твой дед принял золотой дар моего отца. А это говорит о том, что никому из людей не чужда алчность. Будь самрат так горд, как о нём говорят, он бы не принял это золото, а значит, и к нему можно найти свой подход. Пришло время нам с Касарией стать друзьями, и мы это сделаем.

– У Касарии нет друзей, кроме самой Касарии, – ответил Согейр так, будто сам наполовину касарийцем не был. – Ни один человек из моего рода, из Таш-Харана или Кривого рога, даже не ответил на приглашение на мою свадьбу,

а я потомок этих людей. Что же говорить, если дело касается всего Ангенора?

Король поджал губы.

– Ты женился на знатной даме, Согейр, но совсем другое дело – королевская свадьба.

– Прошу прощения?

– Я вижу только один способ наладить наши отношения с Касарией – породнить два наших рода.

Мужчины перевели взгляд на Альвгрета, который от неожиданности выпрямился как струнка.

– Боюсь, что касарийской крови в Альвгрете течёт ещё меньше, чем во мне, – сказал Согейр. – К тому же брак его матери и отца был признан недействительным.

– Потому что в тот момент это было правильным решением. Но брак твоих родителей пусть и тайно, но был совершён по законам Ангенора, совершён архонтом, а значит, он полностью законен. Пусть твой сын подойдёт, – произнёс король.

Альвгред выступил вперёд. Осе встал с трона и подошёл к юноше.

– Да, я помню, как ты прошёл обряд. – Он положил ладонь на плечо юноши. – Ты выбрал себе того рыжего быка. Как его звали?

– Лис, – ответил Альвгред, как ему показалось, спокойно, но от острого слуха Согейра не ускользнуло волнение в голосе сына.

– Необычное имя для быка.

– Он умный и хитрый. У него лисья душа.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать, мой король.

– У тебя есть невеста?

Согейр молча стоял в стороне и наблюдал за вспотевшим лицом сына.

– Нет, мой король.

Осе одобритительно кивнул.

– Тогда ею станет моя племянница Вечера.

Альвгреду впервые довелось испытать достаточно большой спектр противоречивых эмоций, от ужаса до облегчения, за несколько секунд.

– Что-что? – Его лицо вытянулось от удивления.

– Этой зимой Вечере исполнилось восемнадцать, – стараясь казаться невозмутимым, продолжил король. – По законам Ангенора она может выйти замуж, что в нашем положении оказалось очень удачным стечением обстоятельств. И я решил, что её избранником станешь ты. Ты молод, храбр, свободен, и в тебе течёт кровь сыновей трона Касарии. Ты согласен?

Альвгред молча смотрел на короля.

– Что же ты молчишь? Или венчальный браслет напугал тебя больше, чем кровожадные Волки ночей?

– Мой король, – выступил перед сыном Согейр, – не будет ли эта свадьба значить, что Вечера и Альвгред станут первы-

ми в очереди на престол?

– Временно, – ответил Осе и вернулся на трон. – Моя племянница и твой сын будут носить титулы кронпринца и кронпринцессы до того момента, как принцесса Ясна выйдет замуж за Роланда. Тогда эти титулы перейдут к ним как к прямым наследникам ныне здравствующего короля.

– А сын? Он лишится этого титула.

– Никогда не подозревал тебя в честолюбии, Согейр.

– Я не честолюбив, мой король, – возразил легат, – чего нельзя сказать о моём дяде. Вы знаете, почему на гербе Касарии изображён медведь? Этот зверь не знает пощады, как и Тонгейр. И вы хотите раздражить его короной и отнять её у него?

– А на гербе Ангенора изображен шестирогий бык, – резко ответил король. – А этот зверь не племенная корова, а умный и жестокий противник. Взамен титула кронпринца Альвгред получит титул Протектора наследников трона, как Эрнан Монтонари, – третий по значимости титул Ангенора после короля и наследника. Я всё предусмотрел. Многие графы убили бы за возможность примерить на себя этот титул, как тебе известно.

Осе назидательно изогнул бровь, намекая на неуместность сомнений в предложенном титуле.

– Я очень надеюсь, что Тонгейр разделяет вашу уверенность.

– Ты не доверяешь решению короля?

– Я опасаясь за сына. Тонгейра в кадерхане не зря кличут Свирепым.

– А ещё его кличут Безнаследным. Кто займёт трон Касарии после него? Его жена? Эта забитая калека Меганира? Или его полоумные дочери? Тонгейр не дурак, и я больше чем уверен, что он следит за каждым шагом Альвгрета. Он его кровь. – Король перевёл дыхание и продолжил. – У нас были шпионы на севере, но теперь нас всюду окружает предательство и обман. Нам нужны наши люди в северных землях и нужны вооружённые до зубов и заинтересованные в службе только нам, иначе Теабран будет и дальше совершать свои подлые маневры у меня под носом, а мы ничего не сможем сделать, просто потому что будем разбираться с южанами. Я каждый день молю богов, чтобы у Виттории-Лары хватило благоразумия и она не решила в один прекрасный день отделить Шеной от Кантамбрии силой. Тогда Монтонари будут вынуждены кинуть все свои войска к Расколу, и что останется нам? Кирасиры, орудия, кучка эвдонцев да горстка лучников! Ангенор богатое королевство, но воевать на двух фронтах даже мы не можем себе позволить. От Тонгейра зависит судьба Ангенора, и если так, то Альвгред будет кронпринцем! Кто знает, может быть, эта война и продлится всего два года? В любом случае моя племянница уже на пути в Паденброг и будет здесь со дня на день. Свадьба состоится в следующем месяце. Готовьтесь!

Обладай Согейр хотя бы толикой тщеславия, он был бы

счастлив ухватиться за предоставленную возможность породниться с королевской семьей, но он слишком хорошо знал изнанку предлагаемых благ. Другой бы на его месте обрадовался, что его сын станет наследником, но Согейр со свойственной ему осмотрительностью услышал, что его сын станет мишенью Теабрана, а возможно, ещё и Тонгейра, когда тот узнает, что задумал король.

Возможно, война с Теабраном и продлится всего пару лет, но всё это время его сын будет самозванцу как кость в горле. И беда легата заключалась в том, что на это предложение ни он, ни Альвгред не могли ответить отказом.

– Мы с радостью принимаем предложение, мой король, – ответил Согейр.

– Да, мой король, – подтвердил Альвгред, и они оба склонили головы перед Осе.

– Я рад это слышать. Теперь я бы хотел ненадолго остаться с твоим сыном наедине. Нам нужно обсудить некоторые вопросы относительно Вечеры и свадьбы.

Когда Согейр уже подходил к выходу, Осе его окликнул.

– Я попрошу тебя об одном одолжении – расскажи королеве о принятом решении.

Согейр пообещал исполнить просьбу и вышел.

Глава 6

Королева-невеста, королева-вдова

Окрылённый новой возможностью её увидеть и угнетённый судьбой, уготованной сыну, Согейр решительно шагнул по длинным многолюдным коридорам Туренсворда по направлению к покоям королевы Суаве. В последний раз они виделись несколько месяцев назад, но её прощальный взгляд из окна, которым она проводила удаляющихся Королевских кирасиров, он никогда не забывал и вспоминал всякий раз, когда ему удавалось остаться в живых после очередной битвы с баладжерами. Он любил свою законную жену Нилу и относился к ней с уважением, но эта женщина занимала в сердце легата особое место, а Нила всегда догадывалась, что делит сердце мужа с кем-то ещё, но кем была её соперница, она не хотела знать.

Слуга сообщил о визите легата, и королева разрешила ему войти.

Суаве в свои сорок лет в глазах Согейра была всё так же красива, как и тогда, когда он впервые увидел её семнадца-

тилетней наречённой невестой Эдгара, которую король привёз из Мраморной долины погостить у него год до её совершеннолетия. Тогда эта девушка – миниатюрная, со светлыми, отливающими лёгкой рыжиной волосами, амазонитовыми глазами и тонкой костью – создавала впечатление чего-то хрупкого, до чего было страшно неаккуратно дотронуться. Она сидела в карете, украшенной перламутром и жемчугом, между отцом и матерью, и готовилась быть отданной королю на берегу озера Траунмер, что служило границей между Мраморной долиной и Ангенором.

Юная Суаве и её старшая сестра Юрире выросли с внушённым им чувством постоянного ожидания того дня, когда весьма практичные и не склонные к лишним сантиментам родители продадут их чужакам, чтобы положить личное счастье обеих дочерей на алтарь семейного престижа. Оллан и Ванора Ферро сами когда-то женились на деньгах друг друга и потому не видели в этом ничего предосудительного. Супруги Ферро были богаты, и богаты настолько, что даже их имена на территории Мраморной долины являлись олицетворением богатства и успеха, чему также в своё время немало поспособствовало их дальнейшее родство с династией Роксбургов. Всё, к чему прикасались их холёные, напудренные эвдонскими белилами руки, мгновенно начинало отливать золотом и звенеть, как монеты в шёлковом кошельке, и потому, когда старшей дочери, Юрире, исполнилось восемнадцать, у порога Эквинского замка сразу начали толпиться

женихи из знатных родов. Родителям был важен лишь капитал их семей, и потому без особых размышлений они отдали свою дочь за старшего сына графа южных земель, Эрнана Монтонари – разумеется, за солидные отступные его отца Коррадо. Их даже не смутил тот факт, что жених был на несколько лет младше невесты. Суаве на свадьбе не присутствовала – родители опасались, что, выйдя за порог Эквинского замка, дочь могла влюбиться в первого встречного, и если это вдруг станет взаимным, данное обстоятельство могло слишком усложнить её выгодный брак с тем, кого выберут ей они. Все семнадцать лет она томилась в замке, и мир её был ограничен террасой на крыше с видом на безлюдный залив. С отъездом сестры она потеряла единственного друга и собеседника и осталась просто ждать, когда ей объявят, что она выходит замуж, а когда этот день настал, Суаве узнала, что её мужем станет не сын графа или наследник фамильного состояния, а сам король Ангенора.

Когда Оллан и Ванора Ферро отдавали дочку чужаку, кирасиры увидели, как из кареты вышла худенькая девочка, завёрнутая в золотую и рубиновую ткани. Волосы её на западный манер были забраны наверх и закреплены перламутровой заколкой, а шею закрывало кольцо из бесчисленных жемчужных нитей. Восточные красавицы редко украшали себя жемчугом, предпочитая носить натуральные камни, а эта девочка больше походила на морскую раковину, чем на ангенорскую невесту. Король Эдгар, с гордой осанкой си-

дя на спине Сумрака, что-то шепнул сопровождавшему его Хранителю ключей, и тот выступил вперёд.

Корвен объявил, что по закону, в случае брака между ангенорцем и невестой из других земель, жених берёт полную опеку над девушкой и ручается беречь её и обеспечивать, а потому она не имеет права забрать из родного дома даже моток ниток. Услышав это, Суаве испугалась и едва не заплакала, но вынуждена была подчиниться. Конечно, она знала об этом законе, но пока он был написан на пергаменте, это был лишь набор слов, а когда совсем юная девушка оказалась перед целым взводом взрослых мужчин, всё внутри неё сжалось до размеров горошины.

Суаве раньше видела короля только на золотых монетах, и во плоти Эдгар произвёл на неё впечатление сильного, решительного, но совершенно неспособного на ласку человека, привыкшего сперва думать, а потом действовать, но в любую минуту готового перерезать глотку врагу. Он её напугал. Так напугал, что она даже не пыталась оценить, красив ли её будущий муж или нет. А его серый бык с подведёнными чёрным глазами и вовсе внушал ей ужас. Ангенорцы в глазах дочери торговцев представляли дикарями, как те, что седлали волков.

Эдгар заметил, как она побледнела, и приказал всем всадникам отвернуться, а двух служанок послал помочь девушке. Невидимая глазу Согейра нагота Суаве смутила юного воина, хотя он уже знал женщин и был женат. Служанки помог-

ли ей снять всё до последнего браслета, даже жемчужные серёжки, и закутали юную леди в шаль из белоснежного шеннойского шёлка. Всю одежду и украшения они отдали матери и отцу, и те попрощались с дочерью, а потом Суаве села в запряжённую двумя рыжими быками карету короля, откуда весь путь до Паденброга пугливо взирала на чужие ей земли.

Известный своей свирепостью в бою Эдгар также отличался редкой способностью весьма холодно смотреть на многие вещи. Например, на брак и семью. Его отец, король Эссебрид, всегда слыл знатным сластолюбцем, в чём старший сын его упрекал, так как из-за его невозможности удержаться от соблазна при виде хорошенького личика на севере теперь может стать беспокойно. Эдгар же всегда следил, чтобы ни одна из его любовниц не понесла незаконного ребёнка, а став королём, и вовсе решил быть в отношении женщин более практичным. В отличие от своих предков он не собирался жениться сразу после коронации, решив повременить до тех пор, пока не наведёт порядок в королевстве, которое рвали на части междоусобицы, но когда его мать, будучи уже при смерти, благословила его на брак, Эдгар занялся поисками невесты. Ни на какие портреты, предоставленные благородными семьями Ангенора, он не смотрел – в будущей жене ему было важно лишь то, что её семья сможет дать короне, а она – наследнику.

Суаве была наследницей Мраморной долины, края, где

испокон веков занимались торговлей. Самое большое количество рынков, площадей, банков – вот чем была та долина, а потому была нужна короне как воздух. Родители будущей королевы происходили из древнейшего рода торговцев мрамором и украшениями из перламутра и жемчуга и считались хозяевами долины. И поскольку семья Ферро уже находилась в дальнем родстве с королями, ведь жена короля Эссегеретта Роксбурга Нуэва была из рода Ферро, Эдгар уделил Суаве особое внимание. Повторно соединив род Роксбургов с её, Эдгар укреплял как своё финансовое положение, так и обеспечивал выход на морские торговые пути через Бронзовое море. А сама Суаве, помимо прекрасного образования, манер и здоровья, обладала ещё одним неоспоримым преимуществом – её старшая сестра была супругой наследника Кантамбрии, а сам глава династии из Альгарды являлся главнокомандующим огромной армией, – и этого человека лучше всего было сделать своим другом, чем держать на нейтральной политической территории. Вдобавок ко всему, известный своей политикой в отношении эвдонцев граф Монтонари-старший как никто требовал к себе пристального внимания, а брак с юной леди Ферро давал королю замечательный повод всегда держать южан на виду.

Свадьба, которая состоялась через год, в день совершеннолетия Суаве, прошла пышно и шумно и длилась несколько дней. За весь год пребывания в Туренсворде в качестве венценосной невесты Суаве привыкла к своему жениху и уже

не видела в нём ничего пугающего. Она его ещё не любила, но отдавала должное тому, что он относился к ней с почтением и никогда не обижал, а поэтому свадебное веселье не было омрачено для неё необходимостью следующего сразу за пиром исполнения супружеских обязанностей. Эдгар же и в этом вопросе проявил чувство такта. Суаве нравилась ему, и он не хотел нападать на неё, как изголодавшийся зверь. Она волновалась, и он не потребовал от неё больше, чем она могла ему дать, а потом ушёл, оставив свою заласканную королеву одну. Он и позже не считал необходимым появляться в её опочивальне чаще, чем это требовалось для зачатия наследника, после чего предпочитал уходить и заниматься делами королевства.

Постепенно, сам не замечая того, он находил предлоги оставаться с Суаве подольше. Однажды ночью, лёжа под балдахин, она начала говорить о прочитанной накануне книге, которую ей подарил Осе, и Эдгар почувствовал прежде незнакомый интерес к рассуждениям женщины о том, в чём он никогда прежде не находил для себя пользы. Суаве привила мужу интерес к поэзии, которую в качестве увлечения своего младшего брата Эдгар считал делом не стоящим внимания и пустым. Тогда он ещё и подумать не мог, что всего через несколько месяцев, будучи раненным в бою с баладжерами за тюки соли, – в первом и последнем бою, который он проиграл, – единственное, о чём он будет думать, истекая кровью среди трупов своих людей, будет Суаве. И что имен-

но мысли о ней, о том, что Эдгар должен к ней вернуться, помогут ему выжить.

Уже добравшись с остатками войска до Паденброга, он и сам удивился, как близость неминуемой смерти поменяла его приоритеты. То же самое произошло и с Суаве, когда ей донесли вести о возможной гибели короля. Она не могла сказать, что любила его, но страх, что она его больше никогда не увидит, что-то в ней изменил, и это заставило королеву всю ночь и весь день просидеть у окна, не сводя глаз с горизонта в ожидании возвращения воинов. Она ни на шаг не отходила от мужа и выхаживала его, будто он её ребёнок, даже ночи она проводила, лёжа с ним, положив голову ему на плечо, и заплакала от счастья, когда король смог встать с кровати. С того дня они ни на шаг не отходили друг от друга, проводя вместе все дни и ночи. Придворные не узнавали короля. Они никогда не видели его влюблённым. Их воюющий король впервые обрёл мир.

Сразу после выздоровления Эдгар отказался от политики захвата новых земель.

– Я и мои воины превратили Ангенор в самое большое королевство, – говорил он, – пора остановиться и защищать то, что у нас есть.

У него было множество планов в отношении Ангенора и семьи, но все они были перечёркнуты в ту ночь, когда балджеры в очередной раз подожгли Вильхейм, и это пламя было видно на горизонте с башни Юрто.

Король не хотел ввязываться в эту войну и не хотел оставлять беременную жену – он будто чувствовал, что в этот раз не вернётся. Так и случилось. Его люди отбили замок, но Эдгар был ранен стрелой, смазанной ядом черноцвета. В Паденброг его доставили уже мёртвым. После похорон Эдгара в Долине королей Суаве неделю не выходила из покоев и оплакивала супруга, а потом слуги слышали крики – у королевы начались схватки. Хранителю ключей вспомнились последние слова Эдгара, которые он сказал ему перед тем, как отправиться в бой.

– Пусть ребёнок правит, – сказал он. – Пусть носит корону. Это будет настоящий король.

Он пребывал в уверенности, что родится мальчик, и никто во дворе не допускал даже мысли, что может быть как-то иначе. Даже в день, когда Суаве разрешилась от бремени, – из-за суеты это случилось, затянувшегося ли ожидания на фоне всеобщей скорби или по иной неизвестной причине – но колокол на башне Юрто прозвенел ровно пятьдесят один раз, и Паденброг больше суток думал, что родился наследник, пока эту уверенность не развеяли слова камергера. Королева родила девочку, имя которой дал брат короля. А через два месяца после завершения траура Огасовар Эсегридеон Роксбург впервые надел алмандиновую корону.

Всем при дворе было с самого начала известно, что этот мужчина со слабыми, вечно холодными руками, изнеженный поэзией и вопросами теологии, всегда питал к жене брата

отнюдь не родственные чувства. Поэтому никто не удивился, когда именно её он и предпочёл взять в жёны после коронации, и это решение не прибавило новому королю уважения людей. Суаве же согласилась стать его женой, потому что по большому счёту ей уже было всё равно – своё сердце она оставила с мужем в склепе в Долине королей.

С тех пор прошло восемнадцать лет. Королева так и не полюбила второго мужа, но родила от него двоих детей. Даже после второго замужества она не сняла чёрный вдовий кушак, в котором король видел неприкрытое оскорбление своих чувств.

Скорбь по Эдгару и сыну отняли у Суаве часть её красоты, но в глазах Согейра она всегда оставалась такой же красивой, как и была.

Когда он вошёл, королева вышивала, сидя в обитом бархатом кресле. На столике у её кровати лежала чёрная книга с четырёхконечной звездой Святой благодати, которую она читала вместе с отцом Ноэ, а рядом стояло небольшое зеркало и лежал набор разноцветных шёлковых ниток.

Слуга закрыл дверь, и они остались наедине.

– Моя королева. – Согейр поклонился, но ни одно из одолевающих его тёплых чувств не пробилось сквозь его суровое, побитое войнами выражение лица. Суаве улыбнулась и в его мечтах протянула ему руку, которую он нежно поцеловал.

– Согейр? Ты вернулся?

– Да, моя королева. – Он сделал решительный шаг вперёд. – Король вызвал меня и сына из Вильхейма раньше смены караула.

– Я слышала, на вас снова напали. Как Альвгред? С ним всё в порядке?

– Да, моя королева. Он храбрый воин и ещё не раз переломает кости этим дикарям из Псарни. О нём ещё будут слагать песни.

– Ни минуты в этом не сомневаюсь. – Её мягкое лицо будто светилось белизной в лучах пробивающегося сквозь окна солнца. – Что тебя привело? – Королева закрепила иголку с золотой нитью у пялец. Согейр усилием воли приказал себе не разглядывать Суаве, как какой-то мальчишка.

– Моя королева, я только что разговаривал с Осе. Он поручил мне донести до вас благие вести.

– Мой муж набрался смелости отменить убийство детей, которое называют тавромахией?

Мраморная долина была последней территорией, присоединённой к королевству, и традиция усмирения быков ещё не успела укорениться в умах её жителей. Оттого всё представление о ней маленькая Суаве черпала из рассказов приезжих купцов и гостей. Тогда тавромахия представлялась ей красивым действием, где доблестные юноши борются с быками, подчиняя своей воле невероятную силу, но все её иллюзии развеялись в первый же год жизни в Паденброге. Увидев состязание единожды, Суаве больше не появлялась на арене

Туренсворда – всё её естество противилось кровавому зрелищу. Лишь однажды она сделала исключение, когда сын попросил её поддержать его. После гибели Кирана всё, что было связано с тавромахией, вызывало у неё тошноту.

– Нет, моя королева, – ответил Согейр. – Это касается вашей дочери.

– Ясна? Она снова следила за Влахосом? – Суаве махнула рукой. – Я знаю. Слуга сказал, что снова видел её в конюшне. Ох уж это её увлечение! – На губах королевы заиграла улыбка. – Не стоит беспокоиться, Согейр. Я доверяю Влахосу, а он весьма благоразумен. Я надеюсь, король не злится? Он единственный ничего не знал.

– Нет, моя новость не о Ясне, она касается другой вашей дочери – принцессы Вечеры.

Королева будто изменилась в лице. Она отложила шитьё.

– С ней что-то случилось? – Глубокая морщина прорезала её переносицу.

– Нет, – поспешил успокоить её легат. – Нет, что вы! Всё совсем не так – король даровал принцессе помилование.

Облегчение громким вздохом вырвалось из груди королевы. Она поднялась, и глаза её наполнились слезами.

– Она едет сюда?! Скажи, что она уже едет! – Суаве бросилась к мужчине. – Скажи!

– Да. – Легат с трудом сдержал порыв обнять её и вцепился пальцами в перекинутый через руку плащ, будто то была его перед ней защита. – Король отослал письмо в Эквин-

ский замок несколько дней назад. Принцесса уже в пути. Её видели возле озера Веверн, значит, в Паденброге она будет совсем скоро.

– Значит, это правда?! – Волнение охватило Суаве.

Согейр никогда не стал бы ей врать. Счастливые слёзы покатались из глаз королевы, и легат бы многое отдал, чтобы смахнуть их с её лица. Суаве не подозревала, какой жар бушевал в стоящем напротив мужчине и как он гордился тем, что именно он принёс ей эту радость.

– Он послушал тебя! – Королева закрыла лицо руками. – Он услышал!

– Я был бы рад, если бы в этом была моя заслуга, но, к сожалению, это не так. Король сам принял это решение.

– Значит, он понял свою ошибку. Я знала, что он одумается. Боже, моя девочка скоро вернётся! Он её простил.

Согейру не хотелось озвучивать истинные мотивы Осе, но он не имел права их скрывать.

– Вот оно что? – Восторг Суаве потух, когда легат переказал ей планы короля. – Мой муж принял решение спастись за спинами наших детей. Нет-нет, не спорь. Это так.

– Свадьба состоится в следующем месяце.

– Ты не хуже меня знаешь нрав касарийского самрата.

– Да.

– Альвгред хороший мальчик, но он станет такой же разменной монетой, как и моя дочь.

– Боюсь, что так.

– Но ты же не позволишь никому их использовать?

– Может быть, в моих жилах и течёт половина касарийской крови, но в груди у меня бьётся ангенорское сердце, которое принадлежит только моему королю и королеве.

Возможно, его слова и прозвучали для чьего-то уха высокопарно, но Согейр говорил искренне, как думал и чувствовал.

Суаве это понимала.

– Я хочу, чтобы ты встретил Вечеру, – сказала она. – Я хочу, чтобы дочка вернулась в замок невредимой – у озера небезопасно. Она только делает вид, что ей ничего не страшно, но это не так.

– Я встречу и сопровожу Вечеру до ваших покоев, – пообещал Согейр.

Благодарная улыбка появилась на красивом лице королевы, и она провела рукой по щеке старого друга.

Он знал, что этот жест продиктован лишь искренней благодарностью по отношению к нему, но её прикосновение слишком туманило его разум, перевешивая чашу весов в сторону желания и инстинктов. Она убрала руку.

Согейр откланялся, вышел из покоев и решительным шагом направился прочь из замка к Ласской башне, где его ждала жена.

Глава 7

Семейные узы

Альвгрета нигде не было видно. Согейр спросил слугу, и тот сказал, что король всё ещё беседует с юношей. Легат решил не ждать. Он спустился вниз по широкой винтовой лестнице, на которую сквозь высокие витражи падало солнце, и оказался в просторном холле.

Замок ничуть не изменился за то время, пока Согейр отсутствовал, но сам воин после каждого сражения с баладжерами возвращался в него немного другим – лицо умершего у него на руках кирасира, паренька, который прошёл тавромахию всего год назад, всё ещё стояло у него перед глазами. Тот баладжер раскроил ему шею Лапой, и мальчик захлебнулся собственной кровью, а его бык, Скорпион, грустно глядел на своего умирающего хозяина, положив тому голову на бедро. До шестнадцати лет Согейр не допускал и мысли, что у быков, да и животных вообще, могут быть какие-то эмоции и чувства, но потом он стал кирасиром и понял, что всё совсем не так. Да и Инто, слуга, всегда говорил ему, что

боевые быки очень разумны, разве что говорить не умеют. Может оно и к лучшему, что не умеют? Иначе бы Согейр наверняка наслушался причитаний от своего Ревущего за то, что легат постоянно тыкает его шпорами.

Всюду чинно беседовали разодетые, как на бал, придворные дамы и кланялись угодливые слуги. Откуда-то доносилось эхо песен и музыки. Кто-то смеялся, кто-то тихо сплетничал. Согейр завидовал этим людям, которые за повседневностью своей праздной жизни не знают, какие кровавые ужасы творятся у них перед носом. Он вышел на улицу.

Чуть поодаль у кузницы на лавках сидело несколько раздетых по пояс солдат. Это были эвдонцы, сразу видно – все рыжие, подобно детям огненного вихря, высокие, крепкие. Ангенорцам и кантамбрийцам нужно было проливать пот на плацу от рассвета до заката, чтобы держать себя в форме, а эвдонцы будто уже рождались с сильными рельефными мускулами, которые они считали необходимым прикрывать кирасами только в случае атаки или зимой. Они играли в карты, которые кто-то прихватил во время побега из дома, а Иларх, их командир, стоял рядом, точил топор, по лезвию которого тянулся эвдонский узор из корней деревьев, и грозно посматривал на игроков.

Иларх, как и все его люди, был дааримом, что значит по-эвдонски «осквернённый», то есть происходил из самой низшей касты. Это значило, что к нему и ему подобным на острове применялись самые жестокие законы из существующих

там. На Эвдоне считали, что дааримы произошли от муравьёв, которые жили в коре первого дерева Каратук и разьедали его древесину, и потому за людей дааримов на острове никто не считал.

Другими кастами были ксарды – ремесленники и торговцы, анаары – воины, нумар – люди науки и Даимахи – постулы Эвдона, которые дали обет чистоты крови своей касты. Они и представители других каст подвергали дааримов всем видам унижений, которые рассматривались как благодать, потому что те и так были слишком грешны от рождения. Возможно, по этой причине душа Иларха, в отличие от души Согейра, уже давно перестала саднить после каждого сражения, а память моментально вычёркивала картинки с изуродованными телами – он уже привык к тому факту, что жизнь жестока, и потому не стоит ждать от неё справедливости.

С Согейром они не были друзьями, но уважали друг друга. Иларх годился Согейру в отцы, но назвать его стариком у легата не поворачивался язык. Совершенно лысый, с густой белоснежной бородой, украшенной разноцветными деревянными бусами, с проколотыми ушами, этот жилистый эвдонец нависал над своими людьми, как Многоликая гора нависала над Паденброгом. Это был сильный мужчина, даже в своём почтенном возрасте способный в одиночку поднять ствол дерева и кинуть в сторону на несколько метров. Силён он был так же, как и плодовит. Двое из его сыновей

примкнули к его отряду, ещё один уже давно стал Королевским кирасиром, трое умерли во младенчестве, а его младшему ребёнку, дочке, весной стукнуло пять, и они с дочерью Согейра часто устраивали проказы, за что обе получили прозвище Стрекозки.

Из защитной одежды Иларх носил специальный панцирь с оттиском двух перекрещённых топоров. По закону Эвдона ни он, ни другие беглецы более не имели права носить символ острова, но Иларх, негласный глава войска перебежчиков, хоть и ненавидел Даимахов всей душой, распорядился нанести на доспехи этот знак, чтобы воины даже на чужбине не забывали, кто они и чья кровь течёт в их жилах.

На родине за голову Иларха, как и за головы тысяч беглых дааримов, была назначена цена. Нет, сам он ничего не сделал против эвдонских законов, но вина лежала на одном из его сыновей, который по глупости сболтнул лишнего и тем самым подписал и себе, и своей семье смертный приговор. Иларх не мог позволить родным погибнуть из-за слов глупого мальчишки и проложил себе путь на свободу через трупы анааров.

Ангенорские солдаты звали их случайными воинами, потому что почти все эвдонцы до побега были слугами или чернорабочими и никто из них не имел никакого отношения к настоящей армии. Эвдонцы дрались бессистемно, нападая толпой, окружая жертву, как пещерные люди во время охоты на вепря, и брали массой, а вовсе не тактикой. Но во время

драки эвдонцы были подобны вихрю и бились они по-эвдонски – пока не падали замертво. Истину говорили об эвдонцах – в них текла кровь мятежная, буйная, звериная. Кровь зверя, который долго томился в клетке и, наконец, вырвался на свободу.

Эвдонцев было сложно приучить к дисциплине, в отличие от кирасиров или кантамбрийцев, и потому король предпочитал держать их отдельно от остальной армии и поручал им мелкие задания, например, такие, как разведка. Эвдонцы умели подкрадываться бесшумно, будто ноги их ступали не по траве и камням, а по воздуху, и потому были незаметны как лазутчики.

Они пожали друг другу руки, и Согейр передал Иларху приказ короля.

– Эта северная крыса всё никак не угомонится, – огрызнулся бородатый эвдонец и сплюнул себе под ноги. – Драть его надо, драть, как продажную девку, и дело с концом, а не церемониться.

Голос у Иларха был грубый, под стать его внушающей опасения внешности, рокочущий и громкий. Когда он гонял своих людей по плацу, редкий человек не ловил себя на мысли, что ему хочется поскорее удрать и не попадаться эвдонцу на глаза, дабы не навлечь на себя его гнев. Иларха побаивался даже наглый бык Альвгрета Лис, который, заметя его рядом, спешил выставить вперёд рога, чтобы быть готовым к атаке.

– Подняли задницы! – гаркнул он на своих людей, как на кухонных мышей, и со свистом рубанул топором рядом с разложенной колодой карт.

Кáлхас, старший сын Иларха, разочарованно кинул карты на стол и встал, бурча себе под нос что-то на родном наречии. Согейр не сомневался, что своих сыновей Иларх воспитывал точно так же, с матершиной и подзатыльниками. Становилось понятно, откуда в Марции взялась такая тяга к нарушению субординации.

Прежде чем развернуться и уйти, Иларх взглядом указал легату посмотреть вниз. Рана на ноге Согейра снова открылась, и кровь залила песок под его стопой.

– Шёл бы ты к жене, – сказал Иларх без особой заботы. – Ещё помрёшь.

На том они и расстались.

Каждый встречный кирасир отдавал честь своему командиру, поднимая вверх замотанный в бордовую повязку кулак. Только в Ангеноре было принято делать это левой рукой. В соседних графствах левая рука считалась нечистой, но ангенорские военные считали, что правая рука обязана всегда находиться на оружии.

На заднем дворе у бычьих загонов легату встретился Инто, мальчишка-конюх. Невысокий и нескладный, как телята, которых Инто как раз в этот момент гнал за ворота, чтобы те пожевали свежей травы, он все силы оставлял на конюшне и трудился сутками, почти ничего не тратя из заработанных

денег. Мальчишке вот-вот должно было исполниться шестнадцать, и он уже начал мужать. Телята были совсем ещё маленькими и неуклюжими и постоянно цеплялись друг за друга рогами, слишком длинными для их голов, а зацепившись, мычали и смешно дёргали головами, а Инто мчался их разнимать. Его не пугало, что они могут случайно проткнуть его, он всё причитал, как же из них вырастут боевые быки, если они не могут даже пройти мимо друг друга, не зацепившись.

Отец Инто бил его, но парень упорно врал, что его синяки и ссадины на лице – от бычьих копыт и рогов. Увидев Согейра, он поднял жилистый кулак левой руки. Легату нравился этот смышлённый, чернявый, как цыган, мальчишка, и он уже давно преодолел в себе суеверный страх при взгляде на его шестипалые руки. Но Согейр был едва ли не единственным, кто не относился к Инто с опаской. Его отец, сильный, как шатун, обзывал его выродком, ублюдком, отродьем Чарны и самым обидным словом «баладжер» и сокрушался, что не утопил его в колодце ещё во младенчестве, как котёнка. Этот беспробудный пьяница верил, что его беременную жену прокляла Чарна, потому сын и родился с шестью пальцами, и оттого бил сына и жену почти постоянно и жёг их раскалённой кочергой. Местная детвора тоже Инто не любила. Дети дразнили его и обливали водой. Мальчик считал себя уродом и вырос без друзей, а потому только и делал, что работал, не жалея сил, и лелеял когда-то зажжённую в его

пылком сердце словами Гезы мечту стать кирасиром.

Спустившись по каменной лестнице, Согейр обогнул Ласкую башню и оказался у тяжёлой входной двери, обитой железом. У стены, обидевшись на весь белый свет, стояла пятилетняя Има и ковыряла прутиком стык между грубо обтёсанными серыми камнями. Согейр мог поклясться, что за время, пока его не было, дочка подросла на несколько сантиметров. Девочка тяжело и по-детски смешно вздыхала и хмурилась лобиком, что могло значить только одно – мама снова наказала Стрекозку.

– Кто это у нас тут грустит? – прошептал Согейр, склонившись над её ушком.

Девочка обернулась и с радостными криками вихрем взлетела на руки отца, обхватив его липкую от пота шею руками.

– Папа! Папа вернулся! – У Имы уже начали меняться зубы, и потому она смешно пришепётывала.

Согейр души не чаял в своих детях, и все это знали. Поразительные метаморфозы происходили в нём, когда он их обнимал. Грозный воин, безжалостно режущий глотки баладжерам, при виде своей дочки превращался в добродушного и нежного папу. Воспитывая из сына достойного воина, он без остатка отдавал себя единственной дочери, балуя её, не находя возможности ею вдоволь налюбоваться. И хоть Има была некрасивым ребёнком, это не мешало отцу называть её красавицей.

Он зашекетал свою девочку, и та радостно заверещала.

– Кто это у нас тут грустит? Кто? – Согейр подхватил своё дитя как пушинку и подбросил вверх.

– Има! Има! – смеялась она. – Папа! Ещё!

– Что? Подбросить тебя выше? – И он подбрасывал её выше, и она всё радостнее смеялась.

Как же он по ней соскучился.

– А где мама? – Согейр поймал дочку и усадил на руку.

– Дома, – ответила она, прижавшись к шее отца лбом.

– И что же она делает?

Девочка пожала плечом.

– Не знаю.

– Как так? Ты же всё время ходишь за ней хвостиком.

– Она меня наказала, – тяжело вздохнула девочка.

– Наказала? – Согейр скорчил сочувствующую рожицу. –

Что же ты натворила?

– Ничего. – Девочка широко распахнула честные глазки и уставилась на отца. – Он сам упал. Сам!

– Кто упал?

– Кувшин с молоком. Мама поставила его на самый край, и мы с Флавией просто играли, а потом он упал и разбился.

– И вы были совсем-совсем не виноваты?

– Совсем-совсем, – вздохнула Има.

– Тогда давай пойдём к маме и всё ей расскажем.

– Я говорила, но она меня всё равно наказала!

В её звонком голоске звучала самая настоящая обида

на вопиющую несправедливость.

– А мы сделаем так, чтобы она тебя простила. Идёт?

Ласковый ребёнок радостно закивал, обхватил ручонками папину шею и звонко чмокнул отцовскую колючую щёку.

По размерам Ласская башня немногим уступала донжону Туренсворда, с той лишь разницей, что у неё не было никаких углов, а подземных помещений для укрытия здесь имелось гораздо больше. Согейр поднялся на второй ярус, где располагались комнаты кирасиров, и прошёл по длинному округлому коридору. Внутри никого не было – обычно в это время его солдаты проходили построение на плацу позади башни. Дверь в один из чуланов оказалась приоткрытой, а оттуда доносился женский смех. «Марций», – покачал головой Согейр. Сын Иларха, ставший кирасиром. Сколько раз он ему говорил идти за утехами в Миртовый дом, а не тащить девок в башню, но для этого задиры слова командира имеют значение только во время боя.

Согейр быстро прошмыгнул мимо двери, чтобы Има не увидела чего-то непристойного для глаз ребёнка.

– А почему в чулане смеётся тётя? – вытянула шею девочка, пытаясь заглянуть внутрь.

– Потому что Марций привёл её в гости.

– А что они там делают? Он её щекотает?

– Марций любит щекотку не меньше, чем приводить гостей.

– И ты? Ты тоже любишь гостей?

– А у меня есть твоя мама.

– А я тоже была у Марция в гостях, но он меня не щекотал.

Согейр смерил дочку взглядом.

– Неужели? Это когда же?

– Сегодня утром. Он дал мне черешен. Марций хороший, а ты его ругаешь.

– Я его командир, иногда приходится его ругать.

– И меня?

– Тебя – нет, ты же у меня послушная девочка?

– Послушная. – И девочка хитро заулыбалась.

На кухне вовсю готовился обед, и всюду пахло тушёной морковью, жареным мясом, свежей выпечкой и жжёным сахаром.

Жена Согейра Ниливия, Нила, была дочерью торговца лошадьми из западной части Мраморной долины, который получил титул от короля Эдгара и замок Ревущий холм за то, что даровал короне несколько дюжин лучших коней, когда эпидемия Чёрного мора уничтожила почти всех жеребцов в королевских конюшнях. Нила всю свою жизнь работала на ферме отца близ берега Бронзового моря и помогала братьям, и даже после получения титула и замужества не переменила привычный образ жизни на тот, что был присущ другим придворным дамам.

Знать западной Мраморной долины никогда не чуралась даже чёрной работы в отличие от изнеженных графов Ангенора, чья кожа на руках была нежнее шенойского шёлка.

В Мраморной долине, если ты не торговец, как семья Ферро, аккуратные руки считались признаком лентяя и сибарита, а это не внушало доверия. Когда Согейра не было дома, леди Ревущего холма помогала поварам готовить для голодных кирасиров – так ей было легче переживать отсутствие мужа, которое иногда длилось месяцами. Придворные дамы за глаза называли её Леди-служанкой, но Нила пропускала мимо ушей колкости знатных бездельниц, потому что они только и умели, что сплетничать, тогда как у самой виновницы этих толков было полно более важных дел, чем оправдываться.

Сейчас она как раз хлопотала у очага, помешивая сразу в трёх котлах жаркое. Горячий пар лизал её лицо, и на обсидиановой коже выступали каплипряного пота. Нила быстро смахивала его тыльной стороной ладони и вытирала о фартук. Угольные локоны выбивались из-под платка, который женщина обычно повязывала во время готовки, кожа впитывала ароматы аппетитного мяса и специй. Любимая картина Согейра.

Легат заговорщически посмотрел на дочку, бесшумно опустил её на пол и жестом показал Име молчать. Увлечённая работой Нила не слышала, как мужчина подкрался к ней сзади. Она была миниатюрной женщиной, и Согейр навис над ней, как великан. От её чёрных волос, забранных в косу на затылке, приятно пахло мылом и перцем, а от кожи – приправами. Муж приник губами к темечку жены и поце-

ловал. Нила застыла, и её серые, как мокрый гранит, глаза от неожиданности широко распахнулись. Деревянный половник завис между котлами. Она обернулась.

– Согейр! – с облегчением воскликнула женщина и прижалась к мужу так сильно, будто не надеялась больше его увидеть, а потом расцеловала всё его лицо от лба до подбородка, куда смогла дотянуться. Согейр обнял её и поднял над полом.

– Ты вернулся! – повторяла она. – Ты вернулся!

Рядом воробышком прыгала Има и щебетала:

– Папа вернулся!

– Я так переживала! Мне сказали, на вас напали! Проклятая башня, проклятая крепость! – шептала она ему в шею.

– Всё хорошо, – успокаивал её муж, упиваясь ароматом родного женского тела. – Уже всё хорошо.

Но его слова были прерваны долгим поцелуем. Как же он по ней скучал.

– Где Альвгред? – спросила Нила, отстранившись от Согейра. Она положила обе ладони ему на шею и нежно погладила большими пальцами исцарапанный подбородок. – Он цел?

– Да, наш сын храбрый воин. Он сейчас с королём.

– Зачем? Что-то случилось?

Согейр, вопреки приказу короля, посчитал необходимым рассказать ей всё, что знал. Нила всё равно никому не расскажет, она умела хранить секреты, особенно, если они ка-

сались её семьи.

– Не может быть! – ахнула женщина и поспешила к закипающему котлу с похлёбкой. – Как король мог только додуматься до такого?

– Он король. Он может всё.

– Не нравится мне эта затея! – покачала головой Нила, и на её лице отразилась серьёзная озабоченность неприятной новостью.

– Мы не могли отказаться. Это была не просьба, а приказ. Ты же понимаешь.

– И что же теперь будет?

– В лучшем случае мы получим союзника на севере. В худшем – мой дядя останется к нам совершенно безразличен, как и был, мы не получим ничего, и нам придётся справляться своими силами. По крайней мере, я так думаю. Но как подумает Тонгейр, одним богам известно.

– Значит, война неизбежна? Неужели ничего больше нельзя сделать?

Согейр тяжело вздохнул.

– Об этом ещё слишком рано судить. Войска Теабрана ещё далеко.

– Далеко? – воскликнула Нила. – Влахос и Сеар добрались до Негерда за несколько дней и вернулись обратно.

– Я не думаю, что в планы Теабрана входит атаковать Паденброг в лоб. Он будет делать всё, чтобы спровоцировать нас. Ложный король отсиживается в районе Приграничья

и ждёт. Воины Иларха уже отправляются туда, где видели небольшое войско. Когда они вернутся...

– Если они вернутся.

– Не волнуйся. – Он нежно поцеловал щёку любимой жены. – Всё обойдётся, я уверен. А если Теабран подберётся к городу, нам будет чем ему ответить.

– Ты об этом Монтонари? Не доверяю я этому южному графу. Он может в любой момент отозвать свои войска, чтобы напасть на Шеной. И с чем останемся мы? О боги, я так боюсь! А ещё этот брак! Что теперь будет с нашим сыном?

– Он уже взрослый и всё понимает. Он справится с этой ношей.

– Ему всего девятнадцать.

– В его возрасте я стал легатом.

– А он станет врагом самозванца, в чьих руках многотысячная армия.

– Всего на два года. Король уже выбрал мужа для Ясны. Как только она выйдет замуж, всё изменится.

– Но два года! Я слышала о предсказании Гезы, а она не ошибается. Помнишь, как она сказала, что второй у нас родится дочка, и я родила Иму? А смерть наследника? А изгнание Вечеры? Она же передала ей кусочек мрамора во время службы на площади, и ту отправили в Мраморную долину уже через месяц. А теперь она говорит, что королевство будет расколото! Оно и так уже разбито, как кувшин! Всё бесполезно, Согейр, ты понимаешь? Всё!

Легат тронул губами висок жены, и она ответила ему тёплым объятием.

– Леди Полудня тоже ошибается. Помнишь, Геза как-то сказала, что перед тем, как белое полотно станет алым от крови, город покроет огненный дождь?

– А бунт кожевников? Их флаги были белыми. А их тела после казни? Их заворачивали в их же флаги, и они стали алыми от крови.

– Но в городе не было никакого дождя в том году, целый год. Была засуха, будто Дерву снова утащили в пещеру Невинности. Тем более не было дождя из огня. А что она сказала про Иму, когда ты была на сносях? Что наша дочка не произнесёт ни слова, но, как видишь, это не так. Геза ошибается. Не стоит слепо верить всем словам этой женщины.

Нила крепче прижалась к мужу и вздохнула.

– Ох, если бы ты только знал, как я за вас переживаю.

– Я знаю.

Он не хотел расстраивать её ещё больше, но сказал:

– Королева попросила меня встретить принцессу Вечеру и сопроводить в замок.

– Когда?

– Через несколько часов.

– Но ты только что вернулся. – Нила отстранилась от мужа.

– Я уеду всего на полтора дня...

Как раз в этот момент всё время крутившаяся под ногами

Има задела локтем больную ногу отца, и Согейр вскрикнул от боли. Нила испуганно запорхала над мужем.

– Что?! Что случилось? О боги, ты ранен!

Его ботинок оказался пропитан кровью, но легат не дал себе осесть на пол. Нила крикнула служкам в соседнюю кухню, чтобы они заменили её, и помогла мужу выпрямиться.

Их комната была маленькой, но стараниями Нилы уютной. Она усадила мужа на кровать и помогла ему стянуть поножи и кирасу, плотно облегающую его торс. Има сразу закуталась в пыльный отцовский плащ и бордовым коконом плюхнулась в плетёное кресло под окном, высунув наружу только босую ногу.

– О боги, здесь всё в крови! – всплеснула Нила руками, снимая старые повязки с ноги мужа. – Рану надо промыть.

– Она уже почти не болит, – успокаивал её Согейр, хотя у него в глазах потемнело от боли.

Нила взглядом дала мужу понять, что врать он может где-нибудь в другом месте.

– Лезвие могло быть отравлено, – сказала она с укоризной. – Баладжеры всегда травят лезвия своих мечей. Ты сам говорил.

– Хорошо, что иногда я бываю не прав. Если бы оно было отравлено, я бы уже умер.

Но Нилу было уже не остановить. Она побросала кровавые повязки в воинский щит, как в какой-то медный таз, и стремительно вышла из комнаты.

Слуги Ласской башни по её просьбе натаскали воды в ванную в смежной комнате, а сама женщина нарезала чистые повязки из когда-то припасённого мотка хлопковой ткани. И откуда он у неё взялся? Хотя какой толк был в этом вопросе, когда речь шла о леди Ревущего холма, самой запасливой женщине в мире? Если нужно перевязать рану, у неё найдётся и ткань, и лечебные травы, которые она брала у Гезы впрок. Если Име нужно было починить порванное платье, у Нилы всегда оказывались под рукой нитки и иголка. Покосилась кровать? Нила всегда хранила в корзине под столом молоток и пару гвоздей. Согейр не сомневался, что если ему однажды понадобится новый шлем, она достанет его из кучи тряпок в чулане.

Когда Согейр опустился в тёплую мыльную воду, по его мышцам прокатилась долгожданная волна расслабления. Он позволил усталости закрыть ему глаза и погрузился в полусон, пока Нила бережно обтирала его плечи и шею мочалкой, аккуратно касаясь пальцами новых ушибов и царапин. Когда она поцеловала его в шею, в приятной дрёме ему представилась Суаве, но, когда Согейр разомкнул веки, хрупкий образ королевы двух королев растаял у него перед глазами, как снежинка на горячей ладони. Нила соскучилась по мужу и его крепким ласкам, и муж увидел это в глазах своей любимой жены. Он тоже скучал по её рукам и был рад, когда она, наконец, сняла с себя платье и распустила дивные волосы.

Има так и уснула в кресле, закутавшись в отцовский плащ,

и не слышала ничего, что происходило за дверью. Позже муж и жена, мокрые и разморённые приятной негой, лежали на взбитой перине и пили свежее пиво. Рана на ноге, которую заботливые руки Нилы смазали лечебными травами, потихоньку затягивалась, и пульсирующая боль отступала. Согейр зарылся лицом в волосы жены и умиротворённо задремал.

Глава 8

Наследница альмандиновой короны

Согейр выехал за городские ворота около трёх часов пополудни. По его подсчётам, с принцессой они должны были пересечься ближе к ночи в Алом утёсе, где она остановится на ночлег. Он посчитал, что если они выедут оттуда рано утром, то прибудут в Паденброг уже вечером следующего дня.

Когда легат выводил своего быка за Ворота Воина, Ревущий не разделял желания хозяина угодить королеве и протяжно мычал, всем видом давая понять, что он был бы не прочь остаться в стойле и пожевать ещё сочного сена, чем снова куда-то бежать. Согейр пожалел, что в своё время не назвал быка Занудой.

Альвгред рвался поехать с отцом, но тот ему отказал. Согейр решил, что сын своим волнением выдаст себя и расскажет о намерениях короля. Конечно, Вечера не была глупа

и, скорее всего, уже догадалась, что её помилование вызвано более весомой причиной, нежели мольбы Суаве, но Согейр не думал, что Осе вдавался в подробности в том письме, и поэтому всю обратную дорогу воин предпочитал оставаться единственным хранителем этой тайны.

Хоть Альвгред упорно это и отрицал, но отцу всегда было очевидно, что его сын влюблён в старшую принцессу, и он не знал, радоваться этому или горевать, потому что Вечера никогда не разделяла с юношей его светлые чувства. Порой Согейр сомневался, что она вообще была способна кого-то любить со всей теплотой, свойственной этому созидательному чувству. Вечера никогда не была так же проста, как Ясна, и порой Согейру хотелось заглянуть в её голову, чтобы понять её мотивы и мысли. Однако он не думал, что ему бы понравилось то, что он бы там обнаружил. И если он ещё понимал увлечение своего сына этой девушкой, видя её внешнюю красоту, то он не понимал его к ней любви. Впрочем, иногда ему казалось, что это чувство сына было скорее внушённым ему самому себе, нежели действительно вспыхнувшим в его сердце, когда ему стало тесно в рамках детской дружбы.

Он заметил, что Вечера не плакала, когда погиб её брат, и это внушало ему какое-то зыбкое ощущение чего-то ненормального. А её внезапно появившаяся тяга к холодному оружию только сильнее его настораживала. Иногда он видел, как она на заднем дворе со всей силы молотит мечом деревянный столб, и не понимал, что среди этой злобы рассмотрел

его Альвгред. Согейр не думал, что она станет для его сына хорошей женой.

Ближе к вечеру он сделал недолгий привал у восточного берега озера Веверн, чтобы набрать свежей воды в бурдюк и сменить повязки на ноге. Солнце уже клонилось к острым крышам видневшегося на горизонте замка Алый утёс, и на небе начали проступать первые тени наступающих сумерек. Приятный холодок овевал кожу, а в траве трещали кузнечики. Ревущий отдыхал, уложив свою гороподобную тушу на траву, и громко мычал о чём-то своему наезднику, отгоняя ухом назойливую пчелу. Это животное не переставало удивлять Согейра. Тогда, на арене, когда будущему легату было шестнадцать, Ревущий его едва не убил, а теперь, подчинившись воле человека, с удовольствием ласкался к нему в любой удобный момент, как телёнок, или гонялся за пчёлами. Он что-то пытался сказать Согейру на своём бычьем языке и внимательно смотрел на легата, ожидая ответа. Согейр улыбнулся и брызнул на него водой. Ревущий чихнул и смешно подёргал ушами.

Когда они отдохнули, Согейр забрался на широкую спину Ревущего и уже собрался дёрнуть за поводья, как совсем близко послышался говор и шуршание травы. Из пролеска, что широкой полосой тянулся по берегу, выглянул потрепаный старец с котомками, как у скитальца, собранными в узелок из простой ткани. Рядом с ним устало плёлся мальчишка лет десяти и тащил по земле холщовый, набитый вещами

мешок. Оба они были чумазыми, как если бы давно не встречали ни единой реки.

– Добрый вечер, – поприветствовал путников Согейр.

– Вечер добрый, воин, – ответил легату старик.

Мальчик промолчал и исподлобья уставился на кованный наголовник Ревущего.

– Ты на него не смотри, – махнул дед на паренька. – Он с котёнка был, когда уже молчал. Пару слов-то и знает, да здороваться не умеет.

– Он болен?

– Поди знай? – пожал плечами старик. – Уж сколько мы богов молили с его матерью, пока та живая была, а у него слова к языку присохли.

– Куда путь держите?

– Так в город, воин, в город. В наших краях беспокойно как-то стало. Того и гляди дым на горизонте появится. Вот и решили от греха подальше податься на восток к горам, к королю под крыло. Нам-то что терять? Дом наш Задира размыла, урожая с поля с гулькин нос. Вот пособирали, что осталось, и в путь. Найдётся в городе место для старика с его внуком-то?

Улыбка тронула губы Согейра.

– Конечно, найдётся, отец.

Старик был такой маленький и скрюченный, что вот-вот согнулся бы пополам, если бы не посох. Голодные глаза его смотрели устало, а глаза его внука – угрюмо. Согейр вдруг

ощутил, насколько его покрытый позолотой нагрудный панцирь выглядит неуместно. Он сунул руку в спрятанный под плащом кошелёк и достал оттуда несколько серебряных монет.

– Держите, – он бросил их мальчишке, – до ближайшей деревни пара лиг, купите себе еды. А в Паденброге у городской стены рядом с Воротами Молота, в квартале мастеров, в переулке над прачечной за одну монету вы сможете снять комнату. Спросите любого, где дом с голубыми ставнями – его все городские знают.

Мальчишка похватал монеты и разложил их на худенькой чумазой ладошке с пальцами, похожими на тонкие паучьи лапки.

Путники не могли поверить свалившемуся на их головы богатству – вдвоём они могли прожить на эти деньги пару недель, обеспечив себя хорошей едой и крышей над головой.

Дед заулыбался беззубым ртом, а его глаза наполнились благодарными слезами. Он кинулся благодарить воина, но Согейр в этом не нуждался.

– А ты, стало быть, из Паденброга? – спросил его старик, указывая на щит с бычьей головой.

– Я легат Королевских кирасиров. Из Туренсворда.

У мальчишки как-то странно расширились и без того огромные глаза, став похожими на два гигантских блюдца. Он затеребил дедов рукав.

– Эх, много вас из столицы по долинам скачет, – усмех-

нулся старик. – Та девушка тоже была оттуда.

– Какая девушка? – настороженно наклонил голову легат.

– Так та, в долине. Встретилась нам у юго-западного тракта на той стороне озера. С ней ещё трое слуг были. Хорошая девушка. Вот, с внучком нам хлеба дала. – Старичок ткнул худенькой рукой в мешочек. – Она ещё говорила красиво, не из деревенских была – из благородных.

– Какого цвета у неё был плащ? – Нехорошее подозрение посетило легата.

– Так бурый, – ответил тот, – как твой, а на спине вроде бычья голова золотом вышита. Красивая такая девушка. Пальцы тонкие и белые-белые.

Вечера! Имя принцессы вспыхнуло перед глазами Согейра.

– Она ещё сказала, что едет в горы.

– Как в горы?! – воскликнул легат.

– Ну да. Ещё её слуги начали переспрашивать – будто собирались в другое место, но она настояла.

– Куда именно они поехали, она не сказала?! – Эта новость прозвучала как гром среди ясного неба.

– Так в Долину королей. Зачем, не сказала.

Это могла быть только Вечера! Ревущий почувствовал волнение хозяина и затоптался на месте.

– Когда это было?

– Так утром ещё.

– Мне нужно ехать! Благодарю, отец!

– Не за что, воин, – ответил старик, но Согейр уже дёрнул поводья, и Ревущий помчался вперёд.

В голове Согейра ясно вырисовывалась карта королевства. И легату, мысленно следовавшему её дорогами, на ум приходил неутешительный вывод – он не успеет перехватить Вечеру до того, как она окажется в горах среди ночи, и его поразило её безрассудство.

Долина королей была местом легендарным и очень опасным для неподготовленного путника. Неровные хребты Многоликой горы за Паденброгом служили западной границей этого места, расстилающегося кручами до самых Диких гор. На южном краю находились Звенящие скалы, две из которых наводили ужас на заплутавших путников – Рога Саттелит. Так называли в народе гору, что служила входом в этот некрополь. Когда-то это была обычная скала, но, когда умер Ардо Роксбург, она раскололась на части от вершины до самого основания в виде двух острых рогов. Народ зашептал, что Саттелит сама раскрыла ворота в горы для короля, и наследник Ардо, Дитман I, повелел похоронить отца в недрах каменной долины. С тех пор всех королей династии Роксбургов хоронили именно здесь, выбивая в камне склепы и закрывая их дверями из обсидиана с изображениями картин из славной жизни покойного. Таились эти склепы и в самой глубине скал, среди прорубленных лабиринтов, и снаружи, спрятанные за разросшимися пёстрыми альмионами, где никто не мог нарушить покой мёртвых, поэтому мало кто мог

найти места захоронений, не побывав там раньше. Потеряться в этих горах было равносильно смерти – такое уже бывало. Порой здесь находили тела мародёров, погибших от голода и холода или от зубов местных волков, предпочитавших горной козе или зайцу человеческую плоть. Вечера, равно как и её слуги, никогда в этих местах не была, а потому сердце Согейра билось на уровне горла от испуга, что он её не найдёт или найдёт мёртвую. В голове вихрем проносились самые кошмарные мысли. И как она только могла додуматься отправиться туда? Нетрудно было догадаться, куда она направилась, но какой дорогой она пошла, одним богам ведомо. Королева говорила, что писала дочери, где похоронили её брата – в гробнице под альмионом, что рос прямо из скалы. Но как она думает её найти, если альмионы – единственные деревья, что прижились в Долине королей, а обсидиановые двери гробниц в ночи не видны?

Согейр достиг подножия Рогов Саттелит, когда на небе уже начали появляться первые звёзды, среди которых ярче всех сияла тёзка принцессы. Когда среди тьмы легат сумел разглядеть пламя далёкого костра, словно огромная ноша свалилась с его плеч. Слава богам, принцесса одумалась и не пошла в горы ночью. Он пришпорил Ревущего и через несколько минут настиг беглецов.

Сбоку от левого рога Саттелит трое слуг в толстых плащах винного оттенка с узором из трёх золотых монет сгрудились вокруг костра, как продрогшие воробьи, и жарили кус-

ки хлеба, насадив их на длинные палки. Ещё только подъезжая к ним, Согейр понял, что не видит ни на одном из плащей золотую бычью голову, и страх снова неприятной дрожью скользнул по спине.

Слуги отпрянули от костра, когда воин выскочил на них из ночи, как разбойник. Испуганные лошади заржали. Бык грозно заревел. Курносый мальчишка-слуга неуклюже схватил ксифос и едва не ранил служанку.

– Где принцесса?! – Согейр спрыгнул с Ревущего и одним ударом обезоружил смельчака. – Я легат кирасиров! Королева приказала мне встретить Вечеру по пути в Паденброг! Где она?!

Он сбил безоружного с ног.

– Она у...ушла, – заикался слуга. – Ушла! Сказала нам оставаться тут. Никого с собой не пустила.

– И вы её послушали?!

– Она приказала. Сказала ждать! Сказала, что... отхлещет плёткой, как скотину, если ослушаемся. Пожалуйста, не убивайте!..

Согейр кипел от негодования. Где теперь её искать? Где?

Он отшвырнул слугу в сторону, вскочил на Ревущего и опрометью помчался по тропе сквозь щель между рогов богини, вперёд, во тьму серого камня и наступающей ночи.

Долина королей была лабиринтом из скалистых троп и дорожек, пройти по которым всегда было трудно, особенно если не знаешь, какой камень может тебя подвести. Сам Со-

гейр выучил каждый бугор Долины, пока нёс на плечах гробы с телами короля Эдгара и принца Кирана, и прекрасно знал, как местные уступы бывают коварны.

Легат, ведя в поводу быка, долго брёл в наступающей тьме по узким тропинкам, которые петляли, извиваясь у него под ногами, как раненые змеи. Тут и там из земли пробивалась куца растительность, побитая холодным ветром, и всюду росли альмионы. Камни, поросшие мхом, дышали смертью.

Очень быстро мороз начал колоть пальцы мужчины, а изо рта пошёл пар. Согейру было зябко и от мороза, и от страха, что голодный волк или та, чудовищных размеров саблезубая тварь, отродье Мериана и северной тигрицы, чью белую тушу часто видят среди камней, найдёт принцессу первой. Говорят, этот зверь только в одной Долине королей загрыз более двенадцати человек, но кто знает, сколько его жертв нашли свой конец в Диких горах? Те, кто его видел и выжил, богами клялись, что это чудище похоже на огромную кошку, но меняет цвет своей шкуры с белого на чёрный, чтобы прятаться во тьме. Клялись, что, когда оно злится, на его шерсти появляются яркие синие полосы. Размером то чудище с ангенорского быка, а в пасти запросто поместится половина взрослого мужчины. Сам Согейр видел его лишь однажды, на похоронах принца Кирана. Алебастрово-белый зверь мелькнул между скалами, оскалился, сверкнул серебряными глазами и исчез меж камней. Легат никогда бы не хотел повстречаться с этим чудовищем один на один.

От подступающей темноты не было спасения, и у легата оставалось всё меньше времени на поиски. Он повёл Ревущего по тропе между двумя скалами, по которой, как ему казалось, могла пойти и Вечера, предпочтя очевидную дорожку узким проходам и ступеням. Но он мог и ошибаться. Пройдя ещё пару лиг вглубь долины, он оставил быка, забрался на один из склонов и вгляделся вдаль, стараясь рассмотреть малейшее движение любой тени в серебряном свете луны или свет от костра, который могла развести Вечера, чтобы согреться, – что угодно, но он не видел ничего кроме камня. Он вгляделся во тьму, и его сердце пропустило удар, когда он увидел движение за одним из деревьев, но оказалось, что это была всего лишь ночная птица. Равнодушная к отчаянию Согейра чернота окутывала всё вокруг.

Звонящие скалы камертоном разносили по округе звон, когда их касался злой ветер, и будто напевали какой-то мотив, от которого всё внутри холодело. Согейр прокричал имя принцессы, но в ответ услышал лишь вой ветра. Неприятный озноб начал выкручивать ему раненую ногу, и та снова разболелась. Легат пожалел, что не взял с собой бурдюк с кантамбрийским вином, которое ему предлагала Нила. Сейчас он бы не отказался от пары хороших глотков, чтобы согреть продрогшие кости. Внезапно Согейр заметил вдали небольшой огонёк, который медленно двигался вдоль склона впереди, и в груди воина вспыхнула надежда. Он сделал несколько решительных шагов вперёд, но замер. Зеленоватая вспыш-

ка сверкнула всполохом и остановилась, скользнула медленно вправо-влево, будто кто-то вдали подавал сигналы, потом замерла и стала затухать, как гаснет факел, в котором догорают последняя смола, пока вовсе не исчез в черноте морозной ночи.

Согейр понурил плечи.

«Орвени». Он едва не попался на наживку возлюбленной Глуаса, как ребёнок. Кинься он вслед за ней, она бы завела его в самую глубь, откуда он бы уже не выбрался. Не иначе боги уберегли Согейра от ошибки. Легат перевёл дыхание и поднял вверх левый кулак, благодаря богов за помощь. Он огляделся. Что же делать дальше?

Мужчине ничего не оставалось, кроме как наощупь идти напрямиком к склепу принца Кирана и молиться, чтобы Вечера оказалась там, а не в стороне сыпучих камней, которые в любой момент могли расползтись под ногами и увлечь идущего в глубокую расщелину, откуда не было выхода.

Прошло ещё несколько минут, прежде чем легат понял, что ему знаком мотив, который грустным эхом напевали Звенящие скалы. До боли знакомый, будто когда-то услышанный и забытый, как страшный сон. Как эхо той погребальной песни, которую пели Полудницы во время похорон короля... Согейр внезапно остановился и напряг слух. «И птицы пали...» – протяжно звучало во мраке. Это была «Морген-эрея»!.. Звук доносился с северо-запада. Она! Он узнал голос Вечеры. Сердце легата едва не выскочило

из груди. Ревущий послушно двинулся вслед за хозяином, всё дальше и дальше в глубину каменных могил. На секунду Согейру показалось, что он потерял след, потому что голос затих, но тут он услышал ржание и бросился на звук, как мучимый жаждой мчится к реке. Извилистая тропинка вывела его за кривой пригорок, за которым раскинулась небольшая поляна.

Сначала он увидел большой чёрный камень, лежащий посередине, потом понял, что это был вовсе не камень, а конь. Незнакомые звуки встревожили животное, конь поднял голову и начал озираться по сторонам в поисках опасности. Согейр узнал Велиборку, кобылу принцессы, по белому пятну на лбу. Чуть в стороне от неё стояла фигура в длинном дорожном плаще с вышитой бычьей головой на спине. Она! Легат вышел из тени.

– Принцесса! – вырвалось у него. – Принцесса, это вы?

Его встревоженный возглас её напугал. Она обернулась, но Согейр не увидел её лица, скрытого под широким капюшоном. Но это была она, он знал.

– Согейр? – У неё был всё тот же низкий голос, при звуке которого на ум приходило что-то затаившееся, готовое к атаке.

– Слава богам, я нашёл вас! – выдохнул Согейр.

– Зачем ты тут? – Вечера полностью развернулась, и молочный свет полной луны осветил её подбородок.

– Королева, – сказал он, переведя дыхание, – ваша мать,

попросила меня встретить вас...

– Вот оно что? Можешь ей передать – со мной всё хорошо.

С этими словами она снова отвернулась.

– Моя принцесса? – снова обратился к ней Согейр.

– Я сказала – можешь идти.

– Прошу прощения, но я не выполню ваше желание. Я дал обещание королеве и никуда не уйду.

– Почему? Со мной что-то может случиться?

– Это горы... – Он решил опустить замечание о глупости её вопроса, который она, безусловно, задала нарочно.

– И здесь все мертвы. – Её голос даже не дрогнул. – Все.

– Кроме волков.

Согейр почувствовал, что готов ударить её, а потом перекинуть через быка и силой увезти в замок. Они простояли в тишине ещё с минуту, оба уверенные в своей правоте, прежде чем Вечера, наконец, снова обернулась.

– Ты замёрз? – спросила она. – Нам нужен костёр. Отведёшь меня к склепу брата на рассвете.

Кремень совершил маленькое чудо и подарил продрогшим людям огонь. Несколько найденных неподалёку пучков сухой травы и веток тихо потрескивали в ямке, обложенной камнями, чтобы ветер не выдувал их из костра. Конечно, разводить огонь, который мог привлечь зверя, было не самым разумным решением, но за ночь в горах можно замёрзнуть до смерти. Вечера грелась у огня и жевала припасённое ещё в Эквинском замке яблоко, задумчиво наблюдая за рез-

вившимися вдаль бродячими огоньками. Если верить легендам, все они – её предки, похороненные в этих горах. Только сейчас Согейр разглядел, как она на самом деле замёрзла. Велиборка и Ревущий сгрудились вокруг тепла, подставив свои бока озябшим людям, и спали. Вечера задумчиво крутила в продрогших руках узкий жёлто-рыжий лист альмиона и продолжала молчать. Что творилось у неё в голове? Согейра ужасно клонило в сон, но он решительно отказывался спать этой ночью и, ковыряя клинком промёрзшую землю, всматривался в темноту, из которой – то ближе, то дальше от места привала – иногда доносился голодный вой.

– Как его похоронили? – нарушила молчание Вечера.

– Пышно, – ответил Согейр, – как подобает принцу. Было много цветов. Когда гроб с телом Кирана выставили на площади между статуями богов, горожане до ночи несли к нему цветы и камни. Приехали многие лорды и графы, и...

– Когда над телом брата читали «Морген-эрею», гроб был закрыт?

На секунду легату вспомнилась страшная картина того, что осталось от убитого принца.

– Да.

– Мать в письме писала, что брата похоронили в склепе рядом с альмионом. Забыла только сказать, что альмионы здесь повсюду.

– Принц похоронен чуть дальше по той тропинке. – Согейр указал в сторону. – Нужно будет подняться наверх

и пройти сквозь проход в горе и дальше. Там в темноте лучше не ходить.

Вечера промолчала, и от её молчания сквозило холодом сильнее, чем от камней. Потом она спросила:

– Как твой сын?

– Хорошо.

– Скоро дядя нарисует на груди Альвгрета мишень.

Клинок Согейра соскользнул и едва не проткнул ему ногу.

– Я знаю, что нас поженят, – добавила принцесса.

– Откуда?

– А ты думал, в Эквинском замке только и ведутся разговоры, что о жемчужинах на дне Бронзового моря, сортах мрамора да о новой ткани для плащей? Помимо этого, там ещё говорят и о политике. Только я не думаю, что план моего дяди удастся.

– Мы имеем шансы на успех.

– У нас были бы шансы на успех, не будь твоя мать такой дурой.

– Не говорите так о моей матери.

– Она поступила очень глупо, сбежав в Ангенор. Ты же сам наполовину касариец, неужели даже толика их крови в твоих жилах не помнит их нравы? Кто сейчас самрат Касарии?

– Младший брат моей матери – Тонгейр.

– Тонгейр Свирепый. Наслышана о нём. Особенно о его любви насаживать головы врагов на пики, а тела скармливать

свиньям. Этот брак будет так же бестолков, как и человек, который додумался до него.

– Зато по праву первой наследницы вы получите трон. Разве вы не этого хотели?

– А кто бы не хотел?

– Альвгред. Ему не нужна власть.

– В отличие от Ложного короля или того, второго, кто даёт ему деньги на содержание армии. Поставь ты хоть тысячу наследников между ними и тронем, они перебьют их всех до единого, и ни мой, ни даже будущий брак Ясны ничего не изменит. Жаль, что король слишком туп, чтобы понимать очевидные вещи. – Она вспыхнула, как факел, сдобренный смолой.

Согейр поджал губы. Огонь отбрасывал на лицо принцессы тёплый свет, от чего оно казалось совсем юным, как у Ясны. На её груди, будто впитывая в себя отблески пламени, гордо сиял разноцветными искрами огненный опал.

– Послушать вас, так лучше сразу отворить Ворота Мира и пустить войска Теабрана в город.

– Королевство будет захвачено, – ответила Вечера, – потому что алмандиновая корона покоится не на той голове.

– Не будь вы принцессой, я бы отрезал вам язык за такие слова.

– Не сомневаюсь. Ты же это уже делал. Ты и Бродяга. Вы оба слепо выполняете приказы, увечите и кидаете в тюрьмы всех, кто косо посмотрит на короля. Интересно, что вы

чувствуете, когда понимаете, что люди ропщут не зря? Кожевничье восстание, помнишь? – Она вернула память Соге́йра на несколько лет назад. – Я совсем маленькая была, когда они вышли на площадь с требованиями снизить налоги на сырьё. Ничего не понимала, думала, что они хотят напасть на замок, а они всего лишь боялись остаться без денег, потому что всё съели новые налоги. И что ты сделал с ними? Их кровь на ваших с дядей руках.

– Они штурмовали ворота замка. Если бы им удалось их сломать, королевская семья могла погибнуть. При всем уважении, принцесса, но вы понятия не имеете, на что способен человек, когда у него в руках оказывается оружие, а в его сердце обида и злоба. Или вы думаете, вашему дяде просто далось решение пустить в ход мечи против своего же народа? Он отдал приказ кирасирам, только когда начался штурм. Он лишь хотел защитить свою семью, и вас в том числе. – Соге́йр из последних сил подавлял растущее в нём раздражение. – И я следовал приказу.

– И устроить показательную казнь он тоже приказал? Я прекрасно знаю – то, что вы устроили с Бродягой, была полностью инициативой северянина. Но ты согласился. О чём ты только думал?

– Вы прекрасно знаете, зачем Влахос устроил казнь при всех. Он стал жертвой лжи точно так же, как и я. Но, как бы это ни было мерзко, его поступок пошёл короне на пользу – после этой казни в городе не вспыхнуло ни одного крупного

бунта. Король знает, в каком свете он предстаёт перед своими гражданами, и это его цена за спокойствие в городе.

– Ему всего лишь нужно было аккуратнее обращаться с налогами, тогда Влахосу бы не пришлось надевать змеиную маску.

– Содержание армии всегда обходилось недёшево, – спокойно ответил Согейр.

– Отец с этим справлялся.

– Вы многого не знаете.

– Я знаю достаточно. Я прочитала о нём все книги, что есть в библиотеке Туренсворда. И я знаю, что отец в отличие от вас никогда никого не казнил.

Согейр подавил горькую усмешку.

– Да, – тихо ответил он и потёр глаза.

Вечера не оставляла попыток окончательно смешать Согейра с грязью.

– Негерд тоже выжгли люди, как ты, – говорила она, глядя на легата сквозь огонь. – Люди, которые лишь следовали приказу, и ты ничем не лучше их. Когда твои люди рубили головы тех кожевников, а их кровь хлюпала у тебя под ногами, неужели в тебе ничего не шевельнулось? Ты заткнул людям глотки, но это не значит, что им не о чем больше молчать. Жителям королевства нужен лидер, который обласкает их и защитит, а не пошлёт на плаху за мольбы о милостыне! Лучше бы Осе понять это раньше, чем это им пообещает Теабран. Иначе, войди его войска в город, вдоль главной улицы

выстроятся сотни людей, которые будут ему рукоплескать.

Она заметила, как Согейр стиснул зубы.

– Что? Хочешь сказать, это неправда? – не замолкала Вечера. – Людям наплевать на то, у кого больше прав на корону, и плевать, на чьей голове она окажется, – они хотят жить спокойно, и это всё. Если это им пообещает Теабран, ты и вся королевская рать окажетесь бессильны перед взбесившейся толпой. Или ты думаешь, граф Корбел перешёл на сторону Севера, потому что его запугали?

– Корбел – предатель. Ему давно пора отсечь голову и натолкать в горло земли.

– Он потерял на тавромахии двух сыновей и жаждет мести. Его действия были предсказуемы.

– Во время тавромахии гибнут десятки таких же, как его сыновья. Им не нужно было выходить на арену.

– Он – отец. Или ты бы смирился со смертью Альвгреда, затопчи его бык у тебя на глазах? Теабран очень умён. Ему нужны были люди, и он их получил, всего лишь найдя подход к нужному человеку. Таких, как Корбел, чьи сыновья погибли, в Ангеноре сотни. Одни смотрят на их смерть как на данность, но есть и такие, что винят короля в потакании жестокой традиции, и у некоторых из них есть своя власть.

– Считаете, надо отменить тавромахию? Но это основа нашего государства.

– Отменить? Нет. Но на сотню сильных ловкачей всегда найдётся один хитрец, который обведёт вокруг паль-

да их всех и победит. И в нашем случае этот хитрец очевиден. И чтобы противостоять ему, нужен кто-то ещё более сильный, ловкий и хитрый. Иначе Теабран всех перемажит на свою сторону. К тому же после того, что произошло в Негерде, он стал ещё и защитником новой веры, пострадавшей от языческого пламени ангенорского тирана. Ты понимаешь, что следующим его шагом будет открытое нападение?

– Король уже об этом позаботился. Иларх и его люди уже идут навстречу северным войскам.

– И, конечно же, король учёл, что это ловушка?

На мгновение Согейр задумался, но лишь на мгновение.

– Иларх выбрался с Эвдона. Его не так просто заманить в другой капкан.

Вечера улыбнулась, и Согейру не понравилась эта улыбка.

– И пока они там, мы укрепляем защиту Паденброга, – сказал он и всадил нож в землю по рукоять. – Воины мобилизованы, каждый день проходят учения. И вы же знаете, что за всю историю города ни один человек не смог перебраться через городскую стену. Все охранные и надвратные вышки вооружены до зубов, оружие по периметру стен. Даже если Теабран подойдёт к городу, он не войдёт. К тому же на нашей стороне кантамбрийцы.

– Знаешь, в чём разница между вражескими войсками и войсками союзников? – прервала его рассуждения о безопасности принцесса.

– Вторые нас защищают, – вид Согейра говорил о том, что это глупый вопрос.

– Перед вторыми король сам открывает городские ворота.

– Вы не доверяете графу Монтонари?

– А ты думаешь, умно доверять человеку, которого в народе прозвали Чернильной Рукой? Эрнан портит всё, к чему прикасается, а за его елейной улыбкой кроется чудовище, – улыбнулась Вечера. – К тому же, если Ангенор победит Теабрана силами кантамбрийцев, короли будут у Монтонари в неоплатном долгу.

– Приятно знать, что, хотя бы в этом вопросе наши с вами мнения совпадают. Именно по этой причине я в своё время выступил за назначение брата Эрнана на должность Хранителя казны. Монтонари должны быть на виду.

– К большому сожалению, Сальдо нам здесь не поможет.

– Думаете?

– Его отношения с братом далеки от того, чтобы он разделял его взгляды на политику или мог передавать нам сведения, не предназначенные для уха короля.

– Но он Монтонари. А они своих не бросают. В худшем случае его можно будет использовать как залог лояльности его старшего брата.

Согейру очень не понравился её взгляд.

– Почему вы смотрите на меня?

– Знаешь, в тебе есть тот же изъян, что и в графе Корбеле. – Голова принцессы чуть наклонилась вбок. – Ты слышишь.

ком любишь свою семью и считаешь, что это свойственно всем. В отличие от тебя Эрнан любит только себя, свои амбиции и людей, которые им соответствуют. Потому он не скрывает своей преданности только себе. В этом он, по крайней мере, честен. В отличие от тебя. Ты любишь свою семью. И для легата кирасиров это – роскошь. Рано или поздно ты будешь вынужден выбирать между семьёй и короной.

Эти слова прозвучали для Согейра звонкой оплеухой. Он захотел ударить принцессу, и она это заметила.

– Сказать, что ты выберешь? – сказала Вечера, глядя на него злыми умными глазами.

– Я лучше перережу себе глотку, чем предам короля.

– Но ты его не любишь так, как любил моего отца.

И это была правда.

– Да, вы правы, – сдался Согейр. – Но, в отличие от многих, я не смешиваю преданность с любовью. Король Осе – не ваш покойный отец, это так. Король Эдгар был великим человеком, лучшим из тех, кого я знал, и я скорбел о нём так же, как когда умер мой отец, но я поклялся защищать весь королевский род, и буду следовать этой клятве всегда. Можете не верить, но я отдам свою жизнь за любого из Роксбургов, если это понадобится.

– Хорошо, – кивнула принцесса.

Легат почувствовал себя обманутым.

– Это была проверка?

– Мне нужны люди, которым я могу доверять, – пожалала

плечами Вечера и прищурилась. – Ты когда-нибудь бывал в Мраморной долине?

– Нет. Я был только на окраине долины реки Дёрн, близ озера.

– Тогда представь себе дома с золочёными оконными ставнями, с крышами, украшенными янтарём, с улицами из мрамора – именно так выглядят обычные улицы у Эквинского замка. Красивая картина, правда? А рынки? Я за год не смогла сосчитать, сколько там торговых площадей, – куда ни глянь, везде идут торги. Жемчуг, шёлк, самоцветы, драгоценности, мраморные плиты, кони, рабы – золото буквально липнет к рукам торговцев долины, а в их голосах слышится звон золотых монет, и все как один говорят о политике. Когда перестают пересчитывать деньги, разумеется. Все эти торговцы на словах самые преданные подданные короля с тех пор, как граф Ферро выдал младшую дочку за моего отца, но на самом деле, чтобы ты знал, им на него наплевать, лишь бы не останавливался круговорот денег в их кошельках. Перекладывать монеты из сундука в сундук им больше по душе, чем тратить их на оружие, тем более брать в руки мечи для защиты кого-то, кто просиживает штаны на далёком востоке.

– Война коснётся и этих мест, если войско Теабрана решит перекрыть выход к торговому пути.

– Не коснётся. Кто будет рубить сук, на котором сидит?

– Не понял? – Согейр озадаченно посмотрел на принцес-

су.

– О, Согейр, ты же не думаешь, что весь этот год я только и делала, что читала, сидя на солнечной веранде? В Эквинском замке полно длинных языков, готовых выложить интереснейшую информацию за определённые деньги. В отличие от тебя, в долине мало кому близко понятие преданности. Там всё продается и покупается. Так я узнала, что Ложный король хранит деньги в местных банках. Можешь спросить Марция. Ты отправлял его сопровождать обоз с золотыми слитками и солью, он подтвердит.

– Теабран хранит в долине своё золото?!

Вечера пожала плечами.

– По крайней мере, часть. И это неофициально, как ты понимаешь. На деле ты не найдёшь ни одной бумажки, подтверждающей, что в каком-то банке хранится хотя бы одна монета с лилией. Поэтому ты понимаешь, что на западные земли его войска никогда не нападут?

– Банкиры долины неплохо устроились.

– В абсолютной безопасности.

– Король должен узнать.

– Само собой. Я же купила эту информацию, будет глупо ею не поделиться.

– И вы не боитесь, что это отбросит тень на вашего деда?

– Теабран не дурак, чтобы хранить своё золото в банке тестя своего соперника. В городе много частных банков, и, к сожалению, мой осведомитель не знает, в каком именно он

хранит свои деньги. Но я узнаю.

Вечера какое-то время молча смотрела на него, будто изучая. Согейру очень не нравился её взгляд. Что в ней нашёл его сын, для него становилось всё большей загадкой.

– Предлагаю тебе, наконец, задать мне этот вопрос, – почти приказала Вечера.

– Какой?

– Тот, что жжёт тебе язык с того момента, как мы встретились. О брате. Или ты уже всё для себя решил?

– Не думаю, что мой вопрос будет уместен.

– Уместен здесь?

– Где бы то ни было.

Она прыснула смехом.

– В Эквинском замке, когда я туда только прибыла, первый вопрос, что мне задал Оллан, был о Киране и нашем с ним бое. Дня не проходило, чтобы я не слышала шёпот у себя за спиной – как получилось, что я его ранила? Весь год, изо дня в день любой, от Ваноры до слуг, считал своим долгом обсудить его смерть, когда думал, что я не слышу. Я знаю, ты тоже меня винишь.

– Это не так, – Согейр поспешил возразить.

– Тогда почему я вижу в твоих глазах упрёк?

– Может быть, потому, что вы сбежали в горы ночью одна и подвергли себя опасности?

Где-то совсем близко завыл волк. Вечера и Согейр тревожно обернулись в поисках источника звука. Но, похоже,

опасности не было.

– Осе вполне мог бы тебе заплатить за то, чтобы ты меня здесь бросил, сложишься ситуация иначе.

– Король не желает вам смерти.

– Иначе ты, несомненно, был бы первым, кого бы он поставил об этом в известность.

– Чего вы от меня хотите? – не выдержал Согейр.

– Я просто хочу, чтобы на меня прекратили смотреть как на вероломную убийцу.

На том они и закончили, не желая более разговаривать друг с другом.

Когда первые солнечные лучи окрасили небо над Долиной королей в приглушённый розовый цвет, Согейр разбудил Ревущего и Велиборку. Вечера отрицала, что уснула, и Согейр меньше всего хотел с ней спорить. Она выглядела уставшей и растерянной, совсем непохожей на ту девушку, что недавно пыталась залезть ему под кожу.

Её белое лицо, будто по её венам тёк жидкий жемчуг, а не кровь, обладало правильными чертами королевы Суаве и острыми скулами Роксбургов. От природы волнистые, иссиня-чёрные, как у отца, волосы были стянуты в тугую косу, а серые глаза напоминали блестящий, с радужными переливами лабрадор. Даже недолюбливая Вечеру, Согейр признавал, что она, безусловно, обладала красотой, которая всё же обещала расцвести ещё пышнее с возрастом. Такая внешность, как у неё, во все времена являлась излюбленным ла-

комством для поэтов всех сословий. Благодаря их щедрым метафорам, описывающим лицо и непростой характер принцессы, её уже окрестили Алмазным Эдельвейсом, сделав её символом красоты, но красоты холодной. Принцесса Ясна, впрочем, не понимала истинного значения этого прозвища и страшно завидовала сестре. Её саму крайне задевало то, что о ней писали как о Ягнёнке или Жемчужном Скворце, она искренне полагала, что подобные сравнения не достойны наследницы трона. Но Согейр был абсолютно согласен с обоими сравнениями.

Они молча собрали вещи, затушили костёр и отправились в путь. Идти до склепа Кирана нужно было около получаса. Согейр аккуратно обходил коварные тропы, которые выглядели ненадёжными и могли не выдержать вес Ревущего и Велиборки. Вечера за всю дорогу не проронила ни слова и послушно вела кобылу позади. Такой она нравилась легату гораздо больше.

Склеп принца оказался на продуваемом всеми ветрами склоне в нескольких метрах от обрыва, к которому примыкала довольно широкая дорожка, поросшая серой травой. Как и писала королева, рядом из скалы рос альмион, раскинувший в стороны корявые сухие ветки, под которыми укрылась дверь из чёрного обсидиана. Принц за свои шестнадцать лет ничего сделать ещё не успел, поэтому дверь украшал только его профиль на фоне бычьей морды и его имя на языке ангенорских рун.

– Уйди, – сказала Вечера, обращаясь к легату, но на него не глядя. – Я должна побыть одна.

Согейр отвёл Ревущего в сторону на несколько метров за огромный серый валун.

Может быть, из любопытства, может быть, из страха, что принцесса что-нибудь натворит, легат поглядывал на неё из укрытия, но ничего особенного не замечал. Вечера спрыгнула с Велиборки и просто стояла у каменной двери. Около метра отделяло её от тела погибшего брата. Она ничего не делала, просто молча смотрела на камень.

Она стояла так долго, что Ревущий уже начал нервно мотать головой.

– Тихо-тихо, – шёпотом успокаивал его Согейр. – Мы скоро пойдём.

Но и его терпение уже было на исходе. Он тихо выехал к Вечере.

– Принцесса? – обратился к ней Согейр. – Нам пора идти. До Паденброга путь неблизкий, нужно ещё найти травы, чтобы Велиборка и Ревущий поели...

– Он не хотел идти на арену, – сказала она, не сводя глаз с обсидиановой двери. – Киран пошёл туда из-за Осе. Дядя считал, что два короля, струсивших перед своим быком, – слишком много для земли, где сильны традиции.

– Кирана бы никто не упрекнул, – ответил легат.

– Как не упрекают Осе?! – Вечера обернулась, злая, как лиса, угодившая в капкан. – «Проклятый Тумтабард», «трус-

ливый король» – или не так зовут моего дядю за его спиной? О, в каком мире ты живёшь, Согейр?! У Кирана выбора не было никогда! Он никогда не рвался на арену, что бы тебе ни говорили, что бы ни думал о своем сыне Осе! Он не хотел быть кирасиром, но Осе настолько труслив, что не смог найти в себе силы переступить через традиции и отправил раненого сына на арену. И о чём он только думал?! Киран мог бы встать во главе армии, будучи простым всадником, но традициям нужен был кирасир, и он уступил воле отца. У него с рождения была одна дорога – на арену, – и он по ней пошёл до конца.

На её губах горело: «И умер». Она задушила в себе слёзы.

Что-то сжалось в груди легата от жалости к Вечере, и он уже собирался сказать ей что-нибудь в утешение, как она взлетела на Велиборку с ловкостью опытной наездницы.

– Прочь! – выкрикнула она, едва не наскочив на Ревущего. – И, если кто-то спросит, – нас здесь не было. Ты понял?

– Понял, – ответил легат.

Глава 9

Город королей

Они задержались в пути ещё на одни сутки – кони западных земель, изнеженные неторопливой жизнью Мраморной долины, где самым длинным путём, который им приходилось преодолевать, были неспешные прогулки вдоль Золотой набережной, отказывались двигаться, пока путники не сделали привал у пересечённой каменным мостом излучины Руны, где река резко уходила в сторону Редколесья.

Согейр заметно нервничал – он нарушал слово, данное королеве, доставить Вечеру в замок вовремя. Какая жалость, что в своё время граф Оллан Ферро не выкупил у торговцев с южных островов эвдонских коней! Они были в три раза крепче и выносливее любого западного скакуна и могли скакать часами без передышки, наравне с ангенорскими быками, но граф решил сохранить чистоту крови своих коней, и вот расплата – ещё один день промедления.

Вечера держалась чуть в стороне, пока слуги разводили костёр, а Согейр глядел, как она задумчиво крутит в руке ку-

лон из опала, видел за её плечами тьму, непроглядную и тяжёлую, и ему не терпелось поскорее вернуться домой. Её слова, брошенные ему в лицо сутки назад, до сих пор звучали в его голове. Он умрёт, но никогда не предаст короля. Предать его означало бы предать и Суаве, а на это он никогда не пойдёт. Вечера думает, что хорошо знает людей, но это не так. В ней слишком много злости и мало мудрости, чтобы разбираться в людях.

К середине ночи Согейр дал волю слабости и уснул, и ему приснилась Нила с забранными наверх мокрыми волосами, красивая, уютная и родная, и он улыбнулся во сне.

Около полудня на горизонте путники увидели проступающие сквозь дымку очертания Многоликой горы, а это значило, что конец их долгого пути был уже совсем близко.

– Какая красота! – ахнул кто-то из слуг, глядя на знаменитую гору, которая менялась каждую минуту по мере движения солнечного диска по небосклону, заставляя путников приходить в изумление от каждой метаморфозы, происходящей на её перламутровых склонах.

Когда до ворот оставалось около лиги, Вечера, вопреки ожиданиям, не стала прищипывать Велиборку. Согейр сделал вид, что не заметил этого, но она гордо выпрямила спину, как истинная дочь своего отца, и чуть выступила вперёд. Он уже видел эту осанку – такая же была и у Эдгара. В Ясне никогда не чувствовалась царственность так, как она чувствовалась в этой холодной, как горный ветер, девушке.

Паденброг производил грандиозное впечатление на неподготовленного человека. Издалека казалось, что склон Многоликой горы был усыпан разноцветным бисером, но чем ближе путники подъезжали к городу, тем яснее становилось, что вся пёстрая каменная масса, лепившаяся к неровным склонам, была домами под разноцветными каменными крышами. Паденброг был воистину огромным городом, который рос сотни лет, а когда его ограда стена, продолжил расти ввысь. Дома в один, два, три этажа хаотично лепились к горным массивам, образуя настоящий клубок извилистых улочек, а некоторые порой стояли так близко друг к другу, что с крыши одного строения на крышу другого можно было перешагнуть и ребёнку. Некоторые соединяли между собой длинные подвесные мосты.

Когда путники вплотную приблизились к воротам, послышался крик смотрящих вдаль с дозорных башен:

– Открыть ворота!

Створки Ворот Мира тяжело и со скрипом поползли в стороны.

Вечеру никто не встречал. Город мирно отходил ко сну, и никто не ждал возвращения принцессы.

Небо быстро становилось сизым, и всюду загорались окна, отбрасывая свет на зеркальные флюгеры ярусом ниже, и те ритмично покачивались и мерцали, как тёплые звёздочки. У моста королевы Сегюр тянулись в небеса строительные леса, под которыми возводилась новая кирха. По за-

думке короля её строили полностью из витражей. Высокое здание с колокольной, несмотря на очевидную незавершённость, не могло пожаловаться на отсутствие прихожан. У его ворот на столе стояло несколько корзин с фруктами для бедных, которые толклись рядом и разбирали еду. Через реку почти в самом центре города полукругом стояла арена на сорок тысяч человек, выложенная из травертинового неотёсанного камня, а сразу за ней твердыней возвышался Туренсворд – королевский замок, замок-крепость.

Спокойный и гордый, как горные кручи, он вырастал из самого большого отрога Многоликой горы, откуда взирал на свои владения, подставив горному ветру стены из гладких серых и белых камней. Основание замка на три яруса делила мощёная дорога, которая тянулась по спирали и несколько раз проходила сквозь скалу за замком. Каждый виток этой дороги начинался и заканчивался коваными воротами и надвратными башнями. Полукружья дороги делили на сектора пятиугольники караулен с торчащими из всех окон орудиями, над которыми на флагштоке возвышался агдеборг, алое знамя с чёрной бычьей головой. На самом верху, отбрасывая длинную тень на ярусы, полукругом выступал балкон тронного зала, который поддерживала белоснежная бычья голова. Перила убрали ещё по приказу короля Магнара Законодателя, который не боялся стоять на самом краю. Балкон использовали во время праздников и церемоний, чтобы королевская семья могла видеть всё, что происходит на площади,

находившейся под ним.

Туренсворд был самым большим и сложным замком в Ангеноре. Его коридоры насчитывали в длину несколько десятков лиг, а внутри могло поместиться три Эквинских замка. И хотя замок графа Ферро отличался бóльшим изяществом и бóльшим количеством витиеватых украшений фасадов и окон, Туренсворд смотрелся куда более надёжным, как и следует крепости. Даже сад, верхушки которого проглядывались над одним из внутренних дворов, не придавал замку лёгкости. Именно таким его и задумывал построить Ардо Роксбург, закладывая в его основание первый камень, – оплотом надёжности в беспокойные времена.

Путники пересекли мост королевы Сегюр и оказались в Верхнем городе, где обитала по большей части знать и торговцы дорогими вещицами. Здесь, благодаря происхождению и связям, некоторые жители были более осведомлены, чем соседи из бедного Нижнего города, а потому то тут, то там появлялись люди, готовые к встрече своей принцессы. Когда путники проехали площадь Агерат, где стояли пять монументальных статуй богов, откуда-то выскочили дети и воробыиной стайкой побежали вдоль дороги.

– Принцесса! Принцесса! – кричали они во всю силу детских голосов.

Люди в знак приветствия снимали шляпы, но их было немного. Лицо Вечеры ничего не выражало. Ждала ли она в городе праздника по случаю своего возвращения или нет –

кто её знает? Согейру казалось, что ждала, но не была удивлена, ничего не увидев. Не останавливая коня, она сорвала два яблока с дерева, растущего у одного из домов, и кинула детворе – эти дети, пожалуй, были единственными, кто искренне радовался ей. Те похватили плоды и сразу начали уплетать за обе щёки. И тут кто-то выкрикнул:

– Убийца!

И в голову Велиборки полетел гнилой помидор. Лошадь испугалась и заржала, едва не встав на дыбы. Согейр схватился за ксифос, но никого не увидел. Где-то в стороне началась возня, но через несколько секунд всё прекратилось. Все озадаченно смотрели по сторонам. Вечера быстро прогнала с лица растерянность. Люди зашептались, и это было для принцессы страшнее открытого смеха. Она буквально протаранила толпу грудью своей кобылы и понеслась прочь, к замку.

Конечно же, первой принцессу встретила мать. Королева Суаве ждала её, стоя у ворот в окружении слуг, и всю зацеловала, и задала тысячу вопросов, на которые Вечера не хотела отвечать. «Всё потом, мама, потом», – говорила она, стараясь избежать материнских ласк, на которые после смерти Эдгара Суаве всё ещё находила в себе силы.

Вопреки ожиданиям, Ясны поблизости не оказалось, хотя она знала, что сестра вернулась. Тем не менее Вечера её искать не стала, как и проигнорировала приказ Осе по прибытии немедленно явиться в тронный зал.

– Сначала мне нужно отдохнуть, – сказала она камергеру. – Но, если королю необходимо меня видеть именно сейчас, пусть придёт в мою комнату.

Когда слуги ушли, она поспешила стянуть надоевшее грязное дорожное платье, распустила косу и опустилась в наполненную горячей водой ванную. Ирма – её личная служанка, глуповатая и болтливая, теперь прислуживала Ясне, и вместо неё была другая девушка, на чьём лице виднелись свежие синяки и ссадины.

– Кто ты? – спросила Вечера, подставляя ей спину, чтобы та помогла ей оттереть грязь. – Я тебя не знаю.

– Я в замке недавно, – ответила служанка, и скромная улыбка скользнула по её губам. – Меня зовут Данка.

– Звучит как северное имя.

– Да, моя мать была из северных земель, а отец с юга. Мы жили в Негерде. Он...

– Я знаю. – Вечера хотела высказать своё сожаление девушке, но не стала. – Король сделал из своей гостьи мою служанку? Видимо, в Ангеноре гостеприимство теперь не в чести.

– Я сама попросила дать мне работу.

– Зачем?

– Мне неловко, что король приютил нас с Альфредом. Я хотела его отблагодарить.

– Но в замке полно слуг. Хранитель ключей не мог подыскать тебе другую работу? Или мыть полы в моей спальне –

теперь особая честь, которой удостаиваются гости?

– Нет ничего постыдного в том, чтобы убирать грязь, – стыдно жить в грязи и считать, что это нормально. Кроме того, если у меня не будет работы, рано или поздно я должна буду уйти. Куда же я пойду?

– И где твоя комната?

– В восточной башне.

– Можешь занять комнату Ирмы. Там в окно не несёт из конюшни. А если она будет упираться, скажи – это мой приказ.

– Благодарю, моя принцесса.

Ненадолго наступило молчание.

– Кем ты была, пока жила в Негерде? У тебя аккуратные руки. В поле ты не работала, да и кожа на лице не обветрена.

Щёки Данки вспыхнули.

– Вы наблюдательны, моя принцесса. Я шила.

– Портниха?

– Моя мать была портнихой, я ей просто помогала. Я должна была выйти замуж в этом году, – с грустью вздохнула она. – Теперь меня никто не возьмёт в жены. Ой, простите, не знаю, зачем я это говорю.

– Отчего же? – возразила её хозяйка. – Эти синяки и ссадины быстро заживут. Ты красивая и не старше Ясны. Вы даже похожи. Надень на тебя её шёлковое платье, вплети в волосы золотые ленты – сойдёшь за неё. Чем ты не невеста? На тебе женится любой солдат или слуга.

– Вы же знаете, что на нас напали?

– И что?

Лицо служанки послужило ответом.

– Понятно, – будто смутилась Вечера. – И много их было?

– Разве есть какая-то разница? Но я стараюсь с этим смириться, моя принцесса, – соврала Данка. – Всё уже хорошо.

– Моя принцесса, – передразнила Вечера, откинувшись на спину, – звучит-то как гордо. А на деле – лишь слова. Для короля любой конюх значит больше меня.

– О, не говорите так. – Данка вступилась за Осе. – Его милость только о вас и говорил последние несколько дней.

– Не сомневаюсь, – усмехнулась Вечера.

– Он вас очень ждал.

– На пороге меня никто не встретил, кроме мамы и Хранителя ключей. Выходит, его ожидание было настолько невыносимо, что сам он спуститься не соизволил.

– Он хотел выслать за вами солдат, когда вы не приехали вчера.

– Но не выслал. Может, оно и к лучшему. По той дороге, по которой я должна была ехать, они бы никого не застали.

– Почему?

– Тебе это знать необязательно.

– Прошу прощения.

– Но, если ты будешь хорошей служанкой, возможно, я тебе и расскажу.

Уже через час, когда на Паденброг опустилась ночная

тьма и за окном затрещали цикады, Вечера была почти готова. Один раз приходил Корвен и напомнил, что Осе уже в тронном зале ожидает принцессу и что час уже поздний. Вечера же ответила, что скоро придёт, но продолжила собираться всё так же неторопливо.

Данка умело обращалась с волосами и аккуратно вплела в её всё ещё сырые локоны тонкие красные ленты, помогла выбрать и надеть платье из тяжёлого карминового шёлка с отделкой из чёрного шенойского кружева и перевязала талию алым кушаком. Придерживая его руками, пока служанка возилась с замочками на спине, Вечера поймала себя на мысли, что не хочет менять его на зелёный.

– Вы очень красивы, – искренне восхитилась Данка, глядя на Вечеру в зеркале.

В дверь настойчиво постучали, что было плохим знаком. Король начал терять терпение.

– Открой, – попросила Вечера, поправляя несуществующую складочку на плече.

На пороге стоял Согейр.

– Что-то случилось? – не отводя взгляда от своего отражения, спросила Вечера.

– Король приказал мне сопроводить вас в тронный зал.

– Он думает, я заблужусь?

– Моя принцесса, вы нужны королю. Сейчас.

– Я дойду сама – я помню дорогу.

– У меня приказ.

– А я тебе приказываю оставить меня. Я прибуду к Осе через несколько минут, или ты хочешь, чтобы о твоём неповиновении узнала королева?

Согейр не стал задавать лишних вопросов – он этого ждал и с удовольствием бы взвалил принцессу на плечо и доставил в тронный зал, но был вынужден подчиниться и уйти.

– Жестоко вы с ним, моя принцесса, – осмелилась заметить Данка. – Согейр хороший. Я знаю его мало, но он хороший.

– Ты была в Красной галерее? – спросила Вечера.

– Нет.

– Пойдёшь со мной. Хочу тебе кое-что показать.

Она последний раз посмотрела на себя в зеркало и вышла за дверь.

В Красную галерею вели две дороги, и Вечера выбрала ту, что была длиннее. Принцесса неторопливо шла через все длинные широкие коридоры и громадные залы под сводчатыми потолками. Туренсворд ещё не спал, и потому Вечера попутно принимала поклоны всех встреченных ею слуг и придворных, чьи улыбки сквозили лицемерием. Их настоящие мысли были очевидны ей в их заискивающих взглядах. После года, проведённого в Эквинском замке среди западных господ, она научилась видеть фальшь, как если бы на лицах она была выжжена клеймом.

– А что там, в Красной галерее? – семенила рядом Данка.

– Портреты всех членов моей династии, начиная с моего

прапрадеда Ардо, но мы идем не к нему.

– И ваш портрет там есть?

– Если дядя не распорядился его снять.

– Зачем ему его снимать?

Вечера остановилась.

– Ты ничего не знаешь? – нахмурилась она, чем напугала

Данку. – Или издеваешься?

– Я ничего не знаю, – начала оправдываться та, задрожав, как осино́вый лист.

– Не ври мне!

– Я не вру.

Принцесса несколько секунд очень пристально вглядывалась ей в глаза, отчего у Данки будто умерла часть души.

– Ладно, идём, – сказала принцесса и прошла вперёд. – Всё равно это не надолго.

Данка ничего не поняла, но проследовала за принцессой. Ей не хотелось, чтобы когда-нибудь наследница трона снова смотрела на неё так, как сейчас.

Проходя через Красную галерею, Вечера остановилась у огромной картины в тяжёлой раме с сапфирами, что занимала весь проём между мозаичными окнами почти в самой глубине помещения. На портрете был изображён взрослый мужчина с по-мужски красивым волевым лицом, высокими, как у Вечеры, скулами и волнистыми чёрными волосами. Его левую бровь рассекал широкий шрам.

– Это ваш отец? – догадалась Данка, глядя на картину. –

Король Эдгар?

– Да, – подтвердила Вечера. – Мы не виделись целый год.

– Вы на него похожи.

– Я похожа на мать.

– Нет-нет, и на него тоже! Разве не видно? Вы же его дочь.

А где портрет короля Осе?

– Напротив, – ответила принцесса с лёгкой усмешкой. –

Но ты же его не заметила, верно?

Данка обернулась. Напротив портрета короля Эдгара висела картина в бронзовой раме с бриллиантами. Короля Огасовара изобразили на ней в окружении книг и, по всей видимости, в ту пору, когда он ещё не носил корону, слишком молодым выглядело его умное лицо. Король мало изменился с тех пор, только какая-то тоска поселилась в его серых глазах. Аккуратно зачёсанные назад волнистые волосы рыжели в свете единственной свечи, и в её же свете искорками поблёскивали кольца с драгоценными камнями на тонких пальцах младшего брата Эдгара.

– Его почти никто не замечает, – отвернулась от портрета дяди Вечера. – Даже на портрете он не может тягаться в величии со своим покойным братом. Здесь отца изобразили в год женитьбы на маме, в год, когда, по его словам, он стал настоящим королём. В народе его звали Королём Жезлов, потому что люди видели в нём единственного короля, которого хотели. Честного, справедливого, сильного лидера, способного повести за собой.

– А почему «Король Жезлов»? – переспросила Данка.

– Ты же знаешь, что родоначальник династии королей, Ардо, был погонщиком быков? Он никогда не расставался с жезлом, который служил ему и помощником, и оружием, если нужно было защищать своё стадо. Став королём, он приказал украсить свой жезл золотым набалдашником. Однако его внук, Эссегрид Растратчик, тщеславнейший из королей, отказался марать руки об орудие пастуха и спрятал жезл в сундук. Там он и пролежал много лет. Короли сменялись королями, и про жезл Ардо все забыли, пока однажды, в день своей коронации, его не нашёл отец – тогда жезл погонщика снова вознёсся над Паденброгом как символ возрождения. Отец же вернул традицию ношения кирасирами жезлов, которые они держат за поясами. Жезл Ардо олицетворял власть отца все годы его правления. Вон он, у его ноги, – Вечера указала тонким пальчиком в сторону картины. – К сожалению, сейчас он снова пылится в сундуке под кроватью. Осе тоже не захотел использовать его во время коронации – считал себя недостойным. В детстве мы с Кираном могли смотреть на него часами, когда прокрадывались в комнату дяди, и брат воображал, как однажды примет корону, держа его в руках. Теперь Кирана нет, а жезл всё ждёт, когда будет снова поднят над Паденброгом. А ты знаешь, что до создания этого портрета, – Вечера кивнула в сторону отца, – ни один из королей не изображался стоящим на земле? Все они восседали на своих быках. Отец же от этого отка-

зался и приказал художнику изобразить их с Сумраком иначе. Он говорил, что бык не находится в подчинении своему всаднику, они служат друг другу. Поэтому их изобразили стоящими рядом.

– А где сейчас его бык?

– Он исчез. Пропал в день гибели отца. Он был ранен и просто ушёл. Не думаю, что он ещё жив.

– А если он нашёл Серебристый ручей и напился из него? Он мог залечить все свои раны и зажить где-нибудь в долине или даже в горах.

– Серебристый ручей – сказка, которую придумали менестрели, чтобы их песни слушала толпа легковерных зевак, как ты, и отдавала им деньги. Когда-то люди, как одержимые, искали его. Заглянули за каждый куст, под каждый камень от Диких гор до руин Кровавого дома, от Кривого рога до Эвдона – и ничего. Если бы этот ручей существовал, то его бы уже давно нашли и начались бы войны за владение им.

– Наверное, вы правы.

– Любишь истории со счастливым концом?

– Это лучше, чем думать, что впереди тебя ждёт лишь тьма и пустота.

– Это нас-то ждёт тьма и пустота? – возмутилась Вечера, защищая своих богов от мнимого покушения служанки. – Это у тех, кто читает «Четырёхлистник», нет души и не будет, коли не заслужат её праведной жизнью или мученической смертью, а у нас она есть, и после смерти наши души

отправляются в горы, откуда в своё время пришли. Все ангенорцы отправляются туда и блуждающими огоньками ищут дорогу в город богов.

– Прошу прощения. – Данка испугалась, что снова навлекла на себя гнев принцессы. – А это что? – спросила она и указала на узкий футляр из стекла, стоявший на высокой ножке рядом с портретом.

– Это стрела баладжера, убившая отца, – ответила Вечера. – Она была отравлена. Говорят, что отец умер в страшной агонии. Эти Волки ночей часто используют яд. Как правило, он действует быстро, но эта стрела была смазана ядом черноцвета, который доставляет больше всего боли и убивает медленно. Знать бы, кто пустил её, я бы добралась до него, и ничто бы меня не остановило.

Рядом висел портрет Кирана, и Данка подошла к нему. Юный принц был копией Огасовара, только его волосы были светлыми, как у королевы Суаве. В начищенной до зеркального блеска парадной кирасе с гравировкой в виде двух сцепившихся рогами быков он сидел верхом на гнедом скакуне, будто готовый победить все войска мира, свернуть любые горные кручи, покорить любую вершину, перейти вдоль и поперёк весь Ангенор. Всё это нашло своё отражение в сияющей улыбке и лучистых глазах любимца королевства, чьим мечтам и стремлениям не было суждено сбыться никогда.

– Это шлем вашего брата? – спросила Данка, кивнув в сто-

рону такого же футляра, что находился у портрета Эдгара.

Вечера кивнула.

– Да. Его пришлось срезать с его головы – Гнев лягнул его и, – она запнулась, – и смял его шлем вместе с лицом.

Всё это время король не покидал тронный зал и кипел от злости из-за того, что спесивая девчонка заставляла его ждать.

– Где ты была? – бросил он Вечере, когда дверь закрылась у неё за спиной.

– Полагаю, вопрос недостаточно срочный, – ответила Вечера. – Иначе ты бы пришёл в мою комнату. Ты же знаешь, где она находится.

Осе резко встал с трона и направился к племяннице.

– Прежде, чем ты накинешься на меня с кулаками, – остановила она его, – осмелюсь напомнить, что несколько суток я провела в пути. И хотя ты считаешь меня существом неодушевлённым, мне не чужды обычные человеческие потребности. Например, потребность в отдыхе. Или я должна была уведомить короля о том, что желаю принять ванну?

– Я спросил, где ты была, а не что делала. – Взгляд короля упал на огненный опал на груди Вечеры. Его глаза сощурились. – Ты должна была приехать ещё вчера.

– Нам пришлось сделать остановку.

– Остановку или крюк?

Красивое лицо Вечеры напряглось.

– Так легат тебе сказал.

– О том, что ты вопреки моему приказу поехала в Долину королей? Конечно, сказал – в отличие от тебя он выполняет приказы.

– Я приказывала ему этого не делать, но, по всей видимости, в его понимании приказ приказу рознь. За это его бы следовало отходить плетью.

С этими словами Вечера мысленно вычеркнула имя Согейра из списка доверенных лиц.

– Его король пока ещё я. Зачем ты там была?

– Ты выслал меня из города до похорон, я имела право попрощаться с Кираном.

– Ты убила моего сына! – Осе бросил ей в лицо обвинение, но Вечера не поддавалась желанию вклеить королю пощечину, которую задолжала ему год назад.

– Мне он был братом.

– И ты его убила!

– Это сделал бык, которого, в отличие от меня, ты пощадил.

– Я и тебя пощадил! – бросился отстаивать свою правоту король. – Если бы не Суаве, я бы отдал приказ о твоей казни в тот же вечер!

– Безусловно, это бы прибавило тебе популярности среди народа. Если не ошибаюсь, после резни якобы нашими солдатами в Негерде у тебя появилось новое прозвище Безбожник, я ошибаюсь?

– Поражаюсь твоей осведомлённости.

– Мне всегда интересны новости, затрагивающие мою семью.

– Может быть, моя умная племянница скажет, что меня удерживает от приказа стражникам высечь её за дерзость королю?

И племянница сказала:

– Её титул и его планы. Я знаю, что ты задумал, дядя. Ты только подумал, а в самом Эквинском замке об этом начала шуршать каждая мышь.

Осе ненавидел, когда она говорила с ним вот так, будто она ему ровня. В такие моменты его корона будто сжималась в размерах и сдавливала его голову, как тиски. Но он собрал всю волю в кулак и поборол желание вышвырнуть племянницу из залы. В конце концов, здесь только он обладал властью. Король вернулся на трон.

– И о чём же тебе нашуршали эквинские мыши?

– О том, что ты единственный в королевстве, кто не в состоянии увидеть чуть больше, чем ему позволяют доклады шпионов, и прийти к правильным выводам.

– Стало быть, ты в состоянии?

– Возможно.

– Ещё одно слово, и я прикажу высечь тебя бычьим кнутом.

«Не прикажет», – подумала Вечера, но дала Осе ощутить своё превосходство.

– Так когда состоится церемония? – спросила она.

– В следующем месяце.

– Так скоро?

– Большого праздника не жди. Ваш брак с Альвгредом лишь формальность.

– Ты женишь не конюха и служанку. Он сын трона Касарии, а я буду кронпринцессой. Король должен соблюдать протокол, хочет он этого или нет.

– Церемония будет скромной. Вы просто подпишете необходимые бумаги и обменяетесь браслетами. Я так решил.

– И что на это сказала мама?

Осе медлил с ответом.

– Она не знает, – догадалась Вечера. – Ты ей не сказал.

– Сказал.

– И что она?

– Это тебя не касается!

– Ещё как касается! Это моя свадьба. Без соблюдения церемониала этот брак не признает ни один граф и не присягнёт наследнику. Кроме того, короля обвинят в фикции и неуважении к традициям, которые и без того трещат по швам стараниями последователей Святой благодати! Или тебе мало, что из-за новообращённых на тавромахию идёт всё меньше и меньше людей, а Королевские кирасиры вымирают день ото дня?

– Замолчи!

– И что это изменит?

– Прекрати сейчас же!

– Не прекращу! Как ты не понимаешь, что королевский брак не игрушка, а такая же политика, как и ведение войны!

– Поэтому я и выдаю тебя замуж за касарийского наследника.

– Раз так, то ты, наверное, принял во внимание тот факт, что касарийцы – приверженцы Святой благодати?

– Разумеется, принял.

– Тогда ты понимаешь, что Тонгейр не признает ни Альвгрета как сына трона, ни меня как его жену, пока мы оба поклоняемся пяти богам?

Осе уже хотел ответить ей чем-то таким же хлестким, но осёкся.

– Что? – Брови короля сползли к переносице.

– Сидел бы ты лучше в башне Ардо со своим телескопом. О какой благосклонности самрата может идти речь, когда и я, и Альвгред не верим в Единого Бога, как северяне по ту сторону Частокола?

Осе был вынужден признаться, но только про себя, что он об этом не подумал.

– И что ты предлагаешь?

– Мы с Альвгредом примем новую веру и поженимся по новому обычаю.

– Что?! – возмутился король. – О чём ты говоришь? Никто из династии Роксбургов не поклонялся чужим богам! Даже твоя мать ещё не перешла в новую веру, но она хотя бы искренне верит в Единого Бога, а ты говоришь о религии, буд-

то это товар.

– Для тех, кто носит корону, так оно и есть.

Король пребывал в растерянности.

– Подумать только! Ангенор поклоняется пяти богам.

И всегда будет.

– И касарийцы веками резали за это ангенорцев, – заметила Вечера. – Тебе следует хотя бы иногда смотреть за пределы тронного зала, дядя. Тебя обвиняют в разжигании религиозной войны, а моя свадьба – идеальный повод показать всему королевству, что это игра, затеянная Теабраном, и ты к ней не причастен. Наши шансы получить расположение Тонгейра с помощью Альвгрета и новой веры будут куда выше, чем без неё.

– А ты узнала мнение самого Альвгрета на этот счёт? – негодовал король. – Или ты решила за него, менять ли ему веру?

– Он всё поймёт. К тому же он любит меня и послушает.

– И что ты предлагаешь сделать? Венчать вас в кирхе, как северян? В недостроенной кирхе?

– На площади, чтобы видели все.

– И верующие в пятерых богов?

– Тебе важна армия Тонгейра под нашими знамёнами?

Ты прекрасно знаешь, половина Паденброга за мостом ходит в кирху, как касарийцы, и ты обязан с этим считаться. Пятеро богов – пережиток прошлого.

– Не смей так говорить!

– Можешь хоть кляпом мне рот заткнуть, но нас с Альвредом обвенчает Ноэ. Хватит держать его в подвале замка – этот человек несколько дней назад перестал быть просто проповедником, который пришёл из Пустодола. Он духовник королевы Ангенора. Вот пусть люди и увидят, что эта религия тебе не чужда и ты её уважаешь.

– Но это потребует дополнительных затрат.

– Каких? – засмеялась Вечера. – Сам священник едва ли что-то возьмёт за церемонию, но ты будешь обязан дать ему деньги и еду, чтобы уже на следующий день он раздал их своим прихожанам. Свадьба должна быть такой, чтобы люди стали говорить о ней, а не о бойне в Негерде. Если ты покупаешь с моей помощью расположение Касарии, то постарайся хотя бы выслушать меня и не наделать ошибок, – закончила Вечера.

– Неужели ты думаешь, что рассказы о свадьбе перебьют сплетни о Негерде?

– Конечно, нет. Но мы пустим свой слух, который распространится по королевству так же быстро. Мы обязаны воспользоваться этим шансом, если не хотим дать Теабрану все карты в руки.

– Мы? Король Ангенора пока ещё я, – напомнил Осе снова. – И с помощью богов буду оставаться им ещё долго. Или ты думала, что я допущу тебя до престола?

Немой вопрос отразился на изумлённом лице Вечеры.

– Я загнан в угол, но я не кретин! – воскликнул Осе. – Ко-

рону ты не получишь, даже не мечтай. Ты от неё отрече́шься в пользу сестры сразу после свадьбы. Тайно, но при свидетелях, и закрепишь отречение на бумаге. А когда моя Ясна выйдет замуж за наследника Алого утёса, я обнародую твоё отречение.

Замешательство, что он увидел на лице племянницы, ненадолго притупило его скорбь по сыну.

Вечера хватала ртом воздух, не способная пережить своё унижение.

Осе уставился себе под ноги, царапая ногтями подлокотник трона, и молчал. Будто железный ошейник стиснул ему шею, а виски, казалось, вот-вот закровоточат, так тёрли ему тонкую кожу острые края алмандиновой короны.

– А если я рожу? – упало из обескровленных уст Вечеры. – Брак должен быть консумирован. Что, если я понесу от Альвгрета ребёнка?

– На этот случай очень к месту, что Геза знает рецепты многих настоев. Уверен, в одной из её склянок есть особенное снадобье, которое лишит тебя плода, – сухо заявил король.

– А Альвгред знает, что ты намерен убивать его детей, лишь бы корона в конечном итоге досталась Ясне?

– Конечно же, нет. Это было бы нечестно по отношению к нему и его жертве.

– А по отношению ко мне это, стало быть, честно? Да, кто ты такой, чтобы решать, жить моим детям или умирать?

– Но ты же решила, жить или умереть моему сыну.

Осе замолчал, съёжившись на троне, как побитый, с выражением, полным желчи и горечи, а потом произнёс:

– К тому же для тебя будет честью, если он вообще прикоснётся к тебе дважды. Так и быть, я выполню твои требования по поводу свадьбы, в конце концов, ты не станешь королевой, поэтому можешь верить хоть в святые подсвечники. Через два года ты, как бездетная кронпринцесса, отречёшься от престола в пользу Ясны и вернёшься в Эквинский замок или уедешь в Альгарду к Монтонари, мне всё равно, и впредь твоя нога не ступит на землю Паденброга. Когда ты умрёшь, твой портрет вынесут из галереи, а имя заклеят в летописи как убийцу кронпринца. Альвгред никогда не узнает о твоих возможных выкидышах. А если ты ему что-то скажешь, я скажу, что знал о твоём нежелании рожать ему детей, потому что ты его никогда не любила и тебя выдали за него замуж насильно. Скажу, что отговаривал тебя, но ты всегда каким-то чудом получала необходимый настой и избавлялась от плода. – Осе с трудом сдержался, чтобы не стукнуть кулаком о подлокотник. – По какому-то недоразумению этот мальчик полюбил тебя, но в моих силах это исправить. И если ты не оставишь мне выбора, я это сделаю.

В это время Данка стояла за дверью и старалась не слушать. За весь день она почти не присела, и теперь её глаза слипались от усталости. Её дом был уничтожен несколько дней назад, она помнила каждую минуту, что он горел, и это

пламя ей даже снилось. Поэтому она хваталась за любую работу, лишь бы приходилось как можно меньше спать.

Хранитель ключей, следящий за хозяйством замка, сперва не хотел её брать, – что скажет король, когда узнает, что гостья замка моет посуду на королевской кухне? Но отец Ноэ, этот человек с добрыми глазами, попросил его найти девушке работу.

Покои принцессы Вечеры пустовали целый год, и потому работы там был непочатый край. Всё вымыть, вычистить – ковры, балдахины, подушки, покрывала – навести порядок в гардеробной комнате... Вещи принцессы собирали в спешке, и там повсюду царил настоящий хаос. Как только Хранитель ключей отворил перед ней запертые двери в покои новой хозяйки, Данка только и делала, что приводила в порядок всё, что было внутри, отмывая пыль и перекладывая вещи. И хотя сидеть сложа руки ей не приходилось, она не жаловалась на усталость.

До этого Данка успела потрудиться на кухне и в своей крошечной комнатёнке – одна придворная дама, не делающая различий между слугами и этой девушкой, попросила перешить платье ей и двум её дочерям, что заняло у неё всю прошлую ночь, но Данка была счастлива – лишь бы приходилось меньше спать. Но теперь усталость брала своё – девушка устало облокотилась о стену и тихонько дремала.

– Данка? – Чьи-то пальцы нежно скользнули по белокурым волосам и заправили за ухо выбившуюся прядку.

Девушка распахнула глаза.

– Капитан. – Она улыбнулась своему спасителю. – То есть лорд, сэр... то есть...

– Можешь звать меня Влахос, – сказал предводитель Ловчих. В это время суток он обычно обходил замок. – Что ты здесь делаешь? – Он убрал руку от её лица. – Насколько мне известно, ты неходишь в число ночных слуг.

– Я жду принцессу.

– Непростой разговор с королём? Когда-то он должен был состояться. – Он пожал плечами. – Но пока я не слышу криков и того, чтобы кто-то молил о пощаде, значит, всё будет хорошо.

– Почему принцесса должна молить о пощаде?

– Не уверен, что молила бы она.

Данка устыдилась своего смеха. Влахос же был собой доволен и не сводил глаз с её простенького лица.

– Почему король не любит принцессу? – спросила Данка.

– Ты не знаешь? – удивился глава Ловчих. – Думал, слуги тебе уже всё рассказали во всех подробностях.

– Нет. Да я и не спрашивала.

– Он винит её в смерти своего сына, Кирана Роксбурга.

– Неужели?

– Она вызвала брата на дуэль на боевых мечах всего за неделю до тавромахии. – Бродяга ухмыльнулся. – Пока Ясна изучала премудрости вышивания золотыми нитями, пела, танцевала и играла на арфе, Вечера практиковала бой на ме-

чах, можешь себе представить? Они с принцем Кираном постоянно соревновались друг с другом.

– Что же случилось?

– Ты вообще знаешь, что такое тавромахия?

– Я слышала о ней. Это обряд.

– О, это больше, чем обряд, Данка. Это душа Ангенора. Все молодые люди, желающие вступить в отряд Королевских кирасиров, должны пройти сложнейшее испытание – приручение ангенорского быка. Это древнейшая из традиций, и даже король не имеет права её упразднить. В ней сама суть государства: быть сильным и выстоять перед лицом неминуемой гибели. Да, обряд никогда не был обязательным, но каждый год со всех краёв королевства в Паденброг съезжаются десятки достигших шестнадцатилетнего возраста юношей, готовых показать всем свою силу, смелость и бесстрашие, ну и получить кирасирское клеймо на затылке, которое стирает классовые различия между всеми сословиями и делает самым главным только качества настоящего мужчины. Кто-то из юношей обязательно погибает – иногда это единицы, иногда десятки, – но все понимают и принимают этот риск. Дав согласие, участники обряда сжигают за собой все мосты, оставляя для себя только два пути с арены: или верхом на быке, или в чёрном саване. Того, кто, проиграв, останется жив, ждёт вечный позор, потому что в Ангеноре с молоком матерей все до единого юноши выпитывают одну простую истину – лучше умереть как мужчина, чем проявить малоду-

шие и спастись.

– А как же Киран?

– Добровольным участие в тавромахии было даже для королевских сыновей, – улыбнулся Влахос, – хотя за всю историю существования династии Роксбургов ни один наследник трона не отказался от риска. Но их тавромахия имеет несколько иное значение. Альмандиновая корона – корона военного государства, и носить её сможет только тот, кто сумеет побороть свой страх. По мнению Осе, сыну не терпелось доказать, что он достоин её носить.

– А это было не так?

– Киран был славным, но, как наследник престола, он всегда стремился быть примером для окружающих. Я слышал, к шестнадцати годам он уже знал несколько языков, а таким навыком мог похвастаться только покойный король Эдгар, умел красиво говорить, великолепно сидел в седле и управлялся с любым холодным оружием. Как и его старшая сестра. Придворные сплетничали: если бы не её внезапно проснувшийся интерес к холодной стали, ничего бы не произошло. Где в тот день была охрана и няньки, не знал даже я. Вечера и Киран наперебой объясняли, что они просто отрабатывали удары и не собирались друг друга убивать. Принц настаивал, что виноват именно он, потому что сделал переход, который ни разу не отрабатывал, и толкнул Вечеру, поэтому она неправильно повернула руку и полоснула его лезвием по ноге.

Данка испуганно закусилась губу.

– Осе разразился невероятным для него гневом, когда ему сообщили, что его сын ранен, и едва не ударил Суаве, которая бросилась защищать свою дочь. Он не мог понять, как вообще в руки детей попало настоящее оружие. Из-за этого едва не был казнён королевский камергер, который хранил ключи от всех дверей в замке, в том числе и от арсенала. Короля чудом убедили в том, что принц и принцесса, известные при дворе своими проказами, выкрали оружие из кузницы и обманом избавились от охранников, чтобы начать бой. Король, да и все остальные знали давнюю тягу Кирана поскорее попробовать себя в настоящем бою, но он отказывался верить, что это была инициатива его здравомыслящего сына. Но Киран был всего лишь мальчишкой, и ему хотелось быть похожим на короля Эдгара, который в этом возрасте уже, между прочим, разгромил армию баладжеров в Диких горах, тогда как сам Киран всё ещё учился драться на деревянных палках.

Рана оказалась глубокой, и Киран стонал от боли на кровати, пока местная ведьма Геза обрабатывала его рану мазями из подорожных трав и волчьих бутонов. Мои люди Вечеру к брату не пускали. Так приказал король, но на второй день Суаве всё же удалось убедить его открыть для неё двери. Слуги говорили, что Вечера до ночи просидела у кровати брата и читала ему книги. Они говорили, что принцесса выглядела подавленной, но король не мог думать ни о чём

другом, кроме того, что теперь только чудо поможет его сыну уйти с арены победителем. На следующий день он принёс в жертву Хакону пятьдесят коней. Надеяться на высшие силы – это было единственное, что он мог сделать.

Благодаря травмам рана на ноге Кирана затягивалась, но недостаточно быстро, чтобы он был полностью готов к тавромахии. Думаю, в голову Осе уже тогда начали закрадываться мысли об отмене участия его сына в этом кошмаре, но в борьбе с предрассудками он проиграл. Когда настал день обряда, принц был удручён и бледен, но божился перед лекарем и отцом, что его нога уже не болит и он сможет выстоять перед быком, ведь он сильный, смелый, бесстрашный, что он будущий король. Все знали, что это бравада, но гордость и страх Осе перед традициями не дали ему сделать шаг назад. Служанки говорили, что за час до битвы к Кирану в шатёр пришла Вечера, и они долго стояли, обнявшись, в дальнем углу.

К тому моменту, когда принц вышел на арену, весь Паденброг уже знал, что случилось, и знал, что у него не будет шанса уйти с арены победителем. Когда на арену, выломав открывающиеся ворота, выбежал чёрный бык, принц и сам понял исход этой битвы. Гнев – бешеная чистокровка с тремя парами рогов. Он бросился на жертву, едва та попала в поле его зрения. Это самый дурной из всех быков, когда-либо рождённых в королевстве. Его даже не кормили перцем перед обрядом, чтобы расшевелить. Чтобы разозлить Гнева,

нужно было просто появиться на его территории, а таковой он считал всё, что он топтал своими копытами.

Киран не хотел выбирать этого быка, но в том году все остальные быки были слишком спокойными и вялыми для королевского отпрыска, и не было в королевстве человека, который не ожидал бы от принца, что он выберет именно эту красноглазую тварь.

Бой длился чуть больше трёх минут. Осе сидел в королевской ложе ни живой ни мёртвый и наблюдал за происходящим. Знаешь, Киран доблестно вёл бой, но по большей части защищался. Верёвка, которую выдавали каждому турдебальду, оказалась бесполезна, потому что Гнев и не думал подпускать его к себе. Он иногда лишь отходил к барьеру, капая слюной на песок. Только один раз Киран почувствовал преимущество, когда ему удалось забросить верёвку на бычьи рога, но в этом и была его ошибка. Наверное, он решил, что с перекошенной шеей животное ему покорится, но это лишь привело зверя в ярость. Гнев дёрнул за верёвку, принц споткнулся, и тут дала о себе знать его рана. Киран упал прямо под копыта животного. Быку не понадобилось много времени, чтобы ударить принца и сломать ему рёбра – я до сих пор помню этот вой. Люди ахнули и вскочили со своих мест. Я видел, как белая, как полотно, Вечера вжалась в своё кресло, королева схватилась за голову и закричала. Осе молча наблюдал за тем, как бык втоптывает в песок его единственного сына. Подоспели погонщики. Втроем они силой оттащили

от тела обезумевшее животное, а толпа всё гудела, пока быка не увели за изгородь. Но наследник трона был уже мёртв.

– Это ужасно!

– Да, в тот день тьма опустилась на Паденброг саваном скорби. Всем было нелегко в это время. Осе приказал привести Вечеру и затем, выкрутив ей руки, заставил смотреть на то, что осталось от её брата. Тело принца, укрытое чёрным бархатным саваном, лежало в его опочивальне и представляло собой страшное зрелище. Вечера кричала от боли, но Осе это не остановило. Он долго давал ей пощёчины, а она и слезинки не проронила. Я даже испугался, что король схватит медный подсвечник или меч и убьёт племянницу. Я бросился за королевой. Когда мы с Суаве оказались на пороге, Вечера сидела, забившись в угол, закрывая голову руками, а Осе всё бушевал. Он угрожал, что казнит её за измену, за убийство, и Суаве бросилась дочери на помощь. В конце концов Осе выбился из сил. Уставший и заплаканный, он оставил нас в комнате наедине с телом и ушёл. Говорят, они проговорили с Суаве всю ночь. Королева с трудом уговорила Осе успокоиться. Я даже не представляю, чего ей это стоило. Вечера всё это время провела в своей спальне в ожидании приговора. Она не сомневалась, что теперь из замка у неё была только одна дорога – на плаху. Но утром король объявил, что отправляет её в Эквинский замок к родителям королевы. Единственное, о чём Суаве просила дочь, было просто ждать.

– Так вот почему королева начала читать «Четырёхлистник», – догадалась Данка. – Она хочет верить, что её сын стал мучеником.

– Да, но у Осе такой роскоши нет. Ему, как и всем его предкам, претит мысль о том, что его сын когда-нибудь вернётся. А потому его Киран умер и исчез в каменной могиле в Долине королей, окружённый лишь тьмой, где, как и все его предки, он спит среди вечной тишины, и лишь одинокий огонёк его души отныне и на веки веков бродит в каменных лабиринтах в вечных поисках города богов.

Личико Данки стало бледным, как у призрака.

– Какая грустная история. Теперь я понимаю, почему они все так выглядят. Это скорбь. Она исказила их лица. Их души всё ещё плачут.

– Но я не должен был тебе этого рассказывать.

– Я никому не скажу, что узнала от тебя.

– И ни о чём не спрашивай принцессу. Она немного...

– Какая?

Влахос задумался.

– Думаю, она единственный человек в Ангеноре, кто смог бы завязать рога Гнева узлом.

Данка снова засмеялась и прикрыла рот ладошкой.

– Тогда ей придётся сперва посоперничать с Инто, он всем говорит, что выступит в этом году на тавромахии и выберет Гнева, – ответила она.

Повисло молчание. За тяжёлыми дверями в тронный зал

не слышалось ни звука.

– Мне она нравится, – сказала Данка, легонько кивнув в сторону тронного зала.

– Правда? Почему?

– Она показала мне портрет своего отца в Красной галерее. Она по нему скучает. Я не думаю, что то, что о ней говорят, – правда.

– Думаешь?

– Люди смотрят на других, но всегда видят только себя.

– Кто тебе это сказал?

– Я читала в книге.

– Ты умеешь читать?

– Я не всегда жила в Негерде.

– Ты не выглядишь девушкой из глуши, – высказал Влахос своё мнение, к которому пришёл почти сразу, как только увидел Данку. – Расскажи о себе.

– Почему ты хочешь обо мне знать? – Данка, наконец, заметила, что молодой предводитель Ловчих стоял ближе к ней, чем позволяли правила приличия, и, если бы на его месте оказался кто-то другой, она тотчас бы отстранилась, но от Влахоса не исходило никакой угрозы. Он ей улыбнулся, что, как ей уже успели рассказать, было редкостью.

Глаза Данки слезились от усталости.

– Ты выглядишь уставшей, – подметил Влахос.

– Весь день готовила покои принцессы к её возвращению

и...

– Я знаю, что ты сегодня делала, и вчера, и позавчера. Твою работу выполняют трое, а ты вообще не обязана работать.

– Не хочу отвлекаться на сон, – призналась Данка. – Глаза закрываю и вижу огонь. – Её личико серой тенью накрыла глубокая грусть.

– Но рано или поздно тебе придётся поспать.

– Вчера я помогала на кухне, и кто-то поставил на огонь кастрюлю с луком, а я чистила морковь рядом. Мне так хотелось спать, что я не выдержала и уснула. Сквозь сон мне в нос ударил запах гари. Я в испуге проснулась и перевернула на пол все почищенные овощи. Не хочу больше спать. – Девушка нахмурилась.

– Мне тоже иногда снится Ровенна, – признался Вламос. – Иногда снится, что на неё ещё не напали, и мне это кажется чем-то нереальным, как давно забытая детская фантазия. Поэтому чаще всего я вижу её уже объятую пламенем. Не знаю, что видеть больнее.

– Тебе страшно видеть свой дом таким?

– Раньше было страшно. Теперь всё в прошлом. Мой дом – Туренсворд, моя семья – король и королева, и я буду охранять их, чего бы мне это ни стоило. И я буду охранять и тебя.

Он легонько приподнял лицо Данки за подбородок.

– Ты красивая.

– Говорят, я похожа на принцессу Ясну.

– Они ей льстят.

– Почему ты так говоришь?

– У тебя лицо добрее. Хочу, чтобы ты знала – без моего ведома в замок мышь не проскочит, – сказал он. – Тебя здесь тоже никто не обидит.

Ответом ему стала искренняя девичья улыбка, полная доверия.

– Мне нужно продолжить обход, – сказал он. – А тебе нужно поспать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Влахос, – ответила Данка, хотя ей очень не хотелось, чтобы он уходил.

Спустя всего минуту двери тронного зала открылись, и на пороге появилась Вечера.

Позади неё, устало прикрыв лицо ладонью, сидел на троне король. Вечера же, однако, не выглядела победительницей. В её глазах стояли слёзы.

– Вы плачете? – поспешила к ней Данка, но Вечера молча прошла мимо и завернула за угол. Она молчала до самых покоев.

– Что-то случилось? – нерешительно спросила служанка, когда двери в спальню закрылись, и в комнате остались только они. Вечера села у туалетного столика и нервными движениями начала снимать непокорную серьгу.

Горькие слёзы обиды и гнева катились по её щекам, но она их быстро вытирала. Что-то подсказывало Данке, что она единственный человек в замке, кто видел принцессу в сле-

зах.

– Разрешите, я вам помогу, – стремилась проявить участие Данка. Она протянула руку к рубиновой серьге.

– Он тебе рассказал? – спросила Вечера.

– Кто?

– Бродяга. Он всегда в это время ходит по замку.

– Влахос? Да, мы встретились, когда вы были с королём.

– Так он тебе сказал?

– О вашем брате? – Данка запнулась и положила на стол снятую серёжку. – Нет.

Тяжёлое молчание принцессы возымело своё действие, и девушка призналась:

– Да, рассказал. Но немного, вы не подумайте...

Едва её руки коснулись второй серьги, как Вечера дёрнулась в сторону, и застёжка оцарапала шею принцессы. Данка от неожиданности вскрикнула, глядя на окровавленную серьгу, оставшуюся у неё в руке. Но Вечера будто не заметила раны.

– Вы поранились!

– Царапина. – Принцесса вытерла каплю крови рукой. Она подошла к окну и сильным движением открыла передние ставни. В комнату ворвался порыв ночного ветра.

– Моя принцесса?..

– И что ты думаешь о моём брате? – не унималась Вечера.

– Это неважно, – испугалась служанка, не сводя глаз с глубокой царапины на её шее.

– А ты ответь, – упрямилась принцесса, глядя в ночную даль, где кое-где в окнах ещё горел свет.

– Моя принцесса, у вас кровь, – умоляла служанка. – Рану нужно обработать.

– Отвечай!

– Я считаю, это не ваша вина, – призналась Данка.

– С чего ты решила? Ты там была?! Видела сама?!

– Нет.

– Тогда почему?

– Я не знаю.

– А если ты не права? Если я сделала это нарочно? Ранила его, чтобы Киран не смог справиться с быком!

– А вы это сделали специально?

Слёзы Вечеры высохли на ветру.

– Не смей задавать мне этот вопрос.

– Но вы спрашиваете меня? К чему вам мнение какой-то служанки? Неужели просто ради интереса? Или вы хотите убедиться, что все в этом замке считают, будто вы настолько жестоки?

Данке от волнения стало трудно дышать.

– А по-твоему, я не способна?

– Я видела людей, способных причинить боль, – вы не такая.

– Не такая? – Вечера обернулась в сторону Данки, и та отступила на шаг. – Не такая? – И на служанку посыпались пощёчины. – Глупая ты девка! – кричала Вечера, нанося

несчастной всё новые и новые оплеухи. – Глупая! Глупая!

Данка в отчаянии закрыла лицо руками, стараясь увернуться от очередного удара. Её кожа горела от оплеух, и девушка закричала, моля о пощаде. Вечера остановилась и отошла, Данка не сразу решилась убрать руки. Она испуганно смотрела на принцессу сквозь щель между пальцами и тихо всхлипывала, забившись в угол.

– Убирайся, – тихо приказала Вечера. – Чтобы я тебя не видела.

Данка вытерла слёзы и положила злосчастную серёжку на стол. Когда она уже собиралась прошмыгнуть к двери, принцесса остановила её.

– Услышу в замке хотя бы шёпот об этом разговоре или о том, что ты могла слышать в тронном зале...

– Я не...

– Хотя бы шёпот...

И Данка убежала.

Вечера осталась одна, наедине с собой и своими демонами. Она зажгла все свечи, что смогла найти в сундуке, и поставила у кровати – она никогда не спала в темноте.

Вечера сама расплела волосы, переделалась и легла. Она лежала и спокойно смотрела в потолок балдахина, расшитый золотыми нитями. Огненный опал, её «Валамар», с которым Вечера не расставалась даже ночью, сегодня давил ей на грудь, как гранитная плита, которую хотелось швырнуть в голову Осе. Настойчивый свет свечей резал глаза и напо-

минал о свечах в тронном зале. Вечера сначала не решалась задуть даже одну из них, но спустя полчаса задула две, потом ещё одну, однако оставила пару самых высоких, что могли гореть до первых солнечных лучей.

Сон её был зыбок, как болото, и переливался сотней неясных образов, среди которых угадывалось лицо Осе, перетекающее в лицо Кирана. На смену ему приходили погонщики быков, и Согейр, и Марций, и тучи, тучи. Беспокойство давило голову, как если бы на неё надели алмандиновую корону, и снилась сама корона, ярко-алая, как бычья кровь, сияющая в лучах тысячи свечей, слепящая глаза. И вдруг наступил мрак, ледяной и глубокий, тянущий на самое дно. Вечеру прошиб липкий пот, и её будто выкинуло из сна. Ветер из приоткрытого окна задул обе свечки. Кромешная тьма и холод окутали покои. Вечера натянула одеяло под самый подбородок. Единственным, чего она боялась в своей жизни, была темнота.

Когда-то в детстве, когда Кирану было девять, Вечере десять, а Ясне восемь, они играли неподалёку от города у тракта, ведущего к Редколесью. С ними было несколько кирасиров во главе с Согейром, которым поручили следить за королевскими детьми. Но в тот день им удалось уговорить своих охранников пройти чуть вглубь Редколесья, чтобы пробраться туда, куда мать строго-настрого запрещала им даже приближаться.

В народе это место называли Змеиной ямой. Она прита-

илась в северной части Редколесья, отгороженная от всего белого света густой стеной из сосен и дубов, что цеплялись за её края узловатыми корнями, и зияла чернотой, отпугивая любого тихим, едва различимым от шелеста листвы шипением, доносящимся из глубины, как если бы там, внизу, шевелились тысячи связанных в узел змей.

Это была огромная дыра шириной в несколько метров. Такая глубокая, что даже солнечные лучи не могли достать до её дна. Никто не рисковал спуститься вниз, наоборот, это место обходили стороной. Но чем больше яма обрастала запретами, тем больше Вечере хотелось увидеть её. Пока кирасиры устраивали привал неподалёку, они с братом начали кидать вниз камни и прислушиваться, какой из них ударится о дно, но не слышали ничего, кроме шипения. Тогда Вечера решила взять камень покрупнее, но не рассчитала силы. Земля просела под её ногой, и принцесса упала в яму.

Она пролетела вниз несколько метров, прежде чем её рука вцепилась в крошечный корешок, торчащий из землистой стены. Она схватилась за него со всей силой, что была в её детских пальцах, не привыкших держать ничего тяжелее подола шёлкового платья, и закричала. Тьма Змеиной ямы казалась осязаемой и лизала холодом кожу. Сверху, где рваный круг дыры казался крошечной точкой, где-то там, далеко, кричала испуганная Ясна, Киран звал сестру, а потом они оба исчезли, и Вечера осталась одна в пронизывающем холоде и мраке, с тысячью змей, уже разинувших пасти у неё под

ногами, чтобы вцепиться в её плоть, когда руки её ослабеют и она упадёт. И руки неумолимо слабели, корень царапал нежную кожу, врезаясь волокнами до самого мяса. Но Вечера не сдавалась. Она плакала, но держалась.

Её вытащил Согейр. В ход пошло всё, что нашлось под рукой: плащи, уздечки, стремяна. Кирасиры связали всё, что было, в подобие верёвки, обвязали руку легата и спустили его вниз у того места, где упала Вечера. Он вытащил её всю грязную, с расцарапанным лицом и руками, а она всю дорогу до Туренсворда не разжимала рук, сомкнутых вокруг его шеи.

С тех пор страх перед тьмой преследовал её, возвращаясь каждую ночь. Но самое ужасное было даже не то, что Вечера боялась быть поглощённой этой тьмой, а то, что она знала – в этой тьме ей было самое место.

В темноте морозной свежей ночи ей всё так же мерещился окровавленный лик Кирана, озарённый молочным лунным светом. Этот призрак преследовал её уже год и исчезал лишь с приходом рассвета. Вечера закрыла глаза, повернулась на бок и трижды повторила про себя придуманную ей же год назад молитву, которую она повторяла всегда, когда ей становилось страшно, потому что в ней одной видела защиту и оправдание: «Я наследница Паденброга и всего Ангенора от Касарии до Кантамбрии, от Диких гор до Пустодола, во мне течёт кровь королей. Силой Хакона, магией Чарны, я получу корону любой ценой».

Глава 10

Коридоры замка Туренсворд

В замке Туренсворд все коридоры вели к Хранителю ключей, так же, как все дороги в Паденброге вели к замку Туренсворд, из чего почти каждый житель города рано или поздно приходил к выводу, что все дороги ведут к Хранителю ключей. Придворные звали его по должности, слуги именовали его «сэр», единственный сын называл его отцом, но имя его было Корвен, и он служил королевским камергером, как все члены его династии. Был он немолод, но поджар и полон энергии. Возможно, когда-то в молодости, он был недурен собой, но возраст со временем взял своё. За его высоким лбом, казавшимся ещё выше из-за больших залысин, прятался редкий интеллект, которым его хозяин предпочитал не блистать в присутствии тех, кого раздражало, когда в одной комнате с ними находился кто-то умнее, и делал лишь редкие исключения. Худое лицо его всегда было спокойным и сосредоточенным, а глаза – внимательными и блестящими, как в молодости. Он гордо носил чёрный сюртук

хранителя с белыми поперечными полосами на груди и никогда не позволял себе сутулиться – ни когда был молод и свеж, ни сейчас.

Корвен любил всё контролировать, и даже вошь не могла поселиться на дворцовых собаках без его на то согласия. Он знал всех придворных и слуг по именам и знал имена их родственников. Помнил, когда у каждого из них день рождения и что каждый ел на обед в прошлый вторник или в позапрошлую пятницу. Кто исповедует новую религию, кто изменяет жене, кто патологический врун и кто может щедро наградить за оказанную услугу. У него были ключи от всех замков в Туренсворде и замки ко всем дверям. Порой люди, окружающие его, сомневались в том, что он вообще человек, порой он их пугал, а порой восхищал своим умением оказываться в нужном месте в нужное время с решением их наболевших проблем. Корвен же относился к окружающим снисходительно и позволял им считать себя воплощением чего-то иррационального и недоступного.

Каждое утро он натирал до блеска тяжёлый ключ с бриллиантами и альмандинами, который достался ему от отца, и бережно вставлял в петлицу. Корвен бережно хранил эту реликвию. Была это занятная вещица, изготовленная из чистого золота королем Эссегридом Растратчиком в подарок его камергеру за долгую верную службу. Особенность этого ключа была в том, что он ничего не открывал, но символизировал ключ от самого Туренсворда. Это украшение прирав-

нивалось к титулу, который заставлял придворных почти-тельно склонять головы перед человеком, его носящим.

Придворные любили Корвена за то, что он в любое время мог достать то, что было необходимо, и ненавидели за его излишнюю осведомлённость об их личных делах. Они уважали его за то, что он молчал о своём знании, и, хотя между собой обсуждали свои опасения на этот счёт, но через некоторое время снова обращались к нему с просьбами, часто фривольного содержания. По этой причине в Миртовом доме Верхнего города лицо Хранителя ключей стало весьма узнаваемым, но забывалось в ту же секунду, когда в красных руках сводника оказывался мешочек со звонкой монетой.

Но в обязанности камергера входила не только своевременная доставка девиц из публичного дома придворным господам, в первую очередь он заведовал всем хозяйством замка, а именно следил за приготовлением завтраков, обедов и ужинов, пиров и церемоний, будь то наречение именем, свадьбы, жертвоприношения или похороны. Следил он и за своевременной уборкой опочивален, чистотой в Ласской башне и порядком в королевских загонах и на плацу. Со всеми проблемами и конфликтами он всегда разбирался лично и распоряжался наказаниями, которые объявлял король. Он любил свою работу и не любил лентяев. Он считал Туренсворд своей вотчиной, и его вотчина никогда не спала. Слуги работали даже ночью, готовя замок к следующему дню: кто начищал каменные полы, кто оттирал копоть

на свечных люстрах, кто не покладая рук трудился на кухне.

Сам Корвен просыпался ещё затемно и первым делом спускался на нижний ярус замка, где находилась кухня, чтобы посмотреть, как идёт работа. Когда-то в нём теплилась надежда, что его сын, Гарай, станет мужем какой-нибудь юной леди, это позволял ему титул отца. Но, вопреки ожиданиям и чаяниям, Гарай обручился с одной из служанок, простой, но милой девушкой, которая теперь была на сносях, а сам выучился на лекаря и служил в Туренсворде. Теперь, когда у Корвена больше не оставалось сыновей, кроме этого упрямца, он довольствовался своей властью над вверенными ему слугами. Ею он не злоупотреблял, но и не позволял садиться себе на шею. В последнее время его зоркий глаз был нацелен на конюшего – беспробудного пьяницу и отца конюха Инто. Лицо юноши всегда украшали синяки, оставленные отцовской рукой, что, само собой, не могло ускользнуть от внимания Хранителя ключей.

В это утро конюший уже сидел на кухне за столом, заставленным чанами с нарезанными овощами, и пил северное вино из припрятанной у стены фляжки. Пил и рассказывал кухарке сказки о своей молодости, когда он состоял солдатом при Озёрном замке, что было неправдой, потому как каждый раз замок, где он служил, он забывал и придумывал новый. Судя по его красноречивым рассказам, он успел послужить и в Столпах, и в Полулунной башне, видел, как разрушают Кровавый дом, нёс дозор на верхушке Вильхейма

и даже в башне Лит, что притаилась в густом лесу Эя, и служил везде с тех пор, когда был ещё сопливым мальчишкой, и успел снискать уважение своих хозяев и личную благодарность за верную службу...

В этот раз конюх, распутив хвост, рассказывал, как однажды вместе с армией графа Корбела он отражал нападение на Грот. И это было вдвойне интересно, если учесть, что этот небольшой, выдолбленный внутри скалы, замок не имел никакого отношения к Приграничью, и о его местонахождении знали всего три человека, в число которых конюх, разумеется, не входил. И это ещё не считая того, что из-за своего тайного места расположения Грот никогда не подвергался нападению.

Камергер тихо зашёл в кухню и поздоровался со слугами. Кухарка, простая и доверчивая женщина с огромными пухлыми руками, и поварята слушали конюха с раскрытыми ртами, а увидев Хранителя ключей, спохватились и вернулись к работе.

– Вы, – обратился Корвен с нескрываемой брезгливостью к сидящему перед ним в небрежной позе мужчине в грязном поношенном вонючем сюртуке. Он был мерзок, как раздавленная улитка, и, судя по запаху пота, последний раз посещал ванную комнату не иначе, как прошлой зимой.

– Сэр? – откликнулся тот и, как ему казалось, незаметно затолкал фляжку за один из чанов.

– Вы рискуете, сидя рядом с печкой, – сказал камергер,

морщась от жуткого запаха перегара и давно немытого тела, который источала каждая пора безобразного конюха. – Вылети из неё хотя бы одна искра в вашу сторону, Туренсворд взлетит на воздух.

– Что вы, сэръ, я с прошлого понедельника капли в рот не брал. Честное слово. – По поводу выпивки конюх даже не старался врать хотя бы вполовину так же складно, как о своём удалом прошлом, полном подвигов, совершённых в честь короля.

– Почему вы не в конюшне?

– Так ведь рано ещё, – нашёл оправдание конюх, – принцессы ещё спят. Зачем им кони?

– А когда вернулась принцесса Вечера, полагаю, было уже слишком поздно, и кони были уже не нужны?

– Так она же ночью прибыла.

– И поэтому Велиборка до сих пор стоит вся в мыле?

– Так, а конюхи на что?

– И я задаюсь этим вопросом.

Корвен стоял перед ним осанистый, как граф, убрав руки в замок за спиной, презрительно глядя на грязного борова. Пожалуй, кроме него, в замке подобное раздражение в Хранителе ключей не вызывал больше никто.

– Думаю, вам всё же следует уделить немного времени своим прямым обязанностям, – посоветовал Корвен и быстро выхватил спрятанную флягу. – Что это?

Пьяница попытался предотвратить покушение на свою

собственность и вскочил с места.

– Отдайте! – взревел он, как медведь. – Это моё!

– Не сомневаюсь.

Хранитель ключей, несмотря на возраст, был крепок. Он одной рукой удержал конюха за плечо, а другой откупорил затычку.

– О, северное вино. – Он почувствовал знакомый пряный аромат с ноткой гвоздики и мха. – Пять лет выдержки. Вы знаете толк в том, что воруете.

– Я его купил! – врал конюх, отчаянно воняя спиртным.

– Неужто? Жалование будет только завтра.

Он поднял флягу над головой, так, что руки потного мужика не могли до неё дотянуться.

– Или вы научились копить деньги?

– Научился.

– Кроме того, что вы вор, вы ещё и лжец. Интересно, что скажет король, когда узнает, что конюх ворует вино, оплаченное из его кошелька?

– Неужели вы скажете ему о какой-то кружке вина? У нас в подвале целые бочки стоят!

– Так, значит, вы всё же спускались в подвал?

– Так мне он принёс! – Он ткнул пальцем в сторону поварёнка.

– Что? – вспыхнул краской мальчишка. – Это неправда! Не давал я ему ничего. Сэр, он врёт!

– Спокойно, мальчик, – осадил его камергер.

– Да правду я говорю, – не унимался пьяница. – Он при-
нёс! Он! Эти повара – воры! Они всегда тащат из подвалов
всё, что не приколочено!

– С ними я разберусь позже. Сейчас я говорю с вами. Вы
пьёте с утра до вечера. Полагали, я буду это терпеть? – Кор-
вен силой усадил конюха на шаткий стул.

– Прогоните меня? Так у меня ж семья! Надо же их на что-
то кормить? Ну хотите, я вам прямо сейчас отдам деньги
за эту проклятую фляжку? – Его толстые руки с грязью под
ногтями начали шарить по брюкам в поисках несуществую-
щего кошелька.

– Десять ударов палкой за воровство будут куда ценнее
грошей, которых уже давно нет.

– Не надо! – взмолился конюх с такой миной, что окружа-
ющим стало тошно. Однако Корвен даже голоса не повысил:

– Если не хотите, чтобы я выволок вас за шиворот к па-
лачу, быстро в конюшню исполнять свои прямые обязанно-
сти. И чтобы, когда я приду через полчаса, все кони были
чистыми, а их кормушки – полными сеном и водой. Вы меня
поняли?

– Да, сэр, да! – начал кланяться конюх.

– Я сказал что-то непонятное? Быстро в конюшню!

Он схватил его за шиворот и погнал перед собой, как ба-
рана, пока не вытолкал из кухни.

Мальчишка-поварёнок всё ещё глядел на Хранителя клю-
чей в ожидании приговора.

– Я не вор, – тихо заскулил он, покрывшись пятнами от стыда.

Корвен знал, что он врёт, но пропажа вина вряд ли была делом его рук – мальчишка чаще воровал финики да апельсины для младшей сестры, и было это так, по мелочи, корона вполне могла снести эти потери, как, впрочем, и потерю фляжки вина.

Преданный замку слуга поправил сбившийся воротник и подмигнул раскрасневшемуся поварёнку.

– Налей мне своей похлёбки, Герта – время завтрака, – сказал он.

Повариха достала глубокую пиалу и щедрой рукой наполнила её свежей похлёбкой.

Пока Корвен завтракал, она сидела рядом и чистила овощи.

– Почему вы не уволите этого пьяницу? – спросила она. – Он же пьёт и врёт как дышит.

– Я был бы рад это сделать, но, боюсь, в этом случае мы лишимся нашего шестипалого конюха.

– Инто? Но мы же говорим про его отца.

– Ты наивная женщина, Герта, – парировал Хранитель ключей. – Инто и его папаша – сообщающиеся сосуды. Ты разве не видела его синяки?

– Видела. Так это ж его быки бьют. Он сам говорил.

– И отцовские кулаки. Будь моя воля, я бы уже давно выгнал эту бестолочь, но сделай я это, он тут же сорвёт свою

злобу на жене и сыне. Он и так отбирает у них всё жалование и тратит на выпивку. Не хватало ещё, чтобы он поубивал их обоих...

– Уж мы-то знаем о вашей любви к Инто.

Корвен согласно кивнул. Он никогда не скрывал своей симпатии к мальчишке.

– Я люблю тех, кто к чему-то стремится, а этот мальчик, если будет так же упорно трудиться, далеко пойдёт. Если бы у меня был ещё один сын, я бы хотел, чтобы он был таким, как он...

Корвен осёкся – дверь в кухню открылась, и на пороге появился Инто. Он не так давно начал активно расти, и потому вызывал у поварих непреодолимое желание его накормить.

– А чего папаша такой злой? – Он взял со стола очищенную сырую картофелину и надкусил её, как яблоко.

– Будто вашему отцу нужна причина, – ответил камергер.

– Так, а ну положи на место! – возмутилась Герта и, шлёпнув Инто тряпкой, выхватила у него изо рта картошку. – Я тебе сейчас дам нормальной похлёбки. Будет он мне сырое жевать! – Её всегда обижала его подростковая всеядность, но нравилась бездонность желудка. Она подошла к печи и положила ему порцию горячего. По скорости, с которой подросток уплетал её стряпню, можно было предположить, что его не кормили пару дней. Инто был совсем невысоким, ниже даже Хранителя казны, а ел, как эвдонский лесоруб, и его аппетит был величайшей похвалой кухарке.

– Ешь-ешь, – довольно приговаривала она и накладывала ему ещё.

– Ночью Соломка родила бычка, – гордо сообщил мальчишка с набитым ртом. – Я сам роды принимал. А Гнев опять выбил копытом двери в загоне. Хорошо, что я вчера сменил цепь на его ошейнике, иначе он бы вырвался на улицу. Мог бы кого-нибудь затоптать.

– Слышал, в этом году его снова впишут в список быков для тавромахии, – сказал Хранитель ключей.

– Да, – ответил Инто. – Хорошо, что король не избавился от него. Гнев – чистокровный бык. Таких, как он, мало. Почти все быки в замке полукровки, а такие, как он, редкость. Те спокойнее, что ли. А этот... будто отродья Чарны его вожжами под хвост лупят.

– Вы так говорите, юноша, будто восхищаетесь им.

– Может быть.

– Это животное убило наследника.

– Как и ещё двоих до него. Как и половина быков другой масти. Во время тавромахии гибнет не меньше десятка парней. Но Гнев – бык особый. Он создан для арены. Другие вялые рядом с ним, а этот – вихрь. Носится по песку то в одну сторону, то в другую, только и видишь, как мечется его туша. Красота, – подытожил он с блаженной улыбкой.

– Вы бы так не думали, молодой человек, окажись на арене рядом с ним.

– Окажусь.

– О! – Седая бровь Хранителя ключей озадаченно поднялась. – Инто задумал пройти обряд?

– Да, в этом году.

– Тебе нет шестнадцати, – нахмурился камергер и откинулся на спинку стула.

– Будет в этом году.

– Ещё четыре месяца.

– Всего четыре месяца, – исправил камергера Инто. – Какая разница? В этом году мне шестнадцать.

– Большая разница, сынок. Вальдарих не допустит тебя к участию.

– Допустит. Я с быками вожусь с самого детства. Они слушают меня. Даже местные говорят, что я заклинатель. Если кто вдруг взбесится в загоне, меня сразу туда посылают – знают, что я успокою животное. Сколько раз такое бывало, помните?

– Помню, но тавромахия совсем другое дело. К тому же Вальдарих скорее запрёт тебя в Ласской башне, чем нарушит правило шестнадцатилетнего воина. И будет прав.

– Я выберу Гнева, – гнул своё Инто. – Помните, что Ге-за сказала? Что я стану воином, приручившим дикого зверя. А кто у нас самый дикий из быков, а? Это не может быть совпадением. Это судьба! К тому же кто угодно допустит меня до участия, лишь бы посмотреть, как я его приручу.

– Слова подростка.

– Слова того, кому осточертело каждый день видеть пья-

ную рожу отца.

Над столом повисло молчание.

– Я хочу стать Королевским кирасиром, – буркнул Инто. – Не хочу больше ждать.

– Похвально, но рискованно.

– Так же рискованно будет и через полгода. Так какая разница?

– Не боишься, что бык тебе не покорится? С арены у тебя будет только два выхода.

– И в обоих случаях я буду победителем.

– А твоя мать? Если ты погибнешь, она останется с твоим отцом совсем одна.

– Если я погибну, ей выплатят компенсацию. С деньгами, которые ей заплатят, она сможет уйти от этого придурка и жить, ни в чём не нуждаясь.

Корвен увидел в карих глазах подростка решительность, свойственную редкому человеку, даже взрослому.

– Так дело в деньгах?

– Дело всегда в деньгах.

– Ну, мало ли какими путями можно их получить? Например, не вполне законными.

– Я не вор, – возразил мальчик, оскорблённый в своих лучших чувствах. – К тому же, если меня поймают, то отрубят руку. А как я стану воином без руки?

– Ох, если бы каждому, кого уличали в воровстве, рубили руку, нашему казначею пришлось бы носить за поясом то-

пор вместо пергамента с отчётами, и половина придворных в один день бы стала однорукой.

Сидящие за столом прыснули смехом. Каждому из них была известна давняя борьба камергера и Хранителя казны с казнокрадами. Корвен хватал за руку воров в замке, младший Монтонари – вне его стен. Но если Корвен делал это из чувства долга перед королем, то Сальдо Монтонари двигал исключительно меркантильный интерес, которого он не скрывал и не стеснялся.

Он любил деньги и не любил, когда их брали без его разрешения или, что ещё хуже, брали больше, чем он давал. Он буквально следил за каждой монетой, что шла в оборот в пределах королевства, и с завидной регулярностью устраивал проверки в разных частях Ангенора на предмет уплаты графами и лордами областей различных налогов. Внезапные визиты дотошного брата зятя королевы всегда оборачивались для них головной болью и величайшей радостью, когда он, наконец, вдоволь напившись их крови, уезжал. Сальдо было дело буквально до всего – в конце концов, его единственной любовью были деньги, а заласканными детьми – книги бухучёта. Корвен только диву давался, как этот молодой мужчина добровольно иссушил своё сердце до состояния заполненного сводными таблицами пергамента и посвящал всё своё время расчётам и отслеживанию денежных средств. Даже во время еды он умудрялся вглядываться в какие-то цифры и пресекал любую попытку отобрать у него бу-

маги. Обычно он, даже не отвлекаясь от отчётов, вкрадчиво предупреждал: «Не стоит этого делать», – и у желающего ему помочь это желание сразу исчезало.

Однако и ему были не чужды минуты покоя. Таковыми Хранитель казны называл то время, когда они с Корвеном устраивали шахматные турниры в дальней части библиотеки. Они играли и вели отвлечённые беседы, и тогда становилось очевидно, что мир младшего Монтонари состоит не только из цифр. Камергер находил в нём интересного собеседника, способного поддержать разговор практически на любую тему, начиная от литературы и заканчивая политикой. Впрочем, он никогда не отвечал на вопросы о личном. Пожалуй, Сальдо был в замке единственным человеком, о котором Корвен почти ничего не знал, и это ему не нравилось.

Когда они закончили завтрак, в кухне появилась Данка. Она сказала, что принцесса Вечера уже проснулась и просит принести ей завтрак. Кухарка забежала по кухне – она ожидала, что после дороги принцесса проспит минимум до полудня, а не встанет ни свет ни заря. Через пару минут поднос для принцессы был уже готов. Корвен не пренебрёг своей обязанностью и дал ложку с приготовленной кашей кухонной кошке.

– Это не значит, что я не доверяю своим работникам, – пояснил он Данке, – но это моя обязанность.

– Неужели вам не жаль животное?

– Жаль. Но мы не можем давать пробовать блюда людям. Хотя ради некоторых конюхов я бы, пожалуй, сделал исключение.

Кошка слизала кашу со смородиной и начала умываться.

– Думаю, поднос можно уносить, – сказал камергер.

Около полудня Хранителя ключей вызвала королева.

– Чем могу служить? – спросил он, учтиво поклонившись.

Суаве в добровольном затворничестве своих покоев сидела за письменным столом и читала «Четырёхлистник». Платье простого кроя, но из дорогой ткани, подчёркивало белизну её кожи, а вдовий пояс без вышивки перетягивал талию. Единственный рубиновый браслет, подарок короля Эдгара, поблёскивал на тонком запястье, обручальный же был спрятан под рукавом, а на груди, кроме золотой четырёхконечной звезды (или четырёхлистного чистотела, как её ещё называли), не было никаких украшений. Светлые волосы королевы были аккуратно прибраны под сетку и перевязаны лентами. Утреннее солнце сквозь тучи отбрасывало на её лицо рассеянный тёплый свет и подсвечивало пушок длинных светлых ресниц.

– Полагаю, вы уже знаете, что скоро моя дочь выходит замуж? – спросила она тем нежным голосом, который ласкал ухо любого мужчины.

– Разумеется, моя королева, – ответил камергер.

– Я хочу, чтобы вы всё организовали.

– Я слышал, король не хочет устраивать пышное торже-

ство и уже составил смету с Монтонари.

– Не хочет, но сделает, – возразила королева с улыбкой. – Мы всё обговорили сегодня утром. К тому же нужно ещё позаботиться о церемонии отказа от старой веры для Вечеры и Альвгрета.

Хранитель ключей помедлил с ответом.

– Прошу прощения?

– Я была бы рада сказать, что моя дочь и Альвгред переходят в новую веру по своему желанию, но это нужно для благосклонности самрата Касарии.

– Моя королева, прошу меня простить, но вы уверены, что принцесса поступает правильно? Я имею в виду, что смена веры – очень ответственный шаг. Вы искренни в своей вере, но принцесса...

– Это её выбор.

– Но идёт ли он от её сердца?

По лицу королевы было видно, что ответ отрицательный.

– К тому же, – продолжил Корвен, – согласен ли Альвгред сделать это добровольно?

– Он уже согласился, – ответила королева. – Мы с дочерью говорили с ним только что. Мальчик сказал, что ему трудно поддаться уговорам невесты, но вы же знаете, что моя дочь умеет убеждать. И она права. Тонгейр никогда не примет Альвгрета, если их будет разделять религия, как не пойдёт на уступки невестке по той же причине. Моя дочь понимает всю ответственность. Я знаю, что она едва ли изменит что-

то в своей душе, но она делает то, что решила. И Альвгред её поддержал.

Корвену ничего не оставалось, кроме как принять указание.

– Хорошо, моя королева, я всё сделаю. Вы хотите, чтобы всё прошло, как и на вашей свадьбе? Пышно, чтобы горожане рассказывали о пиршестве своим детям и внукам?

– Лучше, – ответила королева. – Мне нужно, чтобы имя моей дочери звучало на каждом углу: от замка – до Ворот Мира, от площади Агерат – до Кроличьего тупика. Чтобы гости разнесли вести о свадьбе в родные края. Но я не говорю о растрате казны – едва ли в нынешнее время это добавит королю уважения.

– Вы хотите организовать торжество, не тратя денег?

– Так хочет Вечера. Если я хорошо знаю свою дочь, то она уже придумала, как это сделать. От нас же будет зависеть только комфорт высоких гостей. И если вкусы и предпочтения графов Ангенора нам известны, то, что считает комфортом касарийский самрат, для нас настоящая загадка. Какие они, эти касарийцы, Корвен? Я слышала, те семеро, что служат нам в Столпах, не забыли свои нравы и обычаи?

– Никак нет, моя королева. Они всё так же грубы и предпочитают спать на полу с сеном вместо подстилки и камнем вместо подушки. И, как все касарийцы, проводят в молитвах одну пятую своего дня. Едят руками мясо с кровью и запивают только северным вином. Брань – их родное наречие,

а пташки из Миртовых домов – любимая забава.

– Значит, корона должна поставить Тонгейру миртовых девок, если так пожелает великий самрат? – Королеве не нравилась эта идея.

– Тонгейр – единственный из самратов, который женился по любви, но, насколько мне известно, верность Меганире не является его сильной стороной. Если вы распорядитесь, я доставлю ему миртовых красавиц тем способом, который не бросит тень на алмандиновую корону.

– И распорядитесь выделить для самрата лучшие покои.

– Распоряжусь приготовить покои в западном крыле. Из окон восточного видна площадь, а окна западного выходят на часовню.

– Думаю, так будет лучше. Несмотря на нравы касарийцев и характер самрата, его жене едва ли придется по душе полуденные жертвоприношения.

– Вы как никогда правы, моя королева. Кто будет ещё из гостей?

– Родители, граф Алого утёса, граф южных земель, графы Ревущего холма, Полулунной башни, Старого двора.

– Я распоряжусь, чтобы вашу сестру и графа Монтонари разместили ближе к вашим покоям. А графиня Шеноя и постул Эвдона? Они уже дали ответ на приглашение?

– К сожалению, да, – тяжело вздохнула королева. – Виттория-Лара и Пелегр отказали. Наш король первым делом отправил им приглашения, но они сослались на благовидные

причины: здоровье, дела – и отказали. Они этого не написали, но они нас осуждают. Забавно, верно? Особенно осуждение эвдонцев. Касарийцы же молчат.

– Но... – замялся камергер, – вы только что сказали, что они будут.

– Возможно. Для этого и нужно приготовить покои для них и их приближённых.

– То есть они могут не прибыть ко двору?

– Молю Бога, чтобы этого не произошло. Брак дочери устраивается именно для них, и, если самрат проигнорирует приглашение, это будет значить, что король не получит от него даже возможности попросить о помощи на северных границах.

– Полагаю, это не сулит нам ничего хорошего.

– Это будет катастрофа.

– Неужели на границе всё так плохо?

Королева молча кивнула.

– Жена Гарая уже родила? – неожиданно спросила она.

– Пока нет, но сын говорит, что Аннит разродится со дня на день.

– Если Теабран осадит город, Осе прикажет брать в армию всех без разбора. Даже если у мужчины только что родился ребёнок. Я скажу, когда им следует покинуть город.

Эти слова Суаве морозом скользнули по затылку камергера.

– Гарай не согласится. Он будет защищать город, как

и остальные. Это его долг.

– Он не воин, а лекарь. Скажи ему – это приказ королевы.

Страшная картина возможного будущего представилась взору мужчины, и он мотнул головой, отгоняя её, как злую осу.

– Неужели у Теабрана всё-таки есть возможность дойти до Паденброга?

– Никто не предъявит свои права на престол, не имея за плечами воинов, чтобы в случае отказа добиваться власти с помощью клинков и стрел. Ангенор ждут тяжёлые времена, мой друг.

– Моя королева, – с отеческой интонацией в голосе откликнулся Корвен, – я уверен, всё обойдётся. В стенах Паденброга содержится сила, которая способна противостоять самозванцу.

– С каждым годом Королевских кирасиров становится всё меньше, – холодно отрезала королева, – регулярной армии почти нет. Если Шеной решит отделиться от Кантамбрии окончательно, Чернильная Рука будет вынужден перекинуть свои войска туда. А ты же знаешь – он портит всё, к чему прикасается. А эвдонцы, – она усмехнулась, – они хорошие охотники, но не воины. С кантамбрийцами и кирасирами им не тягаться. Остаются только орудия. Я боюсь, что перед Теабраном все наши старания окажутся тщетными.

– Но наша армия сильна, моя королева, – возразил Хранитель ключей. – Покойный король Эдгар с армией в два ра-

за меньшей отбивал легионы противника...

– И умер от крошечной раны.

Корвену стало неудобно за свой пример воинской доблести и отваги.

– Всего одна рана отравленной стрелой, и погибла целая эпоха, – вздохнула Суаве. – Кантамбрия разваливается, Мраморная долина ведёт себя всё более обособленно, Север полностью потерян, граф Озерного замка поддерживает Теабрана – королевство умирает в руках Осе.

– Значит, вы всё же считаете, что город падёт?

– Если нам не помогут касарийцы. Иначе зачем это всё? Король сколько угодно может тешить себя мыслью, что у нас есть кирасиры с их легендарной военной подготовкой и отряды с юга, люди Влахоса, но всего этого мало. Касарийцы – наше спасение. Я молю Бога, чтобы я ошибалась.

Данка пришла в покои Суаве сразу, как только Корвен сказал, что её зовёт королева.

– Вы меня звали? – спросила она, скромно встав у двери.

– Да, проходи, – сказала Суаве и жестом пригласила девушку внутрь. Та медлила. – Ну же, не стесняйся.

Данка сделала робкий шаг вперёд.

– Простите.

– Не стоит. Присаживайся.

Данка побаивалась, что она не имеет права сидеть в присутствии королевы Ангенора, но в глазах женщины напротив не было желания унижить, только грусть и доброта. Дан-

ка прошла к резному письменному столу и села на краешек стула.

– Хочешь вина? – спросила Суаве.

– Нет, спасибо, – скромно отказалась девушка, но Суаве мягко настояла:

– Будет тебе, Данка, отведай вместе со мной всего один бокал. Я не люблю пить одна. Пусть от южного вина сложно опьянеть, но я чувствую себя от этого неуютно.

– Спасибо, – больше из вежливости согласилась девушка и уже встала, чтобы разлить вино по бокалам, как королева жестом указала ей сесть на место.

Суаве поднялась, взяла с подоконника графин и наполнила два бокала.

– Зачем? – растерялась Данка. – Вы совсем не должны. Вы же королева...

– Я знаю, откуда ты, Данка, поэтому это меньшее, что я могу для тебя сделать. Это вино нам привезли вчера из Альгарды – гостинец от моей сестры. Отец её мужа, старший граф Монтонари, храни Господь его душу, разбил свои плантации у Аквамариновой бухты, и Четта часто присылает нам бочки с вином.

– Четта? – переспросила Данка. – Но принцесса Вечера называла свою тётю Юрيره.

– Так и есть, – кивнула королева. – Это обычай Кантамбрии. Если кантамбриец женится на девушке-чужестранке, она принимает другое имя. Теперь мою сестру зовут Четта.

Это имя созвучно словам «искры счастья» на кантамбрийском. Но, говорят, у неё есть и другое имя, которым её зовёт только муж.

– Какое?

– Я не знаю. Сестра не говорит. Оно предназначено только ей.

Суаве протянула Данке бокал.

– Южное вино совсем не такое, как северное. Попробуй.

– Я всего лишь служанка, моя королева.

– Ты гостья, – возразила королева и села на пуфик. – И не позволяй придворным дамам и моей Ясне об этом забывать. Ты знаешь, что твой друг, Альфред, теперь с отцом Ноэ? Он взял его к себе в послушники.

– Да, он мне говорил. Ему здесь нравится.

– А тебе? – Королева пригубила вина, и девушка последовала её примеру.

Вино обладало удивительным букетом и оставляло приятное цветочное послевкусие.

– Здесь хорошо, – ответила Данка. – Очень вкусное вино.

Суаве улыбнулась.

– Мы используем его для причастия.

– Я слышала, что вы тоже верите в нового Бога.

– Только он говорит, что у моего сына сейчас всё хорошо.

– Примите мои соболезнования.

Королева кивнула.

– Надеюсь, моя дочь не пугает тебя? – спросила она. –

Прислуживать Вечере всегда было трудным делом. В позапрошлом году от неё сбежали три служанки.

– Нет, вовсе нет, – поспешила возразить Данка, хотя всё ещё не простила принцессе незаслуженные пощёчины.

– У моей дочери характер непростой. Будто сам Хакон в неё вселился, когда она покинула моё лоно. Она бывает груба и вспыльчива, но на самом деле она хорошая девушка. К ней нужен подход. Постарайся на неё не обижаться.

– Кто я такая, чтобы обижаться на будущую королеву?

– Послушай. – Суаве поставила бокал. – Я хотела бы обратиться к тебе с просьбой, но ты не обязана её выполнять.

– Я – служанка.

– Ты – гостья.

Данка внимательно посмотрела в бледное грустное лицо. Если бы не платье из самой дорогой ткани, которую Данка видела в своей жизни, и Туренсворд, Суаве бы не отличалась от простой женщины, лишённой лоска и присущего богатым людям высокомерия.

– Что-то случилось?

– Нет, – улыбнулась Суаве. – Ты была в городе?

– Да, утром мы с Альфредом принесли овощи с рынка.

– Рядом с мостом королевы Сегюр есть ювелирная лавка, в ней работает мой друг. Он занимается обработкой драгоценных камней. Я хочу, чтобы ты отнесла ему кое-что.

Королева потянулась к шкатулке из красного дерева с золотой отделкой, что стояла на туалетном столике. Она от-

крыла крышку и достала оттуда удивительной красоты тяжёлое бриллиантовое ожерелье. Сотни крошечных камешков вспыхнули в лучах восходящего солнца слепящими радугами.

– Попроси его сделать из него нити для венка невесты. А в оплату отдай ему перстень.

Она вынула из шкатулки кольцо с рубином и подала Данке.

– Какое красивое. – Та смотрела на переливающиеся камни как заворожённая. – Но почему вы не попросите это сделать Хранителя ключей?

– Корвен вынужден во всём отчитываться перед королем. А это мой личный подарок для дочери.

– Это ожерелье вам подарил король Осе, – догадалась Данка.

– Поэтому не нужно, чтобы он знал.

Девушка сняла с головы платок и закутала в него ожерелье с перстнем.

– Но как я найду нужный дом?

– Влахос знает, где его искать. Я попрошу, чтобы он сопровождал тебя.

– Я сегодня же его отнесу, – пообещала Данка.

– Спасибо. Только никому ни о чём не говори.

Данка поклялась.

Все утро Вечера только и делала, что избегала встреч с придворными. Слухи о предстоящей церемонии быстро

разлетелись по коридорам и уже к полудню были на устах у всех, кто любил обсуждать и осуждать. Меньше всего ей было нужно ловить на себе изучающие взгляды, этого ей хватило в Эквинском замке. С первого же дня, как нога Вечеры ступила на белоснежный гранит Богрова, её не отпускало ощущение, что её преследует чей-то шёпот.

Ферро приняли её как гостью, но смотрели на неё, как на позорное пятно на чести их семьи. За весь год они заговаривали с ней всего три раза. Мама говорила, что им с сестрой когда-то доставалось их внимания ещё меньше. Общение с торговцами, долгие прогулки на мраморные рудники они предпочитали обществу дочерей и внучки. Но у Суаве была Юрире, а у Юрире – Суаве, а Вечера оказалась в Мраморной долине совсем одна, и только сплетни за спиной, которые мгновенно замолкали, стоило ей обернуться, были её единственными спутниками. Дни, когда в Богров приезжали кирасиры, чтобы привезти соль для торговли или золото в банк графа, для Вечеры были сродни празднику, но и тогда она могла их видеть только с высоты своего балкона, потому что, по приказу короля, не могла покидать стены замка.

Сейчас её пристанищем стала библиотека. Она нашла «Четырёхлистник», который королю когда-то подарил торговец книгами, и углубилась в чтение, и душа её отвечала зудом на каждую догму веры, которую принцесса обязалась принять.

Святая Благодать, Четырёхконечная звезда, Четырёхлист-

ный цветок Чистотела: Смирение, Послушание, Воздержание, Служение – четыре лепестка северной веры. Основа основ. «Четырёхлистник» убеждал, что Бог один, и лик его горит в небе пламенем, на которое люди не достойны смотреть, а осмелившийся сделать это – ослепнет. Этот свет даёт жизнь всему живому, а всё остальное – лишь тень, отброшенная светом его величия и славы. Книга призывала людей смириться с тем, что они всего лишь тени, неслышные тени, которым будет дарована душа, если они будут смиренными, послушными, сдержанными слугами. И только так они заслужат после смерти всё, от чего отказывались при жизни, а иначе для них наступала Вечная ночь – самое страшное наказание.

Всё её нутро противилось крамоле этих книг с такой силой, что Вечера начала сомневаться в принятом решении. Ведь даже ночь для ангенорцев была символом преданной любви Ильдерада, который закрывает щитом солнце, чтобы увидеть во тьме любимую Одени – здесь же герой «Вилевдатта» представал как главный враг Бога, потому что лишал людей его света.

Её отвлекло движение у лестницы. Это была Ясна. Она притаилась за перилами и наблюдала из укрытия за сестрой.

– Я тебя вижу. – Вечера подняла глаза от страницы и вернулась к чтению.

– Можно войти? – спросила Ясна.

– Ты уже здесь. Что ты хотела?

– Хотела повидать тебя.

Вечера медленно перевернула страницу пыльного фолианта и пригладила пальцем корешок:

– Ты не очень-то торопилась.

Ясна медленно прошла в комнату и, немного пораздумав, села за стол к сестре.

– Я хотела, чтобы ты отдохнула. Твой путь был долгим.

– Скорее ты боялась встречи.

С минуту они сидели в тишине. Ясна прятала глаза от сестры, та упорно делала вид, что увлечена книгой.

За витражным окном счастливо щебетал жемчужный скворец, чья радость казалась в данный момент неуместной.

– Тебе нужно что-то ещё? – первой нарушила молчание Вечера.

– Хотела узнать, как ты?

– Как я после чего? После дороги? Или после того, как ты обвинила меня в смерти брата?

Ясна пожалела, что пришла.

– Я тебя не обвиняла, – поспешила оправдаться она.

– Да ну?

– Я просто позвала на помощь.

– А вот я тот день помню иначе.

Говорить спустя год сёстрам было непросто, как непросто обоим осознать, что ровно год назад между ними разверзлась бездонная пропасть.

– Зачем ты это сделала? – спросила Вечера. Её лицо каза-

лось невозмутимым, но это впечатление было обманчивым. И Ясна хорошо знала это мнимое сестринское спокойствие.

– Отец меня спросил, а я просто сказала, что видела.

– Ты стояла в стороне и мечтала о своём Влахосе. Ты не видела ничего, но говорила так, будто видела. Ты соврала.

– Я не врала. Ты его ранила! Из-за тебя он погиб на арене!

– Он погиб, потому что был слаб! – Принцесса резко встала из-за стола. – Мой отец в битве при Кровавом доме несколько часов дрался с обломком копья в ноге и выжил! А Киран просто сдался.

– Не обвиняй нашего брата в трусости, он этого не заслужил!

– Я тоже! Ты всегда была любимицей Осе, из нас двоих он всегда слушал только тебя. Почему ты сказала ему, что я ранила Кирана? Ты же не видела ничего! Киран тебя просил сказать, что это вышло случайно, но ты утверждала, что это я вызвала его на бой. В отличие от тебя брат понимал, чем мне это грозит.

– Откуда мне было знать?

– Ты бы сказала то же самое, если бы меня поволокли на плаху?

– Но отец тебя помиловал.

– Твоя ли в этом заслуга? Ты отгоняла от меня Осе, когда он таскал меня за волосы? Ты остановила его руку, когда он меня бил? Ты, как всегда, сбежала и спряталась – всё сделала мама!

Вечера нависла над Ясной, как коршун над мышкой.

– Ты ни разу ко мне не пришла, когда Осе запер меня в комнате и приставил охрану. Ты не пришла к Кирану, когда он был ранен!

– Я была на похоронах. Я оставила в его склепе свою ленту.

– Ох, она оставила в склепе свою ленту! – передразнила её Вечера. – Я тоже брата любила, если хочешь знать, мне не дали даже с ним попрощаться! А всё потому, что ты не умеешь говорить то, о чём тебя просят.

– Отец сказал мне не врать.

– Видеть тебя не хочу, – ответила Вечера, бледная, как лист бумаги. Ясна сидела не шелохнувшись.

– Пошла вон, – сказала Вечера, – или я выволоку тебя отсюда за волосы.

Ясна послушалась и ушла.

Глава 11

Три воина

Когда Согейр вышел из Ласской башни, его внимание привлёк шум, доносящийся со стороны площадки для силовых тренировок. Он пошёл на звук и очень скоро обнаружил толпу кирасиров, обступивших кого-то или что-то. Возбуждённые возгласы их были направлены внутрь круга.

«Да-вай! Да-вай!» – подбадривали они некое действие, не видимое взору снаружи, но, по всей видимости, стоящее внимания. Рядом стояли дворцовые служанки и о чём-то шептались, стреляя глазками в сторону солдат.

– Что происходит? – спросил у них Согейр.

– Марций и Войкан, – ответила одна, и легату не требовалось больше объяснений.

Он перевёл дыхание, тихо выругался и поспешил разобраться.

Внутри живого круга, все в поту, одни из лучших ангенорских воинов – Марций, сын Иларха, и Войкан, лучник из отряда Гаала, – под одобрительные возгласы наблюдате-

лей заканчивали отжимать от земли первую сотню с каменными плитами на спинах. Воодушевлённый азартом вот-вот выиграть пари Альвгред как раз досчитывал:

– Девяносто семь! Девяносто восемь! Девяносто девять!.. И, ну же, друзья, давайте! Сто! Да, вы сделали это!!

Толпа разочарованно возопила – большинство сделали ставки на то, что никто из этих воинов не справится. Закричали и сами воины, но едва ли от радости из-за выигранных денег, скорее от жгучей боли. Подоспела пара солдат и освободила их от каменной ноши. Совершенно лишённые сил, Марций и Войкан упали лицами в траву.

Перевернувшись на спину и открыв залитые потом веки, они увидели рассерженное лицо легата. Согейр смотрел на них сверху вниз, скрестив руки на груди, что, как известно, было скверной приметой.

Глаза воинов изумлённо распахнулись от испуга перед неизбежной расплатой.

– Я всё могу объяснить, – попытался оправдаться Альвгред, но слова присохли к его языку под испепеляющим взглядом отца.

– В башню. Все трое. Быстро.

В общей комнате Ласской башни было полно людей. Воняло потом, какими-то тряпками и вином. Кто-то чистил свои доспехи, кто-то подшивал сбрую, кто-то играл в карты, но кто бы ни находился в тот момент в помещении, все эти люди исчезли за его пределы, стоило только Согейру ступить

на порог. Никто не хотел злить легата ненужными приказами, значение которых было понятно без слов.

Трое виновников, потупившись, стояли перед Согейром, как провинившиеся подростки.

Войкан, наполовину кантамбриец, наполовину эдвонец, был на голову выше любого лучника не только в своём отряде, но и в армии. Изящный, под стать своему альмионовому луку, он был нетороплив и задумчив, отчего создавалось впечатление, что Войкан постоянно витает в облаках. Но, тем не менее, когда дело доходило до драки, его меланхоличность растворялась в воздухе и лучник отправлял врагов к богам с такой невообразимой скоростью, что никто не замечал, когда он выхватывал стрелы из колчана.

Марций Рейес был совсем другим. Он полыхал, как факел. Да, легат снял с него деревянные бусы и обрядил в кирасу, но даже так кирасир выглядел как дитя огненного вихря. Высокий, сильный, огненно-рыжий, он гонял молодняк по плацу, как тигр гоняет антилопу, а потом, даже не устав, мчался в Миртовый дом или таверну, чтобы и там никому не давать покоя.

Марций был первым, кто поддержал друга после децимации. Войкан, который ничего не знал о заговоре против короля, был уверен, что непременно вытащит из мешка чёрный камень, но ему повезло. А когда тот, от кого отвернулась удача, был поставлен перед строем для казни, Войкан оказался единственным, чья стрела осталась на тетиве. Чер-

нильная Рука, узнав об этом, сказал, что в лучнике заговорила мятежная эвдонская кровь, и распорядился нанести бунтарю тридцать ударов плетью.

– Не знал, что в армию берут малых детей, – злился Согейр.

– Ничего страшного не произошло, отец, – в попытке обрассудить его выступил вперёд Альвгред, но осёкся и отступил.

– Ничего? – передразнил его Согейр. – Не тебя три недели назад выхаживала Геза, выцарапывая твою душу с того света! И ладно, Марций, – он ткнул пальцем в сторону эвдонца, – он всё время хочет кому-то что-то доказать, но ТЫ?! Ты-то как на это согласился?!

Воины пристыженно молчали. Для Марция и его командира всё ещё были свежи воспоминания о недавнем бое с балджеррами, когда эвдонец едва не погиб. Кирасиры готовились сопровождать очередной обоз с солью в Паденброг, и среди ночи на них напали те, кого они ожидали увидеть.

Перепалка с Волками ночей вышла быстрая и жаркая. Марций до сих пор с содроганием вспоминал этих зверей размером с лошадь, с зубами размером с кинжал.

В ту ночь Рейес дрался, как истинный эвдонец, как лев, загнанный в угол, но одному из нападавших, тому, что дрался двумя топорами, удалось скинуть его с быка. Марций чудом спасся – Согейр вовремя дал отпор его противнику в неравном бою, но надежды на то, что эвдонец выживет после по-

лученных ран, не было никакой.

Однако этот рыжий воин был известен своей эвдонской живучестью и умением цепляться за жизнь так, будто на этом свете его ждало ещё что-то, кроме солдатской жизни сына беглого даарима. Он всегда был упрямым, и в этом качестве с ним мог посоперничать разве что его бык. Марций выжил и, судя по сотне отжиманий с каменной плитой, водружённой на спину, был полностью здоров и уже спешил продемонстрировать свою готовность снова оказаться в строю. Иначе зачем ему было устраивать этот спектакль? Только ради того, чтобы увидел легат. Согейр ни секунды не сомневался, что эта затея пришла в голову именно Марцию, а остальные его дружно поддерживали, выбрав ему соперника обычной жеребёвкой.

– Или ты уже забыл, как твой друг умирал всего несколько недель назад? – сокрушался легат.

– Я здоров, – уверенно ответил за Альвгрета молодой эвдонец.

– У нас война на носу, а вы, все вы, тратите свои силы на бестолковые выходки. Хотите посоревноваться? Милости прошу на плац, тренировочные мечи в руки и вперёд! Хотите показать свою выносливость – я не отменял марш-броски.

– Мы тоже устроили неплохую тренировку, – размеренным тоном и будто немного скучая ответил Войкан. – Разве не ради этого мы вообще собираемся на плацу? Ведь, если подумать, ... – начал рассуждать он.

– А с тобой разберётся Гаал, – Согейр пресёк его попытку поспорить и испепелил того взглядом, преисполненным праведного гнева.

Согейр снова повернулся к Марцию.

– О боги, я дал тебе увольнительную, потому что ты мне нужен не калекой, и вот так ты растрачиваешь данное тебе время?

– Мне же нужно его как-то коротать, пока поправляется мой бык? Дым до сих пор хромает. Какой из меня кирасир без быка? А парням, как и мне, было нелишним поразмять кости. – Марций развёл руками. – Честное слово, Согейр, я не понимаю, что произошло такого ужасного?

– Я лично несу ответственность за каждого кирасира и из кожи вон лезу, чтобы в мирное время вы не калечили друг друга, и у меня же под носом вы вытворяете подобные вещи. Хочешь себя покалечить – сделай это в бою! – Легат тяжело выдохнул. – Боги, когда вы уже все женитесь? – Он вытер вспотевший лоб ладонью. – Может быть, это научит вас хотя бы какой-то ответственности перед другими людьми?

Альвгред широко улыбнулся.

– Боюсь, что тебя даже это ничему не научит, – огрызнулся Согейр. И улыбка исчезла с лица сына.

– А наши сердца принадлежат армии, – как ни в чём не бывало ответил за себя и Марция Войкан.

Эвдонец согласно кивнул.

– Можно подумать, – скептически сощурился легат. – Будь это так, вы бы оба не обжимались с миртовыми девками и служанками по кладовкам. – И вспыхнул: – Неужели так трудно закрывать плотнее двери? Боги, дайте мне сил, у меня такое ощущение, что я говорю с детьми! По башне ходят Има и Флавия, а у вас двери нараспашку, а оттуда женский смех. Едва ли вы оба этим девицам читаете книги. Что вы хотите, чтобы девочки случайно увидели?

– Когда-то им самим это предстоит, – нашёлся, что ответить, Марций.

– Вот своей будущей дочери это и расскажешь. А моей нечего там видеть в её возрасте. Может быть, у вас на Эвдоне и выдают девочек замуж с двенадцати лет, а в Ангеноре – нет.

Марций и Войкан переглянулись. Женщины испытывали непреодолимое влечение к ним обоим, сколько Согейр их знал, и легат бы под пытками никогда не признался, что завидует им, хотя для удовлетворения своих нужд ему хватало одной Нилы. Марцию же и Войкану не хватило бы и всех девиц из Миртового дома, чтобы удовлетворить все свои желания. Иногда Согейру казалось, что они уже знали всех девушек по именам. Они никогда никого ни к чему не принуждали, но с удовольствием отвечали действиями на согласие, как ответили бы любые здоровые одинокие молодые мужчины, слишком хорошо осведомлённые о своей привлекательности. Миртовый же дом был их любимым пристанищем по-

сле таверн, где они часто коротали время. Иногда их распутство становилось Согейру настолько поперёк горла, что он всё чаще думал урезать жалование всем солдатам, чтобы им не хватало денег на оплату услуг этих девок, но как воин он понимал, что для кирасира, вернувшегося из Вильхейма живым, не найдётся награды слаще, чем хорошая выпивка и ласковые женские руки.

– Моё решение. – Легат хлопнул ладонью по колену. – Если вам троим так не терпится занять себя в перерывах между тренировками, следующие две недели вы будете помогать Инто в конюшнях и загонах для быков. Будете чистить их, кормить животных, поить, отмывать стойла, менять сено – всё, что делает Инто. Там от вас, по крайней мере, будет польза.

– Но отец!.. – возразил Альвгред, всем своим видом давая понять, что он как-никак будущий король Ангенора.

– У тебя ко мне вопрос?

– Нет.

– И правильно, потому что ты пока ещё простой кирасир. А вы двое – увижу, что не выполняете мой приказ, оба отдадите свои месячные жалования архонту на благовонные масла для свечей.

– Вот у него радости-то будет, – пробубнил себе под нос Марций.

С тем легат их и отпустил.

Выходя, Рейес вдруг остановился и, попросив друзей

не ждать его, вернулся к Согейру.

– У тебя остались вопросы? – поднял тот на солдата удивлённые глаза.

– Хотел попросить прощения за то, что мы устроили там на плацу. Ты прав, это было глупо с моей стороны. И я признаю, это была полностью моя идея.

– Не сомневаюсь. Альвгреду бы и в голову не пришло состязаться с раненым.

– Я уже поправился, – возразил Марций.

– Прошло слишком мало времени, открытые раны так быстро не затягиваются. – Согейр взглядом указал на забинтованный живот эвдонца. – Даже если Геза и Гарай приложат все усилия. Если бы твоя рана разошлась, как бы я смотрел в глаза твоей матери?

– Я эвдонец. Такие, как я, помирают, только если искромсать нас на ремни. Ладно, я ещё раз признаю, что это было глупо, но мне кажется, или тебя разозлило что-то посущественнее этой ерунды?

– Это не важно, – отмахнулся легат.

– Брось, Согейр, ты всегда делишься со мной своими проблемами. Что случилось на этот раз? Дело в свадьбе Альвгрета?

Согейр набрал воздуха в грудь.

– Я никогда не хотел, чтобы он женился на Вечере, и тебе это известно, но теперь об этом попросил сам король. Я был вынужден согласиться.

Марций сел на соседнюю скамью.

– По-моему, она лучший вариант для Альвгрета, – ответил он, поднял с пола тряпку и вытер потную голову. Его густые тёмно-рыжие, намного темнее, чем у всех его братьев и родителей, волосы взлохматились, и едва ли в Ангеноре нашлась хотя бы пара девушек, которые не пожелали бы их пригладить.

– Считаешь? – усмехнулся Согейр. – Давно ли ты её знаешь?

– Я учил её драться на мечах. С ней твоему сыну будет не до скуки.

– Этого-то я и боюсь. А если честно, я не хочу, чтобы сын стал мишенью Теабрана.

– Альвгрету не привыкать, что кто-то хочет его смерти. Помнишь, два месяца назад, в Вильхейме? Если бы не твой сын, баладжеры бы устроили пожар. Он справился с ними почти в одиночку, справится и с девчонкой, он и сам парень не робкий.

– Не скажи, тебе от неё тоже когда-то здорово досталось.

– Я поддавался.

– Нет.

– Я поддавался, – настоял Марций.

– Хорошо, поддавался.

– Меня никогда не победит женщина, если я сам этого не захочу.

– О, миртовые девицы об этом наверняка наслышаны.

– Им я сдаюсь и без боя. Ты знал, что одна из них использует шёлковую ленту, чтобы привязывать руки к изголовью кровати?

– Знать об этом не хочу.

Марций задумчиво потёр щетинистый подбородок:

– Надо бы рассказать об этом Ниле.

– Убери лапы от моей жены. – Согейр швырнул в Марция тряпку. Эвдонец засмеялся.

– А если серьёзно, чем принцесса плохая жена?

– Тебе рассказать подробно или просто перечислить?

Марций поджал губы.

– А мне она нравится. Что тебя удивляет? Да.

– Она взбалмошная девица, которая встречает в штыки любое мнение, если оно противоречит её собственному. Непослушная, своенравная гордячка.

– Вылитый король Эдгар. Будь Вечера мужчиной, ты бы гордился службой ей.

– Но она не мужчина. А удел женщины – быть хорошей женой и матерью и слушать мужа. А эта, – Согейр кивнул в сторону двери, – через пару лет и Альвгрета скрутит в бараний рог. Кому она такая нужна?

– Ингрейн, прозванная Эвдонской мегерой, когда-то возглавляла род Даимахов, и перед её портретом до сих пор преклоняют колена. Перед Витторией-Ларой поджилки трясутся у всех графов, от Серого камня до Монте де Бароз. А великая династия Дочерей трона Касарии? Чем не удач-

ные примеры женщин на троне?

– Шенойская Паучиха расколола Кантамбрию, Дочерей трона больше нет, а об Ингрейн я вообще говорить не хочу. Чем же удачны эти примеры? И вообще откуда у тебя такой к ней интерес?

– А может быть, я просто завидую Альвгреду? – невозмутимо ответил Марций. – Нет, ты только скажи, я сам женюсь на Вечере и спасу твоего сына от ужасной участи.

Согейр рассмеялся и по-дружески хлопнул эвдонца по плечу.

Вдруг входная дверь распахнулась, и в комнату, откуда ни возьмись, влетели Стрекозы. Покрасневшие от быстрого бега, они верещали, как только могут верещать счастливые дети, и ринулись в сторону Марция, облепив ему обе ноги. Солдат подхватил сестру и Иму и усадил себе на руки.

– Покатай нас! Покатай! – клянчили они. Девчонки любили, когда он крутил их, взяв за обе руки.

– Покатать? – Марций с удовольствием подыграл им, сделав смешное озадаченное лицо. – Я не могу.

– Почему? Почему?

– Я не могу, пока вы не поцелуете меня.

В ту же секунду обе девчонки прилипли губами к щекам мужчины, оставляя на них звонкие поцелуи.

– Вот теперь гораздо лучше.

– Покатай, покатай нас! – продолжали упрашивать они, ёрзая на его локтях в ожидании. – Покатай!

– Хорошо, – заулыбался солдат.

Каким бы Марций ни был уставшим, он всегда находил минуту поиграть с детворой.

– Пора тебе уже своих заводить, – не без намёка заметил Согейр, глядя на то, с каким воодушевлением его друг играет с малышнёй.

– Войкан уже ответил, – сказал он, улыбаясь, – моё сердце принадлежит армии. Как и душа.

Это был тот редкий случай, когда Согейр не понял, что Марций соврал.

А вот Золтан слышал ложь всегда и везде. Собственно, слово «лжёшь» было единственным, что дед слышал от своего внука с тех пор, как тот вообще начал говорить. По этой причине Золтана с малолетства нигде не любили – никому не нравилось быть уличённым во лжи, а вралы люди много. В деревне у истока Задиры, где жила их семья, Золтана часто били, бывало, избивали до полусмерти. Один раз даже окунули его руки в кипящую воду и заставили вдоволь наесться земли и травы, а он упорно стоял на своём и шипел обидчику, отплёвываясь от грязи и крови: «Ты лжёшь». В деревне его считали дурачком, но дурачком этот угрюмый мальчик не был. Его обманчиво простое лицо с веснушками и широкий рот вкупе с узкими плечами и длинными худыми руками внушали людям мысль о его безобидности, но и это не было правдой.

Золтана нашёл в лесу один из лесников, который позже

назвал себя его отцом. Деревня готовилась к заморозкам, и он с несколькими другими мужчинами делал запасы древесины для растопки. Они рассказывали, что слышали жалобный писк, доносящийся из чащи, и решили, что это птица. Но писк всё не прекращался, один из работяг решил проверить, откуда доносится звук, и скоро вынес из глубины леса небольшой свёрток из старой грязной ткани, в котором кричал ребёнок, на вид пару недель от роду. Так найдёныш и обрёл семью. Беркана всё не давала его родителям дитя, и этот кроха, худой и белый-белый, как снег, стал для них крошечным сокровищем, которое они назвали Золтаном, что значит «золотая монетка». Малыш рос крепким и живучим, как сорняк. Когда ему был один месяц от роду, его укусила в шею какая-то мошка, и место укуса начало нарываться и гноиться. Его мать все глаза выплакала да молилась Веньё днем и ночью, но болезнь становилась всё сильнее и душила ребенка. А потом она вдруг прошла. Буквально в один день прошёл и нарыв, и воспаление, а кожа мальчика стала, как прежде, белой. И больше Золтан никогда не болел и не плакал, ни от боли, ни от голода, ни от холода – вообще никогда. Только смотрел из люльки дикими, как у волчонка, глазами.

Отец Золтана умер через год – кобыла лягнула его и разбила ему грудь, мать протянула чуть дольше – не перенесла суровой зимы и умерла, когда мальчику исполнилось пять. Золтан просидел у её кровати весь день, пока не пришли забрать её тело, чтобы заложить камнями на окраине дерев-

ни. Золтан тогда впервые на памяти деда раскричался, развопился, как зверёныш, и, укусив одного из могильщиков, убежал. Через день рана у того человека воспалилась, и он умер от заражения. В тот день на деда и внука несчастья и проклятья посыпались как из рога изобилия. Деревенские вмиг припомнили Золтану и его молчаливость, и странности, и им с дедом пришлось уйти из деревни, покинуть родные места. Так они и кочевали, переходя с места на место, потому что везде история повторялась, рано или поздно. Сейчас Золтану было тринадцать, и он не изменился – всё так же молчал, хмуро смотрел исподлобья и уличал людей во лжи.

Когда они вошли в город, то сразу взялись за поиски дома, о котором им рассказал встреченный у озера кирасир. Золтана пьянил воздух большого города, состоящий из ароматов выпечки, рыбных потрохов, конского пота и дорожной пыли. И ещё гор. Золтан всю свою жизнь жил далеко от гор, но та морозная свежесть, которую ветер нёс с востока, он был уверен, могла принадлежать только огромному, нагретому на солнце, каменному массиву Многоликой горы, что нависала над Паденброгом перламутровой волной. Паренек молчал и угрюмо взирал на горожан, которые в ответ глядели на него, как на диковинного уродца, а дед расспрашивал о доме с синими ставнями. Довольно скоро они его нашли в самом конце Кроличьего тупика. Это оказался аккуратный двухэтажный домик у прачечной, из которой пахло горячим паром и цветочной мыльной пеной. Ставни его действитель-

но были выкрашены в ярко-голубой цвет, а вывеска над дверью гласила, что здесь любой сможет найти себе приют.

У порога на скрипучей табуретке сидел парень и с помощью стекляшки жёг на солнце муравьев. Лицо его было глупым и сосредоточенным на этом странном деле. Путники отвлекли его, и он недовольно оглядел их с головы до ног.

– Мест нет, – буркнул он, вытирая пот с грязной шеи, и вернулся к своему увлекательному занятию.

– Лжёшь, – огрызнулся Золтан.

Реакция вруна была мгновенной. Парень вскочил и схватил Золтана за ухо. Тот завопил. На крики откликнулись проходящие мимо люди, знакомые с нравом соседа. Послышались призывы отпустить мальчишку. Дверь дома с голубыми ставнями отворилась, и на пороге появилась огромная пухлая женщина в фартуке. Ей хватило пары секунд, чтобы привычным жестом отогнать сына от мальчика. Подзатыльник оказался глухим, как удар мешка с мукой о каменные ступеньки, и нападавший шлёпнулся на задницу.

– Он сказал, что я лгу! – заревел он ослом.

– А то ж я не слышала, болван! – было ему ответом. – А ну, кыш отсюда!

И парень едва успел унести ноги от очередного материнского подзатыльника.

– А вы проходите, – с добродушной улыбкой сказала она, обращаясь к растерянным путникам. – И на бестолочь мою не обращайтесь внимания. Входите.

Внутри оказалось очень уютно и вкусно пахло обедом – у путников сразу заныли желудки.

– Нам бы комнату снять, дочка, – сказал дед, вглядываясь подслеповатыми глазами в окружающее пространство.

– У меня есть одна – вчера освободилась, – ответила женщина, – возьму недорого.

Золтан выложил на ладонь одну монету. Хозяйка взяла её толстыми тёплыми пальцами.

– О-о! За это я могу даже накормить вас обоих от пуза. Вы голодны?

– Да, дочка, – ответил дед.

– А этот что? – Она кивнула в сторону его внука. – Не говорит?

– Слово одно знает, да и всё.

– Он проклят? – насторожилась женщина, остановившись на полпути в кухню.

– Нет, родился такой.

– И язык у него есть?

– Конечно, есть.

– А если он начнёт изрыгать лягушек? Или его кожа покроется зелёной слизью?

– Никогда такого не было, – честно ответил дед. – Но то, что враньё чует за версту, этого у внука не отнять. Чуть соврёшь, он молчать не станет. Как есть скажет.

– И не ошибается?

– Ни единого раза не ошибся.

– А он точно человек?

– Человек. Таким его сделали боги.

– Но это ненормально.

Напуганная суевериями женщина недоверчиво глядела на мальчишку, силясь понять, что же ей делать. Ей становилось не по себе от холодного водянистого взгляда странного постояльца. Может быть, вытолкать их обоих взащей? Но прошлый жилец задолжал ей три серебряные монеты за еду и ночлег, а у этого старика лицо было честное, да и монета водилась – он не походил на того, кто будет обманом жить под её крышей, есть из её котла и не платить. К тому же хозяйка отчаянно нуждалась в деньгах. Муж после смерти ничего ей не оставил, кроме этого дома и туповатого сына, и их обоих надо было на что-то содержать. Но от этого мальчишки у женщины кровь стыла в жилах. В конце концов она сказала:

– Ещё одна монета, и можете пожить здесь до завтрашнего вечера. Еда – как попросите.

Путникам не с руки было торговаться, и они согласились.

Хотя гостеприимство хозяйки моментально куда-то улетучилось, всё же её дом Золтану понравился. По крайней мере, он был куда чище той их халупы с обвалившейся крышей и земляным полом, которая до того промерзала зимой, что покрывалась коркой льда. Их комната находилась на втором этаже и выходила окнами в сторону Туренсворда. После обеда Золтан долго сидел у окна и разглядывал замок издали,

впиваясь глазами в каждый кирпичик каждой башни этой махины. Он просидел бы у окна ещё дольше, если бы не полетевший ему в лицо гнилой апельсин. Это был сын хозяйки. Мальчишка отёр место удара и поднял с пола разбившийся фрукт.

– В следующий раз это будет камень, – понеслась в его сторону угроза, но Золтан в ответ только подбросил апельсин в руке и молча растянул рот в улыбке. Ему был знаком этот взгляд, будто он насекомое, которое необходимо уничтожить, он знал, что апельсин – это только начало. И Золтан был готов.

Вечером во время ужина сын хозяйки сидел с ним за одним столом и всё время пихал Золтана ногой. Хозяйка его не останавливала, хотя видела, что творит её глупый ребёнок, да только поучала его, помешивая жаркое из репы, чтобы тот не забыл заделать дыру в крыше от черепицы, которую накануне сорвал ветер. А ещё она напомнила ему натаскать воды из канала в бочки. Золтан сидел тихо и изучал колечки лука в своей тарелке, стойко терпя удары по ноге. Его спокойствие бесило хозяйкиного сына, и он не унимался.

После ужина Золтан куда-то ушёл и появился только под ночь, принеся с собой корзинку сочных красных яблок.

– Ты это украд? – Хозяйка не спешила принимать подарок. Мальчишка повертел головой и снова протянул корзину.

– Тогда откуда? Не скажешь, что вы с дедом богачи.

Но Золтан молчал и упрямо тянул женщине корзину. Фрукты в её доме были редкостью и так и манили своей блестящей, будто натёртой воском, ароматной кожицей.

– Ладно, можешь отнести на кухню, – уступила женщина. – Завтра сделаю яблочный пирог.

И всё же она смотрела на него настороженно, будто кожей чувствуя опасность, исходящую от этого большеглазого существа по имени Золтан. Но, к её удивлению, на нём не было ни язв, ни чешуи, рассказами о которых её в детстве пугала мать. С виду Золтан был обыкновенным мальчишкой, но почему от его присутствия ей становилось не по себе? Ну ничего, скоро он уйдёт из её дома.

Ночью, когда дом погрузился в тишину, Золтан не спал. Он снова сидел у окна, наполовину высунувшись наружу, и глядел на Туренсворд. Если бы кто-то видел его в этот момент, то заметил бы странное выражение его глаз, будто мальчик смотрел на бога. Его серые, как тучи, глаза светились, изучая твердыню вдаль, а тонкие сильные пальцы царапали краску.

Внизу послышалось движение, Золтан отвлёкся. Это был сын хозяйки, который чёрной тенью брёл вдоль Кроличьего тупика, лениво волоча полное ведро воды. Парень был крупным, но Золтана это не пугало. Он бесшумно отошёл от окна и скрылся в темноте.

На следующее утро сын хозяйки не вышел к завтраку. Мать хлопотала на кухне и поглядывала в окно. Она думала,

что сын пошёл в лавку пекаря, чтобы купить свежего хлеба, как он делал каждое утро, но он всё не появлялся. К полудню она быстро похватила вещи и направилась на его поиски. Дед жалел эту женщину, потому что отчего-то сам переживал за того глуповатого мальчика с толстой, как у борова, шеей. Один Золтан был привычно спокоен и сидел на своём месте у окна, уставившись на замок. А вечером бледная мать сидела на кухне и горько плакала, потому что час назад рыбаки выловили её сына из Руны. Кто-то затолкал ему в глотку гнилой апельсин.

Глава 12

Бриллианты королевы

Данка в сопровождении Влахоса направлялась к мосту.

До чего же ей нравился Паденброг! Миллионы широких и узких мощённых разноцветным булыжником улочек ветвились, неожиданно меняли своё направление, огибали палатки с овощами и кузницы, упирались в рынки, разделялись на два, три, а то и четыре проулка, теснились между узкими, словно придавленными друг к другу домами и снова сплетались в широкие улицы, по которым лениво плелись разморённые летним теплом горожане. Впереди, разбивая волны о гранитную набережную, шумела встревоженная Руна. Пять величественных каменных мостов, что пересекали её, горели на солнце разноцветной мозаикой, а мириады пёстрых крыш, под которыми ослепительно белели алебастровые стены, походили на рассыпанный бисер. Паденброг не был похож ни на один город, где Данке довелось побывать. Ни Скорпионья нора, ни Изумрудный холм, ни Заречье, ни тем более её родной безымянный городок не могли

встать в один ряд с этим мраморным гордым красавцем.

Говорили, что посоперничать с Паденброгом в красоте могла разве что утопающая в цветах Альгарда. Данка восхищённо глядела на застывшую в камне красоту и смущалась, каждый раз улавливая на себе взгляд личного охранника короля, почти бесшумно идущего рядом с ней, словно её вторая тень. Высокий, с чёрными с проседью волосами, с шеи до пят затянутый в доспехи, бледный, как порождение самой тёмной ночи, и, как обычно, немногословный – он вызывал у Данки желание подарить ему частицу своего света и тепла.

– В Негерде были статуи богов? – Влахос отвёл в сторону голову узревшего любопытную бабочку Багряна, когда они проходили через площадь Агерат, откуда брали начало пять широких дорог – по числу городских ворот и мостов через Руну.

– Да, – ответила Данка, – были. Но их перенесли на самую окраину, ещё до того, как мы с семьёй приехали туда. Аббат говорил, что это сделали, потому что большинство жителей решили перейти в новую веру, и место бывшего капища было решено отдать под ярмарочную площадь.

– И остальные разрешили?

– Не знаю, но думаю, что нет. Я их понимаю. Это непросто, когда твоих богов вдруг уносят куда-то к лесу только потому, что большинство решило, что ярмарочная площадь лучший сосед Монастырю, чем жертвенный камень. Мне говорили, одна из соседних деревень полностью вырезала но-

воверов за это решение. Это неправильно. Разве Беркана хотела бы, чтобы в её честь убивали детей?

– А ты? В кого веришь ты? – Влахос ласково провёл рукой по морде Багряна.

– Мама воспитала в вере в Святую благодать. А ты?
Влахос улыбнулся.

– За Скрытой рекой все верят в богов Норинат. Новая вера пришла с севера, но не смогла пересечь перевал Вальду и обошла наши земли стороной.

– Расскажи о своих богах.

– Рассказать?

– Да.

– Зачем тебе это?

– Мне интересно. Ну, пожалуйста.

Солнце ласково гладило её нежное юное личико, и Влахо-су нравилось наблюдать, как оно играет золотыми бликами на белокурых волосах молодой служанки.

– Ладно, – наконец, сдался он.

Он провёл свою спутницу на середину площади. В самом центре, на возвышенности, украшенной цветами, стояли пять исполинских статуй, чьи головы, казалось, задевают макушками небо. Посередине расположился широкий полукруглый алтарь из золотых плит. Возле него, возведя золотой и серебряный жезлы к солнцу, стоял старший архонт и читал молитвы над миской с зажжёнными маслами. На его голове сиял обруч, сплетённый из пяти золотых прутьев.

– Видишь на лбу архонта и на концах его скипетров символы? – обратился внимание девушки стражник короля.

– Это бокставы старых богов, – кивнула Данка. – У Багряна такой же под сбруей. Но что они значат?

– Два скрещённых меча лезвиями вниз – ксифосы для боя и жертвоприношений. Скипетр между ними – жезл погонщика быков. Ангенор, как ты знаешь, основал пастух. Это символ его власти. Круг, соединяющий их, символизирует Норинат – огромный камень, из которого произошли боги и всё существующее в этом мире. Об этом написано в «Вилевдатте», в части «Новагерет» – «Сотворение мира».

– А мы носим четырёхконечные звезды. Лучи значат Смирение, Послушание, Воздержание, Служение. Ещё этот символ называют цветком чистотела.

– Я знаю, – ответил Влахос. – Люди, которые носили эти символы, сожгли Ровенну и вырезали всех, кого я любил.

– Извини.

– В этом нет твоей вины. Зачем ты извиняешься?

Статуя Хакона была изваяна из красного мрамора. Белые прожилки пронизывали всё его тело, как сосуды. Голову бога венчала алмандиновая корона, а в руках он держал шлем с шестью бычьими рогами и длинный ксифос. Между его бровями сиял рубин размером с апельсин.

– Это главный бог нашего пантеона, – прошептал Влахос девушке на самое ухо, чтобы не отвлекать служителя культа. – Хакон, бог-воин. Он научил людей сражаться. Он дару-

ет силу и отвагу, направляет оружие против врага. Ему возносят хвалы и приносят кровавые жертвы перед походом. Кровь священных животных – его сила. Умирая, они отправляются к нему и служат ему вечно.

– Они отправляются в горы? Как души людей?

– Да. В Долину королей. Ты видела когда-нибудь бродячие огни? Только не путай их с Орвени. Бродячие огоньки безобидны, а она прикинется далёким факелом путников и заведёт тебя в самую даль. Говорят, она часто поступает так с чужаками, которые решают ограбить королевскую гробницу. Королей хоронят в гробах из чистого золота. Поэтому всегда находится кто-то, кто решает проверить свою удачу и идёт туда, подгоняемый алчностью, чтобы никогда не вернуться обратно.

– Но Орвени появляется только ночью.

– Если не знать, где спрятана могила, её можно искать несколько суток, а то и месяцев. А там подоспеет и она, и горные волки, и чудище Мериана. Ты слышала о нём?

– Нет.

– Тогда тебе стоит спросить у Согейра. Он видел эту огромную кошку собственными глазами. Эта зверюга плотоядная, как волки, только больше каждого из них в несколько раз. Но в Долине королей её видят редко, значит, живёт она в Диких горах. Ещё одна причина не испытывать судьбу.

По левую руку от Хакона стояла белоснежная статуя женщины, чья тяжёлая коса свисала с плеча до самого низа, руки

были подняты так, будто она была готова обнять весь мир, а на её ноги были надеты сапоги из цветов. В её короне из лепестков сиял такой же большой, как рубин Хакона, гранёный сапфир.

– А это Беркана?

– Да. Богиня-мать. Она дала жизнь всему, что есть на этом свете: животным, растениям, людям, птицам, рыбам. Ею движет любовь и забота. Она помогает женщинам справляться с родами и заботиться о детях. Бережёт домашний очаг. Раньше её изображали, как и Хакона, с золотым обручем на голове, на котором были шесть бычьих рогов, но постепенно эта традиция сменилась на изображение обручальных браслетов и небольшой намёк на беременность.

Данка взгляделась в изваяние. И действительно, живот богини был немного округлён. И это открытие показалось ей интересным – раньше она этого не замечала или не придавала этому значения. Влахос продолжал:

– А это Эгиль, брат Берканы, бог-ремесленник.

Его статуя из песочного мрамора находилась по левую руку от Берканы. Он держал молот и пилу, а жёлтые гессониты сияли в его глазах, как два солнца.

– К нему обращаются рабочие и торговцы, когда дела идут плохо. Он же, по легенде, и выточил альмандиновую корону.

– Я слышала. Значит, корону Хакона сейчас носят короли?

– Да. Говорят, она тяжёлая, как гора, и холодная, как лёд. Эгиль сделал так, чтобы короли помнили, что корона – не украшение, а символ власти.

Слева от него возвышался зелёный, как трава на лугу, бог Веньё, у чьих ног стояла большая корзина яблок. В руках его извивалась змея.

– Веньё, брат Хакона. Он исцеляет от болезней. Он знает всё в этом мире, всё подчинено его уму. Он сам – учёный и помощник людям науки. Когда болеешь, нужно принести ему яблоки или цветы и попросить о помощи. Он помогает всегда и во всём. Его лицо скрыто капюшоном, потому что его нет. По легенде, бог ночных животных Мериан решил помериться силами с Эгилем, кто из них может создать самого опасного зверя. Эгиль создал из мха и коры дуба медведей, а Мериан смешал глину с травой и создал змей. Одна из них, Ашаса, забралась Веньё на шею через рукав и откусила ему лицо. После этого кожа Веньё стала ярко-зелёного цвета. А Ашаса уползла и поселилась в долине Гирифор, где потом осел клан Ээрдели. Сейчас там множество змей, ядовитых и не очень. У Ровенны есть места, где нельзя даже ступить, не угодив при этом в гадюку.

– Поэтому на вашем гербе изображён змей?

– Это та самая Ашаса, которая в наказание за рану Веньё укусила себя за хвост и теперь терпит невыносимую боль. Это символ терпения.

– Поэтому говорят, что нет на свете более терпеливых лю-

дей, чем вы?

– Ангенорцы решительны, кантамбрийцы верны, эвдонцы живучи, а мы терпеливы.

Рядом с Хаконем, выставив на вытянутой руке весы, возвышалась чёрная статуя Саттелит, чью голову украшала, подобная острым рогам, белая корона из зубов и костей. Половина её лица была человеческой, а другая – обглоданным черепом, и из её глаз капали аквамариновые слёзы. Под её ногами лежали бычий и человеческий черепа.

– Это дочь Берканы и Хакона, – сказал Влахос. – Богиня смерти. Четверо богов дают жизнь, силу, умение, здоровье, а Саттелит забирает. И перед нею все равны. Поэтому она является и богиней правосудия.

– Но почему она меньше остальных богов? – спросила Данка, глядя на статуи.

– Её изображают подростком, который никогда не состарится и не умрёт. Она всегда юна, но в ней нет жизни. Когда-то, если верить легендам, и Саттелит захотела породить нечто живое, как её мать, но все мужи, к которым она прикасалась, умирали. И тогда она разрешила себе грудь алмазным клинком, и из крови её вышли пятеро существ. – Он указал на небольшие статуи, стоящие полукругом у статуи Саттелит: – Чарна – богиня магии, будущая супруга Эгиля и мать богини ветра Доран, Мериан – покровитель ночных животных и птиц, Глуас – бог, туманящий разум, Фехт, от крови и слёз которого произошли все болезни, и Дерва – богиня,

напускающая на людей уныние. Только Чарну людям удалось задобрить. Говорят, эта богиня до тех пор будет благосклонна к людям, пока живы те, кто ей служит.

– Я слышала, – глазки Данки загорелись яркими звёздочками, – эти статуи изваяли в те времена, когда царствовал Ардо, который видел богов, потому и статуи выполнены в настоящую величину. Вот бы их увидеть, правда?

– Одну можешь.

– Кого?

– Саттелит. Её кожа черна, как самая тёмная ночь, и на ней сияют звёзды. Когда на улице темно, она спускается с гор и распускает свои длинные серебряные локоны на небосводе.

– Значит, ночью мы видим Саттелит?

– Если верить преданиям.

Влахос нравился Данке, и она чувствовала, что нравится ему. Влахос задавал ей много вопросов и слушал больше, чем говорил о себе, а Данке так хотелось узнать о нём как можно больше. Но Ловчий упорно избегал ответов на прямые вопросы, ссылаясь на то, что его жизнь по-настоящему началась пять лет назад. О своём княжестве он сказал лишь то, что это был суровый горный край, где снежные хребты тянутся до самого моря, а у подножия расстилаются луга, на которых когда-то пасся скот. Повсюду ещё недавно жались друг к другу крестьянские дома, а замок Ровенна с сотнями башен до неба стоял на холме. Теперь там были только горы, которые всё так же тянутся снежными хребтами к мо-

рю, и больше ничего. Только ядовитые змеи и остались.

Проходя мимо цветочной лавки, Влахос стащил фиалку и подарил девушке. Продавец заметил кражу, но решил не поднимать шума – меньше всего ему хотелось переходить дорогу Бродяге. Данка засмушалась, но вплела цветок себе в косу.

Очень скоро они дошли до указанного королевой дома и, постучав в чистые, будто вылизанные, дубовые двери, вошли внутрь.

В довольно просторном помещении, отделанном красным деревом, за прилавком, на котором стоял лоток с необработанными аметистами, сидел мужчина с глубокими благородными залысынами и в сюртуке из дорогого кантамбрийского бархата. В руках он вертел один из камней, довольно крупный, и придирчиво изучал его через увеличительное стекло. Видимо, камень не прошёл сквозь призму параметров въедливого отбора, потому что уже спустя пару секунд был безжалостно отброшен в корзину у стола.

– Что угодно? – спросил ювелир, не удостоив вошедших даже быстрым взглядом.

– Мы пришли по личной просьбе её величества королевы Суаве, – заявил Влахос, что сразу изменило ситуацию. Мужчина отвлёкся, отбросил лупу в коробку с самоцветами и встал.

– Что же вы сразу не сказали? – Его лицо расплылось в елейной улыбке. – Милости прошу.

Он провёл гостей в дальнюю комнату и усадил за стол, на котором стояли кубки.

– Вина? – угодливо спросил хозяин. – Южное кантамбрийское. Самое лучшее.

– С удовольствием, – ответил Влахос.

– Прошу меня простить, – спохватился хозяин лавки. – Получил крупный заказ на оценку аметистов. Нашёл две фальшивки. Какие-то умельцы выкрасили стекло в фиолетовый цвет. Сейчас, знаете ли, нужно быть осторожным, иначе продашь гальку, удачно совпавшую цветом с самоцветом, по цене самого самоцвета, стыда потом не оберёшься. А для меня репутация важна, как для любого в моем деле. Меня, кстати, зовут Дагмар, – сказал он, протягивая бокал девушке.

– Я – Данка, – ответила та, принимая бокал.

– Данка, какая прелесть, – улыбнулся ювелир. – Знал я как-то одну Данку, пряла пряжу в паре кварталов отсюда и приносила моей жене нитки на продажу – милое было дитя. Ручки пухленькие, кожа нежная-нежная, глазки светлы, как аквамарин. Кажется, она вышла замуж за мясника. Но это неважно. Вы тоже хорошенькая. А вас я знаю. – Дагмар указал мизинцем на предводителя Ловчих, подав ему бокал. – Как поживаете?

– К сожалению, мне нечем вас порадовать. У меня всё хорошо.

– Наслышан о ваших делах в Нижнем городе пару лет назад. Весь город об этом судачил.

– Значит, урок был усвоен. – Влахос пригубил вина.

– Понимаю вашу преданность королю, но, чтобы доказывать её вот так... – Ювелир осёкся. – Вы весьма жестокий учитель, знаете ли.

– Некоторые науки вколачиваются только с помощью кулаков и ссадин.

– Племянник моей соседки был среди тех заговорщиков, – сказал Дагмар, наполняя кубок для себя. – Бедняжка до сих пор не оправилась. – Ювелир задумчиво прищурил глаз. – Кажется, она вас прокляла до седьмого колена.

– Значит, хорошо, что я не верю в проклятия.

– Значит, хорошо, – кивнул Дагмар и сделал глубокий глоток. – Так что вас привело в мою скромную обитель? – спросил он, окинув гордым взглядом обитель, которая вовсе не была скромной. – Сам предводитель Ловчих не стал бы приходить сюда без особого распоряжения. У королевы новый заказ?

– Вот. – Данка достала из-под полы своей накидки платок и развернула. Блеск бриллиантовых искр отразился в знающих цену камням зрачках ювелира.

– О! – воскликнул он, аккуратно притрагиваясь к драгоценности тонкими пальцами. – Ожерелье королевы!

– Вы его знаете?

– Я его сделал, – ответил Дагмар. – До сих пор не верю, что это чудо – дело моих рук. Разве оно не безупречно? Что с ним случилось? Где-то выпал камень?

– Нет, оно целое.

– Тогда что же с ним не так? Почему вы мне его принесли?

– Королева просит, чтобы вы его переделали.

– Что?! – Дагмар вдруг отдернул руку от бриллиантов и выпрямился. На его лице читалась уязвлённость художника, которого просят обрезать края своего шедевра, потому что он не влезает в чьи-то двери. – Как можно?!

Данка растерялась.

– Её величество просит, чтобы вы сделали из него бриллиантовые нити для венка невесты.

Дагмар прикусил губу.

– Но это же был подарок короля!

– Она знает это и помнит ваши перед ней заслуги. Именно поэтому она обратилась именно к вам. Только вы сможете сделать из этого прекрасного ожерелья нити для свадебного венка принцессы Вечеры. А в качестве награды она просила передать вам вот это.

Данка протянула ему рубиновое кольцо, одного лишь взгляда на которое Дагмару хватило, чтобы его оценить. Более чем щедрое предложение за работу, с которой справится и его подмастерье.

– Мне будет очень грустно его разбирать.

– Королева знает это, но говорит, что может доверить это только своему другу.

Разумеется, Дагмар был до глубины души польщён называться другом королевы, а потому переживал он недолго, ко-

гда согласился исполнить заказ. Но, несмотря на быстрое совершение сделки, Данка и Влахос покинули лавку только через полчаса, потому что Дагмар не смог удержаться и похвастался перед этой милой девушкой своей коллекцией драгоценных камней, которые хранил в ящиках, запёртых на тяжёлые замки. Дагмар рассказывал, что здесь хранятся образцы всех камней, которые только можно встретить в Ангеноре: цитрины, алмазы, изумруды, аквамарины, рубины, аметисты, хрусталь, нефриты, малахит, агаты, гагаты, альмандины, турмалины, халцедоны, авантюрины, хризопразы, аметрины, гранаты, хризолиты...

– А огненный опал? – спросила Данка, разглядывая сияющие самоцветы, но не решаясь дотронуться до них.

– Опалы не здешние камни, дорогая. Их когда-то завозили из Шеноя и Касарии, но поставок уже давно не было. На моём веку я видел лишь один огненный опал у Гезы. Вы её знаете? Это местная знахарка. Она использует его для гаданий. Насколько мне известно, сейчас ими особенно не торгуют – политика, сами понимаете. В своё время я инкрустировал ими браслеты и серьги. Не скажу, что этот камень один из моих любимых, но он хорошо подходит для украшения шкатулок или зеркал.

– Я видела такой у принцессы на шее. Удивительный камень – в нём будто заточено пламя. Она не снимает его даже на ночь. Она называет его «Валамар».

– «Сердце огня»? – Широкие седые брови Дагмара вски-

нулись вверх. – Что же, точнее не скажешь. Хотя это немного странно – давать имена чему-то обычному. Это не рубин «Королева Сегюр», и не сапфир «Граф Каслин» и уж тем более не алмаз «Безмятежность». Она действительно его носит?

Данка кивнула.

– Хм, это не самый дорогой камень в её коллекции. У принцессы есть и рубины, и изумруды размером с перепелиное яйцо. Пару лет назад я изготавливал для неё заколку с пурпурным сапфиром. Странно, что она носит огненный опал. Может быть, это чей-то подарок?

Когда они ушли, Влахос повёл Данку вдоль набережной Руны и угостил леденцами из патоки, которые на солнце очень быстро начали таять. Данка не видела, что Влахос внимательно наблюдал за тем, как она облизывает измазанные пальцы, а когда увидела, смутилась.

– Я совсем чумазая, да?

И засмеялась, а Влахос улыбнулся, снял с уголка её губ капельку сладкого мёда и слизнул с пальца. Возникла неловкая пауза, как если бы мужчина слишком поторопился в проявлении своих чувств и намерений, но, вопреки ожиданиям, Данка, хотя внутри неё ещё всё болело, не почувствовала страха. Наоборот, её как будто приподняло над брусчаткой что-то нежное и тёплое. Она встала на носочки и легонько поцеловала Влахоса в щёку. Его седые волосы защекотали её лицо, и она улыбнулась.

Потом они, храня этот поцелуй, как свою маленькую тайну, двинулись в сторону замка, где Данка вернулась на кухню, чтобы с нетерпением ждать новой встречи, а Вламос исчез в бесконечных коридорах Туренсворда.

Глава 13

Почетные гости из Алого утёса

Вести о лже-Ловчих, как это бывало обычно, разлетелись по Ласской башне так же быстро, как и среди придворных. И если среди вторых любая новость была не более чем поводом посудачить от безделья, то среди солдат дело обстояло куда интереснее. Придворные жили в замке, ограничивая свой круг общения лишь себе подобными, в то время как солдаты, люди попроще, были вхожи в Нижний город, а потому они служили прекрасным средством для распространения слухов среди обычного народа. Так, любое слово, брошенное пьяными устами в оживлённой таверне, мгновенно разлеталось по закоулкам Паденброга и обрастало такими пышными подробностями, что уже через пару часов было совершенно не важно, что было правдой, что полуправдой, а что откровенным вымыслом. Поэтому стоило кому-то только заикнуться о выживших в Негерде, как спустя всего пару дней в народе уже бушевало настоящее негодование по поводу вероломного маневра Теабрана в Приграничье.

Конечно, находились и те, кто не верил ни единому слуху и подстрекал народ – дескать, солдаты короля на то и солдаты короля, чтобы говорить только то, что выгодно короле, и даже находили свидетелей, которые видели, как Ловчие выезжали в те дни из города в направлении северных земель. Другие же находили свидетелей, которые уверяли, что лично знают «ту Данку и того самого Альфреда, послушника со шрамом», и что они им сообщили, что Ловчие здесь абсолютно ни при чём: и плащи у нападавших были из другой ткани, чем та, из которой сшиты плащи войска Влахоса Бродяги, и говорили они не на северном наречии, и даже подковы их коней не были покрашены, как принято на севере, – а значит, то были не Ловчие, а люди Теабрана.

Подогревались слухи и обсуждениями грядущей свадьбы. Кто-то узнал – разумеется, усилиями Хранителя ключей – что принцесса и Альвгред перед бракосочетанием собираются принять новую веру, и это разбило Паденброг на два враждующих лагеря. Приверженцы Святой благодати ликовали, те же, кто верил в богов Норинат, негодовал и отказывался этому верить.

Но уже на следующий День поклонения Вечера выехала в город, чтобы поставить в недостроенной кирхе свечи за души покойного отца и брата. Когда она выходила, ей преградил дорогу какой-то согбенный старик с чёрным бокставом на лбу.

– Богохульница! – Он грозно махнул на неё палкой, как

торговец, который отгоняет от своего лотка побирушку.

Наследница короны пресекла порыв Влахоса защитить её от посягательств неизвестного:

– Мои брат и отец погибли в бою. Бог говорит, что теперь они мученики. Я хочу верить, что теперь они обрели покой и возможность вернуться. Я сделала свой выбор.

Неизвестный замолчал и, опасливо поглядывая на Летучую мышь Бродяги, растворился в толпе.

Реакция народа на распространяемые слухи о Негерде, вопреки ожиданиям, была более неоднозначной и своей неопределённостью пугала короля. Однако пугала недолго, потому как впервые за долгое время у Осе появились защитники. Он в глазах людей превратился в жертву, страдающую от подлых нападок Ложного короля.

Однако радость его была также и омрачена. Постул Эвдона Пелегр Даимах всё же вернул своё повторное приглашение на свадьбу и дополнил его письмом, в котором, сбросив маски, говорил, что не приедет на торжество, так как не поддерживает политику Осе, основанную на нападках, лжи и укрывательстве беглых преступников. По всей вероятности, тонкая душевная организация человека, который привык к казням за попытки смешения каст и чурался даже мысли нарушить обет кровосмешения, не могла вынести подобной наглости. Касарийский же самрат и вовсе до сих пор хранил молчание, доводя Осе до исступления, как доводили до исступления и приготовления к свадьбе.

Свою нелюбовь к Вечере Осе никогда не скрывал, а потому старался сократить расходы как мог и пребывал в уверенности, что казне удастся обойтись малой кровью. Однако Суаве действовала за спиной мужа и, в обход Хранителя казны, расплачивалась с торговцами своими украшениями, отдавая в уплату почти всё, кроме того, что ей когда-то дарил король Эдгар. Но очень скоро настал момент, когда дотошный Сальдо Монтонари заметил нестыковку в счетах и суммах расходов, и Осе узнал о действиях жены. Обида ранила его сильнее, чем ожидала Суаве, и даже не любя его ни минуты, она почувствовала свою вину.

В один из вечеров Суаве пришла в покои короля. Когда-то Осе мечтал, что она по своей воле переступит его порог, но сейчас он не хотел её видеть. Но она стояла в дверном проёме, такая красивая и такая любимая, что он вопреки гордости был готов простить ей что угодно, лишь бы она осталась с ним в эту ночь.

– Ты что-то хотела? – спросил Осе, разрешая ей войти. Он сидел за письменным столом, заточивая ножом перо.

Суаве вошла и села в кресло.

– Разреши поговорить с тобой, – без настойчивости попросила она супруга.

– Говори.

Он старался не смотреть на неё и вернулся к бумагам, которыми занимался весь день.

– Я хочу попросить прощения.

– За что? Ты же ничего не сделала.

– Ты знаешь, за что.

Он отложил перо.

– Эта свадьба много значит для меня, – тихо произнесла Суаве, сжимая в руке надушенный розовой водой шёлковый платок. – Я очень хотела, чтобы она прошла как можно лучше. Я прошу прощения, что продавала подаренные тобой украшения.

– Ты могла просто попросить дать тебе денег.

Как же Осе был не похож на старшего брата. Худой, бледный... В нём никогда не чувствовалось той силы, которой обладал Эдгар. Её Эдгар мог защитить любого, а Осе сам нуждался в защите. Осе был его тенью, эхом последнего короля. Суаве и рада бы была полюбить его за доброту к ней, терпение или любовь – безответную, искреннюю, – но не могла.

– Прости, я думала, ты мне откажешь.

– Ты знаешь, я не отказываю тебе никогда! – Осе откинул перо, заляпав кляксами документы.

Супруги замолчали, опустив глаза.

– Ты знаешь, как сильно я люблю тебя, – наконец заговорил Осе со всей обидой, что в нём накопилась за годы несчастливого брака, – и мне больно, что ты забываешь об этом. Я знаю, что я не мой брат, но я живой, живой! И у меня есть чувства.

– Прости. Я не хотела сделать тебе больно.

– Но сделала. Это были не просто подарки, Суаве. С каж-

дым из них я дарил тебе частицу себя, а ты распорядилась ими, как ненужным барахлом!

– Прости.

– Я не хотел тебя любить. Пока я не встретил тебя, мое сердце было не теплее камня. Ледяной Осе! Так меня прозвал твой драгоценный Эдгар! Я мечтал запереться в башне и до конца своих дней наблюдать за звёздами, но потом появилась ты и всё изменила. Я был терпелив с тобой, уважал тебя, слушался во всё! За все эти годы я был в твоих покоях лишь дважды, когда мои предки без зазрения совести насиловали жён, чтобы утолить собственную похоть! Неужели за всё это время я не заслужил хотя бы немного твоей любви?

Её молчание послужило лучшим ответом.

– Но знаешь, что самое ужасное? – Белый лоб Осе пересекла глубокая морщина. – Что мне не хватает сил вызвать у тебя хотя бы ненависть к себе! Пусть я не смог завоевать твою любовь, я был бы рад даже отвращению, но ты не испытываешь ко мне ничего, кроме проклятого равнодушия. Чем я это заслужил?

Король спрятал лицо в ладони. Он слышал, как Суаве подошла к нему, и почувствовал, как её мягкая рука коснулась его волос. Она не испытывала абсолютно ничего к своему мужу, её сердце стучало всё так же спокойно, но Осе сразу ответил на её прикосновение и поднял голову. Королева обняла его за плечи, и так прошло несколько минут. Осе чувствовал её неискренность, но был рад и этому призраку мни-

мой близости с любимой.

– Почему ты так быстро простила Вечеру? Я не понимаю. – Он обнял жену за талию и прижался к её животу щекой.

– Я ей поверила. – Суаве положила руку ему на голову.

– Почему?

– Она моя дочь.

– А Киран был тебе сыном.

– И я до сих пор его оплакиваю, и буду оплакивать до конца своих дней.

– А если тебе докажут, что это не была случайность?

– Я не нуждаюсь в каких бы то ни было доказательствах.

– Боги! Но почему? – Король поднял на жену потемневшие глаза. – Неужели ты не знаешь Вечеру? Она способна на вещи, о которых страшно даже подумать.

– Почему ты так говоришь? – Королева отошла и села напротив мужа. – Вечера никогда не была проста и понятна, как Ясна, но она вовсе не то чудовище, каким ты её видишь.

– Вспомни, когда у нас гостил граф Элбот с сыном, – напомнил ей король с укоризной.

– Это была случайность. Дети просто играли.

– Играли? Вечера бросила в Роланда нож, – возразил король. – Нож!

– Они играли в мишени, только и всего. Вспомни, вы с Эдгаром тоже так играли. А Роланду не стоило подходить к кругу, когда подошла очередь Вечеры.

– Она разрешила ему щёку. Неужели она не заметила человека, когда делала бросок? О боги, Суаве! А если бы она бросила нож чуть левее? Ты хоть понимаешь, что я должен был сделать в этом случае?

– Я тебя не виню, Вечера тебе лишь племянница, и ты не обязан во всём находить ей оправдание, но вина полностью лежит на Роланде. Юноша проявил невнимательность. Надеюсь, это его многому научило.

Осе перевёл дыхание – его жена его не слышала.

– Я её люблю, – продолжала Суаве. – Я люблю всех моих детей.

– Я тоже пытался найти в себе любовь к Вечере, – признался король, – но не смог. Знаешь, что я чувствую, когда смотрю на неё? Страх, Суаве. Она, сколько я её помню, поступает, следуя какому-то тёмному наитию. За её спиной тьма, непроглядный мрак, как тот, что царит на дне Змеиной ямы, и меня это пугает. Если Вечера получит корону, она оставит за собой выжженную землю. И если не получит, тоже. И я не понимаю, почему это вижу только я?

Осе надеялся, что Суаве поймёт его и останется с ним подольше, или хотя бы их разговор закончится пусть не супружеским, но поцелуем, но королева просто поднялась и ушла. Тихо и молча, с горечью поджав губы. Осе жалел, что он не нашёл в себе храбрости остановить её и снова остался один.

Когда в преддверии свадьбы в город приехали графы Ало-

го утёса, Вечере пришлось собрать в кулак всю силу воли и спуститься в тронный зал.

Она всегда умела появляться так, чтобы остаться в памяти. Хранитель ключей объявил о её приходе, и как только слуги распахнули перед принцессой тугие двери, Вечера, выбравшая по этому случаю самое яркое платье, сделала несколько шагов внутрь, ворвавшись в помещение тронной залы, как алая океанская волна.

В зале уже собрались придворные, которые коротали время до прихода званых гостей за чинными разговорами обо всём и ни о чём, засоряя пространство гулом сотни голосов, подобно рою встревоженных пчёл. Дамы, наряженные в лучшие шелка, будто сегодня последний день их жизни, блистали драгоценными камнями, золотыми нитями отливали их красные, зелёные и чёрные кушаки. Господа, затянутые в камзолы из тончайшей кожи, позволяли себе выглядеть менее помпезно, уступая эту прерогативу своим жёнам.

Это было первое официальное появление принцессы перед придворными спустя год после изгнания. Вечера так вошла, всплыла в зал, царственно выпрямив спину, с гордо поднятой головой, как наследница и будущая королева, что даже король, буднично прошедший к трону несколькими минутами позже, потерялся на её фоне. Придворные расступились и поклонились принцессе. Среди них было несколько Королевских кирасиров, в том числе Согейр, который сопровождал сына, и Марций. Он ещё вчера должен был вернуться

в Вильхейм, но его Дым во время выезда повредил копыто, и потому его возвращение было отложено.

Вечера встала рядом с Альвгредом возле трона королевы и пустующего трона кронпринца. Альвгред не скрывал своего ликования из-за возможности снова увидеть любимую и гадал, чувствует ли она в этот момент что-то похожее. Кожа Вечеры благоухала лавандовой водой, и молодой воин изнывал от желания уткнуться лицом в её чистые волосы. Он чувствовал, что до первой брачной ночи весь изведётся от ожидания.

– Если бы твой взгляд был способен поджигать, я бы осталась без платья, – аккуратно одёрнула его принцесса. – Дочери придворных дам тебе этого не простят.

– Ты очень красивая, – блестели глаза у юного жениха. – А дочери придворных пусть зеленеют от зависти.

Альвгред произнёс это, и ему стало легче. Самозабвенно погружённый в своё счастье, он не замечал её равнодушия. Он взял руку Вечеры в свою, и она не стала её убирать. Сейчас на них были устремлены сотни глаз, алчущих заметить что угодно, что дало бы новую пищу для сплетен.

Ясна занимала своё место рядом с отцом. Ещё утром она смиренно ждала появления будущего мужа, но тем тревожнее становилось в юной груди с каждым часом в ожидании расплаты за беззаботное детство под крылом короля.

Ещё два года назад Роланд выглядел крепче и крупнее любого шестнадцатилетнего мальчишки, а сейчас, вероятно,

стал ещё сильнее. Он знал о своём превосходстве и пользовался этим. В прошлый раз он ударил Инто просто за то, что конюх не успел вычистить его коня к прогулке, а потом разбил ему лоб, потому что ему не понравились шестипалые руки мальчишки. Конечно, на Ясну он руку не поднимет, она будет его королевой, но всё же, несмотря на всю его силу, Роланд был совсем не тем человеком, с которым Ясна чувствовала бы себя в безопасности.

Другое дело – Влахос, чью силу было не видно за чёрными доспехами. Самый надёжный человек в услужении у короля, в услужении у неё, он бы смог её защитить даже от Роланда со всей его оголтелой мощью и заносчивостью. Сам командир Ловчих стоял позади и чуть в стороне и ни разу не взглянул на влюблённую в него принцессу. Всё его внимание было приковано к новой служанке с северным именем. Он смотрел на неё, и его увлечённый горящий взгляд ранил Ясну, как нож. Ну почему она? Почему на Ясну он никогда не смотрит вот так, как глядит на эту нищую девку? Будто она принадлежит ему.

Ясна говорила с этой Данкой всего один раз, ничего особенного – обычная девочка в платье из простого хлопка. Мама говорит, что обращаться с ней нужно как с гостьей, а не со служанкой, потому что работать она вовсе не обязана, но в тот же день Ясна специально попросила Данку вычистить свои туфли, в которых дважды прошла по грязи, а затем и подол испорченного платья. Ясна ненавидела эту са-

мозванку.

Двери распахнулись в очередной раз, и в залу вошли долгожданные гости в окружении угодливых слуг. Анна-Марин и Эрдор Элбот были женаты двадцать лет, но по-прежнему оставались нежными супругами. Эрдор был крупным, высоким мужчиной с холёным бородатым лицом, который всем украшениям предпочитал гранёные гагаты и лисий мех. Его жена же была маленькой женщиной, на внешнем виде которой сказались бесконечные роды. Графиня приказывала слугам сильно стягивать свою талию кушаком, отчего, казалось, её тело переломится пополам, если она сделает реверанс. А торс её мужа выглядел как спрятанная под рубашкой тыква. Тёмно-пурпурные одежды супругов украшала золотая вышивка в виде символа их дома – головы вепря.

Роланд, их единственный оставшийся в живых сын, был копией отца в молодости, пока того не одолела подагра. Высокий, статный, широкоплечий, с копной каштановых волос – Роланд был красавцем, настоящим шедевром, который создала природа. Родители постарались на славу в ту ночь, когда зачали своего единственного наследника. Точёный овал лица, высокие скулы, подбородок правильной формы, большие ярко-зелёные, как воды озера Веверн в солнечную погоду, глаза и едва заметный розовый шрам на щеке, который Роланд носил с такой гордостью, будто получил он его не во время игры, а в схватке с баладжерами, – Вечеру тошнило от этого подонка.

Альвгред почувствовал, как рука её похолодела.

– С тобой всё в порядке? – шепнул он.

Нет, с ней не было ничего в порядке. Она глядела на будущего зятя, как убийца смотрит на свою жертву. Когда тошнотворный озноб противными мурашками скользнул по её коже от макушки до пяток, снова заболели, будто вновь выкрученные когда-то до хруста, запястья.

– Да, – ответила она спокойно, – всё хорошо.

Роланд бросил на принцессу всего один небрежный взгляд и перенёс внимание на Ясну. От его улыбки веяло недобрыми мыслями. Но Осе этого не видел. Он уже обнимал графа и приветствовал графиню, справлялся об их здравии и о том, как они перенесли дорогу. Граф посетовал, что они ждали визита Вечеры, когда та должна была остановиться в их замке по пути в Паденброг, и король стушевался.

– Племянница была вынуждена двигаться без остановки, – только и сказал он. – Она просит прощения за это.

– Ну что вы, мой король, – отмахнулся граф.

Ему и Осе не терпелось о многом поговорить.

– Вечера, Ясна, – король обернулся к племяннице и дочери, – проведите время с Роландом, пока мы с его отцом будем говорить о делах. Альвгред останется с вами.

– С удовольствием, мой король, – кивнул сын легата. Вечера промолчала.

В зале в тот момент находился всего один человек, который увидел на её лице испуг. Всего мгновение. Миг. Марций

всегда знал, когда ей становится страшно.

Роланд ни капли не изменился с момента своего последнего визита в Туренсворд и всё так же смотрел на всех свысока. Он поклонился принцессам, когда они подошли, но сделал это так, будто снисходит до этого.

– Моё почтение, – сказал он, припадая губами к их рукам. Девушки единодушно сдержали отвращение.

– Надеюсь, дорога вас не утомила? – поинтересовалась Вечера, когда они покинули донжон и спустились во внутренний двор, где можно было легко затеряться среди цветущих можжевельных кустов и сирени. Ясна тенью следовала за сестрой, отступив на пару шагов назад, не желая привлекать к себе внимание будущего мужа.

– Нисколько. – Голос Роланда был низким, и его можно было бы назвать даже приятным, если бы он принадлежал другому человеку. – Но, признаться, я, как и отец, ожидал вашего визита. Что же за обстоятельства помешали вам посетить Алый утёс?

– Одна весьма веская причина.

– Поделитесь.

– Я бы пожелала оставить её внутри моей семьи, – старалась сохранить лицо Вечера. Идущему позади неё Альвгреду показалось, что он слышит тревогу в голосе невесты.

– Совсем скоро ваша семья станет и моей, вы учтите.

– Кто знает? Вас впереди ждёт тавромахия. Всякое может случиться.

– Со всем уважением, моя принцесса, – в голосе Роланда не прозвучало и тени уважения, – я тренировался весь прошлый год. Отец привозил мне быков из долины, и ни один из них не остался неусмирённым. Не сказал бы, что все они остались невредимы, но каждый из них мне подчинился.

– Хвастаетесь тем, что сделали из животных калек?

– Рагу, если быть точным.

– Быки из долины и бойцовские быки – не одно и то же. Обычному в своей жизни достаточно осеменить корову и жевать траву с утра до ночи, чтобы в конце концов попасть на обеденный стол, а бойцовский скучает без драки. И – должно быть, это ускользнуло от вашего внимания, – смысл тавромахии не в том, чтобы щеголять званием Королевского кирасира перед придворными дамами, и не в том, чтобы изувечить быка. Кирасиры не просто воины – научить махать мечом можно и обезьяну, кирасиры – те, на кого возложил свою длань сам Хакон. Они избранные воины, как был избран Ардо I, и доказывают они это, победив на арене. И шанс на это даётся только один.

– Тогда, возможно, моя принцесса даст мне ценный совет, как сделать свой выбор? – Выразительные глаза Роланда сощурились от яркого луча света, струящегося сквозь густые ветки сирени.

– Полагаю, здесь вы справитесь без моей помощи. Могу лишь указать вам дорогу в бычьи загоны, пожелать вам удачи и приказать сшить для вас чёрный саван из шенойского шёл-

ка в качестве принятия вашей жертвы королём, если удача вам не улыбнётся.

– Сказать по правде, я уже сделал свой выбор.

– Неужели? И кто ваш бык? – Вечера даже не потрудилась изобразить интерес.

– Тот, что год назад втоптал в пыль наследника престола.

Прекрасный экземпляр. Он достоин меня.

– Гнев?

Все четверо на секунду остановились. Альвгред и Ясна переглянулись.

– Не думала, что вы склонны к самоубийству, – заметила Вечера.

– Я не самоубийца, – возразил Роланд с усмешкой. – Он великолепен. И он будет моим.

– На его счету уже несколько смертей.

– Тем лучше. Представьте лица в толпе, когда я прижму голову Гнева ногой к земле.

– Каждая из его жертв думала так же.

– Все они были слабы, и ваш покойный брат в том числе.

– Не смейте так говорить о Киране, – послышался позади неуверенный голос Ясны.

– Прошу прощения, принцесса? – обернулся к ней сын графа.

Альвгред отважно выступил вперёд:

– Если вы станете мужем кронпринцессы, вам стоит выбирать выражения.

– Я стану королём этих земель и буду выражаться как почитаю нужным, – парировал Роланд.

– Вы станете мужем королевы этих земель и будете выражаться так, как от вас потребуют приличия, – ответила Вечера.

Брови юноши поползли вверх. Его красивые губы изогнулись в хищной улыбке.

– А я уже и забыл, что у старшей принцессы имеются зубы.

– Некоторые вещи следует помнить, иначе вы не заметите, как эти зубы перекусят вам горло.

– А я люблю, когда девушки кусаются. – Он бросил взгляд на Ясну. – А ещё, когда они визжат.

Альвгред заслонил собой принцессу.

– Брось, своячок, – сын графа отступил на шаг, – я всего лишь пошутил.

С этими словами он откланялся и сказал, что ему надо идти – родители хотели подарить королю «Вилевдатт» в переплёте из кожи с алмазами, которую Эрдор заказал специально для своего визита, и наследник Утёса желал при этом присутствовать.

– Пусть бык его затопчет, – тихо прошептала Ясна, когда он удалился. – Пусть он его убьёт.

В этот момент обе сестры забыли разделяющую их вражду.

Глава 14

Сын огненного вихря

Марций следовал к бычьим загонам, где его уже ждал Дым, готовый радостно принять угощение за оказанную услугу.

Перед арсеналом чистили яблоки две служанки и о чём-то шептались. Одна из них, увидев красноволосого эвдонца, отвлеклась от работы и кинула ему спелый фрукт.

– Чем заслужил? – спросил он, с лёгкостью поймав яблоко.

– Какой-то ты сегодня счастливый, – заулыбалась та. – Неужели работа в конюшне?..

Марций улыбнулся и откусил сочный кусок.

В арсенале не было ни души. Эвдонец зашёл вглубь, туда, где хранились тренировочные мечи. Тот, с которым ближне-му бою училась Вечера, стоял прислонённый к стене и никем не тронутый. Длинное тонкое лезвие, гарда в виде бычьей морды, шесть рогов украшены гравировкой в виде листьев. Когда принц Киран подарил старшей сестре этот меч, она

назвала его Кусачим. Марций вынул его из ткани и поднёс к свету. Тупое лезвие покрывали мелкие царапины. Кирасир отложил яблоко, бережно вытер меч тряпкой и воткнул его в землю. Он знал, что Вечера скоро его возьмёт, теперь её меч её ждал.

Их отношения с принцессой едва ли походили на дружбу, но когда-то Вечера пришла именно к Марцию, чтобы он научил её драться.

В тот день, полтора года назад, в кирасе не по размеру, растрёпанная и грязная от пота и пыли, только тогда она показалась ему настоящей, а не тогда, когда служанки облачали её в шелка и вплетали в её волосы ленты. Драться она совершенно не умела и будто пропускала мимо ушей все его указания, но бросалась на ксифос с такой отвагой и злостью, будто от этого обучения зависела её жизнь.

Марций до сих пор помнил, как опрометчиво дал ей в тот день себя победить, чем вызвал бурю непонятого ему гнева.

– Зачем вы это делаете, моя принцесса? – спросил он её, когда они отдыхали на скамье у кустистого крыжовника.

– Мне надо, – ответила она, всё ещё глядя на эвдонца с обидой.

– Зачем? Вам подчиняется легион воинов, каждый из которых заслонит вас собой, если потребуется.

– Они подчиняются не мне, а дяде. И заслонять они будут его.

– Поэтому вы считаете, что единственный меч в вашей

руке спасёт вас, если на Туренсворд нападёт Теабран со всей своей армией?

– Он пока на севере, а у меня есть враги и поближе.

– Младший Элбот? Слышал, вы кинули в него нож. Вы промазали или хотели его поцарапать?

Принцесса усмехнулась.

– Думала, только придворным дамам в сплетнях нет равных.

– О, в этом они уступают только солдатам из башни, – развёл руками Марций. – О Роланде много слухов ходит. Мне сказали, он вас чем-то обидел.

– А может быть, он мне просто не нравится?

– Почему вы не сказали королю или Согейру?

– Согейр делает только то, что ему прикажет король, а король всё равно ничего не сделает. – Вечера потянулась к кусту крыжовника и сорвала спелую ягоду. – Элботы его старые друзья, и у них есть свои войска. Если ты помнишь, именно они поддержали Осе, когда он после отца взошёл на престол. У него не так много друзей, чтобы ссориться с ними из-за нелюбимой племянницы.

– Мы говорим о простой ссоре?

– Брось, всем известно, кому отец завещал трон перед тем, как уйти в свой последний поход. Будь я мальчиком, через два года альмандиновая корона стала бы моей. Я осталась в стороне только потому, что родилась с гениталиями внутри, а не снаружи. И Осе это понимает лучше кого бы то

ни было. Он не хотел садиться на трон, хотел оставить его за мной, но ты же знаешь, что с людьми делает власть? Теперь он врос в корону и отдаст её только своим детям, а никак не отпрыску Эдгара, в чьей тени прожил всю сознательную жизнь.

– Я уверен, причина не во власти.

– Почему же?

– Власть – это не только богатство и право распоряжаться всем одним движением пальца, но и ответственность. Для кого-то эта ноша оказывается непосильной.

– Ой, брось, Марций. Власть есть власть. – Принцесса выбросила испорченную ягоду. – Возьми тех же Даимахов. Что ни поколение, то очередной урод или тупица. Будь они из касты дааримов, их бы уже давно завели в лес и оставили умирать, но на их головах сияет позолоченный постульский веночек, а это значит, что мы ещё долго будем наблюдать через пролив Каслин, как истребляет свой же народ очередной Даимах-недоумок. Осе до гибели отца был никем. Тенью, шёпотом, призраком человека. Он днями и ночами не показывал носа дальше башни астрономов. Тощий, слабый, он всегда сливался со стенами. А как на его голове засияла корона, так все ему начали кланяться, слушать каждое его слово. Думаешь, сейчас он бы обменял корону на звёзды? Власть есть власть, Марций, – повторила она. – И я бы с ней справилась.

Марций смерил взглядом сидящую рядом юную девушку.

– Не знаю, как насчёт правления королевством, но, судя по тому, как вы дерётесь, скоро вы дадите фору любому кирасиру...

– Ты мне врёшь, – прервала его Вечера.

– Да, вру, – сознался Марций.

– Не делай так. Меня окружают придворные, и все они мне врут, а ты не смей.

– Хорошо. – Отчего-то Марцию стало стыдно.

С минуту они провели в тишине, подставив лица тёплому ветру.

– Так что сделал сын графа? – Любопытство всё же взяло верх над воином. – Учтите, я эвдонец и умею подкрадываться тихо. Одно ваше слово и, – он указал пальцем в невидимую мишень, – ваш обидчик исчезнет. И поминай как звали.

Вечера знала, что Марций говорил несерьёзно.

– Это моё личное дело, – ответила она с тенью улыбки.

– Прежде чем дать вам в руки настоящий меч, мне хотелось бы знать, зачем.

– Лишнее себе позволяешь.

– Прошу прощения.

Наступило молчание. Лабрадоровые глаза Вечеры в солнечном свете отливали сине-зелёной чешуей, а покрасневшая от жары кожа блестела от пота. Марций бы до ночи любовался тем, как эта девушка уплетает крыжовник.

– Каково это – убить врага? – неожиданно спросила Вечера.

– Необычный вопрос для девушки. Вашу сестру, должно быть, всё ещё интересуют куклы.

– А сестра и не способна интересоваться чем-то ещё. Так каково?

– Я не знаю, – пожал плечами Марций.

Тонкие брови принцессы удивлённо приподнялись.

– Ты ведь уже бывал на поле боя, разве нет?

– Бывал, – кивнул эвдонец, – но там не было ни одного человека, которого бы я считал своим врагом.

– Стало быть, все эти зарубы ты ставил на память о друзьях? – Она кивнула в сторону его щита с отметинами, которые Марций оставлял на ободке после каждой встречи с балджерками. – И эти шрамы тебе, стало быть, тоже оставили они?

– Я – солдат. Убивать – моя работа. Здесь нет ничего личного.

– И тебе платят пятьдесят золотых крефов.

– Был бы рад рисковать жизнью бесплатно, но я умру без еды.

– Как и без вина и женщин.

– Я не трезвенник и не монах, – улыбнулся Марций.

– А если бы тебе прекратили платить? Ты бы остался? –

Огромные обеспокоенные глаза уставились на воина в ожидании немедленного ответа. – Ты же кирасир, вы обязаны защищать короля несмотря ни на что...

– Принцесса, я не знаю, что вы думаете о кирасирах, но,

уверяю вас, никто из нас не шёл на арену, чтобы потом иметь честь умереть за короля. Мы все бились с быками ради славы. Мы любим жизнь. Любим деньги, женщин, любим смотреть, когда придворные, которые раньше воротили рожки в нашем присутствии, теперь вынуждены говорить с нами на равных. Мы не такие, как Согейр, мы не благородные и не хорошие люди, и, если честно, нам плевать на короля. Он нам платит, и мы ему служим, но, если жалования не будет, уверяю вас, большинство кирасиров сложат оружие в тот же день.

– И ты?

– Если вы снова хотите услышать от меня то же, что уже слышали полгода назад, не стоит. Я понял вас и усвоил урок. Я вас больше не беспокою.

К щекам принцессы прилила кровь, но эвдонец сделал вид, что этого не заметил.

– А может быть, я хочу, чтобы ты меня снова побеспокоил?

Они долго молчали, виновато глядя под ноги.

– А тебе бывает страшно, когда идёт бой? – как-то совсем грустно спросила Вечера.

– Всем страшно умирать. – Ксифос Марция скovyрнул сухую землю.

– И как ты побеждаешь свой страх?

– Я не побеждаю, – ответил он. – Просто делаю, что должен.

– Я тоже буду защищать свой город, когда на него нападут, – уверенно заявила Вечера, – рядом с солдатами, как отец!

– Не стоит воспринимать войну по легендам и книжкам, моя принцесса, – осадил её неуместный пыл эвдонец. – При всем моём уважении, вы о ней читали, а я там был. Вам на поле боя не место. Вы умрёте в почтенном возрасте под золотым балдахином, лежа на пушистой перине под шёлковыми простынями. Вы умрёте, облачённая в нежные бархатные сорочки, в окружении детей и внуков, глядя на их лица, такие же красивые, как ваше. Вас никто не повалит лицом на землю и не наступит на горло тяжёлым сапогом. Вас не задушат, вашу голову не отрубят, даже не вскроют вам горло. Ваше тело не осквернят. Вы не умрёте в агонии, внезапно вспомнив все молитвы, которым вас учили в детстве. Ваша смерть будет красивой и спокойной, а не уродливой и грязной, как моя. Я научу вас драться мечом, как вы просите, но не думайте, что кто-то пустит вас идти в атаку против целой армии озверевших головорезов.

Вспоминая этот разговор, Марций открыл засов стойла и легко хлопнул Дыма по шее. Бык сжевал прихваченную хозяином на кухне репу и потребовал добавки, пиная копытом заднюю стенку загона. Пепельно-серая, в светлых пятнах, шкура животного лоснилась в свете ярких факелов.

– Ну-ну! – трепал его за ухом хозяин. – Если хочешь добавки, придётся ещё немного постараться. Ты же не хочешь,

чтобы нашу тайну раскрыли?

Бык громко заревел и мотнул огромной рогатой головой.

– Будешь слушаться?

Дым кивнул.

– Вот и молодец.

У входа послышался шум. Инто втаскивал внутрь мешки с сеном. Быки оживились и начали громко требовать еду. Только из стойла Гнева не доносилось ни звука.

Увидев кирасира, мальчик привычным твёрдым жестом поднял левую руку. Марций не имел права приветствовать не воина тем же жестом, но ответил ему. Если Инто не растеряет свою удаль, уже через год Марций лично выжжет на его загривке клеймо кирасира. Отчего-то он не сомневался, что этот щуплый на вид парнишка вернётся с арены победителем.

Инто оттащил мешок к стойлу Гнева и размял спину.

– Как же я не люблю время его кормёжки, – прокряхтел он, развязывая мешок.

– Что-то он сегодня больно тихий, – заметил эвдонец и поправил кирасирский жезл за спиной.

– Погодите, вот увидит нас, сразу глаза кровью нальются.

Он привстал на носочки и взглянул на торчащие над дверью белые рога. Гнев был единственным быком, которого почти полностью лишили возможности видеть окружающее пространство. Стены и двери его загона были выше, чем у остальных, отчего бык оказывался будто засунутым в ко-

робку. Инто уже давно заметил, что так зверь ведёт себя намного спокойнее.

– Может быть, он спит? – предположил Марций.

– Он никогда не спит в это время, – со знанием дела ответил Инто. – Он ждёт. Слышите? Это он дышит. Когда он спит, его дыхания почти не слышно. Сейчас он притаился и ждёт.

– Так ты что же, пойдёшь к нему один?

– А что делать? Я-то его не боюсь. Не то что другие конюхи. У этих заячьих душонок сразу спина потом покрывается, как им говорят к Гневу топать. Помыть его, вычистить уши, убрать с рогов выломанные деревянные доски, покормить. Сразу торговаться начинают, кому к нему идти.

– А отец твой где?

Инто пожал плечами.

– Пьёт в таверне. Где же ему ещё быть?

– А это что? Ты вывалялся в грязи? – Марций взлохматил ершистые волосы мальчугана. Инто оцетинился.

– В меня кинули землёй.

– За что?

– У них одна причина. – В голосе Инто звучала обида. – Почему они меня ненавидят? Что я им сделал? Почему они все зовут меня уродом?

– Может быть, они просто суеверны?

– Или потому, что я урод.

Лицо Инто залилось краской. Бедный мальчишка всей ду-

шой ненавидел свои шестипалые руки.

– Давай я тебе помогу, иначе Гнев тебя затопчет.

Инто не хотел показаться слабым перед кирасиром, но, пораскинув мозгами, принял верное решение. С Гневом ему одному не справиться, а потому помощь будет очень кстати. А ещё он про себя в очередной раз проклял отца за то, что тот бросил его и пошёл надираться.

– Только возьмите вот это. – Инто подал воину толстую длинную палку с металлическим полукольцом на одном из концов. – Когда я открою двери, это нужно будет подставить быку под шею или рога, как получится, чтобы он не смог вырвать гвозди, на которых держатся его цепи. И держите крепко.

– Постараюсь. – Марций встал наизготовку.

– Готовы?

– Готов.

Инто ещё раз проверил мешок, чтобы он смог как можно быстрее высыпать оттуда сено, и повернул засов.

Как только дверь приоткрылась, реакция последовала мгновенно. Животное с рёвом бросилось наружу, так, что задняя стена загона задрожала. Ему завторили остальные быки. Марций пихнул огромную морду палкой, но бык оставаться внутри не желал. Никогда ещё Марций не сталкивался с подобной силой. Даже его Дым не был таким свирепым, как эта туша с бешеными глазами. Они навалились друг на друга, не желая уступить. Марций почувствовал, что его

ноги съезжают назад, и ещё сильнее навалился на палку.

– Быстрее! – подгонял он Инто. – Быстрее, ну же!

Мальчишка в это время старался вытряхнуть быку под ноги как можно больше сена. Чем больше ему достанется еды сейчас, тем позже его придётся кормить снова. Сухие прутья цеплялись друг за друга, сматываясь в ком, и он раздирал их руками.

Марцию показалось, что прошла целая вечность, пока конюх возился где-то под ногами, но на самом деле прошло около полуминуты с момента, как засов звякнул в первый раз.

– Ох, – Марций перевёл дыхание и устало облокотился о столб, когда дверь высокого загона, наконец, закрылась, – разве не проще было бы использовать не мешки, а тележки?

– Проще, – ответил Инто, сматывая мешок. – Но последнюю Гнев разбил ещё две недели назад.

Сам же бык будто перестал существовать. Теперь из его загона доносилось только еле слышное чавканье и кряхтение жующего зверя.

– Ну и работёнка у тебя, – выдохнул воин, вытирая со лба пот.

– Я не жалуясь, – шмыгнул носом конюх. – Вот увидите, в следующем году я его оседлаю.

– А? А я слышал, что Гнева выбрал себе сын Элботов, – удивился Марций.

Инто озадаченно замер.

– Что? То есть как это его выбрал Элбот? Почему?

– Так говорят.

– Он выбрал моего быка? Я же просил Вальдариха, чтобы Гнева оставили мне. Он обещал!

– Кто он такой, чтобы перечить желанию графского отпрыска? Брось, Инто, в соседнем загоне полно других быков. Присмотрись к ним, твоим может быть кто-то из них.

– Но мне нужен этот! – Юношу трясло от волнения и негодования. – Как же так?!

– Нужно быть самоубийцей, чтобы выбрать Гнева.

В чёрных глазах Инто заблестели слёзы.

– Но список быков должен был быть готов, когда придут участники тавромахии. Почему он оставил за собой Гнева уже сейчас?

– Элбот – граф. Никто не может запретить ему выбирать оружие, от которого он хочет умереть, заранее.

– А если бык ему подчинится?! – едва не выкрикнул мальчик, рыдая. – Гнев – мой бык! Мой!

– Если он ему подчинится, значит, он не твой. Успокойся, Инто, ты же будущий воин. Подумаешь, год. Всего двенадцать месяцев. Многим века не хватает, чтобы пожить, а ты уже рвёшься на арену. Не спеши. Поживи ещё год. К тому же ты не можешь знать наверняка исход этой битвы. У Роланда не будет никаких привилегий, а значит, и шансы победить будут такими же, как у остальных.

Марций дружески хлопнул Инто по плечу.

– Будь мужчиной, – сказал он. – Впереди тебя ждёт великое будущее, если ты сам этого захочешь. Опустись руки – останешься конюхом. Терпение, мой друг. Только терпение. И я буду рад сразиться с тобой против любого врага.

– А по мне, лучше достойно погибнуть на арене, чем ещё год терпеть пьяную рожу отца рядом с матерью, – потухшим голосом ответил конюх. Лицо его вдруг стало серым, будто у его обладателя внутри что-то потухло. – Разве я не прав, Марций? Я урод, я даже хуже, чем никто. Не тебе ли это знать лучше кого бы то ни было?

Глава 15

Шестнадцатилетние воины

Через два дня, поднявшись чуть свет, Золтан снова, как и каждое утро, наблюдал через окно с голубыми ставнями за королевским замком вдали. Дед сразу заметил за своим диковатым внуком эту странную привычку. Едва пропоют петухи, мальчик вскакивал с кровати и усаживался на подоконник, беспечно свесив одну ногу наружу, и не отрываясь смотрел на могучую безмятежную твердыню, которая восседала на перламутровом отроге, будто на троне. Что он хотел в ней разглядеть – поди узнай. Дед и спросил его однажды, да тот только сверкнул огромными бледными глазами и, по обыкновению, промолчал. Странный мальчишка.

В это особенное для замка утро Золтан даже не спустился к завтраку, не откликнулся он и на зов местных мальчишек, которые звали нового соседа на речку ловить златоглавок – сидел на подоконнике и не шевелился, как заколдованный. Он слез оттуда только в полдень, когда его зоркий глаз заметил, как открываются тугие ворота в Туренсворд и в них

устремляется колонна юношей в белых балахонах. Они. Они были тут. Турдебальды.

Лишь некоторые из них ехали верхом – видимо, те, кто был побогаче, большинство же шли по-простому, пешком, волоча за собой пожитки в холщовых мешках. Всем турдебальдам было шестнадцать, и многим из них семнадцать не исполнится никогда.

Неделю до прибытия в Паденброг все эти юноши жили у Креста – на постоялом дворе южнее озера Веверн. Для хозяев таверны у развалин это время становилось хлопотным и весьма прибыльным, ведь, помимо мешочка с золотом от короны, хозяева получали от постояльцев тройную оплату за комнату и еду. А тот, у кого с деньгами было туго, бесплатно колол дрова и мыл скотину, а после спал в хлеву на кроватях из сена и земли. Таких нищих всегда было больше всего, потому что на десятерых мальчишек приходилось только двое из благородных семей, и потому пока в уютных комнатах над таверной ночевало всего несколько человек, хлев ломился от спящих вперемешку с козами и коровами пареньков. Каждый год их было много, и каждый год сердобольная хозяйка втайне от мужа проносила им в тазу под тряпками свежий хлеб, головку сыра и яблоки. У неё самой-то сын уже тринадцать лет как погиб на арене, и родить ещё она уже не смогла.

Месяц перед тавромахией турдебальдам предстояло жить на нижнем ярусе Ласской башни, где у них всегда было вдо-

воль еды и воды и всегда была готова чистая одежда, которую каждую ночь проверяли и чинили слуги. Сюртуки турдебальдов были призваны стереть любые различия между добровольцами, но контраст между отпрысками графов и крестьян каждый раз бросался Вальдариху, распорядителю обряда, в глаза. И дело было не во внешнем различии или воспитании – дети графов захоlustья редко отличались утончёнными манерами. Скорее их отличало от безродных голодранцев то, как они воротили нос от навязанной аскезы Ласской башни, пока дети бедняков радовались каждому дню, прожитому в сытости, и проявляли куда больше прити на плацу, когда Королевские кирасиры учили их управляться с верёвкой, которой им скоро придётся захомутать бешеного быка.

– Вы знаете, кто такие турдебальды?

Вальдарих был немолодым сухим мужчиной с очень худым лицом и острой макушкой, которую покрывал белоснежный, как у Гезы, жёсткий ёжик. Как распорядитель тавромахии, он носил пояс с золотой пряжкой в виде двух бычьих голов и бордовую кирасу из толстой кожи. Будущие турдебальды всегда его боялись, как подмастерья боятся своего учителя. И было за что – Вальдарих со священным трепетом относился к традиции поединка и не позволял никому даже подумать о том, чтобы устроить саботаж. Даже сейчас, стоя перед ним на плацу, юноши неосознанно распрямили спины и держали руки по швам, как будто готовые к маршу по пло-

щади Агерат под руководством легата.

– Это 3-значит «сидящий на б-быке», – ответил какой-то вытянутый в струнку курносый заика. – На языке, на котором говорили б-боги.

Роланд ухмыльнулся.

– Он сказал что-то смешное? – Распорядитель обряда в мгновение ока оказался напротив надменного наследника Утёса.

– Нет.

– Тебя позабавило, что он заикается?

– Нет.

– Так ты смеёшься без причины?

– Нет.

– Стало быть, ты мне соврал?

Повисла секундная пауза. Роланд, растерявшийся на мгновение, снова самодовольно задрал нос.

– Вы говорите с сыном графа и будущим мужем принцессы, – напомнил он Вальдариху. – Вам следует меня уважать...

– Ты выбрал быка – ты турдебальд, ты никто, ты чистый лист. Так что сотри с лица эту дебильную ухмылочку, вернись с арены верхом на быке, и тогда, может быть, я посчитаю тебя достойным моего уважения.

Вальдарих снова встал перед строем.

– Ты прав, – кивнул он заике. – Когда Ардо Роксбург был шестнадцатилетним пастухом из Приграничья, на его дерев-

ню напали захватчики с севера. Тогда он попросил бога Хакона дать ему силу, чтобы отразить нападение и спасти свой дом. И Хакон услышал его, возложил свою длань ему на плечо и сказал идти на восток, пока не дойдёт до Многоликой горы. Когда Ардо оказался на месте, Хакон ударил по плечу, и из него вырвался чёрный бык. Хакон дал Ардо верёвку и сказал оседлать быка, потому что только избранный способен это сделать, и Ардо усмирил животное, потеряв в схватке глаз. Признав смелость юноши, Хакон сказал, что теперь он сможет победить целое войско, и Ардо вернулся домой и отбил у врага свою деревню. В награду Хакон даровал ему свою корону и сказал, что Ардо достоин стать королём этих земель. Когда боги покинули Ангенор, первый король основал Паденброг на том месте, где из скалы ему явился его бык, и призвал всех шестнадцатилетних юношей, от Многоликой горы до озера Траунмер, пройти обряд, стать приближённым короны и получить звание кирасира. Так родился обряд тавромахии, традиция, которая со времен первого Роксбурга не прерывалась никогда. Вы! – выкрикнул Вальдарих, и турдебальды невольно отступили назад. – Вы все, крестьяне, сыновья пастухов, каменщиков, графов и водоносов, богатых торговцев и дровосеков – здесь на плацу, вы все стоите как Ардо! Готовы ли вы повторить его подвиг и доказать, что вы избраны Хаконем?

Юноши настороженно переглянулись. Вальдарих взгляделся в их молодые нерешительные лица. Прозвучало неуве-

ренное «Да?»»

– Верю, что готовы, – повёл бровью распорядитель. – Но прежде, знакомы ли вы с законами тавромахии?

Мальчишки снова переглянулись.

– Первое, – Вальдарих загнул указательный палец, – к участию не допускаются юноши старше шестнадцати лет.

Молчание.

– Если вы уйдёте с арены победителем и выяснится, что вы старше, чем этого требует традиция, я лично вырежу на вашем лбу перевёрнутую руну Вейла и высеку на площади, пока ваша спина не превратится в кусок окровавленного мяса. Я заберу вашего быка, и вы заплатите короне тысячу золотых крефов. Все на арене должны быть равны. Это закон! Второе, – распорядитель загнул второй палец, – к участию не допускаются юноши младше шестнадцати лет, – и с укоризной покосился в сторону Инто, который с утра околачивался у плаца и сейчас тёр щёткой и без того уже начищенную до блеска бычью поилку. – Третье, к участию не допускаются больные и искалеченные. Четвёртое, на арене вы будете безоружны. В ваших руках будет только верёвка, а на вас доспехи и шлем. Поэтому перед участием вас обыщут. Любое нарушение правил будет караться изгнанием. И пятое, когда вы выберете себе быка, пути назад уже не будет. Вы выйдете на арену и вернетесь с неё либо победителями, либо покойниками.

Вальдарих выдержал паузу.

– Запомните, – в его голосе звучало предостережение, – ни один бык никогда не будет стоять и ждать, пока вы взгромождадитесь ему на спину, и ни один из них не подпустит вас к себе без боя. На моем веку было больше тридцати тавромахий, и поверьте, в живых из вас в лучшем случае останется чуть более двадцати человек, десятеро выбросят чёрный платок быстрее, чем дерьмо посыпется из их штанов. Остальные вернутся домой в чёрных саванах. Я не хочу вас пугать, но вы должны знать правду.

Однако будущие турдебальды были напуганы.

Вальдарих не брался судить, кто именно выиграет бой, а кто проиграет, из года в год результаты поединка становились всё более непредсказуемыми, но некоторые солдаты в башне по традиции уже начали делать ставки. Вальдарих и Согейр этого не поощряли, но и побороть склонность подчинённых к оскорбительному азарту не могли. Цинизм, с которым некоторые кирасиры ставили деньги на чью-то жизнь, будто уже давно заменил собой их собственные воспоминания о залитой кровью арене и огромных острых рогах.

Вальдарих сдержал накатившую волну раздражения, когда заметил, как непростительно расслабленно держатся сыновья графов, будто пребывавшие в уверенности, что бык так или иначе почувствует их принадлежность к аристократии и уступит. Глаза же крестьянских детей горели огнём желания победить. Вальдарих знал, что на арене у большинства из них этот огонь быстро угаснет. Так было всегда.

– Выживут и станут Королевскими кирасирами только те, для кого пути назад уже не будет. – Распорядитель двинулся вдоль ряда, заложив руки за спину. – Если хотите, чтобы Ангенор склонил перед вами голову, вы должны вернуться с арены либо победителями, либо покойниками. Имена остальных будут навеки преданы позору. Это закон Ангенора! Лучше смерть, чем бесчестие. Я здесь никого не держу, ворота башни всегда открыты, и у вас ещё есть время передумать и уйти, но уйдя, вы не сможете вернуться. Забудьте Паденброг, забудьте короля и арену – после отречения от обряда у вас будет только одна дорога – домой.

На следующий день башню покинуло двое. Никто не помнил ни их имён, ни лиц – из будущих воинов они снова превратились в чьих-то сыновей. Только один из них украл ночью несколько булок и ремень Вальдариха.

У остальных ещё оставалось несколько дней на раздумья. Инто в раздумьях не нуждался. Он места себе не находил, завистливо наблюдая, как Вальдарих и кирасиры учат турдебальдов управляться с верёвкой. Ночью, в бычьем загоне, пока никто не видел, он и сам тренировался, хотя знал, что всё равно его никто не пустит на арену. Его быка уже и так отобрали, и он надеялся, что Гнев затопчет этого графского выродка. Шрам, рассекавший левую бровь, служил конюху хорошим напоминанием о том ударе огромной лапищей в золотых кольцах и подстёгивал его желание вырваться на арену вопреки всем правилам и законам.

Накануне отец снова избил мать за то, что она, по его мнению, не доварила картофель. Инто вошёл в дом, когда этот пьяница уже молотил её головой о стену, и с трудом отмахался от него кочергой.

– Ну, ты, сопляк, у меня ещё получишь! – угрожал тот, воняя потом, а Инто ещё пару раз разрезал железкой воздух, отгоняя папашу, как дурного зверя.

Почему ему не шестнадцать? Он был готов даже лечь под копыта без шлема и просто дожидаться, пока Гнев разможжит ему голову или поднимет на рогах, чтобы мать получила деньги и смогла уйти от папашы.

И всё же его манила арена. Её белый песок, алые полотнища агдеборгов и ярусы вопящих трибун. Их голоса, их аплодисменты победителю и улюлюканье проигравшему – пьянящий звук триумфа и краха, которые друг от друга отделял один миг! Инто представлял себя верхом на Гневе и то, как зрители бросают ему цветы, и улыбался. Новсё же какая-то гнетущая неуверенность грызла его изнутри. Что, если он всё-таки ошибся и Гнев подчинится человеку, которого Инто ненавидел всей душой? Но это же невозможно, если Гнев действительно принадлежит Инто. Или Геза ошиблась?

На днях он слышал, как в промежутке между тренировками Роланд хвастался, как побеждал одного быка за другим у себя в замке, и как одному, особенно сильному, сломал ногу. Животное потом не могло больше работать в поле, что расстилалось близ замка, и потому в тот же вечер жаркое

из него подали к столу. Инто затошнило от этого рассказа. Нет, с Гневом он так просто не справится. Он в полтора раза крупнее обычного быка, и кость его не так-то просто сломать. Этот чёрный убийца считался самым чистокровным из всех, и оттого самым дурным, потому что в жилах его кипела не кровь, а лава. Говорили, что при первых королях все быки были, как он, пока не пришли животные из долины и не народили рыжие, пегие и дымчатые масти. Инто любил всех своих быков. Они были едва ли не единственными, кроме матери, кого он любил в этой жизни, и кто не видел в нём изъяна, который сделал мальчика изгоем среди людей.

«Пусть Гнев затопчет этого ублюдка! – думал Инто, вычищая загоны от затоптанной травы и навоза. – Пусть он его убьёт». Если не ради амбиций конюха, так за принцессу.

Согейр быстро понял обман с фальшивой хромотой Дыма.

Легат прекрасно знал, что эвдонец любил проводить время в Миртовом доме, но каждый день – это было слишком часто даже для неугомонного сына огненного вихря. И потому он проследовал за ним, когда тот в очередной раз наведлся в приют продажной любви. За пару золотых монет легат прошёл к выходу одной из спален и увидел голого по пояс Марция, лежавшего поперёк кровати на животе. Одна из певчих пташек, полностью одетая, что было странно для девушки её профессии, обмазывала его поясницу какой-то чёрной мазью, и блаженная улыбка облегчения сияла на ли-

це эвдонца. Когда она закончила, он опустил свою рыжую голову ей на колени и задремал.

Согейр проскользнул к выходу.

Марций, лишённый возможности правдоподобно солгать, был вынужден признаться, что повредил спину той злосчастной каменной плитой.

Легат выслушал покаяние молча и простил эвдонца, но это прощение поцарапало душу Марция сильнее любого унижения. Лучше бы легат накричал на него или ударил.

Легат не отдал Рейеса под трибунал и не вернул его в Соляную башню, но разжаловал в солдаты, которые должны были тренировать мальчишек перед тавромахией. Не то чтобы Марцию нравилось это занятие – смотреть на их по большей части неуклюжие попытки забросить на рога деревянного быка верёвку без грусти было сложно, – но всё же лучше так, чем быть четвертованным, как какой-то дезертир.

Марций присматривался к Роланду, и у него всё цепенело внутри. Не оставалось никаких сомнений, что этот юноша скорее свернёт Гневу шею, чем оседлает животное. Наглый, избалованный, самовлюблённый ублюдок, который выбрал своей любимой жертвой долговязого заику.

– Не давай Роланду себя обижать, – сказал ему Марций на второй день тренировок, когда увидел, как парень вытирает с разбитых губ кровь. – Он графский сын, а ты крестьянин, но сейчас вы оба турдебальды, а значит, вы равны. Вспомни об этом, когда он в очередной раз замахнётся на тебя.

Хорошо, что Осе не женит отпрыска Элботов на Вечере. Плохо, что он вообще женит его на ком-то из своей семьи.

Солнце сегодня пекло беспощадно, как всегда в середине лета. Мокрый от пота и уставший, Марций брёл к Ласской башне и думал о том, что трое из юношей, что выпали ему по жеребьёвке, даже тот заика, с арены живыми не вернутся, остальные остановят обряд. Они были голодны, но слабы и дорожили жизнью. Он не смотрел на них как на смертников, но его собственный опыт давал ему возможность заглянуть в их будущее. В прошлом году из его подопечных выжил всего один, сейчас он как раз заканчивал обучение с другими новобранцами, чтобы вступить в ряды постоянной армии. У Согейра выжили двое, у Вальдариха – трое, у Гаала – ни одного. Всего победителями с арены вернулись двадцать пять человек, трое из которых позже погибли от травм. Жестокий обряд, кровавые жернова которого ежегодно перемалывали чьи-то жизни, всегда воспринимался в других королевствах как живодёрство, как бои рабов в древние времена в Мраморной долине, с той лишь разницей, что в Паденброге на арену никогда не выталкивали безоружных рабов против голодных тигров.

Отец, о котором до сих пор не было вестей, рассказывал, что на Эвдоне юношей из касты воинов анаар во время инициации заставляли захомутать необъезженного скакуна, и когда это происходило и всадник представал перед поступлом острова, его ждала награда – первая секира, которой те-

перь он мог воевать.

Ритуал оседлания скакуна обычно, как и тавромахия, заканчивался жестокими травмами, но постулы всех поколений были убеждены, что человек, убитый копытом необъезженного жеребца, – более чистая, достойная жертва, чем тот, кого затоптал ангенорский бык. Король Эдгар в ответ на это без стыда поднимал на смех постульские представления о чести и призывал этих поборников морали и дальше сношаться с собственными тётушками и выдавать девочек за дряхлых стариков.

Иларх сразу воспринял в штыки решение Марция участвовать в тавромахии – они с женой потеряли слишком много сыновей, чтобы дать слюнявому животному убить ещё одного. Иларх назвал сына чужаком и не разговаривал с ним несколько недель. Но когда Марций впервые забрался на Дыма, весь измазанный кровью и песком, его отец и братья, всё же пришедшие на арену, первыми вскочили со своих мест, чтобы прокричать его имя – Марций Илархос Рейес.

Марций шёл и задумчиво перевязывал левую руку бурой тканью, как вдруг над его головой просвистел металл. Вечера напала на него из-за угла. Воин быстро увернулся, выхватил ксифос и отразил удар.

– Боевое оружие, – заметил он, удерживая её меч на безопасном от лица расстоянии. Кузнец подогнал кирасу Вечере под размер, и теперь защитный панцирь сидел на её фигуре как влитой.

– Вам идёт новая одежда, моя принцесса, – произнёс Эвдонец. – Жаль, что в ней по-прежнему не видно, что вы женщина.

Вечера улыбнулась, толкнула мужчину и нанесла два удара, которые Марций отбил без особых усилий.

– С оружием в руках не нужно быть женщиной, – сказала она.

Марций сделал выпад, но Вечера ловко увернулась.

Вокруг начали собираться зеваки – все знали, чем закончился последний бой Вечеры и Кирана, но Марций не был принцем, переоценившим свои силы, а был её учителем, который знал все её приёмы и который никогда не дал бы этой девушке себя даже оцарапать. Даже Войкан отвлёкся от своего ежедневного ритуала и отложил заточенные стрелы, чтобы посмотреть на друга и настырную наследницу трона.

– А вы не потеряли сноровку за этот год, – отметил успехи принцессы Королевский кирасир.

– У меня был учитель, – усмехнулась она, не сводя глаз с его меча. – Эрнан Монтонари приезжал в долину с семьёй. Он обучал своего сына, а его сын обучал меня всё лето.

– Что же? Лаэтан постарался на славу.

– Нападай.

– Лучше уступлю вам...

Он не успел договорить, как её ксифос едва не рубанул ему по уху. Похоже, уступать ей победу сегодня не придётся.

За год Вечера стала ловчее, это следовало признать.

На секунду Марций даже растерялся, но только на секунду, и в этот момент в его голову полетел глиняный сосуд. Воин увернулся, и посуда разлетелась на черепки, ударившись о стену загона. Вечера применила пару приёмов, которые Марций с ней никогда не отрабатывал, но успел отбить оба. Вечера была сильнее, чем год назад, и яростно наносила удар за ударом, не давая ему перевести дыхание. Когда ему почти удалось загнать её в угол, она едва не пырнула его в живот, но успела лишь поцарапать лезвием кирасу. Малочисленная публика, оторванная от своих привычных дел, наблюдала за происходящим, и многим даже показалось, что драка идёт на полном серьёзе. Так показалось и Марцию, который вынужден был отражать шквал хаотичных ударов, разящих его отовсюду. Ему вспомнился его последний бой с баладжерами, когда он чуть не погиб, и едва успел убрать ногу, прежде чем лезвие принцессы полоснуло его по колену. Хватит! Марций пошёл в наступление. Учебный бой перестал быть игрой, и он должен был его прекратить. Вечера не ожидала стихийной атаки. Переход, несколько сильных ударов – и ксифос принцессы полетел в сторону. Она схватила камень и запустила им в воина. Камень угодил Марцию в плечо, но он даже не почувствовал боли.

– Принцесса?! – Эвдонец откинул свой меч и перешёл в рукопашную. Драться безоружной Вечера по-прежнему не умела. Марцию понадобилось всего несколько секунд, чтобы с силой обхватить брыкающуюся девицу и заломить

ей руку за спину. Раздался страшный крик. То ли кричала Вечера, то ли кто-то в толпе, Марций так и не понял, но зеваки в ту же секунду растворились в воздухе. Вечера вырывалась, как дикая лиса.

– Что с вами?

– Пусти!! – вопила Вечера.

Марций поднял её над землёй и потащил в сторону.

– Нет!!

– Принцесса?!

Но Вечера его не слышала и не видела ничего вокруг, будто всё пространство вдруг затянуло мутной пеленой. Марций ослабил хватку и почти не держал Вечеру, но все её мышцы будто оцепенели.

Недалеко кирасир заметил бочки с водой. Эта пара секунд, что он тащил принцессу к ним, показалась ему вечностью. Марций отпустил Вечеру, схватил полное ведро и окатил её водой. Она тут же замолчала и застыла.

– Что происходит?! – потрянул он её, будто пытаясь разбудить. – Что случилось?

Вечера тяжело дышала, и её глаза были как две Змеиные ямы, где только мрак и ужас, а лицо – испуганное и белое. Марций медленно убрал руки с её плеч, и Вечера осела на землю. Эвдонец сел рядом. Если бы он знал, чем закончится этот бой, он бы сразу выбил у неё меч и выбросил свой.

– Что это было? – осторожно спросил он, не двигаясь с места и внимательно глядя ей в лицо, будто ища подсказку.

Она медлила с ответом и вытиралась мокрыми руками. На красивом лице Вечеры ясно читалась растерянность. Марций уже видел её такой – в день, когда погиб её брат. Глаза её прояснились, но она всё молчала.

– С вами всё в порядке? – спросил он.

Она отжимала мокрую косу и по-прежнему не глядела на него.

– Никогда больше меня так не хватай, – сказала она. – Никогда.

– Я вас напугал?

Вечера медленно встала. Её движения были неловкими и какими-то больными.

– Я ничего не боюсь, – сказала она, нашла свой меч и вставила в ножны. – И никого.

Глава 16

Чернильная Рука

У графа южных земель была масса прозвищ, данных ему как друзьями, так и врагами, что самому графу, несомненно, льстило. Ранним его прозвал отец, когда, едва отпраздновав пятнадцатый день рождения, Эрнан сочетался браком со старшей дочерью графа Мраморной долины, которая была старше его на три года. Прозвище Зверь он получил, когда в девятнадцать разбил армию захватчиков с Эвдона, а Чернильной Рукой его начали звать, когда за сутки до подписания мирного договора с Шеноем Эрнан распорядился при помощи «Чёрной Капитолины» возобновить тайные перевозки беженцев с острова, чем перечеркнул благие намерения Шенойской Паучихи прийти с соседями к соглашению.

Внешне граф был достаточно недурен собой, однако тот, кто не видел его в юные годы, редко мог усомниться в том, что в детстве Эрнан был весьма некрасивым ребёнком. Ему ещё не было и сорока, но его смуглое лицо уже было облагорожено глубокими бороздами морщинок – следами его неиз-

менной улыбки, а длинные чёрные волосы служили прекрасным контрастом его сине-зелёным глазам. Остальные графы Ангенора считали улыбчивого кантамбрийца пылью у себя под ногами. Во-первых, потому что его владения, ограниченные цепью гор Ла Верн, вот-вот могли стать ещё меньше из-за его собственного безрассудства; во-вторых, потому что граф вёл исключительно честную торговлю между кантамбрийскими городами и не устраивал на тракте Раскол побо-ры торговых караванов, нагруженных вином, духами и пряно-стями; в-третьих, потому что любая фраза, произнесённая на кантамбрийском языке, будь то смертный приговор или годовой отчёт о продаже фиников, звучала как признание в любви; и потому что Эрнан ни разу в жизни не изменил своей жене. Все усмешки в свой адрес Монтонари пропускал мимо ушей и не делал ничего, что могло поднять его авторитет в глазах ангенорской знати. Кто-то принимал его поведение за тщедушие, кто-то за трусость, а самые смелые даже поговаривали, что Зверь Монтонари обломал свои клыки, и теперь жена хранит их в своей шкатулке с жемчужными бусами, но это было далеко не так, и в этом принцесса Вечера убедилась во время своего изгнания.

Граф южных земель как протектор наследников трона первым узнал о гибели Кирана и о том, что за этим последовало. В то время, когда многие графы и лорды отвернулись от опальной принцессы, он вместе с семьёй тотчас направился в Мраморную долину. Польщённая его обманчи-

вой отзывчивостью, Вечера спросила:

– Почему вы тут? На вашем месте было бы разумнее держаться от меня подальше.

А Эрнан, не отвлекаясь от поедания сочного винограда, с подчёркнутой вальяжностью ответил:

– Аматаина, – так он предпочитал называть Вечеру, что на кантамбрийском означало «хорошенькое личико», – тебе нужно побывать в Альгарде. Тогда бы ты узнала, что такое верность. Там матери с пелёнок внушают детям, что членам семьи нужно держаться вместе. – И добавил с особой интонацией: – Всегда, – и развёл руками.

– Я не член вашей семьи, – уточнила Вечера. – Вы кантамбриец, я – ангенорка. У нас с вами нет ни единой общей капли крови, а вся ваша преданность мне проистекает из вашего титула протектора наследников трона.

Эрнан повертел головой.

– Не скажи. Ты племянница моей Четты. В Кантамбрии кровная связь не так важна, как в Ангеноре. Ты человек, которого любит женщина, которую люблю я. А это значит, что мы с тобой семья. И кантамбрийские воины друг другу тоже семья. Мало кто на юге считает кого-то чужим. Ты знаешь, что в моей армии есть традиция перед началом любого сражения отдавать свой щит и меч другому солдату? От того, как ты пригодишь оружие, зависит жизнь твоего однополчанина, а от них – твоя. Кому отдать оружие – решает жребий. Мы всегда несём друг за друга ответственность – такова

суть моего народа.

– Я думала, это зовётся дисциплиной.

– А есть какая-то разница? В семье тоже должна быть дисциплина. Её я и прививаю своим детям.

У Чернильной Руки было двое детей. Старшего сына называли Лаэтан, и когда Эрнан сказал, что прививает дисциплину своим детям, Вечера едва сдержалась, чтобы не рассмеяться ему в лицо. Когда Монтонари гостили в Мраморной долине, юноше как раз стукнуло семнадцать, и Вечера впервые узнала, как ещё можно праздновать Ллерион, кроме опостылевшего пира. Они с сестрой выкрали Вечеру из замка под видом служанки и устроили гонки на колесницах по набережной Бронзового моря, что Вечере пришлось куда больше по душе, чем чинные скучные беседы за длинным праздничным столом в обществе лицемерных придворных. Вечера даже заподозрила, что в душе её живёт настоящая дикарка, желающая только свободы.

Кровь Лаэтана бурлила, как в жилах его отца, и на месте ему никогда не сиделось. Внешне младший граф очень походил на Эрнана: те же чёрные волнистые волосы, которые он, как отец, зачёсывал назад, широкая подкупающая улыбка и умные с прищуром глаза, зелёные, как жадеиты, добываемые в недрах Ла Верн. Не унаследовал он только отцовские немного увеличенные клыки, которые при взгляде на Эрнана наводили на мысли о хищнике.

Аэлис, его любимая младшая сестрёнка, внешностью по-

шла в породе Ферро и была не особенно красива, но весьма очаровательна, как мать, тётка Вечеры, светленькая и черноглазая. Ей было уже пятнадцать, и она ни в чём не уступала брату: ни в умении ездить верхом, ни в любви к проказам.

Эрнан души не чаял в жене и детях. Одно его печалило. когда-то он хотел выдать Аэлис за принца Кирана, теперь же вынужден был искать ей мужа среди графских сыновей.

– Но если в Кантамбрии все друг другом так дорожат, почему Шеной решил отделиться? – поинтересовалась Вечера. Полуденный прохладный бриз овеивал балкон Эквинского замка, на котором Вечера пила южное вино вместе с Эрнаном.

Ухоженное смуглое лицо южанина помрачнело.

– Запад Кантамбрии начал загнивать ещё при моем отце. Деньги. – Он поставил бокал на мраморную столешницу. – Что делать? Я вижу проблему именно в них. Рельеф дна пролива Каслин таков, что торговым судам Эвдона приходится делать крюк, чтобы добраться до берегов Кантамбрии, а уже потом по мелководью плыть к Альгарде. Не все суда могут там пройти, и потому им приходится разгружаться в Шеное, откуда товары уже везут в остальные города. Раньше это не было проблемой – у Даимахов был целый флот небольших судов, которые могли пройти по проливу и не сесть на мель. Но со временем всё изменилось, основная торговля теперь ведётся с Шеноем, и это становится невероятной проблемой из-за «Чёрной Капитолины», на борту которой, как тебе из-

вестно, мои люди тайно перевозят эвдонцев. Пелегр из-за этого угрожает повысить цены на товары, а то и вовсе пустить корабли через Богров, Шеною это не нравится. Потому Виттория-Лара и решила отделиться от Кантамбрии.

– И вас не пугает, что вы можете потерять часть территории? Почему бы не перестать пускать на борт «Капитолины» беглецов?

Эрнан нахмурился и пригубил вина.

– Если люди просят меня о помощи, почему я должен им отказать?

– Потому что в этом случае ваш альтруизм будет стоить вам половины земель.

Эрнан отвёл глаза и лукаво улыбнулся.

– Решение Шеноя отделиться от Кантамбрии принадлежит паре-тройке людей. А на этой территории проживает несколько сотен тысяч человек. Если ты понимаешь, о чём я говорю.

– Едва ли Витторию-Лару волнует мнение черни.

– Когда-то кожевники едва не взяли Туренсворд штурмом, как помнишь. Это как раз тот случай, когда чернь решает всё.

Служанка графа, девушка лет четырнадцати с угольной кожей и полными губами, принесла поднос с фруктами.

– Благодарю, милая, – произнёс Монтонари. – Постой.

Девочка остановилась.

– Ты повязала платок, что я тебе подарил, – заметил Эр-

нан и тронул голубую шёлковую ткань, скрывающую волосы служанки. Девочка благодарно улыбнулась. – Тебе он очень идёт. – Граф протянул ей апельсин. – Можешь идти.

Девочка взяла фрукт, поклонилась и покинула балкон.

– Милое дитя, – проводил ее взглядом Эрнан. – Её мать была из тех, кого здесь называют баладжерами. Она продала мне её пару лет назад. Всего две серебряные монеты – девочка-то немая.

– И вы сделали её своей рабыней?

– Я её не держу. Я назвал её Золотой Росой. Видела у неё золотистые пятнышки на носу? Я нанял ей учителя, чтобы он обучил её грамоте для немых. Теперь она умеет читать и писать. Будь на моём месте кто-то другой, девочка уже давно была бы изнасилована или избита за малейшую провинность, как рабыня, а у меня она работает, получает деньги и имеет право уйти, когда захочет. Если хочешь, спроси её, она покажет, что не хочет уходить.

– Она всего лишь прислуга.

– О, не стоит пренебрегать теми, от кого мы отчасти зависим. – Эрнан замолчал и оторвал сочную кисточку винограда. – Всё хотел спросить, Аматина, Осе всё ещё собирается выдать Ясну за младшего Элбота?

– Насколько мне известно, да, – кивнула Вечера.

Эрнан хмыкнул:

– А я думал, он её любит.

– Любит. Во всём ей потакает.

– А я свою Аэлис никогда бы не выдал за кабана.

– А Осе поклялся, что никогда не выдаст Ясну за юношу с русалочкой на щите.

– Это Ллер, – учтиво исправил её южный граф.

– Это, безусловно, многое меняет.

– Ты даже не представляешь насколько.

Снисходительная улыбка застыла на лице Вечеры.

– У меня складывается впечатление, что вы завели разговор об Осе неспроста.

– Ты догадлива.

– Чего вы хотите?

– Буду говорить прямо. Полагаю, и в твоих, и в моих интересах, чтобы сыночек Элботов перестал путаться у нас под ногами, я прав?

– Весьма прямолинейно. – Вечера откинулась в кресле. Эрнан развёл руками. – Вы предлагаете его убрать?

Мужчина сделал невинное лицо.

– Нет, – возразил он голосом, полным притворной обиды. – Я бы никогда не выбрал подобное выражение. Отставить в сторону. Так моё предложение звучит немного приятней.

Вечера подозрительно прищурилась.

– Так-так, – протянула она. – Так вот в чём истинная причина вашего визита в Эквинский замок. А я думала, вы здесь ради семьи.

– Ради её интересов.

– И в чём же ваш интерес?

– Ты знаешь о моём давнем желании породнить два наши рода. А что для этого годится лучше, чем свадьба? Ангенору нужны кантамбрийцы, и мне бы не хотелось подводить Паденброг под удар, уводя из Туренсворда свои войска, если ситуация на границе с Шеноем накалится, и мне придётся решать её на языке мечей и рапир.

– В Альгарде находится достаточно солдат, чтобы отразить любую атаку Шеноя.

– Любая поддержка будет нелишней.

– Вы ставите мне ультиматум?

– Скорее предлагаю выбор. Я слышал о размере армии Теабрана и о том, что в случае смерти Осе он будет первым в очереди на престол.

– Это спорно.

– А вот я так не считаю. Как не считают и многие графы. Ложный король силён и вцепится в возможность захвата власти. Самрат и вся его хвалёная рать вам помогут едва ли. Тонгейр уже много лет не высовывается за пределы Касарии, и ему глубоко наплевать на Согейра и Альвгрета, а мои войска – прекрасная альтернатива его воинам, но я нуждаюсь в условиях, которые позволят мне оставить часть моих людей в Паденброге.

Его слова отдавались горечью во рту Вечеры.

– Уверена, если бы вы не получили титул протектора по наследству, вы бы сделали это с помощью шантажа. И по-

чему вы уверены, что корона достанется Ясне, а не мне?

– Потому что, в отличие от тебя, мне известны действия Огасовара на несколько шагов вперёд. Ты будешь предназначена наследнику самратского трона, что, кстати, весьма недалёковидный поступок, учитывая неприязнь Тонгейра ко всему ангенорскому. Король, разумеется, ничего этим не добьётся, но самрат получит великое удовольствие, оставив короля Ангенора с носом – опальная принцесса в качестве невестки весьма сомнительный повод для гордости. Но если я прав, то меньше чем через полгода Осе вернёт тебя из изгнания для скорой свадьбы.

Вечера вскочила с места.

– Откуда вы можете это знать?

– О, для этого не нужно быть пророком, Аматаина. – Эрнан подпёр голову кулаком. – Достаточно немножко разбираться во внешней политике. Альвгред неплохой юноша. Он будет тебе славным супругом: он хороший воин, смелый и даст любимой женщине собой помыкать.

Вечера со злостью смахнула свой бокал со столешницы, и красная лужа залила каменный пол.

– Полагаю, ты немного разозлилась.

– Почему всем так не терпится надеть на свою голову корону? А если не надеть, то оказаться рядом? Вы зять королевы. Разве вам этого мало?

– Амбиции, Аматаина, здоровые амбиции. – Эрнан осушил свой бокал и со звоном поставил его у корзины с фруктами. –

Тебе ли не знать, что это такое?

– А, по-моему, вами движет обычная прихоть.

– Называй как хочешь. Я высказал свои условия. Если у тебя есть что-то, чем можно меня заинтересовать, кроме этого, я готов выслушать.

– И как вы хотите, чтобы я это сделала? Просто подошла и перерезала Роланду глотку?

– Уверен, ты жаждешь это сделать и вполне можешь, подвернись удобный случай, но мне не нужна кровь этого борова на руках.

– Так мне действовать уговорами?

– Ты умная девочка, вот и подумай.

– Вы такой же подлый, как Элботы.

– Я забочусь о благосостоянии своей семьи. Заведёшь свою, поймёшь, что ради неё ты пойдёшь на что угодно. В том числе и на не самые честные вещи.

Эрнан Монтонари с семьей прибыл в Паденброг за день до намеченного срока, к чему никто в замке не оказался готов. И это не было случайностью, Осе знал, что Эрнан специально приехал, когда его никто не ждал.

Они прибыли ровно в полдень, с боем колоколов в часовой замка. Хранитель казны не хотел встречать брата, но Корвен уговорил его отложить бумаги и, дабы соблюсти приличия, выйти к гостям.

Братья не виделись несколько лет, но Сальдо встретил Эрнана со свойственной ему прохладой. Он намеревался огра-

ничиться учтивым рукопожатием и вернуться к делам насущным, но получил горячие объятия и традиционные кантамбрийские поцелуи в обе щёки, которые застали казначея врасплох и заставили беспомощно повиснуть в тугих объятиях брата, как тряпичная кукла.

Они были удивительно похожи: оба высокие с одинаковыми гордыми профилями и осанистые, однако в Сальдо работника закрытых помещений выдавала молочная бледность кожи, а хищный нрав – тонкие, будто подведённые кровью губы. Кислое выражение лица, с которым он встретил родню, не оставляло сомнений, что младший Монтонари был не рад снова видеть брата, из чьего душного опаляющего света ему удалось вырваться не без облегчения. Но всё же Сальдо нашёл в себе силы и клюнул в щёки племянников.

– Четта. – Он едва поклонился невестке.

– Сальвадор. – Четта Ферро-Монтонари ответила ему учтивым реверансом.

Он не стал её целовать и будто даже совсем помрачнел лицом, когда она подошла, но женщина тепло улыбнулась, словно совсем не обиделась.

– Как вы перенесли дорогу? – спросил Сальдо.

За время, проведённое на юге, старшая сестра королевы превратилась в пышную женщину с кожей вкусного цвета горячей карамели, оттенённой голубыми с золотой вышивкой одеждами. Как все кантамбрийские красавицы, она носила украшения из изумрудов и жадеитов, и от неё веяло южной

жарой, спокойствием и негой, а чёрные глаза светились любовью.

– Тебе действительно интересно? – также с улыбкой спросила она.

– Нет, я соблюдаю приличия.

– Как ты? – Четта положила обе руки Сальдо на плечи.

– Не стоит. – Он мягко убрал её руки.

– Всё такой же недотрога.

– Мой сюртук уже достаточно помят.

– Всё тот же хмурый грозный взгляд.

– Не всем дано смотреть на мир с щенячьим восторгом, как Лаэтан. Прошу простить, мне пора идти.

Одёрнув помятый братом ворот, Сальдо уже собрался уходить, как вдруг Эрнан остановил его:

– Куда же ты? – Он придержал брата за руку, попав большим пальцем в особенно чувствительное к боли место над локтем.

– Дела. – Казначей поёжился от неприятного прострела в руке.

– Твои дела подождут. – Эрнан незаметно для окружающих чуть сильнее надавил на локоть. – Мы собираемся отдохнуть с дороги, посиди с нами.

Сальдо не подал виду, что ему стало больно.

– В отличие от вас я всё ещё на работе.

Однако безмолвный взгляд брата снова заставил Сальдо вспомнить себя, когда-то живущего на Вилле де Валента

в его полном подчинении.

– Хорошо, – выдернул он свой рукав. – Я останусь. Но недолго. Я слишком занят для бесед.

– По рукам. – Эрнан опустил свою тяжёлую руку на плечо брату.

Сальдо не изнывал от желания общаться, хотя и скрыл своё раздражение. Он погладил ноющий от боли локоть и постарался слиться с белым мрамором стены тронного зала, дожидаясь своей печальной участи.

Четта и Суаве горячо обнимались и болтали в стороне – Сальдо посматривал на них, спрятавшись за колонной. Сестры, некогда похожие друг на друга, теперь, по прошествии нескольких лет, были похожи не больше, чем луна и солнце. Жаркая, румяная Четта что-то возбуждённо шептала сестре и смеялась, и её звонкий порхающий смех дребезжащим эхом отражался от каменных стен. Она была далеко не самой красивой женщиной в Кантамбрии, но, глядя на эту сияющую счастливую графиню, на ум не приходило ничего кроме слова «красавица». Рядом с ней бледная и хрупкая Суаве казалась прохладным лунным светом, гонимым с небосвода палящим кантамбрийским солнцем.

Рядом с Сальдо тихо стояла Золотая Роза и с любопытством глядела на хмурого казначея. Когда он заметил на себе её взгляд, она не отвернулась.

– Что? – Сальдо стал ещё более мрачным.

Девочка широко улыбнулась и протянула мужчине две

ягоды крыжовника.

– Благодарю, не надо, – отказался казначей.

Золотая Роса пожалала плечами, сунула обе ягоды в рот и убежала за соседнюю колонну, откуда продолжала вести свои наблюдения за Хранителем казны.

Пока две совершенно разные женщины, разделённые годами разлуки, обнимались и вытирали слёзы счастья, Эрнан крепко сжимал в объятиях племянниц жены. Ясна отнеслась к подобной фамильярности осторожно, потому что по правилам этикета обнимать королевских особ разрешалось только с их разрешения, и, приняв щедрые объятия и поцелуи, поспешила отойти в сторону, а позже и вовсе улизнула в конюшни, где её уже ждал Влахос, которого она попросила сопровождать её на прогулке по городу.

Осе косился на южан, и всё его естество бунтовало против их панибратских обычаев. Особенно ему стало не по нутру, когда Эрнан, по традиции, взял в ладони лицо Суаве и крепко поцеловал в обе щеки. Никакого чувственного подтекста в этих поцелуях не было, но король почувствовал, будто что-то царапнуло его изнутри. Этот поцелуй был обычен для Кантамбрии так же, как поцелуй руки в Ангеноре, и всё же Осе было неприятно, что губы чужого мужчины прикоснулись к его королеве.

Когда они все вместе вышли в сад, Вечере показалось, что Монтонари приставил к её шее кинжал. Она не хотела смотреть, как расплывается в фальшивой елейной улыбке южный

граф, и обрадовалась, когда Лаэтан, подгоняемый её намёками, попросился в конюшни. Вечера предложила кузенам покататься по городу, и они, тоже порядком уставшие от шумного отца, согласились.

У конюшен Инто вывел им трёх коней: Велиборку для принцессы и двух лошадей для гостей.

– Это подарок Осе, – сказала Вечера, подводя кузенов к животным. – Этого, – она указала на бурого скакуна с тонкими, как тростинки, ногами, – зовут Виверо, а эта караковая красавица – Сольсе. Они из конюшен Ревущего холма. Хозяин назвал их «Жизнь» и «Солнце». Теперь они ваши.

Слабостью Лаэтана и Аэлис всегда были лошади, и именно по этой причине Вечера уговорила короля купить кузенам этих скакунов, а Нила договорилась с братом, чтобы он выбрал для наследников Кантамбрии лучшую пару. Брат и сестра, обрадованные подарками, уже через минуту скакали верхом по внутреннему двору. Золотой Росе, которую Аэлис уговорила покататься с ними, выдали пегую лошадку.

– Теперь в город. – Вечера позвала солдат открыть ворота.

– А как же Альвгред? – поинтересовался Лаэтан. – Я думал, мы покатаемся вместе.

– Он сейчас на плацу, – ответила Вечера. – Он мой будущий муж, но никто не освобождал его от военной обязанности всюду следовать за своим командиром. – И прищпорила Велиборку.

Она показала им площадь Агерат и все пять мостов Па-

денброга – мост Ворожеи, Сапфировый мост, мост королевы Сегюр, переправу Турдебальдов и Мост Дождей, провела вдоль городской стены и завела на рынок. У дома с голубыми ставнями кобыла Золотой Росы споткнулась и заржала, и всем пришлось сбавить ход. Когда лошадь повредила ногу, маленькая служанка заметила, как в окне одного из домов мелькнуло страшное лицо какого-то мальчика, и едва не отбилась от хозяев, но её окликнул Сеар, приставленный для охраны, и подогнал к остальным.

Проезжая вдоль набережной, Вечера заметила разодетую, как на пир, Ясну, неспешно ведущую Ситри вдоль воды. Она о чём-то разговаривала с Влахосом, и только слепой мог не заметить, с каким отчаянием девочка глядела на своего охранника, ожидая его внимания. Он же едва глядел на неё и держал Багряна немного позади принцессы, отчего той приходилось постоянно оборачиваться, чтобы обратиться к нему. Вечере было почти её жаль. Она бы никогда не подумала, что когда-нибудь соперницей её сестры за место в сердце мужчины окажется какая-то служанка.

– Как пройдёт венчание? – неожиданно спросила Аэлис. Ей самой не терпелось выйти замуж, поэтому её интересовало всё, что касалось свадеб. – После смены религии всё, должно быть, изменится?

– Ещё бы, – ответил за принцессу Лаэтан. – Ангенор поклоняется богам Норинат, а у Единого Бога свои традиции. Церемония пройдёт совсем по-другому.

– Да, – ответила Вечера, – я приму иного Бога, и церемония пройдёт по новому обычаю, но её проведут на площади Агерат перед ликами пяти богов – кирха пока не достроена. Вон она. – Вечера указала в сторону, где из-за черепичных крыш выглядывали деревянные леса. – Чтобы отдать честь старой традиции, мою кожу перед церемонией разрисуют древними бокставами, но никаких венчальных браслетов и порошка из бычьего рога не будет, только четыре кольца и вино.

– А на Эвдоне, – Аэлис вспомнила старую книгу, – молодых женят на самом старом пне в округе, который служит алтарём. Жених и невеста держат по горящему факелу и обмениваются ими, чтобы потом развести большой костёр, вокруг которого и совершается праздник. Отец жениха режет самого лучшего быка или барана и угощает им гостей, а мать невесты готовит на всех рис и печёные перцы. В один кладут ложку соли. Говорят, кому он достанется, тот станет богатым. Саму церемонию проводит глава деревни, там же нет архонтов.

– С чего бы им там быть? – Лаэтан подмигнул симпатичной конопатой прачке. – На Эвдоне вместо богов Даимахи. Но и им далеко до Касарии. Вот уж удивительный народ эти дикие северяне. Исповедуют Святую благодать, а обычаи варварские, какими были ещё на заре человечества. Когда-то женщины там имели право голоса и могли сами выбирать себе мужей, но край тот суровый, и жить там туго. Всё

чаще женщин выдавали замуж не за того, кого они любили, а за того, кто мог принести домой еду и защитить от хищников. Невесты часто сбегали накануне свадьбы. Чтобы этого не происходило, девушкам подрезали стопы. Иногда так старались, что они навсегда теряли возможность ходить. Сейчас желающих сбежать от жениха почти не осталось: попробуй выживи среди снежной пустыни, но традиция подрезать женщинам стопы существует до сих пор.

– Не хотела бы я родиться в Касарии, – содрогнулась Аэлис. – Хорошо, что вы с Альвгредом любите друг друга, и ты от него не сбежишь, иначе его отец мог бы соблюсти обычаи своего народа.

– А у нас на юге молодожёнов венчают, стоя по щиколотку в большом тазу с вином, – перебил сестру Лаэтан, – и когда жених и невеста произносят клятвы верности, гости поливают их вином из своих кубков. Так венчали маму и папу. А ты знаешь, что отец распорядился повторить церемонию снова на двадцатилетнюю годовщину? Он снова попросил маму стать его женой, и архонт снова провёл церемонию. В честь праздника папа приказал пустить вино по фонтанам Альгарды. Представляешь, белоснежные мраморные фонтаны по всему городу, а вместо кристально-чистой воды из них бьёт алое вино. Блестит на солнце, пенится! Когда мама и папа в красивых свадебных шелках стояли по колена в вине и снова давали клятвы, сестра даже пятнами покрылась от зависти.

– И вовсе я не завидовала, – возразила девушка.

– А вот и завидовала. Я видел, – сморщил нос её брат. Они вовсе не ссорились, но поддевать друг друга безобидными колкостями было их излюбленным увлечением.

– Докажи.

– Тут и доказывать ничего не надо. Ты сама мне сказала.

– Нет.

– А вот и да.

– Не было такого.

Лаэтан обернулся к принцессе.

– А всё потому, что сестра тоже хочет поскорее под венец.

Она ещё ни в кого не влюблена, а замуж уже не прочь.

– Разве это плохо? – обиделась Аэлис.

– Многие девушки только и мечтают быстрее выйти замуж, – ответила Вечера. – Ради красивого платья и церемонии, но потом наступают будни, и вместе с ними приходит необходимость молча рожать, пока супруг управляет твоей жизнью.

– А у нас в Альгарде не так, – сказала девушка. – Если в семье глава – женщина, никто и не подумает смотреть на неё косо. Вон, Виттория-Лара владеет всем Шеноем, и едва ли её муж хочет занять её место. Как она сказала, так и будет. По её приказу в Шеное начали открывать школы для бедняков, как в Кантамбрии. Сейчас в пределах гор Ла Верн мало кто не обучен грамоте и знает меньше двух языков. Даже Золотая Роса знает язык немых Кантамбрии и Ангенора.

Все трое обернулись на служанку и увидели, что она уже оставила свою лошадь и теперь сидела позади Сеара, обхватив сурового охранника тонкой ручкой. Её кобыла хромала позади.

– Отец настоял, чтобы и мы говорили на этих языках, а ещё на касарийском и эвдонском.

При этих словах Аэлис сморщилась, как изюм, что не оставляло возможности усомниться, что эти уроки не нашли отклика в её душе.

– В наших школах, – продолжал Лаэтан, – тоже есть возможность изучать эти языки. А ещё математику, астрономию, науку о камнях...

– Неужели?

– Отец говорит, что образование даёт человеку возможность мыслить шире. Конечно, в Кантамбрии полно тех, кто ограничивает себя примитивным трудом, но много и таких, кто ищет что-то большее. Например, наш придворный ювелир – сын обычного гончара и прачки, который жил в крошечной деревне у подножья Вороньего пика. Если бы дед не утвердил закон о школах, этот человек сейчас бы копал руду и днём, и ночью в кромешной темноте и умер бы там, зарабатывая гроши, а теперь ему служат и кланяются.

– В Паденброге тоже есть школы, – без гордости ответила Вечера, – но их мало. Осе тратит больше денег на строительство кирхи и содержание армии.

– И почему людям не живётся в мире друг с другом? –

вздохнула Аэлис. – Неужели всем есть дело до того, во что верят окружающие? Вот мне лично всё равно, в каких богов верит вот та девушка, – она указала на торговку цветами, которая в тот момент продавала гортензии статному господину. – Или даже те, которые ездят верхом на волках...

– Ты о баладжерах, что грабят Вильхейм? – нахмурился Лаэтан, и в его голосе прозвучала нотка отвращения. – Они дикари и живут они в пещерах. Они вообще ни во что не верят, кроме наживы. Отец рассказывал о них – они бесчестная свора бандитов. Волки ночей, что с них взять? Они дерутся топорами и убивают солдат короля, чтобы украденную соль растащить по пещерам. Эти дикари живут в горах за Долиной королей в Псарне, наполовину состоящей из вонючих загонов, где они держат полуголодных и злющих волков. У них нет ни полей, ни скота. Не удивлюсь, если они жрут друг друга, когда не остаётся еды, или жрут своих лютов.

– В последний раз они напали на наш обоз ещё до моего возвращения в Паденброг, – подтвердила Вечера. – Солдатам удалось схватить одного, но он откусил себе язык до того, как они успели выяснить, где находится их логово, а без этого можно годами бродить по Диким горам и ничего не найти.

– А разве Согейр не устраивал засаду? – спросила Аэлис.

– Пытался когда-то, – ответила принцесса. – Но эти дикари всегда оказывались хитрее, и если и попадались, то заложник всегда откусывал себе язык и истекал кровью прежде,

чем начинал говорить. Никто из королей не мог с ними совладать. Хотя при моём отце всё же наступил непродолжительный мир. При очередном нападении на Вильхейм кирасирам удалось взять в плен младшего сына Б'аджа и затолкать ему в рот кляп до того, как он откусил себе язык. Отец и Б'адж встретились в Ущелье теней и заключили мир. Отец дал ему на откуп три тележки, полные доверху солью, в обмен на обещание больше не нападать, и обещал давать такие телеги каждые два года. В противном же случае отец оставлял за собой право казнить сына Б'аджа. Жаль, он тогда ещё не знал, насколько этот мир окажется шаток.

– Почему? – спросила Аэлис.

– Потому что ровно через месяц Корвен, наш камергер, увидел, как этот мальчишка направил в горы почтового сокола с запиской. Отец устроил допрос, что содержалось в письме, но тот откусил себе язык, а в ту же полночь на Вильхейм напали. На одном из трупов кирасиров была найдена записка, где было написано, что сын освобождает отца от необходимости следовать обещанию. С тех пор Волки ночей продолжают нападать на крепость.

– Говорю же – дикари, – хмыкнул Лаэтан. – Они живут, чтобы убивать. Единственный способ прекратить вражду между ними и кирасирами – истребить всех до единого.

– Какой ты жестокий! – оскорблённо воскликнула Аэлис. – Разве так можно?

– Это единственный способ защиты.

– И нашу служанку ты бы тоже убил?

– Золотую Росу? – удивился Лаэтан.

– Её мать была баладжеркой. Послушать тебя, так тебе всех их перебить не жалко. Ты убил бы и её?

Лаэтан растерялся.

– Нет.

– Тогда почему ты говоришь, что всех баладжеров нужно убить? Это жестоко. Разве этому нас учил отец?

– Нет.

– Тебе должно быть стыдно.

Лаэтану уже было стыдно.

– Золотая Роса очень хорошая девочка. Тихая, милая. Скучает по матери. А ты – «перебить всех баладжеров».

– Но они же бандиты! – Юноша попытался отстоять свои убеждения. – Наглые разбойники!

– А мы? Кем были наши войска, когда грабили Скорпионью нору, когда Кантамбрией правил прадед и расширял свои земли на западе? Его солдаты точно так же нападали на дома, грабили и убивали. Увозили сокровища в Альгарду. Они разве не были бандитами в глазах жителей города?

– Я не знаю, – потупил глаза Лаэтан.

– А как выглядела наша армия, когда насильно забирала подати с рынков Аквамариновой бухты? Они налетали на рынки и устраивали погромы, будто нельзя было обойтись без жертв. Кантамбрийцы до того, как на престол южных земель сел дедушка, были настоящими дикарями! Призывать

к убийству целого народа – вот настоящая дикость.

– Побывала бы ты в Соляной башне – заговорила бы иначе, – обиженно пробурчал Лаэтан.

– Баладжеры, между прочим, нападают только на воинов, – упрямилась девочка. – Если они дикари, почему они не грабят деревни близ Вильхейма? Почему? Там живут безоружные люди, только ремесленники и пастухи. Милое дело – грабь и забирай урожай, но баладжеры нападают только на Вильхейм, где у каждого солдата есть заточенный ксифос. Ты не находишь это странным? Не находишь? А я нахожу. Золотая Роза говорит, что баладжер никогда не проливает кровь незаслуженно. Они поклоняются Саттелит, как эллари, а это значит, что за невинную жертву, на чьих руках нет крови, они будут обязаны отплатить равноценно. Ложный король истребил целый город, убил безоружных, убил монахов, но ты хотя бы раз слышал, чтобы баладжеры совершили что-то подобное? Нет, они нападают только на тех, кто может защититься. Да, они нападают на башню, да, увозят запасы соли, но за всё время они не убили ни одного слуги. И ты зовёшь их дикарями?

Лаэтан и Вечера поджали губы и не ответили.

Глава 17

Тёмные воды

Когда солнце спустилось за горизонт, все Королевские кирасиры, близко знавшие жениха, пьяной гурьбой заспешили в город. Сам сын легата не хотел идти в Миртовый дом, но двум кирасирам, невзирая на его попытки улизнуть, всё же удалось надеть ему на голову венок из цветущих плюмерий, а затем усадить на стул и понести в приют любви на плечах, подобно рабам, несущим эвдонского постула.

– Ну зачем вы меня сюда притащили? – сердился Альвгред, отбиваясь от ласковых рук миртовых птичек, которые начали стягивать с него кирасу, едва его стул опустился на мозаичный пол огромной гостиной. Глядя на сочных красавиц, единственной одеждой которых были густые нитки разноцветных бус и шёлковая полоска ткани на бёдрах, Альвгред чувствовал себя ужасно виноватым за то, что молодая кровь его уже бурлила желанием поскорее увидеть, какая красота спрятана под ними. Он злился на собственную похоть, но успокивал себя мыслью, что совсем скоро в его

постели окажется самая желанная девушка в Ангеноре, а пока... пока. И всё же он никак не мог отделаться от липких лап совести.

Гостиная была пропитана терпким ароматом цветов и пряностей, запахом кантамбрийского вина и надушенного мускусом женского тела. Воины – те, что ещё были недостаточно пьяны, – лежали на подушках в объятиях полуголых или голых девиц, те же, что уже порядком опьянели, плескались в круглой купальне вместе со своими любовницами. Захмелевший Войкан что-то тихо мурчал на ушко своей любимой Ласточке, а она звонко смеялась, прикрыв пухлые губы ладошкой. Марций сидел на огромном бархатном пуфе, обхваченный длинными ногами Малиновки, и залпом осушал один кубок за другим, что на него было совсем не похоже, будто бы эвдонец пришёл в Миртовый дом ради вина, а не за умелыми ласками.

– Тебе не нравятся птички? – В его голосе словно притаилась какая-то злоба. – Тогда, может быть, нам с Войканом стоило купить тебе на эту ночь тройку птенцов? Для разнообразия.

Он стиснул коленку Войкана, а лучник растянул губы в медовой улыбке и послал эвдонцу воздушный поцелуй.

– Идиоты, – обиделся Альвгред, но его ругань растворилась в волне мужицкого хохота. – Я завтра женюсь! – Он попытался удержать на себе рубашку, но проиграл в борьбе с Синицей. На его груди заблестела золотая четырёхконеч-

ная звезда. – Я утром поклялся на «Четверолистнике» в присутствии Ноэ, что буду верен Вечере. Я не могу, я обещал!

– Альвгред, милый, – надула губки птичка и положила его руку себе на грудь. – Что у твоей Вечеры есть такого, чего нет у меня?

– Но я больше не имею права!.. ах...

Гибкая рука Синицы скользнула ему за пояс брюк.

– Не пей так быстро, ты сразу напьёшься, и я засучаю. – Малиновка забрала у Марция кубок и поцеловала в шею.

– Извини, – буркнул он и потянулся за бутылкой. – Альвгред, ты же понимаешь, что твои протесты бесполезны? Или клятва верности лишила тебя мужской силы?

– Нет, не лишила, – ехидно буркнул Альвгред. – Но я лишусь права на душу, если буду изменять!

– То, что творится в тени щита Ильдерада, недоступно взору Единого Бога, забыл? – заметил Марций. – Не смущайся – наслаждайся, мальчик мой, потому что с первым лучом солнца эти двери для тебя будут наглухо закрыты, а птички будут брезгливо отворачиваться, заприметя тебя через окно. А пока ты свободен, свободен, как птица.

Кто-то из кирасиров громко расхохотался, и Альвгред обиделся на такую несправедливость. Конечно, он с юности мечтал жениться только на Вечере, но почему он должен был отказывать себе в ласках и других женщин? Все женатые кирасиры дневали и ночевали в Миртовых домах, почему он должен был стать обидным исключением, как его отец, ко-

торый добровольно закрыл для себя двери дома терпимости, когда женился? Альвгред никогда не собирался следовать его героическому примеру и держать бычка на привязи, и теперь злился на собственную клятву. Не надо было потакать невесте. Ох, не надо было. Он очень жалел, что поддался её уговорам. Настоящий касариец никогда бы не дал себя уговорить против воли, но... что творится в тени щита Ильдерада, недоступно взору Единого Бога.

В ту ночь воины отгуляли как в последний раз. Марций, несмотря на настойчивые просьбы Малиновки, напился больше обычного и уснул, не дождавшись её ласк. Обиженная, она тут же подняла его, почти бездыханного, на смех и поспешила присоединиться к веселью в общем зале, оформленном, как шенойская баня. В особенные ночи, как эта, солдаты на деньги никогда не скупились, и прежде всего те, кому на следующий день предстояло расстаться со своей свободой. Малиновка без особых усилий отвоевала своё право на жениха и применила все чары, чтобы завлечь его в свои сети, а Альвгред наконец понял всю бесполезность своего сопротивления и позволил четверым красавицам делать с ним всё, чего они хотели, позабыв о невесте и всех, кто остался в этом городе за стенами Миртового дома.

Вечера же в ту ночь глаз не сомкнула, и всё внутри неё холодело от мысли о предстоящей церемонии.

Рано-рано, когда город ещё утопал в густой морозной темноте, к ней в комнату тихо вошла Данка. Она принесла ру-

башку для обряда и сказала, что отец Ноэ уже ждёт принцессу во дворе.

Ноэ был очень добрым человеком и странным священником, это за ним заметили ещё в самом начале.

Когда наследница трона пришла к нему с просьбой провести омовение и надеть ей на шею звезду, он не обрадовался, как сделал бы любой другой слуга Единого Бога, а тяжело вздохнул:

– Не обижайтесь, моя принцесса, но вы торгуетесь с богами. Для вас вера не ценнее кубка обычной воды.

– Кубок с водой тем ценнее, чем дольше человек проводит вовсе без неё.

– Не сравнивайте своё желание завладеть короной с убивающей жаждой. Я знал людей, которым было знакомо и то, и другое, и ваша жажда – всего лишь каприз.

– Так вы мне отказываете? – Красивое личико принцессы потемнело от злости.

– Нет, моя принцесса, кто я такой? Но как духовник королевы и ваш будущий духовник я обязан вас предупредить. Вы хорошая девушка, но не гонитесь за короной. Вы приобретёте меньше, чем потеряете.

– У меня ничего нет.

– О, это не так, но в природе человека всем сердцем желать того, что ему совсем не нужно...

Его слова будто эхом прозвучали у неё в голове.

Вечера посмотрела на Данку, будто не совсем узнавая.

– Помочь вам переодеться? – спросила служанка.

Вечера молча кивнула.

– Ой, что это? – воскликнула Данка, увидя огромные синяки на руках будущей королевы. – Вы ударились?

– Билась с Марцием на мечах. Ерунда.

Данка покачала головой:

– И зачем вам это нужно?

– В наше время нужно уметь себя защищать.

Рубашка из воздушного хлопка балахоном закрыла аккуратную фигуру принцессы.

– Так что у тебя с Влахосом? – спросила Вечера, когда служанка расчёсывала ей волосы перед зеркалом. – Бродяга в последнее время хвостом за тобой ходит. Уже, наверное, и забыл, что служит не тебе, а королю.

Девушка покраснела.

– Ничего.

– В него влюблена моя сестра, ты знаешь?

– Знаю, моя принцесса.

– А он её не замечает.

Данка стыдливо промолчала.

– Будь с ним осторожна, – предупредила принцесса.

– Почему?

– Он мужчина. Им всем нужно от таких дурочек, как ты, одно и то же.

– Влахос не такой, – мягко возразила Данка.

– Неужели солдаты Теабрана тебя ничему не научили?

– Влахос – не они.

Вечера хмыкнула.

– Все мужчины ниже пояса одинаковые.

– Я знаю, что ему нужно от меня, – смущённая улыбка скользнула по личику служанки, – но я также знаю, что он меня не обидит.

– Откуда?

– Откуда и вы знаете, что в Туренсворде есть всего один человек, который никогда не обидит вас. Вы верите ему, а я верю Влахосу.

– Это другое.

– Почему? Они оба охраняют нас. Влахос в замке, другой – вне его. Если не им, то кому тогда можно доверять?

Вечера посмотрела в зеркало и тронула огненный камень на груди.

– Я хотела поблагодарить вас, моя принцесса. – Данка отвлекла Вечеру от мыслей о том, кто подарил ей этот камень.

– За что?

– За новую кровать в моей комнате. Она гораздо удобнее старой. Но вы были совсем не обязаны.

– Я решила, если ты здесь задержишься, то тебе будет удобнее спать на новой кровати. Старая совсем продавилась. Корвену случайно проговорился кто-то из слуг, а от него узнала я. Почему ты мне сама не сказала?

– У вас довольно и своих забот. Зачем вам ещё и мои?

– Не думала о себе – подумала бы о Влахосе. Каково ему

будет завалить тебя на той жёсткой лавке без перины?

Данка залилась краской:

– Мы с ним не настолько близки.

– Это дело времени. – Вечера спрятала камень за ворот рубахи. – Ты же в него влюблена? – Переливчатые лабрадоровые глаза с любопытством смотрели на Данку через зеркало. – Интересно, что такого в этом Бродяге, что девушки при упоминании о нём краснеют? Безродный наёмник, к тому же без гроша за душой. Неужто всё дело во внешности? Но в армии есть мужчины гораздо красивее.

– Я не знаю, – честно ответила Данка. – Но одна красота ничто без души. А она у него есть. – Её сердечко вспыхнуло и налилось теплотой.

– По-твоему, он уже получил душу? За какие такие страдания? Влахос – не тот, кто ближе всех к вашим четырём добродетелям.

Вечера брызнула смехом, но быстро остановилась.

– Прости. – Она промокнула накатившие слёзы. – Но душа у Бродяги – это так глупо.

Данка всё же обиделась.

– Вы не смотрите людям в глаза, поэтому смеётесь. – Она скрыла свою обиду и продолжила расчёсывать чёрную прядку длинных волос. – А в них вся правда.

– И в моих?

– И в ваших. Хотите, скажу, что я в них вижу?

– Лучше скажи, что ты видишь в глазах своего ненагляд-

ного.

– Скорбь, – ответила Данка.

– Влахос Бродяга хладнокровнее змеи на своём щите. Он жестокий садист, который выполняет за короля всю грязную работу, – отрезала Вечера. – Ты знаешь его несколько недель, а я – несколько лет. Он не тот, кто тебе нужен.

Данка ещё больше покраснела и потупила взгляд. Её губы задрожали.

– Наивная, наивная Данка.

– Да, я наивная, – тихо согласилась она с жестокими словами принцессы. – Но и вы во многом неправы. Когда он смотрит на меня, я как будто становлюсь красивее. Я будто расцветаю. А когда он смешит меня, я снова счастлива, будто в моей жизни не было того страшного огня и крови. Всё будто исчезает, растворяется в былом, и больше ничего не важно. Вы когда-нибудь испытывали что-то подобное?

Вечера подумала.

– Не знаю.

– Значит, нет. Ваш будущий муж, Альвгред, у него глаза светятся, когда он смотрит на вас. Разве вам не становится тепло от этого на душе?

Вечера покачала головой.

– И вы его совсем не любите?

– Не больше, чем друга. В моём положении любить – непозволительная роскошь. Отец был величайшим полководцем со времён короля Ардо I, он не проиграл ни одного

сражения, люди его боготворили, но стоило ему полюбить маму, как он превратился в обыкновенного человека, который погиб в первом же сражении. Мой дед любил женщин, и это его сгубило. Любовь делает королей смертными.

– Ваш отец. Эту фразу приписывают вашему отцу. Говорят, это было последнее, что он произнёс перед смертью. Но это не конец этой фразы. Он сказал, что любовь делает королей смертными, но его жизнь была бы вполнину бессмысленней, умри он раньше, чем встретил Суаве.

Принцесса нахмурилась и обернулась.

– Кто ты?

На секунду руки служанки застыли, придерживая чёрную прядь.

– Хранитель ключей разрешил мне брать книги из библиотеки.

– Чтение – редкое умение для швейки, которая выросла в северной глуши.

– Я выросла в Кантамбрии. Там мало кто не умеет читать.

– Так ты кантамбрийка? Ты слишком светлокожая.

– Моя мать была с Холодных островов, а отец с Эвдона.

Я родилась на юге острова, потом родители сбежали отсюда в трюме «Чёрной Капитолины» и поселились в Скорпионьей норе, потом мы жили в Заречье, потом уехали в Негерд. Я не эвдонка, не шенойка, не камтамбрийка, не ангенорка – я бродяжка.

Принцесса несколько секунд смотрела на служанку, затем

отвернулась.

– Теперь я понимаю, что ты нашла в этом Влахосе. В любом случае я согласна с отцом. Стоит кого-то полюбить, и ты становишься уязвимым, и всё вокруг тебя разваливается на части. Я не могу себе этого позволить.

– Даже если это сделает вас счастливой?

– Я не знаю, что такое счастье, – ответила Вечера. – Поэтому, если это моя цена за корону, я её заплачу.

Широкая дорога, ведущая от Туренсворда к парадному спуску реки через Верхний город, в предрассветной темноте озарилась огненной полосой сотен мерцающих огней, которые жёлтыми светлячками неспешно тянулись вниз. Двести юных дев, нетронутых невест архонта, Полудниц, одетых в белые одежды, грустными призраками медленно спустились к реке и тихо распевали «Морген-эрею». У свидетелей шествия мурашки бежали по коже от полных безысходности слов древней молитвы, посвящённой усопшим, и они с опаской смотрели им вслед, потому что хоронить они шли ещё живую.

Полудницы шли медленно, будто паря над брусчаткой, и несли над головами длинные зажжённые факелы из бронзы и серебра. Возглавлял шествие архонт. Это был далеко не молодой мужчина с глубокими морщинами на лбу. Его кожа была опалена жарким ангенорским солнцем, а глаза сияли в свете факелов, как гранёные изумруды. На его крепкое поджарое тело была накинута сиреневая туника с золо-

тыми завязками, а голову с длинными седыми волосами венчала диадема с бокставами. Он опирался на ольховый, овитый змейками посох и вместе с Полудницами тихо пел глубоким низким голосом. Вечера шла босиком рядом с ним и несла венок из алых гербер, цветов прощания. В тёплом свете факелов она выглядела почти ребёнком, но со взрослыми глазами, который покорно шёл навстречу своей судьбе. Позади неё следовал Ноэ, одетый в свою обычную рясу из грубой чёрной ткани.

Мало кто в городе хотел пропустить церемонию омовения. Горожане на протяжении всего пути, едва услышав пение, наполовину высовывались из окон, перегибались через перила балконов и иногда даже выкрикивали оскорбления.

Король с королевой и Ясна шли в самом конце. Для младшей принцессы таинство омовения было чем-то странным и диким, потому что оно повторяло церемонию прощания с покойниками – её сестра умирала для пятерых богов. Сотни девушек в темноте, в которой боги, не ослеплённые солнечным светом, видят всех людей как на ладони, казались Ясне скорбными привидениями, которые провожали её сестру. Воздух за ночь остыл и кусался. Было зябко. Ясна передёрнула плечами. Вот бы сейчас рядом оказался Влахос и укрыл её своим плащом.

На небосводе широкой полосой простирались длинные локоны Саттелит и мерцали мириадами серебряных звёзд.

Люди, те, кто носил четырёхконечные звёзды, начали об-

ступать шествие плотной толпой, чтобы люди с бокставами не закидали принцессу камнями. Где-то завязалась драка, и несколько Ловчих во главе с Сеаром поспешили туда. Одна из Полудниц подняла связку благовоний и подожгла, окутив идущих горько-сладким дымом. Зазвучали барабаны.

Руна тревожилась лёгкой рябью. Сначала Вечера, потом и все Полудницы спустились по ступеням и шагнули в воду. Тёмные воды оказались холоднее, чем ожидала Вечера, и она вздрогнула от неожиданности. Принцесса подняла венок и, подхватив подол рубахи, чтобы он не задрался, когда она войдёт в реку, сделала несколько шагов, пока не оказалась по пояс в воде. Остальные девушки запели громче и обступили принцессу со всех сторон, волнуя воду вокруг. Десять Полудниц зажгли о факелы принесённые белые свечи и воткнули их в венок принцессы. Сердце Вечеры забилось быстрее, когда девушки набрали в руки воды и стали поливать её, пока вся она не промокла до нитки.

– Принцесса, – шепнула на ухо Ясне Данка, – пойдёмте к воде.

– Зачем?

– Желания, – напомнила ей девушка. – Сейчас самое время.

И протянула Ясне венок из полевых цветов, что сплела днём. Суаве и Осе отпустили дочь, наказав Влахосу сопровождать их, и девушки поспешили к воде.

Слева от спуска, где проходило омовение, уже стояло

несколько десятков взволнованных девушек, кто старше, кто младше принцессы, служанки и дочери придворных, и каждая держала в руках по венку.

– Ночь, – говорил кто-то с благоговением, – лучшее время загадывать желание. Говорят, когда на небе видны локоны Саттелит, оно обязательно сбудется.

– Разве ты тоже веришь в Саттелит? – Ясна с недоверием осмотрела венки.

– Я верю, что в особенные ночи желания могут сбываться.

Тем временем Полудницы потушили свои факелы и отдали их одной, которая вынесла их обратно на сушу. Они разомкнули круг вокруг принцессы и, взявшись за руки, расступились, образовав дорогу к берегу. С севера подул ветер и затрепал на голых телах промокшие рубашки. Архонт перестал читать прощальные молитвы, зажёл принесённый длинный факел из трав и ступил в воды Руны. За ним в воду зашёл и Ноэ.

Архонт поднял факел и обрисовал над головой принцессы круг. Вдруг из пламени упала лучинка и обожгла плечо девушки. Полудницы ахнули, Вечера схватилась за руку и едва не уронила венок.

– Боги поцеловали её, – громко провозгласил жрец. – Боги поцеловали невесту. Они отпускают её.

Леди Полудня, всё это время стоявшая у спуска, прикусила губу. Через огонь говорили не все боги, а лишь Хакон. Бедная девочка.

Помимо Гезы, за Вечерой следили сотни глаз, среди которых были и любопытные глаза Золтана, и жадные глаза Роланда. Эти двое, не зная друг о друге, стояли на противоположных берегах реки и смотрели сквозь чёрное пространство на девушку, окутанную приглушённым светом, и пожирали её взглядом, как голодные хищники.

Вечера сняла с шеи свой старый серебряный бокстав, нацепила его на украшенный горящими свечками венок и опустила на воду. Лёгкий толчок, и он поплыл вниз по течению, как яркая цветочная звёздочка, унося за собой всю её прошлую жизнь. Ноэ подошёл к ней сзади и надел ей на шею четырёхконечную звезду. Затем положил ей на лоб широкую морщинистую руку, мокрую от воды, и начал читать молитвы. Когда он закончил, то попросил принцессу глубоко вдохнуть и бережно опустил её в воду с головой. Вечера закрыла глаза и представила, подавив испуг, что не находится сейчас под водой, окружённая тьмой. Когда её лицо, наконец, оказалось на поверхности, принцесса облегчённо вдохнула морозный ночной воздух и убрала с лица мокрые волосы.

Вместе с её венком по течению поплыли и венки девушек, стоящих у спуска. Кто-то вошёл в воду, чтобы пустить свой венок, кто-то бросал свои с берега. Ясна разулась и зашла в воду по щиколотку. И будто все её надежды вдруг перешли на цветы в замёрзших руках. Она посмотрела в сторону Данки, чей простенький венок из васильков уже плыл по реке, и чуть не заплакала. Она опустила цветы в воду и зажмури-

лась.

– Пусть Влахос будет со мной! – шептала она будто самой Чарне на ухо, и сердце её зашлось от стука. – Пусть он будет со мной, а не с ней! Прошу, богиня-колдунья, богиня Чарна, услышь меня! Возьми что хочешь. Пусть он увезёт меня отсюда. Пусть Влахос будет со мной...

Она открыла глаза и увидела, как чёрное небо лизнул безучастный холодный рассвет. И никакого знака, что послужил бы ей ответом. Никакого. Влахос всё так же любовался Данкой и что-то ей говорил, а в ответ ненавистная служанка улыбалась, и щёчки её горели, как яблочки. Чувство глубокого беспроглядного одиночества холодным камнем легло на грудь Ясны. Принцесса отвернулась к воде и заплакала.

Незадолго до полудня, когда до обряда бракосочетания на Агерат оставалось два часа, за окном, в стороне Ворот Мира неожиданно послышался громкий звук, который привлек внимание всех, кто его слышал. Это были вовсе не звонкие горнизы, как у графов Ангенора, а трубы, разносящие по округе низкий утробный гул.

– Кто это? – встревожилась Суаве, которая в это время наблюдала, как слуги помогают Вечере надевать свадебное платье.

– Неужто Теабран тоже решил заглянуть на свадьбу? Слышала, он любит праздники, – предположила Вечера, но никто не отреагировал на её неуместную злую шутку.

Королева поспешила вниз и подбежала к окну. Никто

из дозорных не держал в руках горниз, что означало бы приближение недруга, все они внимательно глядели вдаль. Она прильнула к стеклу. На горизонте происходило какое-то движение. Это была большая чёрная точка. Она стремительно росла и разбивала вокруг себя облака пыли.

– Он приехал! – окликнул её запыхавшийся Корвен. – Дозорные только что сообщили: на чёрных флагах медвежья морда! Это самрат! Он приехал на свадьбу!

Королева бросилась к Осе.

– Я знаю, мне уже сообщили! – Встревоженный король поспешил занять своё место на троне. – Я распорядился, чтобы самрата встретили и сопровождали сюда. Где придворные? – крикнул он слугам. – Быстро всех сюда! Вырвала бы Чарна сердце! Он не ответил ни на одно из моих писем, ни на одно приглашение, а теперь заявляется! Проклятый берложник! Почему нам не доложили из Столпов? Не мог же он пройти мимо башен незамеченным? Где Вечера?

– Ей наносят обрядные бокставы, – ответила Суаве.

– Ну почему именно сейчас? О боги, что, если всё было впустую?! – в сердцах воскликнул король. – Что, если он откажет нам в помощи?

Суаве поспешила успокоить мужа:

– Не думаю, что Тонгейр забрался в такую даль только для того, чтобы плюнуть в лицо королю.

Осе оскалился.

– От касарийцев можно ждать чего угодно. Где Ясна?

– Я здесь. – Младшая принцесса, подхватив нежно-розовые атласные юбки, пробежала в распахнутые двери и поспешила занять своё место рядом с тронном короля. Никто не заметил её припухших заплаканных глаз. – Мне только что сообщили. Согейр и Альвгред уже идут.

Всюду царил суматоха.

Легат и кирасиры появились в тронном зале уже через минуту и встали рядом с тронном кронпринца. Волосы Альвгрета всё ещё были влажными. Прошлая ночь не прошла для него без следа, а потому всё утро мать приводила сына в чувство холодной водой. Справа на шее у него красовался вульгарный синяк, который юноша старался прикрыть воротником, стыдясь, что его заметит Вечера. Но ещё больше он стыдился того, что когда-нибудь его любимая узнает, какие вещи он позволял себе делать с Малиновкой. Он бы никогда не позволил себе попросить Вечеру о чём-то подобном и приказал себе забыть прошлую ночь.

Пока в тронном зале суетились потревоженные придворные, за дверью уже разносилось громкое эхо шагов, таких гулких и стремительных, что человек, не сведущий в происходящем, решил бы, что Туренсворд захвачен и враг спешит в тронный зал, чтобы обезглавить короля.

Камергер как раз собирался отворить двери и представить гостей, как чужеземные воины бесцеремонно отодвинули его в сторону, едва не впечатав немолодое тело Корвена в стену, и серой тучей ворвались внутрь, распихивая в стороны всех,

кто преграждал им путь.

Завоеватели были облачены в военные панцири из начищенной до зеркального блеска касарийской стали и шлемы, похожие на медвежьи пасти. На поясе каждый нёс тяжёлый меч из закалённого в жерле Китореса колчедана, готовый в любой момент вырваться из ножен и опуститься на шеи наряженных к свадьбе ангенорцев. Они захватили собой всё пространство вплоть до трона на трёхступенчатом пьедестале и начали грубо теснить возмущённых придворных к стенам, освобождая посередине больше пространства для своего предводителя.

Касарийский самрат был невысокого роста – зажатый между графами Сальдо Монтонари смог разглядеть только его косматую пепельно-серую макушку над головами придворных дам и грубую, сплавленную из чёрных пластин, корону с гранёными колчеданами, которые сверкали жёлтыми всполохами. Однако этот недосмотр природы не помешал Тонгейру войти в тронный зал с видом хозяина. Ясне он показался шатуном, перевоплотившимся в человека, таким огромным в своей чёрной медвежьей шкуре он был. Глаза, свирепые и холодные, как каменный отрог, на котором стоял Таш-Харан, не моргая вбуравливались в лицо короля, от изрубленных боевыми шрамами, острых, как у Согейра, скул не отвлекала внимания даже жёсткая седая щетина. Он прошёл к трону, положив левую руку на рукоять выдавшего битвы меча, и остановился, громко лязгнув железными сапога-

ми об пол. Согейр внимательно смотрел на него и не увидел ничего общего с собой или со своей матерью, Идалирой, какой он её себе представлял по рассказам покойного отца. И всё же было ясно, что этот человек, Альвгред и Има – одной крови.

«Медвежья морда», – с улыбкой подумал притаившийся за колонной, как охотник за деревом, Эрнан Монтонари, вглядываясь в обветренное северными ветрами самратское лицо, не ведающее ни доброты, ни сострадания, и хмыкнул в сторону короля. Бедняга.

Рядом и чуть позади самрата бесшумно шла почти тень человека в сером одеянии из толстой жёсткой ткани с узором из серебряных медведей.

«Меганира, – догадался Согейр. – Жена Тонгейра и мать его дочерей».

Сардари, будто прихрамывая, прошла за мужем, не издав почти ни звука, кроме шороха платья, и остановилась позади.

Согейр с минуту смотрел на неё, но так и не понял, можно ли назвать эту женщину со спрятанными под жемчужным платком волосами красивой – грим, которым покрывали свои лица замужние касарийки, делал практически невозможным попытку определить её природные черты лица. Её лицо и руки были густо замазаны белилами, а покорно опущенные в пол глаза были подведены тонкими чёрными стрелками от носа до висков. От замазанной нижней гу-

бы по подбородку и вдоль шеи шли чёрные и золотые полоски. Меганира скорее напоминала диковинное создание родом из Диких гор, чем женщину из плоти и крови.

Глядя на неё, Альвгред неосознанно потянулся к оружию.

Ребёнок в толпе придворных подёргал мать за подол пышной юбки.

– Мам, а эта леди колдунья? – прошептал он.

– Нет, милый, какая колдунья?

Осе поднялся с трона и гостеприимно поприветствовал самрата и его войско, но Тогнейр едва ли ответил королю Ангенора. Он лишь слегка склонил голову, принимая его приветствие, но не отдал такое же взамен.

– Добро пожаловать в сердце Ангенора, мой друг, – произнёс король, сохраняя уверенность в голосе. – Но, признаться, я думал, что вы прибудете на свадьбу вместе с дочерьми.

– Дома им будет лучше, – голос самрата оказался раскатистым, как гром в горах, и напоминал медвежий рык. – И мы не друзья.

Король замер. Мало кто среди придворных не заметил, как в его светлых глазах промелькнул испуг. И всё же он проглотил это замечание во имя дипломатии.

– Вы правы, самрат, – ответил Осе, – но в наших силах это исправить.

– Где мой племянник? – громко осведомился Тонгейр. – Я хочу его видеть.

Осе указал в сторону.

– Вот, прошу. Согейр, подойди. Альвгред?

Кирасиры вышли в центр.

– Согейр, ваш племянник, сын Идалиры, и ваш внучатый племянник Альвгред. Оба лучшие среди Королевских кирасиров...

Тонгейр жестом указал королю молчать. Шея Осе налилась кровью от унижения. Влахос сделал шаг вперёд, но король остановил его. Трое касарийцев разной чистоты крови стояли напротив друг друга.

– Когда я в последний раз видел тебя, ты лежал в телеге на груди мёртвой Идалиры и вопил, – спокойно произнёс самрат, и будто ироничная улыбка скользнула по его землистому лицу. – Не думал, что ты выживешь.

– Как видно, я оказался крепким ребёнком.

– Ты похож на Идалиру, – хмыкнул Тонгейр, – смотрю на тебя и вижу её, доживи она до твоего возраста. И я бы увидел, если бы не твой папаша.

– Я знаю.

– Ангенорская кровь тебя испортила.

Внутри Согейра всё заклокотало несогласием, но он промолчал.

– Это твой старший? – Касариец кивнул в сторону Альвгрета.

– Да. Ему девятнадцать.

– Хм... И где его мать?

– Леди Нила здесь. – Согейр указал в сторону колонны,

где стояла его красавица-жена.

– Никогда бы не подумал, что когда-нибудь касарийцы вздумают якшаться с баладжерами. Она чернее копоти в моей печи.

– Моя жена родилась в благородной семье из Мраморной долины. Она лучшая жена и мать в мире. Она не имеет ничего общего с баладжерами, поэтому я попрошу вас впредь не оскорблять мою жену.

– А то что?

– Вы не захотите знать подробнее.

Самрат ухмыльнулся.

– Значит, ты сегодня женишься? – Его злые глаза уставились на Альвгрета.

– Да, – ответил тот.

– Альвгред... А невеста твоя где? Где Алмазный Эдельвейс? Где та, слухи о чьей красоте дошли даже до Таш-Харана, а? Это же не она? – Тонгейр кивнул на Ясну.

– Вечера готовится к церемонии. – Альвгред с достоинством выдержал тяжёлый взгляд самрата.

– Я так и думал. Эта мала совсем и похожа на ягнёнка. О ней никогда бы не стали шептаться по ту сторону Частокола. А ты знал, что у нас невестам подрезают стопы, чтобы они не сбегали от мужей? Слышал, твоя – пряткая, своенравная, гордая, – улыбнулся Тонгейр. – Не боишься, что сбежит, пока ты тут?

– Не боюсь.

– Смотри, если о твоей невесте наслышаны даже в Касарии, покорности от неё не жди. Могу послать своих солдат, чтобы позаботились о её ножках.

– Если кто-то порежет Вечеру, я тому отрежу голову, – не моргнув ответил сын легата.

Злые глаза Тонгейра вглядывались в решительное лицо мальчишки, будто изучая, и было не понять, какие мысли притаились в их холодной глубине, как вдруг самрат разразился леденящим душу хохотом. Тонгейр смеялся, но глаза его не смеялись, и Согейр заметил это странное несоответствие.

– Касариец! – воскликнул Тонгейр и больно хлопнул Альвгрета по плечу. – Железа в твоей крови больше, чем лошадиной крови твоей мамы!

У короля будто свалился с души тяжкий груз. Тонгейр крепко обнял кирасиров – самрат признал их своей кровью.

Касарийских гостей и их вооружённый легион разместили в комнатах с видом на кирху. Самрату и сардари были отведены самые большие покои, но сын трона приказал поселить жену отдельно. При ней, будто она была лишь частью комнатного убранства, он заявил, что сегодня покои ему понадобятся для его собственных целей, и приказал после свадьбы привести ему лучшую девицу из Миртового дома.

– У вас же есть Миртовые дома? – спросил он у Корвена, усаживаясь в бархатное кресло. Меганира села на пол рядом с мужем и, как рабыня, начала снимать с него сапоги. –

Или ангенорцы живут, как монахи, боясь, что богам есть дело до того, что творится у них в штанах?

– Миртовые дома у нас есть, – спокойно ответил Хранитель ключей, учтиво склонив голову. – Их два: в Верхнем и Нижнем городах. В Нижнем городе дом подешевле, но и птички там проще, хотя и говорливы. А девушки из Верхнего города не для всех. Если у клиента в карманах нет золота, его не пустят и на порог. Зато красавицы там на любой вкус и удовлетворяют любые потребности. Есть даже хромые, в возрасте, даже невинные. Худышки и пышечки, всё, что пожелаете. Все обучены грамоте и...

– У вас в Миртовый дом ходят читать?

– Не совсем, но ангенорская знать редко предпочитает видеть в своей постели косноязычную дуру. Хотя есть любители и таких. Что предпочитает самрат?

Корвен покосился на Меганиру, которая продолжала тихо сидеть в ногах мужа и чистила его грязные сапоги.

– Помоложе и погибче, – ответил самрат. – Как эта ваша «леди Нила».

– Есть такая. Юная, гибкая. Зовут Ласточка, – предложил Корвен.

– Мне все равно, как её зовут. Дикарка?

– О, она совсем не дикая. Хотя частенько кусается и царапается, и за словом в карман не полезет. Но если вам нужно удовлетворить особые желания, лучше взять Малиновку. Она постарше Ласточки, к тому же цыганка. Вот она насто-

ящая дикарка и совсем небрезглива.

– Первая, – ответил самрат.

Корвену стало совсем неудобно, когда Тонгейр в присутствии жены заказал себе девушку.

– За ночь с ней берут три золотых.

– За такие деньги она должна творить чудеса.

– Слышал, она настоящая волшебница.

– Ты, – самрат обратился к жене. Меганира подняла лицо на мужа. – Приготовь мою спальню. Взбей подушки, принеси вина, и чтобы горели все свечи. А когда девку приведут, чтобы я тебя не видел, поняла?

Меганира опустила глаза и отвернулась.

Корвен сжал челюсти от злости, наблюдая за унижением сардари.

– Пошла вон.

Меганира встала и, хромая, неслышно скользнула к двери.

– Презираешь меня, – тихо произнёс самрат, провожая сардари недобрым взглядом.

– Я камергер, – ответил Корвен. – Моя работа – делать так, чтобы все господа были довольны, а остальное меня не касается.

Колочий взгляд Тонгейра остановился на лице Хранителя ключей.

– Это действительно тебя не касается. Позови слуг – пусть нальют мне вина.

Глава 18

Королевская невеста, клятвы, стыд

Площадь Агерат знала такое скопление людей только в те времена, когда женились или умирали короли. Буквально всюду, куда ни глянь, мелькали люди, жаждущие пробиться сквозь толпу ближе к центру, чтобы лучше рассмотреть жениха и невесту. Даже яблоку негде было упасть от площади до реки: люди сидели даже на деревьях и крышах, кто-то забрался на стены арены, и все тянули шеи, галдели и ждали. То тут, то там уже сновали продавцы жареной курятины, выпечки и репы. Отдельно, немного в стороне, в бурых одеждах с нашивкой в виде бычьей морды стояли будущие участники тавромахии. Почти вплотную к ним с жалким видом жался Инто. Вчерашняя картина его публичного унижения надолго запечатлелась в памяти турдебальдов. Конюх умолял Вальдариха дать ему шанс принять участие в обряде, падал в ноги и пытался отдать ему все свои сбережения, но оскорблённый

взяткой распорядитель обрушился на мальчишку с бранью и вытолкал взащей.

Сегодня боги будто сжалились над Паденброгом и приказали солнцу не сжигать землю, как накануне. Со стороны гор приятно тянуло прохладой, откуда-то, щебеча серебряными колокольчиками, летели жемчужные скворцы, и их заливи-стые трели люди посчитали добрым знаком.

В полукруге, натёртые благоуханными маслами, упирались в небеса статуи богов. Перед камнем для жертвоприношений, который Корвен распорядился накрыть золотой тканью, выстроили новый алтарь и украсили свежими цветами. Рядом с ним стояли отец Ноэ и архонт. Слуга старых богов был одет в скромную будничную белую тунику с чёрным поясом, потому как был чужим на церемонии, зато отец Ноэ по личной просьбе королевы надел расшитую золотом праздничную рясу. Слуги чужих друг другу богов о чём-то говорили.

Альфред скромно сидел на табурете у подножия статуи Берканы и, потирая грубый рубец на щеке, пытался услышать их разговор – впрочем, без особого успеха. Оставив попытки подслушать, послушник снова уткнулся в маленькую книжку в обложке из чёрной кожи, которую неделю назад ему дал духовник королевы. В ней говорилось о жизни святых и о том, как они получили душу, посвятив свои жизни четырём добродетелям. Чем больше Альфред читал, тем больше ему хотелось тоже повторить их подвиги во имя Бо-

га, и тем больше его одолевали сомнения, что он этого достоин. Сейчас он в третий раз пытался прочитать одну и ту же строчку, но перед его глазами стояла картина мёртвого Негерда. Две недели назад он похоронил там четверых.

Кирасиры не хотели, чтобы послушник увязался за ними, когда король приказал им разобрать пепелище, но Ноэ уговорил их взять мальчишку, ведь похоронить отца – это всё, что ему было нужно. Альфред хотел взять с собой и Данку, но та лишь снова заплакала, а Влахос обругал его и вышвырнул из комнаты, как нагадившего щенка. От Данки он узнал, что она с родителями жила в крайнем доме у Чистого ручья, рядом с альмионом, а такой дом в Негерде оказался всего один. Данка жила с родителями и крошкой-сестрой очень скромно, намного скромнее, чем многие в городе. Теперь от её дома остались только серые балки и обгоревшие книги, по всей видимости, привезённые из Кантамбрии. Альвгред похоронил её родных вместе с отцом у капища, где теперь их ничто никогда не потревожит, и навсегда унёс в сердце рану, которую оставил Ложный король.

С Данкой они виделись редко, она всё время где-то пропадала: то на кухне, то у прачек, а то и вовсе с личным охранником короля – и Альфред не уставал трясти перед её носом «Четырёхлистником» и страшать нерадивую страшными последствиями связи с мужчинами до свадьбы, и даже спорил об этом с отцом Ноэ, в котором видел своего наставника. Впрочем, в этом вопросе священник, к удивлению послуш-

ника, превратился в настойчивого оппонента, который призывал мальчишку не мешать девушке быть счастливой.

– Но... – попытался было возразить Альфред, подняв «Четырёхлистник», как щит, – в Писании говорится...

– Я знаю, что говорится в Писании, – спокойно ответил Ноэ. – «Всякий, кто разделит ложе до священных уз брака пусть с избранником своим или посторонним, претерпит проклятие от Единого Бога и гонения великие, и не обретёт душу по смерти, покуда не будет наказан». Я знаю.

– Данка нарушает заветы! И будет наказана.

– Кем? Тобой?

– Богом. Богом она будет наказана.

– За что? – Широкие седые брови проповедника сомкнулись на переносице. – За то, что она впервые со времени гибели своей семьи улыбается? Ты думаешь, Единого Бога это оскорбляет?

– У нас в Негерде муж наказал жену. – Альфред почти задохнулся от возмущения. – На второй день после свадьбы он выволок её на площадь перед монастырём и привязал к столбу. Кричал, тряс простыней, а простыня-то чистая. После брачной ночи-то, каково? Он-то думал, на невинной женится, а у неё уже были мужчины. Он позвал нашего аббата, и пока тот читал над той женой «Четырёхлистник» о её грехе, муж сёк её розгами. Ровно сто сорок ударов, как сказал аббат, – послушник снова потряс в воздухе книгой, – а потом ножом состриг ей волосы по самую кожу и вырезал на лбу

птицу, как у миртовых птичек. Когда она три дня без еды и воды просидела у столба, аббат забрал её и на сорок дней запер в старом монастырском крыле, а я все сорок дней кормил её лепёшками и водой. Когда она ушла, аббат сказал, что теперь Бог простил её грех, и она сможет получить душу. Я не хочу, чтобы с Данкой сделали то же самое.

– И ты считаешь, что твой аббат был прав, подвергнув ту женщину истязаниям и унижению?

– Он сказал, что так хочет Бог.

– И ты в этом уверен?

– Он сказал.

– Но ты уверен, что он прав?

– «Четырёхлистник» говорит, что прелюбодеяние должно быть наказано.

– Побоями, унижением и голодом?

– Так сказал аббат.

– А что бы сделал ты? – спросил Ноэ. – «Четырёхлистник» не говорит, как именно должно быть наказано прелюбодеяние. Что бы сделал ты?

Альфред не знал, что на это ответить.

Тем временем Осе и Суаве, а также самые важные гости уже заняли почётные места на выстроенной рядом с площадью трибуне. Рядом с королём, по-хозяйски раскинувшись в кресле, сидел Тонгейр, крепко, до хруста держа руку Меганиры. Сразу за супругой самрата находился Согейр, который пытался с ней заговорить, но она молчала. Тонгейр махнул

рукой, и только тогда она обменялась с племянником мужа парой приветливых фраз. Легат находил подобное отношение к женщине дикостью и не представлял себя запрещающим Ниле с кем-то говорить. Даже заикнись он об этом, его любимая жена вмиг огрела бы его подсвечником. Меганира говорила очень тихо и неуверенно касалась рукой шеи. Она почти не смотрела на него, скромно опустив глаза, но, когда подняла их, Согейр внезапно застыл, как олень, застигнутый охотником. Глаза Меганиры сверкали, как два огромных сапфира, в глубине которых бушевало штормовое море. Отец говорил Согейру, что у всех дочерей трона Касарии были такие. Её взгляд был сокрушительным, как удар ножом в горло. Он никогда в жизни не видел таких страшных глаз, и непонятный испуг холодным дуновением скользнул по его спине. Женщина пару мгновений пристально смотрела легату в лицо и снова отвела взгляд, смущённо улыбнувшись. Рядом с Согейром сидела Нила. Она сразу почувствовала, как похолодела рука мужа.

– Что случилось? – встревожилась она, глядя на покрытое испариной лицо легата.

– Ничего, – тихо ответил он и осушил принесённый Данкой кубок.

На руках Нилы тихонько, что было редкостью, сидела Има и внимательно изучала привезённый дедом подарок. Час назад, когда Согейр познакомил дочку с самратом, она спряталась за ногу отца, но дед подхватил её и усадил к себе на шею,

а после подарил ей цепочку с кулоном в виде медвежьей морды, в разинутой пасти которого был зажат кусок колчедана. Сейчас она теребила его в руках, наблюдая, как красиво камень сверкает на солнце, и что-то шептала маме. Со стороны Суаве и Ясны расположились родители Роланда и с гордостью обсуждали, как хорош их сын, как он силён и что его наставник хвалит его ловкость. Правда, Анна-Марин, как любая мать на её месте, сокрушалась, что её сын всё время ходит в синяках, последний из которых ему на его прекрасном, как звездопад, лице, оставил какой-то гадкий заика.

Рядом с ними скучал граф Монтонари и в ожидании Четты перебирал чётки, в шёлковую кисточку которых были вплетены надушенные волосы жены. Аэлис и Лаэтан сидели через кресло от него и оживлённо спорили о том, как Сольсе укусила Виверо за ногу, когда он украл сено из её кормушки.

Больше всего ему сейчас хотелось выпить и подраться, а потом закрыться с Четтой в покоях и наконец разгромить расштанную накануне кровать. У себя в Альгарде Эрнан часто устраивал боевые игрища и, получая новые шрамы, находил в этом странное удовольствие. Четта не сразу привыкла к этому увлечению мужа, но постепенно смирилась и с ним, наряду с его упрямством и вспыльчивостью, жертвой которых в свое время часто становился его младший брат Сальдо, которого природа обделила и силой, и ловкостью.

Когда Четта села на своё место между детьми и мужем, Чернильная Рука нежно поцеловал её пальцы, всё ещё пах-

нущие мускусом, и этот аромат снова взбудоражил его кровь, о чём он не преминул шепнуть ей на ухо.

Ясна с завистью смотрела на эту пару, тихо воркующую друг с другом.

– Милая, не нужно так смотреть, – аккуратно одёрнула её мать.

Ясна отчаянно вздохнула и снова окунулась в свои смелые девичьи мечты, которым не суждено было сбыться.

К алтарю вела длинная дорожка из рассыпанных трав и лепестков, потому что по традиции босые ноги невесты не должны были касаться пыльной земли. Красавец жених в парадной кирасе уже ждал Вечеру в самой середине площади и, держа в руке наполненный вином чёрный каменный кубок, нетерпеливо поглядывал в сторону замка, откуда её должны были привезти уже с минуты на минуту. Лис стоял рядом и тыкался мокрым носом в шею хозяина, то ли подбадривая, то ли выпрашивая еду, и отвлекал Альвгрета от счастливого ожидания. Согейру вспомнилось его собственное волнение во время свадьбы, и он украдкой посмотрел на Суаве. Какой же красивой невестой она была, когда выходила замуж за Эдгара. Давно задушенное силой воли желание снова заняло внутри, требуя немедленно встать и припасть к руке королевы губами.

Раздался цокот звонких копыт Велиборки, и площадь заатаила дыхание.

Принцесса Вечера царственно восседала на впряжённой

в праздничную узду гарцующей кобыле и приближалась к площади. Кто-то достал погремушки с семенами и начал ими трясти, издавая дребезжащий звук, похожий на рой рассерженных ос. Кто-то бросал под ноги кобылы крупу. Тех, кто пытался бросить в невесту гнилые яблоки или камни, Сеар и его люди выхватывали из толпы и оттаскивали прочь, вглубь переулков. Когда Велиборка остановилась в начале дорожки из лепестков, Влахос подал Вечере руку и помог ей спуститься. Сердце Альвгрета замерло, когда его любимая случайно обнажила босую стопу, исписанную вязью рун. Он знал, что её грудь и живот также были украшены кудрявыми письменами, и его кровь вскипела от предвкушения того, что уже совсем скоро он их увидит.

На королевской невесте было надето платье из молочно-го шёлка и мелкого шенойского кружева. Длинные, до земли, рукава были разрезаны до предплечья и обнажали золотой подбой и исписанные рунической вязью руки. С головы до ног невесту покрывала мерцающая нежными искрами вуаль, настолько тонкая, что в лучах солнца были видны только золотистые переливы, а голову венчал густой венок из плюмерий с вплетёнными в них бриллиантовыми нитями, которые блестели среди белых лепестков, как роса или слёзы. На груди невесты поверх шёлкового шнура, на котором под платьем висела четырёхконечная звезда, драконьим глазом горел «Валамар».

Во всём городе вдруг стало так тихо, что слышен был толь-

ко завывающий между статуями ветер. Не щebetали даже птицы. Зазвучали венчальные песни, и две женщины в синих одеждах и с белыми платками на головах поднесли Вечере кубок из белого перламутра, до краёв наполненный вином. Вечера приняла его и медленно пошла к алтарю. Мимо пролетел жемчужный скворец и едва не выбил из её рук кубок. Она остановилась и крепче сжала его холодными пальцами. Подул сильный ветер, вуаль заскользила по лицу. Несколько капель выплеснулись. Плохой знак. Вечера быстро вытерла кубок и продолжила путь. Никто ничего не заметил.

Красавица невеста подошла к Альвгреду, и тот просиял белозубой улыбкой. Счастливый жених любовался точёным лицом невесты и красивыми переливчатыми глазами, подведёнными, по новой традиции, чёрной и золотой краской. Свой страх Вечера прятала за улыбкой, и наивный, ослеплённый собственным блаженством Альвгред не замечал, что глаза его невесты смотрят на него равнодушно. Отец Ноэ окурил молодых пахучим дымом из золотого кадила, поставил оба кубка на поднос между новобрачными и открыл «Четырёхлистник». Вечера смотрела на будущего мужа, и до неё долетали только обрывки слов проповедника: «Бог видит, что скрыто», много слов о верности, чистоте и любви. Она хотела сбежать. Священник попросил жениха и невесту опуститься друг перед другом на колени.

– Возьми кубок, Альвгред, сын Согейра, потомка сыновей трона Касарии.

Альвгред послушно взял перламутровую чашу невесты.

– Прими дар своей невесты. Выпей сие вино в знак принятия её.

Вино оказалось невообразимо горьким, но, несмотря на подкативший приступ тошноты, кирасир выпил его почти не поморщившись.

Отец Ноэ приподнял венок на голове невесты, и Альвгред поднял невесомую вуаль.

– Возьми и ты кубок, Вечера, дочь короля Эдгара Роксбурга, потомка Ардо, погонщика быков, правителя Ангенора. Прими дар своего жениха. Выпей сие вино в знак принятия его.

Вечера взяла чёрный кубок Альвгрета и с трудом выпила содержимое – в вино добавили не менее двух ложек перца.

Перец в кубках жениха и невесты означал все недостатки, которые будущие муж и жена принимали друг в друге вместе со всеми достоинствами.

Священник взял чашу с водой и поднос с шёлковыми платками и протянул жениху. Альвгред взял платок, намочил его край и бережно отёр лоб и щёки невесты. Вечера взяла другой платок и сделала то же самое с лицом Альвгрета. Затем в руках Ноэ оказалось блюдо с восьмью обручальными кольцами, и он подал его новобрачным. Люди на площади переглянулись. Альвгред взял одно из тонких золотых колец и надел на безымянный палец невесты.

– Я, Альвгред, сын Согейра, наследника великой Каса-

рии, – тихо произнёс он клятву, не слышную уху всех остальных, – Королевский кирасир, беру тебя в свои жёны и надеваю кольцо Смирения на твой палец в знак своей покорности, – он взял второе кольцо, – кольцо Послушания – в знак повиновения твоей воле, кольцо Служения – в знак того, что всегда буду рядом, и кольцо Воздержания – в знак верности тебе. – Он надел ей на палец четвёртое кольцо. – С ними я дарю тебе себя перед взором Бога. Отныне и навсегда я твой муж.

Вечера взяла первое кольцо, поднесла к руке Альвгрета и повторила супружескую клятву:

– Я, Вечера Лит Сегюр Эдгариан Роксбург, наследница династии королей, наследница альмандиновой короны и будущая королева Ангенора, беру тебя в свои мужа и надеваю это кольцо Смирения на твой палец в знак своей покорности, кольцо Послушания – в знак повиновения твоей воле, кольцо Служения – в знак того, что всегда буду рядом, и кольцо Воздержания – в знак верности тебе. И с ним дарю тебе себя перед взором Бога. Отныне и навсегда я твоя жена.

Но как только символ верности неловко коснулся пальца жениха, кольцо выскользнуло из руки принцессы и с тихим звоном упало на каменную кладку у ног новобрачных. Люди ахнули и суеверно зашептались. Альвгред быстро нагнулся, краснея от смущения, схватил кольцо и вернул его Вечере. Сбитая с толку, она быстро надела его на палец жениха.

– Можете разделить ваш первый поцелуй, – с улыбкой

произнёс Ноэ.

Альвгред взял лицо Вечеры в ладони и запечатлел на её губах нежный поцелуй. Затем отстранился и тронул пальцем любимые губы.

– Ты моя жена, – улыбнулся он.

– Ты мой муж, – ответила она.

И Ноэ объявил их брак состоявшимся. Молодожёны взялись за руки, встали и обернулись к народу.

Когда начался свадебный пир, столы для которого были выставлены во внутреннем дворе Туренсворда, вино полилось рекой. Званные гости чинно сидели на своих местах в порядке приближённости к королевской семье и вкушали различные блюда, приготовленные легионом поваров. Некоторые придворные дамы позволили себе неуместно шутить, что половину угощений своими руками пекла Леди-служанка, и выражали свое восхищение её умением стряпать, намекая на то, что её место на кухне, среди слуг. Нила слышала их обидные слова.

– Да, я умею готовить, – ответила она, с достоинством глядя на язвительных дам. – Умею стирать, убирать. Могу усмирить коня и пришить заплатку. Могу вбить гвоздь и наколоть дрова. Могу найти съедобные ягоды в лесу, подстрелить дичь и остановить кровь. Я нигде не пропаду без мужа, а вы? Что вы держали в руках тяжелее пудреницы?

Во главе стола сидели новобрачные и принимали подарки. Сама церемония длилось уже более часа, и все дары уносили

в специальную комнату у опочивальни супругов. Новые мечи с узорами по лезвию в бриллиантовых ножнах для Альвгрета от графа Старого двора, тяжёлые ковры, книги, украшенные самоцветами, от графа Полулунной башни, платки с вышивкой, новое военное обмундирование с сапфирами для быка из Ревущего холма, туфли и сапоги с гербом Стрельцовых башен на подошвах. Граф Монтонари преподнёс Вечере три зелёных кушака со сложной вышивкой серебром и золотом, а Альвгреду – новую кирасу и щит, по ободку которого шла надпись: «Альвгреду, сыну Согейра, касарийскому и ангенорскому кронпринцу», а в конце красовалось крошечное клеймо в виде хвостатой морской богини в качестве подписи. Граф Элбот подарил супругам двух чистокровных эвдонских скакунов, а Оллан и Ванора Ферро – пергамент с дарственной на резиденцию на берегу залива в Мраморной долине неподалеку от их родового замка.

– Замок Бреслен принадлежал нашей семье несколько веков, – расхваливал свой щедрый подарок практичный глава семьи Ферро. – Он просторен и уютен. В нём восемнадцать спален с мебелью из красного дерева и тринадцать гостиных, а стены снаружи отделаны красным камнем, привезённым из Перевёртышей. Из его окон видны эвдонские острова.

Вечера нервничала и как будто кого-то ждала – она всё время посматривала по сторонам и вздрагивала каждый раз, когда кто-то из слуг появлялся из-за угла.

– В чём дело? – спросил Альвгред, нежно взяв её за руку. –

Ты будто вся дрожишь.

– Ни в чём.

– Ты ждёшь кого-то?

– Самый важный подарок.

Когда настала очередь касарийского самрата, Тонгейр небрежно махнул слуге, и тот с угодливой торопливостью вынул из сундука свёрток. Он бережно, будто это был ребёнок, положил его на стол для подарков и развернул ткань. Изумлённый Альвгред привстал, не поверив своим глазам. На серой грубой ткани лежал ксифос длиной не менее двух с половиной локтей. Его изогнутое золотистое лезвие по всей длине украшали мелкие узоры, а на эфесе сверкали рубины. Легендарный касарийский клинок вспыхнул на солнце блестящим золотом и будто просился поскорее оказаться в руках. Клинок, который не затупить, не сломать, – самое изящное оружие, которое когда-либо представлялось взору солдата.

– У нас не принято дарить ни шелка, ни украшения, – произнёс самрат, гордый филигранной работой своего кузнеца, – на праздники мы дарим оружие. Этот меч был выкован в печах Касарии и закалён в жерле Китореса. Он ещё не видел крови, но был рождён убивать. Надеюсь, ты утолишь его жажду. Только обещай, что не осквернишь его в учебном бою. Этот меч достоин только настоящей драки.

– Клянусь, – пообещал Альвгред и приложил к груди руку.

– Ты? – Косматая бровь самрата вопросительно изогнулась. – Этот меч для неё, – он указал подбородком на Вечеру, – для Алмазного Эдельвейса.

Вечера, как заворожённая, глядела на клинок, и его свет отражался в её зрачках. Широкая улыбка заиграла на её губах. Она повернулась к Тонгейру и благодарно поклонилась.

Во время свадебного пира касарийские воины вели себя как свиньи. Стол им выделили отдельный, и оттуда доносилась отборная брань, которую в Паденброге можно было услышать разве что в тавернах Нижнего города. И среди всего этого мрака сидела худенькая Меганира и смиренно сносила все толчки.

Вечера покачала головой.

– Разве так можно? – шепнула она мужу. – Это же их сардари.

И Альвгред разделил её возмущение.

– Тонгейр сам приказал выделить ей место именно там, – прошептал он в ответ, косясь на сидящего рядом самрата, – для касарийцев жёны такой же скот, как козы и свиньи. Хотя, наверное, с ними и то обращаются с большим почтением. А с Меганирой, говорят, он поступает так потому, что она не смогла подарить ему сына. У них только две дочери, а все мальчишки рождались мёртвыми или полумёртвыми. Я слышал, как Тонгейр обмолвился об этом отцу.

Невеста через Данку предложила жене самрата пересесть за их стол под предлогом беседы, но Тонгейр одёрнул слу-

жанку и прогнал, сказав, что эта женщина сядет за один с ним стол, только когда он этого пожелает.

– Бедняжка, – сжала губы Вечера и приказала музыкантам играть громче, чтобы перебить брань, доносящуюся со стороны касарийских гостей.

Пока выступали певцы, Вечера глаз не сводила с придворных. Больше всего недоверия у неё вызывал самрат и его свита.

Альвгред держался с дедом немного холодно, но не до такой степени, чтобы показаться небрежным. Тонгейр ему не нравился, и Альвгреду было трудно это скрывать. Он не понимал его шуток, и ему претило, что самрату нельзя говорить то, что думаешь. Он был на треть ангенорцем и не привык лебезить перед кем-то. Дед бросал на него свирепые взгляды, но они юношу не пугали. Когда самрат завёл разговор об охоте и Альвгред поддержал его, Вечеру едва не стошнило от описываемых касарийцем подробностей свежевания туши.

– Что это с ней? – спросил Тонгейр, залпом осушив кубок вина. – Она дрожит, как напуганная лань. Быть может, я зря подарил ей клинок?

– Ничего. – Она жестом попросила слугу налить ей вина. – С гор дует холодный ветер – вы не находите?

Тонгейр повёл бровью.

– Побывала бы ты в Касарии, девочка. У Кривого рога зимой люди выходят на улицу только с факелами, потому что

мороз превращает в лёд всё, и даже воздух. Зимняя Касария – страна лютого холода. Кости там промерзают насквозь. А этот ваш горный ветер – чушь собачья.

– Поэтому вы даже здесь ходите в шкуре? Промёрзли до костей?

– Нет. – Губы Тонгей раскривила злая улыбка. – Это проклятье Исидеи.

– Кого?

– Исидея – последняя правящая дочь трона Касарии, мать моей жены. Ты слышала о замке Гата? Это фамильное гнездо дочерей трона, где они жили столетиями, пока он не был разрушен во время века Грома, и они не переселились в Звёздный чертог. Это проклятое место, мёртвые развалины, полные призраков, но, когда наступает ночь полной луны, Гата восстаёт из руин и до рассвета стоит невредимая во всём своём величии, пока не умрёт с первыми лучами солнца. Дочери трона хоронили своих сардари на дне Озера нетающего льда, которое раскинулось у подножия Гаты. Привязывали камень к ногам и бросали в воду подальше от берега. Там же нашла свой последний приют и сардари Исидея, когда отец сверг её и назвал себя самратом, сыном трона. Он утопил её в озере, бросил в прорубь ещё живую. Ему бы ещё тогда догадаться о последствиях, но нет. – Самрат пригубил вина. – Когда мне стукнуло тринадцать, я заболел, белая лихорадка, и мне давали несколько дней. Местная знахарка, видя отчаяние отца, посоветовала ему этой же ночью окунуть меня в Озеро нета-

ющего льда. «Иди, – сказала, – омой сына студёными водами, когда Гата снова восстанет из руин, и сын твой не только исцелится, но и не будет более знать хвори». Отец послушался. Только ведьма та не сказала, что место то Исидея прокляла перед смертью и что любой, кто окунётся в воды озера Гаты, больше не узнает не только хвори, но и тепла.

Тонгейр тронул руку Вечеры, и та обожгла её нечеловеческим холодом.

Она отдёрнула руку.

– Холоднее льда, правда? – кивнул самрат. – Вот уже почти сорок лет я не знаю, что такое тепло. Ничто не может согреть меня – ни медвежья шкура, ни огонь, ни тепло девичьей кожи, ибо я ответил за преступление отца, Исидея отомстила за свою кончину.

– А где Эрнан? – вдруг озадаченно спросил Альвгред, чем отвлёк Тонгейра и Вечеру друг от друга. – Его кресло пусто. Кто-нибудь видел, как он ушёл?

А Эрнан Чернильная Рука в это время устраивал долгожданную драку.

В саду ярусом ниже, что примыкал к загону для скота и площадке перед Ласской башней, развернулось совсем иное веселье. Королевские кирасиры пили с конниками, лучники отпускали скабрёзные шутки, пехота играла в карты на пинки, воины инженерных войск и наёмники из Альгарды мимо нот вопили песни, одно содержание которых могло вогнуть в краску даже известного матершинника Иларха.

Музыканты играли что-то заводное, а целый букет пышных гибких миртовых птичек танцевал перед захмелевшими воинами, которые не сводили горящих глаз с их голых спин и бёдер. Один из кантамбрийцев глотал огонь и выдыхал его длинной струёй над головами. Когда он сделал это в очередной раз, пламя случайно лизнуло затылок одного мечника. Перепуганный солдат упал со скамьи и облился вином, и тут же стал жертвой улюлюканий и смеха. Войкан куда-то подевался, а Марций навёрстывал упущенное и наслаждался обществом полуголой Малиновки, которая удобно уселась ему на колени.

Тогда ещё никто не подозревал, что всего через пару минут веселье перерастёт в драку на мечах.

Когда солдаты заканчивали уже третий бочонок северного вина, неожиданно на плацу появился граф Монтонари и призвал любого, кому есть охота размять кости, сразиться с ним на ксифосах. Конечно, желающих не нашлось. Солдаты были пьяны, но не настолько, чтобы не предвидеть последствий драки с главой благородного дома, а потому они обсмеяли Чернильную Руку и послали его обратно сидеть на бархатных подушках среди королевских особ. Впрочем, когда на один из столов опустился тяжёлый кошелёк, солдаты быстро передумали и уже были не прочь немного помахать тренировочными мечами. А ещё через пару минут на площадке уже сверкало оружие и стоял мужицкий гогот, подгоняющий добровольцев биться с зазнавшимся графом.

Кантамбрийцы кучковались у стены и наблюдали, как их хозяин обезоруживает королевских воинов, отмечая каждую победу графа звоном кружек с пивом, а потом наливали пинту проигравшим, чтобы скрасить горечь их поражения. Им ли было не знать, что Эрнан был труднейшим из противников, который не брезговал и подлыми приёмами.

Войкану не было никакого дела до навязанной драки. Всё его внимание было приковано к девушке, чьего появления молодой лучник ждал с того момента, как они расстались этим утром. Он желал её, любил её, ужасно ревновал и втайне даже от Марция, который понятия не имел, какая буря бушевала под привычной личиной невозмутимости, обдумывал план её похищения из Миртового дома. Умом Войкан понимал, что влюбиться в Ласточку было верхом безрассудства, но каждый раз при виде её остренького личика сердце его начинало биться быстрее, а в голове, распугав все заботы и сомнения, оставалась только одна мысль: «Скорее бы обнять свою милую и уткнуться лицом ей в живот».

Среди всех пленниц Миртового дома Ласточка была самой юной, ей едва исполнилось восемнадцать. Небольшого роста, с роскошными бёдрами и узеньким личиком, она едва ли отличалась изысканной красотой, как Скворец или Иволга, но мужчин, что выбирали её, подкупали её нечеловеческая гибкость и талант в моменты страсти издавать такой сладкий стон, что он поднял бы и покойника из могилы.

– Так как твоё имя? – шептал Ласточке Войкан между по-

целуями, когда они оба прятались под раскидистым кустом бугенвиллеи в стороне от праздничных столов.

– Не скажу, – улыбалась она и отвечала лучнику такими же игривыми поцелуями.

– Но так нечестно. Ты же моё знаешь, а я знаю только твоё прозвище. Мне этого мало.

Девушка засмеялась и наморщила чудный вздёрнутый носик.

– Цена все та же – сто золотых крефов.

Войкан сощурился.

– Но я отдал тебе уже восемьдесят. Имею право узнать хотя бы первые буквы. Оно какое? Ангенорское или как у баладжеров? Ласковая змейка? – прошептал он ей на ушко. – Или Чёрная роза? Может быть, Дикая пума?

– Не угадал.

Лучник сунул руку в кошелёк на поясе и протянул ей пару новеньких золотых монеток. Улыбка перестала играть на пухлых губах, глаза Ласточки погрустнели.

– Ты совсем не обязан. – Она отвела его руку.

– Я тебе обещал, а я всегда держу своё слово.

Ласточка приняла монеты и быстро спрятала под повязку на запястье, пока другие миртовые девушки не заметили.

– В моём имени есть «Ночь», – сказала она.

– О, уже хоть что-то, – воспрял духом Войкан. – Ночная красавица? Орхидея ночи? Или Роза ночи?

– Нет.

– Фиалка ночи? Полночный гиацинт?

– Почему ты уверен, что в моём имени есть название цветка?

– Потому что ты красива, как цветы.

– Не умеешь ты говорить комплименты.

– Да, в поэзии я не изящнее буйвола, – усмехнулся Войкан и вдруг стал серьёзен. – Сегодня я тебя в Миртовый дом не пущу, – сказал лучник, тронув остренький подбородок. – Ты останешься со мной?

– Сегодня меня отправляют к самрату.

Войкан отстранился.

– Как к самрату? Твой хозяин в своём уме?

– Миртовые девушки делают то, что им говорят. К тому же касариец сам меня выбрал. Но ты не бойся, с ним я и вполтину не буду такой нежной, как с тобой.

Горькая улыбка скривила губы лучника.

– Я заберу тебя оттуда, – прошептал он и пропустил пальцы сквозь пальцы любимой. Тыльную сторону её запястья уродовало клеймо в виде птицы. – Заберу из этого проклятого места, обещаю.

– Мне часто это говорят. Но все мужчины только обещать горазды. Никто не сможет заплатить за миртовую девку двадцать слитков золота. И не захочет.

– Я смогу, – возразил Войкан. – Я так решил. Деньги, что я даю тебе, не последние. У меня уже есть часть нужной суммы – она хранится у казначея.

– Жалование воина не так уж и велико. К моменту, когда ты накопишь достаточно золота, я состарюсь и уже буду тебе не нужна.

– Откуда ты знаешь, будешь ли ты мне нужна? Я выкуплю тебя или украду, я поклялся.

Ласточка с нежностью провела ладонью по его щеке.

– Ты же знаешь, что это невозможно – в Паденброге все знают, кто я, моё клеймо выдаст меня, даже если я покину Миртовый дом. Меня вернут обратно, как только найдут. И сбежать мы не сможем, иначе тебя объявят дезертиром. Если нас поймают, то обоих казнят. Не обещай того, что не сможешь исполнить, – не нужно давать мне надежду.

– Я всё равно найду способ. Кантамбрийцы держат своё слово и никогда не бросают тех, кем дорожат, пусть этой крови во мне течёт лишь половина, – решительно произнёс Войкан и с этими словами прижался губами к виску девушки. – Большая ошибка, что ты вообще оказалась в Миртовом доме. Это место не для тебя. Рано или поздно я заберу тебя оттуда, чего бы мне это не стоило. Просто поверь мне. Ты же мне веришь?

Она ему не верила.

– Неужели во всём Туренсворде нет ни одного воина среди этих девчонок? – без тени улыбки вопрошал, будто у самого неба, Эрнан. – Ну же? Или вы в армии только и делаете, что заплетаете друг другу косички вместо того, чтобы драться?

Он заметил на скамье огненно-рыжего кирасира.

– Ты! – Граф южных земель ткнул в его сторону ксифосом. – Я тебя знаю.

– Неужто? – Марций не скрывал, что ему не было дела до причуд скучающего графа.

– Ты Марций Рейес, сын Иларха. – Эрнан походил на пехота, которому было жизненно необходимо клюнуть мнимого соперника. – Ты научил моего сына перебрасывать меч, когда был в Эквинском замке. С тех пор он пристаёт к Аэлис и пытается научить этому и её.

– Было дело, – признался Марций, ухмыльнувшись.

Монтонари медленно приблизился к жертве своей очередной провокации.

– И кто бы мог подумать, что даарим, который родился в выгребной яме, будет учить наследников графа обращаться с оружием?

Марций пожал плечами.

– Не моя вина, что сам Чернильная Рука оказался на это неспособен.

Солдаты заулюлюкали и забили тарелками по столам, как дикари в предчувствии крови.

В зелёных глазах Эрнана мелькнула чёрная тень, и азартный пыл на его лице уступил место гневу.

– О, как! – возликовал южный граф, и глаза его снова загорелись. – Узнаю острый эвдонский язык. Если ты такой смелый, может быть, докажешь это с помощью меча?

– Я смелый, но не тупой, – ответил Марций. – Если с ва-

шей головы упадёт хотя бы волос, меня повесят.

– Слово графа, что нет, – тихо сказал Монтонари и вдруг закричал, чтобы слышали даже на кухне: – Слово графа, что Марцию Рейесу не будет никакого наказания, что бы со мной ни произошло! – Он поднял с земли чей-то меч и бросил эвдонцу. Марций поймал его в воздухе. Десятки глаз уставились на него с немым вопросом.

– Иди! – послышался в стороне чей-то злой шёпот, будто кто-то шипел на упрямого гуся. – Иди, иди!

Малиновка укусила Марция за мочку.

– Хорошо, – сказал он и встал.

Эрнан провёл своим мечом по лезвию противника.

– Слышал, последний раз тебе в Вильхейме хорошенько досталось от Волка ночей? Я не буду бить сильно, обещаю.

– Польщён вашей заботой, граф.

Марций пнул стоявшую между ними кубышку.

– Эй! – Эрнан успел отпрыгнуть, блестящая сталь пронеслась у его уха. Раздался лязг – Монтонари успел отразить удар. Пьяные солдаты загалдели с кровожадностью пещерных людей.

Вальдарих сразу понял, что драка между этими двумя разительно отличается от предыдущих. С остальными противниками Эрнан больше красовался и играл, как кошка с мышью, тогда как сейчас он порывался зарубить эвдонца, как злейшего врага. Хорошо, что Иларх этого не видел.

– Что, на юге мало воюют, раз лезете драться от скуки? –

выкрикнул Марций в лицо Монтонари, удержав лезвие его меча у своего горла.

– Ни одной войны за последние пятьдесят лет, – оскалился Эрнан. Из рассечённой брови текла долгожданная кровь. – Аж скулы сводит.

Марций оттолкнул Монтонари и отвесил противнику лёгкий подзатыльник.

– Лучше почаще ублажайте жену.

Эрнан брызнул смехом и обнажил острые, как у хищника, зубы.

Через минуту мстительный граф уже загнал эвдонца на строительные леса возле загона, где накануне ветер сорвал часть крыши, и теперь они оба скакали по ним, как драчливые вороны, круша и опрокидывая всё на своем пути. От смеха Монтонари, когда Марций упал с лесов на землю, кожа покрывалась мурашками – и даже Вальдарих пожалел, что подначивал Рейеса ответить подстрекателю. Марций дважды умудрился врезать графу по лицу. Тот застонал, схватился за нос и снова кинулся в атаку. Агрессивно, жёстко, быстро. Звучал тревожный лязг мечей, толпа вопила, неистовствовала в предвкушении, всем казалось, что если эти двое не убьют друг друга, то обязательно покалечат. Миртовые девицы сбились в стайку и голосами райских птиц обещали жаркую ночь победителю, как вдруг...

– Ах!.. – Марций неловко повернулся и схватился за спину. Меч вылетел у него из рук и шлёпнулся плашмя у бочек

с водой. Толпа недовольно загудела.

– Всё! Всё! – Марций повалился на землю и выбросил вперёд руку, как щит. Монтонари застыл с занесённым над его головой мечом.

– Что всё? Ты сдаёшься? – удивление и обида прозвучали в голосе Эрнана. На его лице блестели капли пота, а сам граф едва держался на ногах от усталости. – Мы только начали. Ты же тот, о ком я слышал? Ты же сдашься, только если тебе отрубить голову! Вставай! – Эрнан устало вонзил меч в землю и облокотился на него, как старик на клюку.

– Я больше не могу, – тяжело дышал эвдонец. – Спина. Старая рана. Вы победили.

Монтонари разочарованно простонал, хотя всё его тело ныло от усталости. Покрытая пылью праздничная одежда сейчас казалась ему непосильно тяжёлой, избитое тело отказывалось слушаться. Эрнан гордо поднял голову и выпрямился, возведя руку к небу в жесте победителя.

– Спасибо, что не струсил, как все эти, и оставил мне пару синяков. – Он помог Марцию подняться и по-братски хлопнул эвдонца по плечу.

– Не за что, – ответил Марций и хотел поблагодарить за то, что избег виселицы за прямой удар эфесом по кантамбрийскому лицу, как вдруг пальцы Монтонари оказались на его шее и больно стиснули мышцу.

– Вздумаешь поддаться мне ещё раз, – прошипел Эрнан, и глаза его вдруг остекленели, как у убийцы, – я действитель-

но отрублю тебе голову у всех на глазах. – Потом он широко улыбнулся и ушёл, уставший и довольный, как зверь после удачной охоты.

Ясне кусок в горло не лез. Она сидела рядом с отцом и украдкой поглядывала на стол Ловчих сбоку под окнами замка. Их стол также ломился от угощений, но едва ли Влахос смотрел на еду, его взгляд снова был прикован к гадкой служанке, и Ясна прикусила щёку до крови, чтобы не закричать от этой несправедливости. Мерзкая девка только и успевала убирать тарелки и наполнять опустевшие кубки господ. Когда она подошла к столу касарийцев, чтобы наполнить их кувшины, один из солдат грубо схватил её за ногу, и она закричала. Влахос схватился за меч, но Сеар усадил его на место. Данка покраснела от макушки до пяток и поспешила уйти, как вдруг неловким движением случайно опрокинула один из кубков на своего обидчика. Касариец заорал и отвесил Данке звонкую оплеуху. Влахос вырвался из рук Сеара и мгновенно оказался рядом.

Вечере не было слышно, что они друг другу сказали, но касарийский солдат был готов разорвать Ловчего на куски.

– Безрукая девка, – произнёс самрат, откусывая большой кусок бараньей ноги.

– Я уверена, Влахос всё уладит, – ответила Вечера.

– Отхлестать её плёткой, и дело с концом.

– Вы не сторонник мирного решения конфликтов. –

Принцесса постаралась выдать из себя улыбку.

– Если эта девка настолько тупая, что не может разливать вино, её место среди дешёвых шлюх. Знай дело – задирай юбку и становись на коленки.

– Данка хорошая служанка. Прошу вас простить её неловкость. Уверена, мы сможем возместить ущерб вашему воину.

Тонгейр не затруднил себя ответом, залпом осушил свой кубок и махнул слуге наполнить его снова.

Свадебный пир длился до самых сумерек, а Вечера так никого и не дождалась. Она подошла к Влахосу и отвела его в сторону.

– Да, моя принцесса, – отозвался он на её личную просьбу. – Что от меня требуется?

– Если ты узнаешь, что в Туренсворд пришёл некто, неважно, кто, и попросил аудиенцию у меня, никому об этом не говори, веди этого человека ко мне в покои.

– Что-то случилось?

– Случится, если этот человек не придёт. Ты меня понял? Передай эту просьбу своим людям, пусть будут начеку. Этот человек может появиться в любой момент, даже среди ночи.

– Я не понимаю.

– Тебе не нужно это понимать. По крайней мере, пока. Когда настанет нужный момент, я всё расскажу, а пока мне нужно, чтобы ты просто выполнил мою просьбу. Выполнишь?

– Обещаю.

– И королю ни единого слова. Иначе за твой длинный язык

отвечать будет Данка. Ты меня понял?

– Не стоит мне угрожать, моя принцесса, я не Согейр. Я предан не только королю, но и вам.

– Вот и хорошо, – ответила Вечера.

Наступления ночи она боялась, как свеча боится ветра, и отсчитывала последние минуты до церемонии проводов в покои. Она выпила несколько бокалов вина, чтобы уснуть в беспмятстве, но хмель будто растворялся у неё в крови и не туманил разум. Альвгред не отпускал её руку и гладил холодные от волнения пальцы, нежно, будто они уже были любовниками, а она готова была сквозь землю провалиться.

– А невеста-то, глядите, как зарумянилась, – хохотал Тонгейр, тыкая в Вечеру пальцем. – Ну, готова усладить своего бычка?

Когда Альвгред встал и поднял кубок в честь жены, на Вечере лица не было. Она улыбалась, но глаза её были пусты. Альвгред помог ей подняться, они выпили по последнему бокалу и удалились в покои.

«Может быть, мне притвориться, что я теряю сознание? – подумала Вечера, когда Альвгред закрыл за ними дверь в опочивальню. – Пусть он решит, что я выпила лишнего. А что потом? Когда-нибудь это всё равно случится».

В комнате стояла приятная глазу полутьма. Несколько свечей горели вокруг кровати, а на алом покрывале лежала статуэтка Берканы. Вечера уже ненавидела это позорное ложе. Альвгред медлил, а Вечера стояла к нему спиной, цара-

пая ногтем обручальные кольца. Её муж не спешил, он волновался так же сильно, как и его молодая жена. Как же долго он этого ждал. Для такого горячего юноши, как он, даже год казался целой жизнью. Ох, как же он хотел сорвать с неё это платье и взять её прямо на полу! Он подошёл к ней со спины и поцеловал белое плечо.

– Волнуешься?

– Немного, а ты? – Внутри неё всё цепенело от ужаса. Казалось, поцелуй он её снова, она бросится из комнаты прочь.

Альвгред нежно коснулся губами её затылка.

– Ты готова?

– Просто сделай это, мы же супруги, – сказала Вечера и принялась развязывать застёжки на поясе.

Со времён правления Ардо I каждый раз, когда супруги удалялись со свадебного пира в покои, у их дверей оставались ночевать двое господ-гарантов, которым на рассвете муж показывал простыню, но, когда женился король Эдгар, он по просьбе Суаве упразднил этот неприятный для уроженки Мраморной долины обычай. И это было хорошо, потому что в эту ночь никто не стал свидетелем того, как через двадцать минут после того, как двери за супругами закрылись, Альвгред, весь всполошенный и растерянный, выбежал из супружеской комнаты и налетел на Данку.

– Иди к ней! – Он грубо толкнул девушку и исчез в темноте за углом.

Данка ничего не поняла, но поспешила к хозяйке.

Она тихо постучала, Вечера разрешила войти.

– Моя принцесса? – Данка нерешительно застыла на пороге, заглядывая внутрь, будто опасаясь, что в неё бросят камень.

– Зайди и закрой дверь.

Новобрачная лежала на кровати, прикрывая обнажённое тело одеялом, и вертела в руке статуэтку Берканы. Растрёпанные чёрные волосы рыжели в жёлтом свете единственной свечи, а огненный опал искрился звёздным небом на груди.

– Он был зол? – спросила Вечера.

Данка подошла к кровати.

– Испугал меня до смерти. Что случилось?

– Альвгреду всегда плохо удавалось сдерживать эмоции. – Вечера отбросила камень. – Во второй комнате ванная с водой. Помоги мне смыть эту краску.

Вечера поднялась с кровати и, обернувшись одеялом, проследовала в смежную комнату.

– Нам понадобятся несколько мочалок и много мыла, эта краска въелась в мою кожу.

Ещё совсем недавно сходявшая с ума от страха, сейчас Вечера была совершенно спокойна, даже безмятежна. Она сидела по грудь в воде и безучастно наблюдала, как Данка тщательно стирает следы бурой и золотой краски с её запястья. И взгляд её был как будто очень далеко, за пределами Туренсворда. За окном пели пьяные песни обитатели замка, город шумел фейерверками и гвалтом веселящейся тол-

пы, горел огнями. В комнате Вечеры было темно и тихо, как в гробнице, и только плеск воды нарушал тишину. Они закончили через полчаса, когда вода в ванной стала розовой от краски и совсем остыла.

– Хотите, я принесу горячей воды? Вы замёрзли, – спросила Данка.

– Нет, можешь идти, – ответила Вечера, – твой Влахос уже наверняка тебя ищет. И завтра утром не приходи.

Данка кивнула, подала принцессе мягкое полотенно и удалилась, прикрыв за собой дверь.

За углом, как правильно догадалась Вечера, её поджидал Влахос. Он стоял во тьме коридора, как призрак, и вышел на свет, струящийся сквозь мозаичные окна, когда увидел Данку.

– Как всё прошло? – спросил он.

Данка покачала головой.

– По принцессе разве скажешь? Она как гора. Но, мне кажется, плохо. Ой, я, наверное, не должна была это говорить.

– Я никому не скажу. Она тебя отпустила?

– Да.

Глаза мужчины блеснули во мраке.

– Пойдём со мной.

– Но я...

Командир Ловчих знаком показал ей молчать, взял за руку и потянул куда-то наверх по винтовой лестнице.

– Мне сюда нельзя, – сказала Данка, когда Влахос открыл

перед ней двери на дозорную башню.

– Тебе запретили?

– Нет, я боюсь высоты.

– Я тебя охраняю.

Влахос улыбнулся и крепче сжал её руку. Они вышли на площадку Юрто, самой высокой башни замка после башни астрономов. Неприкаянный ветер завывал в вышине и гонял агдеборг, торчащий на флагштоке над головами охранника и служанки.

– Как высоко! – Данка, сама того не заметив, схватилась за Влахоса. Он аккуратно обхватил её талию.

– Видишь там, на склоне, горы?

– Где?

– Вон там, на пиках еле заметные огоньки. – Бродяга указал рукой в сторону склона Многоликой горы. Данка вгляделась в ночную темноту. Сквозь черноту где-то там, где гора выступала неровными отрогами, она смогла разглядеть голубые и зелёные тусклые искорки, которые медленно колыхались, как светящиеся рыбки на волнах.

– Что это?

– Бродячие огоньки.

Сверкающие искорки накатили на неровные скалы и засветились чуть ярче.

– Как красиво.

Данка дрожала на холодном ветру, и Влахос бережно укрыл её своим плащом.

– Посмотри вниз, – сказал он.

Девушка ахнула.

– Нет.

– Почему? Там все улицы в огнях.

– Я боюсь.

– Я держу тебя.

– Нет.

– Посмотри на меня.

Данка подняла на Влахоса глаза.

– Я держу тебя. Просто верь мне. Посмотри.

И Данка посмотрела.

Внизу всё горело факелами, и улицы Паденброга, подобно лавовым рекам, стекали от Туренсворда вниз по отрогу горы к городским стенам. Горела даже Руна.

– Нравится?

Город сверху выглядел совсем иначе. Весь в огнях, он будто становился волшебным.

– Да, – ответила она.

Влахос аккуратно убрал прядку белокурых волос с девичьего виска и коснулся губами нежной кожи, там, где совсем недавно зажила глубокая царапина. У девушки перехватило дыхание.

– Всё ещё боишься? – спросил он.

Она помедлила с ответом.

– Да.

И он поцеловал её крепче. Она улыбнулась.

– И теперь?

– Я трусиха. – Данка дрожала, но не от холода или страха.

Влахос взял её лицо в ладони. Поцелуй предводителя Ловчих был настойчив, но Данка даже не подумала его оттолкнуть. Она прижалась к нему и запустила руку в седые волосы. Он отстранился от неё и снова поцеловал, будто оставил на её губах свою печать. Оба разгорячённые, они просто стояли, не выпуская друг друга из объятий, и слушали шум внизу. Им обоим было жарко, и даже злой холодный воздух уже не кусался. Вечера, Альвгред, короли, касарийцы и эта свадьба остались для них где-то там, далеко позади, а во всём мире существовали только они вдвоём, здесь и сейчас, на верхушке башни Юрто.

Согейру в эту ночь не спалось. Заласканная Нила тихо лежала рядом, погружённая в нерушимые грезы, и улыбалась видениям. Легат завидовал жене, он уже давно забыл, что такое крепкий здоровый сон. Когда он спал, ему виделось поле близ Вильхейма, устланное изуродованными телами, или снилась Суаве в тугом ожерелье из рубинов, которые перерезали её горло, как рана. Его голова была забита ворохом мыслей.

Согейр долго говорил с самратом после свадебного пира и спросил, почему он так жесток со своей женой.

– Потому что её чрево забрало у меня троих сыновей, – ответил самрат. – Она проклятая ведьма и служит Чарне, как и её мамаша Исидея. Мне говорили, что не надо на ней же-

ниться, но я упёрся, как мальчишка. Но я выбью из неё эту дурь. А если не выбью, то убью!

– В Ангеноре к колдунам относятся с почтением. Они знают больше, чем знают обычные люди.

– Колдуны не могут знать того, что знает Бог! Все их знания не от него! И Меганира тому подтверждение! Ведьма! – Тонгейр бросил о стену кубок. – Проклятые дочери трона – все они ведьмы от первого до последнего колена! Жаль, что отец так поздно отобрал у Исидеи трон и утопил эту гадину! И я своими руками утоплю Меганиру, если она попытается научить Сенту и Астуру своему колдовству, вот увидишь.

Согейр редко встречал таких страшных людей. Если самрат Ютгейр был таким же, то неудивительно, что Идалира сбежала от него, предпочтя быт Ангенора существованию затравленного зверька, как это случилось с Меганирой.

– Твоя мать пыталась убить тебя. – Тонгейр развеял уверенность племянника в непогрешимости матери. – На третий день, как ты родился. Она просила отца отпустить её к мужу, но он отказал, и тогда она дождалась ночи и выпила настойку из волчьих трав. Яд убивал её несколько часов. Я нашёл её утром. Её тело лежало поперёк кровати, а рядом с ней под подушкой лежал ты и плакал. Видимо, ты спал, когда сестра решила задушить тебя, но у неё уже не оставалось сил пережать тебе шею платком, и она накрыла тебя подушкой в надежде, что ты сам задохнёшься. В тот же день отец отправил её тело и тебя на телеге в Паденброг. Он не хотел

марать руки кровью младенца, но и помогать тебе выжить не стал, позволив Богу решать твою судьбу.

Через час в коридоре башни послышался странный шорох, будто кто-то крался в темноте, стараясь издавать как можно меньше шума. Солдаты Согейра так не ходят. Может быть, Има? Иногда ей не спится, и она ищет Флавию, чтобы юркнуть к ней в кровать. Иларх и Делия уже несколько раз находили Стрекозок мирно спящих вместе.

Нет, шаг слишком широкий для ребёнка. Согейр встал, быстро натянул штаны и вышел из комнаты.

В коридоре на полу под зажжённым факелом, понуриив голову, сидел Альвгред и хлюпал носом. Он услышал звук и поднял лицо.

– А! Отец, – протянул он и снова уронил голову на грудь.

– Альвгред? – удивился Согейр и подошёл. Ему в нос ударил резкий запах дешёвого вина и забродившего пива. – О проклятье, ты пьян?!

– Пьян ли я? – передразнил его сын и устало засмеялся. – Ты даже не представляешь, насколько...

– Что ты здесь делаешь? Почему ты не с Вечерой?

– Мм? А с какой стати мне с нею быть?

– А ну встань!

Согейр резко поднял сына на ноги, схватил за загривок, как нашкодившего мальчишку, и поволок к выходу.

– Что происходит? – Легат потрянул сына, когда они вышли на плац, но, поняв, что это бесполезно, повалил его на ска-

мью, как мешок картошки. – Ну же, говори!

– Из-за неё, – бубнил юноша. – Всё из-за неё! – Но язык его заплетался.

– Из-за кого?

– Из-за Вечеры. Из-за кого же ещё?

– Что она сделала?

Альвгред забыл, что сидит не на стуле, а на скамье, облокотился на несуществующую спинку и едва не упал.

– Как выяснилось, много всего. Как думаешь, мой дед будет помогать нам сражаться с Теабраном, когда узнает, что его внук и наследник женился на ангенорской шлюхе?

Согейр ощетинился.

– Ты что такое говоришь?

Шея Альвгрета побагровела. Он подставил руку под голову, чтобы не упасть, потому что его так и тянуло свалиться на землю.

– Моя жена – шлюха, – сказал он совсем не так, как ещё недавно прошипел Вечере в лицо. Теперь он был спокоен. В нём просто не осталось сил на ненависть, всё сожрало дешёвое пойло.

– Почему ты так говоришь? – не унимался Согейр.

– А почему я не могу так говорить? Вечера – грязная шлюха.

Согейр навис над сыном, как туча.

– Ой, ну почему я должен объяснять очевидные вещи? – Альвгред закатил глаза. – Я был у неё не первым. Я это сра-

зу понял. Да, у твоего сына были женщины, папа. – Альвгред ткнул себя в грудь. – Много женщин, и он может отличить девственницу от шлюхи! Интересно, когда она предстанет перед королём с остриженными волосами, что он скажет? А что скажет её мать?

– Я не верю.

– Что, не веришь? Пойди сам проверь. – Лицо Альвгреда снова растянулось в глупой улыбке. – Пойди проверь! Думаю, эта дрянь не будет против...

Он не успел договорить, как получил пощёчину. Потом ещё одну, и ещё. Согейр хлестал сына по щекам, пока не стёр с его лица эту мерзкую ухмылку. Защищал ли он честь принцессы или ему просто претило слышать подобные вещи от сына, но он бил его без сожаления. Когда он закончил, Альвгред промолчал с полминуты, а потом из его глаз потекли слёзы, и Согейр видел, как с этими слезами превращались в воду мечты его сына и его влюблённость, и ему стало больно за своего ребёнка.

Он прекрасно знал, что ждёт Вечеру, когда Альвгред сообщит королю об этой ночи. Позорный столб, порка и обранные волосы. Было ему её жаль? Нет, и Согейру было противно, что она связала его короля с союзником опаснее любого врага.

– Сейчас ты пойдёшь в замок, – строго сказал Согейр, – и вернёшься к своей жене.

– Нет.

– Да, – настоял легат.

– Она мне не нужна.

– Она нужна самрату. Ты знаешь, зачем король устроил эту свадьбу. Заклеймишь единственную связь Тонгейра с тронем Ангенора позором – и не видать нам помощи у северных границ.

– Но...

– Никому об этом разговоре ни слова, и о том, что произошло этой ночью, тоже. Будем надеяться, что она забеременеет, и тебе вообще больше не придётся с ней спать.

Альвгред вытер слёзы. С гор подул злой ветер и защищал заплаканное лицо.

– А ведь я думал, – грустно произнёс он, – что она наконец станет моей. Так долго об этом мечтал. Никакая девка в моих мыслях не могла с ней сравниться.

– Ты мечтатель, – ответил легат, помогая сыну встать. – А все мечты рано или поздно разбиваются. Мне жаль, что так произошло.

И они расстались.

Альвгред побрёл в покои Вечеры, а Согейр ещё немного постоял на плацу, раздумывая об услышанном. Согейр всегда знал, что с ней было что-то не так, и у него руки чесались отходить её плёткой за боль своего ребёнка. Будь его воля, он бы сам остриг её волосы и приволок к королю, но он никогда этого не сделает, и сохранит всё в тайне, и будет, как и раньше, верно служить короне. Стоит ли говорить что-то

Ниле? Нет, не стоит. Эта тайна умрёт вместе с ним.

Он ушел, даже не обернувшись, но если бы он это сделал, то заметил бы, что чуть в стороне, под изгородью из выюнка, застыв с надкушенным яблоком в руке, сидел солдат отряда Королевских кирасиров и озадаченно глядел перед собой. В его голове только что сложилась мозаика, которая всё это время не складывалась. Так, значит, слухи оказались правдой? Солдату не было дела ни до слёз разочарованного в своих мечтах мальчишки, ни до злости его отца. Но что он может сделать? И может ли он что-то сделать вообще? Марций Рейес выбросил яблоко и беззвучно прокрался обратно в башню.

Глава 19

Пятна крови на его руках

Вечера знала, что Альвгред вернётся, и извинений от него не ждала. Его ненадёжная любовь закончилась с тем последним поцелуем, которым он одарил её перед тем, как обозвал потаскухой. Он проскользнул к ней в спальню на рассвете, и её едва не стошнило от запаха дешёвого пива, которым Альвгред поспешил залить своё горе. Она лежала, отвернувшись к окну, и притворялась спящей, пока он раздевался и ложился на самом краю, чтобы не касаться её. Как только его хмельное дыхание стало мерным и глубоким, Вечера повернулась. Бедный-бедный, жалкий муж.

Облака за окном лениво серели восходом, едва слышно кое-где чирикали сонные утренние птицы, пьяный город пах вином, зажаренным мясом и овощами. Сегодня Вечера и Альвгред должны были выйти на балкон тронного зала и предстать перед Паденброгом как муж и жена. Едва ли новобрачный теперь захочет взять её руку. Может быть, стоит ему всё рассказать? Нет, ещё рано – у Альвгрета слишком

горячая голова, ещё натворит непоправимых ошибок. Тогда придётся терпеть его ненависть. Что ж? Ей не впервой. Одним больше – одним меньше, какая уж разница? Зато армия и город её теперь любят. Расчётливая принцесса заблаговременно позаботилась о хороших свадебных угощениях и, минуя дотошного крохобора в казначействе, оплатила всё из своего кошелька. Любовь народа стоила ей нескольких голубых бриллиантов и изумрудных серёг, но это неважно. Что стоят браслеты и кольца, если скоро голову Алмазного Эдельвейса будет венчать альмандиновая корона?

«Валамар» согрелся в её руке, и Вечера встала. Альвгред ворочался на перине и скоро проснулся. Она не решилась с ним заговорить. Его обида теперь зияла между ними, как пропасть. Вечере было противно смотреть на мужа, на чьём помятом лице отражались все пороки прошлой ночи, и она молча отвернулась к зеркалу.

Когда она расчёсывала спутанные ночью волосы, Альвгред подошёл к ней сзади и тронул прядь у неё за ухом.

– Что ты делаешь? – Смутное предчувствие тревожно шевельнулось где-то в груди. Вечера не успела обернуться, как Альвгред с силой дёрнул её за волосы. Блеснуло лезвие ножа. Вечера вскрикнула, но Альвгред быстро полоснул клинком по натянутым волосам. Когда он отпустил её, на колени Вечеры упала прядь отрезанных волос.

– Скажи спасибо, что я не срезал их все, – буркнул он и ушёл в смежную комнату, оставив молодую жену один

на один с её стыдом.

Данка в ту ночь впервые проснулась всего один раз – ей снова приснился пылающий Негерд, и по её щекам снова покатались слёзы. Влахос будто сквозь сон почувствовал её испуг, нежно поцеловал и снова убаюкал. До утра она спала крепко и проснулась, только когда солнце уже лизнуло горизонт. Она сладко потянулась и натянула одеяло под самый подбородок. Влахос спал рядом, и его лицо казалось встревоженным.

«Nasqudimaso... tache, tache», – шептал он во сне. Глубокая морщина между бровей разрезала высокий белый лоб. Кажется, его одолевал ночной кошмар.

Одну руку он просунул под подушку, на которой покоилась белокурая головка служанки, а второй прижимал её к себе. Данке, стиснутой его руками, вдруг стало очень уютно и спокойно.

– Что в твоих снах? – прошептала она и провела рукой по его мраморной щеке. Данка за свою короткую жизнь успела повидать и огненных эвдонцев, и сплетённых из зноя и вина кантамбрийцев, ангенорцев всех мастей, обсидиановых жителей западной Мраморной долины и даже касарийцев, в чьих жилах текла не то талая вода, не то кровь диких животных. Но самыми удивительными для неё стали воины Долины чёрных деревьев, чей лик в её воображении был преисполнен ночи и тихого мерцания одиноких звёзд.

Какой же он бледный – кожа светится насквозь, как фар-

форовая. Данка улыбнулась и прижалась сильнее к зацелованному в ночи мужчине, ощутив долгожданную безмятежность и покой.

Когда она проснулась в следующий раз, Влахоса уже не было.

Люди на площади галдели, свистели и все как один глядели на пару новобрачных, что стояла на краю королевского балкона. Даже с большого расстояния было видно, что теперь голову принцессы венчал золотой обруч наследницы алмандиновой короны, который сиял, словно объятый огненными всполохами. Брак состоялся. Теперь королю было кому оставить престол.

Позади Вечеры стояли Осе и Суаве, позади Альвгрета – Согейр, Нила, Тонгейр и Меганира. С безумной высоты балкона открывался вид, от которого захватывало дух, и молодожёнам потребовалась недюжинная смелость, чтобы не сделать трусливый шаг назад.

Для выхода Вечера не хотела надевать подаренный Чернильной Рукой кушак замужней дамы, но Эрнан сам пришёл к ней в покои, чтобы поздравить со свадьбой, и протянул Данке тот пояс, что напоминал два крыла, с вышивкой в виде перьев. Данка видела, как хозяйке не нравится этот подарок, и предложила его заменить, но Эрнан одним взглядом отогнал служанку и стянул пояс на талии принцессы, едва не лишив её возможности дышать.

Люди хлопали и что-то кричали, эхо доносило до балко-

на лишь обрывки восторженных возгласов. Осе стоял за спиной племянницы и пытался справиться со знакомой болью в левом виске. Острый край алмандиновой короны впивался в тонкую кожу на висках короля, и горячие багровые капли поползли по его бледному лицу к подбородку. Осе поборол импульс трусливо стереть кровь у всех на виду и сжал кулаки, но, когда она потекла сильнее, он всё же сделал шаг назад, чтобы толпе внизу не было его видно, и вытер лицо платком. Кожа на лбу короля шевельнулась и запылала, разрезаемая каменными краями. Со стороны это выглядело так, будто сама корона на голове короля кровоточит. Резкая боль кольцом сжалась вокруг его головы и стала невыносимой. Кровь стекала за расшитый золотыми нитями шёлковый воротник, расплываясь по нему густым пятном. Осе увидел замешательство на лице Суаве и отступил к самому занавесу. Оказавшись в тени арки, он сдёрнул в головы мучительную реликвию. Сквозь бьющий по глазам яркий солнечный свет он видел очертания Вечеры и Альвгрета, и ему стало не по себе.

Накануне свадьбы он снова позвал к себе Гезу и попросил её узнать у богов, что они скажут ему о Вечере. Обёрнутая коконом густого дыма дурманных трав, Геза сказала королю, что видит Вечеру на балконе, и на голове её две короны, золотая и алая, но руки и лицо её в крови. Услышав это пророчество, Осе по-настоящему испугался. Год назад он видел, что руки и лицо Вечеры были в крови его сына, и знал, что

следующей жертвой на её пути к трону будет он сам.

– Там всадники, – заметила Вечера, едва заметно кивнув в сторону, туда, где за городской стеной земля переходила из травянистого полотна в красный песок. Сейчас там клубились столбы пыли.

– Это не Теабран, – холодно отрезал Альвгред, хотя губы его улыбались. Он до боли стиснул руку жены и помахал толпе. От молодого наследника касарийского самрата веяло пресыщенностью после восстановленного этим утром правосудия. – Он бы не стал подсылать своих людей в город вот так среди бела дня. Может быть, вести от эвдонцев? О людях Иларха давно ничего не было слышно.

Когда молодожёны вернулись в тронный зал и слуги опустили тяжёлый занавес, Вечера увидела, как Гарай обрабатывает порезы на лбу короля, и к ней вернулось привычное ехидство.

– Корона сегодня капризна? – съязвила принцесса и, не дождавшись ответа, удалилась. В конце концов, корона никогда не причинит вред тому, кто её достоин.

Альвгред оказался прав – всадниками, прибывшими в город, был Калхас, старший брат Марция, который вместе с остальными эвдонцами отправился в поход, и служанка из Мраморной долины. За их лошадьми устало плёлся пеший спутник, пленник, измождённый длинной дорогой. По приказу Вечеры Влахос провёл прибывшую служанку к ней в покои, где они проговорили меньше трёх минут, а позже

девушка быстро удалилась, всё так же под надзором Бродяги, который сопровождал её до самых городских ворот.

– Кто она? – спросил Альвгред, видя, как незнакомка проскользнула мимо него в коридор и исчезла в сопровождении северянина.

– Никто, – коротко ответила его молодая жена.

– Ты дала ей деньги. За что?

– Скромная благодарность за труд.

– Какой труд оплачивают золотом?

– Это неважно.

Альвгрета оскорбила её немногословность.

– Мы муж и жена, у нас не должно быть тайн друг от друга.

Вечера села в резное кресло и поправила обручальные кольца.

– Раскрытие моих тайн обходится мне слишком дорого, – ответила она, с вызовом глядя на мужа. – Но если ты настаиваешь на откровенности, то я тоже имею право знать кое-что о тебе.

Альвгред всем своим видом дал понять, что скрывать ему нечего, и сел напротив жены.

– Спрашивай, – кирасир оскорбительно небрежно махнул жене, как Тонгейр, когда разрешал Меганире говорить.

Вечера благодарно кивнула:

– Итак, мы выяснили, что я – шлюха, недостойная сына наследника Касарии. Теперь твой черёд, мой милый муж. – В её устах эти слова прозвучали как оскорбление. – Где ты

был, когда бросил меня после первой брачной ночи?

Альвгред раздражённо фыркнул и напустил на себя важный вид.

– Ну, я жду.

– Решил глотнуть свежего воздуха, любовь моя, – ухмыльнулся Альвгред. – Запах этой спальни стал напоминать мне приторный запах Миртового дома.

– Тебе виднее, как пахнут Миртовые дома. И, как я понимаю, вонь дешёвого пива в таверне Нижнего города тебе в ту ночь пришлась больше по душе?

На виске Альвгрета задёргалась жилка.

– Ты за мной следила?!

– Сколько возмущения. Разумеется, следила. А ты как думал? Ты бросил среди ночи не миртовую девку, а наследницу трона. Я знаю каждый твой шаг, каждое твоё слово, которое ты вчера мямлил между пинтами дешёвого пойла своим собутыльникам о чести, о бабах. Думал, я не узнаю? – Вечера не моргая смотрела ему в лицо. От её взгляда Альвгрета бросило в дрожь.

– Я имел право там быть и говорить что хочу, – оскорблённо ошетинился он.

– Нет, не имел, – отрезала Вечера. – Ты теперь не простой кирасир, ты наследник Ангенора! Ты думаешь, твой поступок сослужил бы короне хорошую службу, не заткни Бродяга глотки тем жалким пьянчугам? Ты пошёл топить в таверне обиду? Тебе было больно? – Вечера подалась вперёд. –

Бедный Альвгред, давайте его пожалеем, ведь на его голову свалилось великое несчастье!

– Я хотел...

– Кто ты такой, чтобы что-то хотеть? Если ты не понял, ты будешь делать только то, что требует от тебя корона и твой титул! Забудь Альвгрета, чьим венцом мечтаний была хорошая драка да пинта доброго пива. Забудь Альвгрета, который очертя голову мчался в Миртовый дом, едва ему выпала возможность. Ты будущий король Ангенора и сын трона Касарии, а это значит, что теперь всем твоим желаниям придётся наступить на горло. И если это не сделаешь ты, в этом помогу тебе я. И уж поверь, я это сделаю, даже если мне придётся тебя оскопить!

Только сейчас Альвгред понял, что никогда в своей жизни не знал девушку, сидящую напротив. И только теперь в её злых глазах он видел настоящую Вечеру Роксбург, Алмазный Эдельвейс, которого так боялся король.

– Ты меня обманула. – Альвгред в гневе сжал полы плаща. Лицо Вечеры осталось невозмутимым.

– Неужели?

– Мне даже стыдно это сказать!

– А ты наберись храбрости. Или ты можешь нападать на меня, только когда я не жду?

Альвгред задохнулся от злости.

– В тот день, – наконец, произнёс он, – когда Осе сообщил мне о нашей с тобой женитьбе, он предупредил меня, что

я должен смиренно относиться к некоторым вещам, которые ты можешь выкинуть или могла выкинуть в прошлом. Тогда мне и в голову не пришло, что он говорил о... Я любил тебя, Вечера.

– Любил? Ты никогда меня не любил, Альвгред. Ты меня даже не знал, и не моя вина, что ты придумал себе сказку!

– Под кого в Мраморной долине ты легла? – со всей обидой и ненавистью прорычал Альвгред. – Ты бы не стала спать с тем, кого не знаешь. Это был Лаэтан, который только и мечтает, что о конях? Или его папаша Эрнан? Я видел, как он смотрит на тебя. В его взгляде было бы куда меньше похоти, если бы перед ним лежали голыми все девки Миртового дома! Или это был Марций? – Он решил пойти до конца. – Тебе нравится рубиться с ним на мечях. Так, может, ты и легла под этого даарима?..

Оплеуха. Альвгред схватился за онемевшую щёку и взвыл. Во рту появился солёный привкус крови.

– Идиот, – прошипела Вечера.

С этими словами она выбежала из покоев, хлопнув дверью.

Позже Альвгред пытался найти жену, но тщетно. Её не было ни в замке, ни в городе. Вечера исчезла.

Только Марций знал, куда она могла направиться. Когда он увидел, что из конюшни исчезла Велиборка и хлыст, которым Инто обычно выгонял быков из загонов, он сразу догадался, куда направилась принцесса, вскочил на Дыма и по-

скакал в сторону Редколесья.

Как Марций и предполагал, Вечера уехала туда, куда ещё ребёнком любила сбегать с Ясной и Кираном. В место, которое манило её, куда не показывал носа ни один здравомыслящий человек. Она направилась к Змеиной яме, при взгляде в непроглядную тьму которой цепенела душа любого ангенорца. Много веков яма дырявила земную твердь посередине вымершего леса, но теперь, когда Редколесье молитвами Гезы разрослось, к яме приходилось пробиваться сквозь густую зелёную чащу высоких деревьев, чьим стволам был не страшен ни хлыст, ни ксифос и чья толстая кора могла вытерпеть любые истязания.

Услышав знакомый свист хлыста, Марций понял, что едет в правильном направлении – Вечера где-то совсем близко терзала очередное дерево, и кирасир двинулся на звуки вдоль узкой тропы. Совсем скоро он увидел её. Она привязала Велиборку к узловатому сучку альмиона и самозабвенно хлестала ни в чём не повинный вековой дуб, впившийся корявыми корнями в край Змеиной ямы.

– Удивительно, моя принцесса, почему этот лес до сих пор не переименуют?

Хлыст замер в воздухе, девушка обернулась.

– Раньше здесь и вправду было мало деревьев, но теперь Редколесье превратилось в настоящую чащу, вы не находите?

На белом лбу Вечеры бисером блестели капли пота.

– В чём виновато это дерево? – спросил Марций, спускаясь с Дыма. – Скажите, и я его срублю.

– Оно виновато в том, что все мужчины дураки, которые считают, что только на их долю выпадают самые страшные испытания, – задыхаясь, огрызнулась принцесса и нанесла ещё несколько ударов по стволу.

– Будете держать хлыст без перчаток – сотрёте ладонь до крови. – Марций указал пальцем на руку Вечеры.

– Мне всё равно.

– Погодите. – Кирасир подошёл к ней и протянул ей перчатку. – Держите, ваша рука слишком маленькая и проскальзывает на рукояти. Нужно беречь вашу кожу. Иначе она за час станет похожей на кожу прачки.

– Или на кожу шлюхи из Нижнего города. – Вечера отёрла руку и провернула рукоять. – Слышала, они сами стирают себе бельё.

– К чему такие сравнения? – нахмурился Эвдонец.

Он заметил, что в глазах принцессы блестят слёзы.

– Вас кто-то обидел?

– Нет.

– Дело в Альвгреде?

Вечера фыркнула:

– О, мой муж лучший человек, которого я встречала. Одна беда – боги обделили умом. Вот и вырос не умнее гуся.

Марций бы никогда себе не простил, если бы рассмеялся, и заглушил смех.

Рейес с опаской посмотрел в сторону разверзнувшейся под ногами бездны. Даже он признавал, что его душа уходила в пятки при взгляде в это чёрное слепое око. Он поспешил отступить.

– Не стояли бы вы так близко к краю, моя принцесса, – сказал Марций предостерегающе. – Земля, того и гляди, просядет под ногами. Вы же не хотите снова туда упасть?

– Если и упаду, кому какая разница? Всем всё равно.

Вечера бросила плеть на траву.

– Вы знаете, что это не так, – возразил кирасир.

– Вот разбежусь и прыгну туда, и пусть меня сожрут змеи.

Вечера сделала шаг к яме, потом ещё один и ещё, пока не оказалась на самом краю. Марций испугался, что сейчас она действительно выполнит обещание.

– Принцесса? – он позвал её, но Вечера не обратила внимания.

– Как думаешь, что там?

– Смерть, – ответил Марций. – Не уверен, что хочу знать подробнее. Принцесса, прошу вас, отойдите от края.

– Я до сих пор помню ужас, который меня охватил, когда я оказалась там, внизу, в полной темноте. Помню холод и мрак. Когда Согейр вытащил меня оттуда, я неделю не могла согреться, а темноты боюсь до сих пор. – С этими словами она отошла от края, и Марций облегчённо вздохнул.

– Я сплю с зажжёнными свечами, – призналась Вечера. – Вчера порыв ветра потушил все свечи в моей спаль-

не, но Альвгред был так увлечён своей похотью, что не дал мне их снова зажечь, и я смогла это сделать только, когда он ушёл.

– Зачем вы рассказываете мне это?

– Ты бы оставил свою любимую во мраке ночи, если бы знал, что она боится спать в кромешной темноте?

– Я видел Альвгрета той ночью, – сознался Марций. – В стельку пьяного. Он плакал и разговаривал с Согейром.

Вечера сжала губы.

– И о чём они говорили?

Марций не знал, стоит ли ему рассказывать.

– О вас, – сказал он.

Принцесса прикрыла глаза.

– О боги, теперь меня до смерти будет преследовать этот вечно полный упрёка взгляд легата!

В груди её с новой силой запылал раскалённый котёл поруганной чести. Её тайна переставала быть тайной, и теперь вот-вот о ней узнает каждая мышь. Вечере казалось, что она стоит перед Марцием голая, во всей красе своего позора, и её затошнило. Она сжала кулаки, готовая к осуждению.

– Ты кому-нибудь рассказал? – спросила она.

– Зачем мне кому-то что-то рассказывать? Ваша тайна – только ваша.

– О тайнах обычно знает только один человек. А о моей с каждым днем узнаёт все больше людей. Что ты хочешь?

– В каком смысле? – не понял кирасир.

– Золото, бриллианты, сапфиры... Что ты хочешь за молчание?

– Лучше сбросьте меня в яму, чем вот так оскорблять. – Кирамир был как никогда серьёзен.

– Отказываешься от самоцветов? Одной моей серьги с рубином тебе хватит до конца твоих дней.

– Мне не нужны ваши украшения.

– Тогда чего ты хочешь? – оскалилась Вечера, бросив на воина тот взгляд, который бы убил, будь он ножом.

– Вы ведёте себя очень глупо, моя принцесса.

– Не глупее тебя, если ты отказываешься от богатства, которое я тебе дам только в обмен на то, что ты будешь держать язык за зубами.

– Тогда лучше подошлите ко мне Влахоса с его гаротой. Смерть меня не оскорбит, в отличие от подкупа.

– Не слишком ли много гонору для сына беглого эвдонца?

– Его достаточно для Королевского кирасира. Я никому не расскажу о вашей тайне.

– И чего стоит твое слово?

– Цена моего слова – моя жизнь. Клянусь.

С минуту Вечера просто смотрела на хмурое и честное лицо.

– Твоя жизнь, говоришь? Вы, мужчины, очень странный народ, – тихо произнесла она, облокотившись о ствол израненного дерева. – Все те, кто мне в чём-то клялся, предавал меня, а те, кто не произносил ни слова, рисковал ради ме-

ня жизнью, хотя был совсем не обязан этого делать. Лучше не клянись мне ни в чём, если хочешь, чтобы я тебе доверяла.

– Вы скажете, кто сделал это с вами?

– Думаю, догадаться несложно.

– Роланд.

– Он самый, – подтвердила Вечера, из последних сил стараясь не разреветься.

– Когда?

– Когда он и его родители гостили в Туренсворде в последний раз. Ты должен помнить. Ты разнимал его и Инто. Тот ещё говорил, что случайно кинул булыжник в сторону этого ублюдка.

– Помню. Значит, камень он бросил нарочно?

– Он сделал это за меня.

– Почему?

Вечера нахмурилась.

– Хочешь подробностей – сам его спроси, Инто там был и всё видел! Он отгонял Роланда от меня какой-то палкой. Или ты хочешь узнать от меня, какой я была наивной дурой, когда дала этому борову заманить себя в пустую конюшню? И как он лапал меня, зажимая рот рукой? Хочешь?

– Нет, – вовремя остановил её воин. – Не надо, я догадываюсь.

Марций редко злился и ещё реже думал о мести, но сейчас он бы с огромным удовольствием выволок наследника Алого

утёса на плац и окунул в ведро с навозом. И пусть Согейр хоть всего его исполосует плетью. Плевать.

– Почему вы не рассказали всё королю? – спросил Марций, сжав кулаки. – Он бы поступил справедливо.

– Осе? – Горькая усмешка скользнула по молочному лицу принцессы. – Осе знает, – сказала она. – Я первому ему всё рассказала, когда перестала реветь. И знаешь, о чём он меня спросил?

Марций отрицательно повертел головой.

– Он спросил, хватит ли у меня благоразумия промолчать о том, что случилось.

– То есть как? – Мужчине почудилось, что он ослышался.

– О, Марций, мой дядя тряпка, но не дурак. Он прекрасно знает, что из себя представляет Роланд, и он сам не рад, что когда-то обещал Элботам выдать свою дочь за их сына. Он знал, что связывает себя обещанием, которое не сможет нарушить, но он же не знал, в какого избалованного ублюдка превратится наследник Алого утёса. Роланд был настолько долгожданным, что родители позволяли ему всё, что он хотел. Я слышала, как дядя молится, чтобы Роланд изменился, но куда ему? Из дерьма вино не сделать. Но у этого дерьма за плечами многотысячная армия. Так зачем дяде было с ним ссориться из-за нелюбимой племянницы? Поэтому наш Тумтабард решил закрыть глаза на поступок Роланда, и даже приказал высечь Инто за драку. Палач двадцать раз рассёк ему спину до мяса за то, что он меня защитил, а его

мать три недели бегала к Гезе за мазями и дурманными травами, чтобы её сын не мучался от боли. Вот тебе справедливость Осе.

– И вы молчали до тех пор, пока прошлой ночью муж не открыл вашу тайну.

– По замыслу дяди я вообще не должна была выйти замуж. Я дочь погибшего короля. Со смертью Эдгара его род прервался. Я смогу получить корону только в случае смерти прямого наследника трона и невозможности сестры родить сына. Поэтому, как только Ясна выйдет за Роланда и родит мальчика, я сразу лишусь титула кронпринцессы. Свадьба с наследником Касарии – чистой воды авантюра. Как только мама родила брата, Осе сразу приготовил мне место няньки для его детей. И какое кому было бы дело, чиста я или нет?

– Почему вы не скажете Альвгреду?

– Ты же его знаешь. У Альвгрета пылкое сердце и мало мозгов. Скажи я ему правду, он убьёт Роланда. – Она повертела головой. – А мне это не нужно.

– А что вам нужно?

– Чтобы Роланд вышел на арену, Марций. – И она широко улыбнулась. – Чтобы он вышел на арену.

Король дал Калхасу аудиенцию, как только эвдонец отдохнул с дороги и утолил жажду и голод. Вечера, Альвгред, Согейр и Эрнан пришли в Комнату советов за тронным залом, чтобы выслушать его доклад. Тонгейр встречу проигнорировал и приказал Хранителю ключей снова привести к нему

Ласточку. На неё голую ему было интереснее смотреть, чем на беглого волосатого даарима.

– Что ты узнал? – волновался король, обращаясь к Калхасу, и всё время ёрзал на стуле. – Теабран в Приграничье?

– Нет, – возразил эвдонец.

Он был совсем не похож на младшего брата. Калхас был вылитый отец: длинные волосы, все в косах и бусах, густая борода, ниспадающая на волосатую широкую грудь, папины небольшие глаза, пухлые губы. Он был похож на дикого необъезженного скакуна, настоящего эвдонского дикаря без подков и седла рядом с братом, которого коснулась благотворная длань ангенорской цивилизации.

– Его там нет, но в Приграничье мы с отрядом встретили людей Теабрана. Почти полк среди Эмронских холмов. Отец сказал подойти к ним с юго-востока и остановиться за холмом. Когда настала ночь, мы окружили их и напали.

– Как охотники на дикого вепря. – Граф южных земель многозначительно хмыкнул.

Калхас продолжил:

– Пленник сказал, что состоял в армии Теабрана и что у него и его полка был приказ разместиться рядом с соседней деревней близ Негерда и ждать. За день до нападения люди Ложного короля привезли им доспехи как у северян и приказали выступать. За выполнение приказа им обещали по двадцать золотых крефов каждому, и в живых приказали оставить пару-тройку человек, чтобы те ушли в соседний город

и рассказали, что на них напали люди короля Осе. А после они должны были повернуть к Эмронским холмам и ждать человека, который принесёт им заработанные деньги. Они ждали несколько дней, пока не приехали трое солдат. Они забрали их коней, чтобы отмыть, дали три тюка с чистой водой, сказали ждать и больше не вернулись. И знаете что?

– Что? – подался вперёд король.

– Когда мы напали, половина из них была уже мертва.

– Как так?

– Вода в тюках. Вало Даис отпил оттуда и через минуту уже лежал мёртвым. Вода, которую привезли люди Теабрана, была отравлена.

– Вам удалось узнать имя человека, который стоит за Ложным королём? – Осе не удавалось скрыть своё волнение.

– Нет, – пожал плечами Калхас. – Пленный отказался говорить. Но в ночь перед нападением мы встретили нашего лазутчика. Он сообщил, что в армии этого человека зовут Кукольником.

– Какая прелесть, – улыбнулся Эрнан.

– Что за ерунда? – прыснул смехом Альвгред.

– Так говорят. А ещё говорят, будто этот человек родом из земель, что находятся за Дикими горами.

– Чушь! – воскликнул король. – Всем известно, что за Дикими горами только горы и ничего больше. Ни лесов, ни рек, ни городов, ни деревень – только горы! Кукольник из земель за Горами. Откуда только взялась эта глупость?

– Я передаю только то, что слышал.

– Неважно, как его зовут и откуда он. – Согейр постарался вернуть разговор в рациональное русло. – Что ещё о нём известно?

– Говорили, что этот человек очень богат и что он хранит свои золотые слитки в одном из банков в Мраморной долине. В каком именно, неизвестно. Возможно, их несколько.

– Допустим, это вовсе не новость, – скривила недовольную гримасу Вечера. – Конечно же, он хранит своё золото в Мраморной долине. Где же ещё? Во всём Ангеноре нет более надёжных банков. Даже король не может затребовать у них информацию, кто хранит у них свои деньги.

– Ещё лазутчик сказал, этому человеку и Ложному королю известно обо всём, что творится в Паденброге. Они знают о возвращении принцессы, знают имя дочери Согейра, даже какого цвета платья лежат в сундуке леди Нилы.

– Какие любознательные, – пригубил вина Монтонари. – Постараюсь не ходить по своим покоям без одежды. Не хочу, чтобы этот, как его там, узнал о шраме у меня на задку.

Осе прожёт Эрнана пылающим взглядом.

– Но мы это предвидели, не так ли?

– Предвидели, – согласился Согейр. – Значит, Теабрану известно, что у трона появился наследник под покровительством Касарии?

Калхас угукнул.

– Может быть, теперь он дважды подумает, прежде чем

пойти на Паденброг с мечами и пиками?

– Где остальные пленные? – спросила Вечера. – Ты сказал, что там был целый полк. Вы перебили всех, кто не успел отравиться?

Калхас снова угукнул.

– Но перед тем, как всех перебить, вы же узнали, где стоят остальные войска? – спросила Вечера.

– Нет, – волосатый эвдонец повертел головой. – А пленный молчит. Отец ему и зубы выбил, а он молчит. Но в Эмронских холмах их нет.

– В районе Креста их тоже не может быть, – вставил своё слово Чернильная Рука. – Эти земли контролируются моими людьми. Без моего, ох, прошу прощения, вашего, – он обратился к Осе, – разрешения там сурок не поселится, не говоря уже о маневрах многотысячной армии. Если бы там появился чужак, мы бы сразу об этом узнали. Остаётся запад и Приграничье выше Руны. Запад охраняют солдаты Ферро, а они приближённые королевы – им нет нужды прикрывать её врага. Остаётся Приграничье и все земли у Рассыпанных Бус.

Альвгред помрачнел:

– Ложный король сидит под крылом грифона. Совсем у нас под носом.

– По-моему, ты что-то недоговариваешь, Калхас, – вернулся к разговору Согейр. – Где твой отец? Разве ему не было велено вернуться в Туренсворд сразу после этого похода?

Калхас покряхтел, пожевал губами и заговорил.

– Когда мы всех перебили, этот, – он ткнул пальцем в сторону двери, намекая на пленного, – сказал, что в одном из разговоров люди Теабрана упоминали Аранские холмы. Ну, и...

– Только не говори, что Иларх направил своих людей туда. Калхас молча глядел в пол.

Со злости Осе стукнул кулаком по подлокотнику стула.

– Сколько у вас было людей?

– Тысяча. Около того.

– Сейчас для Паденброга каждый человек на счету, – негодовал король, – а Иларх уводит своих людей! И куда? Он нужен здесь! Куда именно он направил своё войско?

– Сказал, что поведёт людей на юго-запад, а оттуда повернёт южнее и обведёт войско вокруг холмов.

– Какой прок от его похода к Аранским холмам? Я отправил его разбить горстку людей, которые напали на Негерд, а не воевать против сотен тысяч!

– Если отец найдёт армию, он сможет сообщить нам, где они находятся, и армия Паденброга сможет напасть, – возразил Калахас со всем желанием оправдать отца.

– А лазутчики нам на что?! – вспыхнул разозлённый король. – Или я плачу им не за разведку? Или, может быть, Иларх думает, что целому полку проще проскользнуть мимо армии, чем одному человеку? Вы нашли тех людей только потому, что их бросили умирать, а не потому, что твой отец

показал себя как гениальный полководец, идиот!

В зале повисла тревожная тишина.

– ...Думаю, – первым зазвучал шёлковый голос южного графа, – в ближайшее время мы получим известия, что на людей Иларха напали. Король кинет людей им на помощь, потому что узнает, где сейчас находится Ложный король, и оставит в городе ещё меньше воинов, чем сейчас, а потом Теабран внезапно нападёт на Паденброг с той стороны, с которой мы не ждём. Все в этом зале уже слышали эту историю, не так ли, Влахос?

Всегда бледное лицо Влахоса побагровело.

Вечере стало дурно.

– Мы должны немедленно послать гонца с приказом Иларху срочно возвращаться. – Её лицо раскраснелось от волнения.

– А если его перехватят? – одёрнул её Осе. – Теабран узнает, что мы раскрыли его план.

– И что?

– Он переведёт свою армию в другое место.

– Он в любом случае это сделает.

– Нет, всё останется как есть, – решительно изрёк самодержец, будто проводя незримую черту между своим городом и воинами, которые вот-вот угодят напрямик в расставленные сети врага. – Пусть Иларх и его люди остаются там, где находятся сейчас. Если боги будут милостивы, они не найдут Теабрана.

– Иными словами, ты готов принести эвдонцев в жертву, если всё случится иначе? – ответила ему Вечера.

– Я предлагаю не торопить события, а сосредоточить усилия на том, чтобы убедить Тонгейра воевать на нашей стороне. Его армия нам лучший помощник, чем горстка эвдонцев.

Король опрометчиво забыл о присутствии в Комнате советов Калхаса. Эвдонец сжал кулаки, готовый взорваться гневом против короны, и напоминал быка, которому язык натёрли перцем. Все, кроме ослеплённого опасностью короля, видели, как огонь ярости полыхнул на дне его нефритовых глаз.

– Как же так, мой король?! – Калхас выступил вперёд. – Мой отец рискует своей жизнью ради вас!..

– А что я могу сделать? – воскликнул Осе. – Иларху было приказано сразу вернуться в город после задания, а он ослушался. Теперь из-за его своеволия я должен рисковать целым городом? Скажи спасибо, что я не пошлю за ним солдат, как за дезертиром! Если мы получим известия о нападении на отряд Иларха, мы хотя бы будем знать, что Теабран действительно находится у Аранских холмов. А если нет, то надеюсь, у Иларха хватит ума просто вернуться в Паденброг! Твой отец сам виноват в своём положении. Я заботился о нём, дал ему дом, а он ответил мне неповиновением. Я всегда знал, что эвдонцы больше охотники, чем воины, но я доверился ему. Только Теабран – не глупое животное. Если Иларх этого не понял, значит, то, что случится

у Аранских холмов, будет ему хорошим уроком! Теперь ты свободен. Можешь вернуться в Ласскую башню и отдохнуть. Но если я узнаю, что ты покинул город, я забуду обо всех твоих заслугах и повешу как дезертира.

С тем Осе распустил собрание.

Пленник заговорил сразу.

– Имена в обмен на свободу, – сказал он и повторял это каждый раз, когда к нему обращались.

– Не слишком ли много на себя берёт простой солдат? – Условия, выдвинутые наёмником, обескуражили короля. – Неужели ты думаешь, что сможешь заставить меня делать то, что хочешь?

– Имена в обмен на свободу, – настаивал пленный.

– Какая наглость!

Замученный человек, стоявший перед ним на коленях, вызывал у Осе чувство брезгливости.

– Между прочим, в городе уже знают, что ты у нас в руках, – сказал король, поправляя съехавший воротник. – Почему бы мне просто не кинуть тебя на растерзание толпе? Это страшнее, чем кажется. Ты прокричишь нужные мне имена раньше, чем люди разорвут тебя на куски.

– Имена в обмен на свободу.

– Неужели ты серьёзно полагаешь, что можешь диктовать королю Ангенора, что ему делать? Ты – грязь под моими сапогами. И неужели ты думаешь, что я и мои люди не сможем узнать имена иным способом? Пытками, например?

Пленник сплюнул скопившуюся во рту кровь и провёл языком по разорванным губам.

– Скажите, король, вам самому не страшно спать по ночам, зная, что с каждым днём тот, другой, подкрадывается к вам всё ближе и он сильнее вас?

– Паденброг ограждают неприступные стены, в Туренсворд мышь не проскочит без моего ведома. Замок наводнён преданной мне охраной, и каждый из этих людей будет защищать королевскую семью до последнего вздоха. Нет, мне не страшно.

– Тогда у меня для вас плохие новости. Все до определённого момента думают, что они в безопасности, пока им не перережут глотку.

– Как, видно, случилось и с твоими людьми.

– Как видно.

Король задумчиво потёр губы.

– Я всё равно не смогу тебя помиловать. Пренебречь правосудием было бы с моей стороны глупо. Я отказываю тебе в прощении.

– Тогда вы не узнаете имён.

– Узнаю, – уверенно заявил король, – завтра, послезавтра, через неделю – какая разница? Мы узнаем их иным способом и от другого человека, а ты будешь казнён, – король обратился к Влахосу. – Уведи его. Завтра его казнят.

Конечно, король не собирался казнить пленника. Послушав совета Эрнана Монтонари, он приказал соорудить

под окнами тюрьмы эшафот с колесом, но в момент, когда пленника привязали бы к орудию смерти, Хранитель ключей спросил бы у собравшегося народа, что делать палачу, и огласил бы условия, выдвинутые короне. Конечно, люди бы захотели увидеть, как подонка колесуют, но король как человек великодушный и справедливый публично помиловал бы его, узнал имена и пустил его на все четыре стороны – а дальше будь что будет. Самосуд всегда правил этими улицами под покровом ночи. При таком раскладе существовала огромная доля вероятности, что бывший пленник вообще не доберётся до городских ворот живым. Осе возлагал большие надежды на такой исход.

Пленника бросили в темницу, и лишь к вечеру Корвен распорядился, чтобы Данка принесла ему немного еды.

Она его сразу узнала, как только увидела в коридоре, ведущем в тронный зал, и даже не сразу поняла, о чём её попросил Хранитель ключей.

– Можно, к нему пойдёт кто-нибудь другой? – Она впервые отказалась выполнять приказ Корвена. – Я не могу.

– Все заняты, – ответил тот, не замечая в своей занятости её испуга. – Иди.

Сейчас Данка сидела тише мыши и промывала на ноге пленника раны, оставленные лезвием эвдонской секиры, пока он жадно глотал зажаренное куриное крылышко. Девушка старалась казаться спокойной и прятала глаза.

– Я тебя знаю? – спросил пленник, выплёвывая кости.

– Нет, – ответила Данка. – Мы не знакомы.

– Знаешь, что меня казнят завтра утром?

– Я слышала.

– И как?

– Не знаю.

– А, по-моему, знаешь. – Пленник прислушался к далёким звукам, доносящимся в стороне. – Я слышу звуки молотка и пилы. Рядом что-то строят. – Он горько усмехнулся. – Виселица?

– Колесо. – Данка старалась сдержать свой гнев. Все её старые раны будто снова заныли.

Кусок хлеба застыл в руках пленника.

– Меня колесуют? – прохрипел он.

Данка продолжала аккуратно промывать его раны.

– Король хочет, чтобы город как можно дольше смотрел на смерть убийцы жителей Негерда.

– О боже! – задохнулся мужчина и, кинув еду на грязную солому, бросился к крошечному окну под потолком.

– Колесо! – выплёвывал он изо рта непрожёванный хлеб. – Колесо!

– Скажи им, что нужно, и король помилует тебя, – произнесла Данка, сжимая в руках кровавую тряпку.

– Помилует? Он уже сказал, что лучше казнит меня, чем узнает имена!

– Тогда очисти свою совесть.

– Ты совсем дура?

– Не хотите говорить имена королю, скажите священнику. Ноэ никому не отказывает. Пусть король и не помилует вас, но вы очистите свою совесть и свою душу.

– Вы поглядите, кто заговорил о душе? Шлюха из Негерда!

Данка прижалась к стене.

– Ты думаешь, я тебя не узнал? – Пленник бросился к ней и схватил за шею. – Ты та девка, которая встала на пути моего коня! Скажи спасибо, что я не зарубил тебя, как твою мамашу. Сладкая шлюшка!

С этими словами он прижал Данку к стене и сунул руку ей под юбку. Обкусанные ногти с зазубринами оцарапали ей бедро. Данка закричала, но нападавший подхватил её и стукнул затылком о стену, и крик девушки оборвался.

– Хочешь спасти мою душу?! Всё ещё хочешь!

И он повалил её на клочок соломы у себя под ногами. Оглушённая Данка выставила перед собой руки, но мужчина мгновенно отбил её ударов и сжал обе её кисти у неё над головой, пока его вторая рука задирала и рвала на жертве юбку. Данка потерялась в полутьме, всё произошло так быстро, что она даже не поняла, как мужчина оказался у неё между ног, а снова закричала.

Дверь в камеру распахнулась – на девичьи вопли сбежалась охрана. Они оттащили пленника от служанки и швырнули его о стену.

– Грязная шлюха! – ругался он, и его бешеные глаза го-

рели во мраке. – Хочешь спасти мою душу? – вопил он. – Хочешь? Так я скажу королю имена! Завтра утром! Скажу ему все имена!

Ослеплённая ужасом, Данка выбежала из камеры, подхватив разодранные юбки, и опрометью кинулась сквозь бесконечные повороты коридоров в свою крохотную комнатёнку. На повороте у лестницы, ведущей к ярусу с комнатами слуг, она налетела на кого-то из охраны. Мужчина подхватил её, как пушинку, и приподнял над полом.

Данка, не видя ничего перед собой, начала драться и брыкаться, но руки солдата оказались сильнее.

– Что случилось? Что произошло? – наконец услышала она сквозь пелену непонятного шума знакомый встревоженный голос.

Влахос тряхнул её и заставил посмотреть на себя.

В зелёных глазах Данки стояли слёзы.

– Что случилось? – повторил Влахос, взяв лицо девушки в свои руки, а она просто смотрела на него и ничего не могла сказать.

Влахос подозвал другого Ловчего и что-то тому приказал, а потом быстро отвёл Данку в свою комнату на втором этаже.

Комната Бродяги казалась чуть просторнее комнаты Данки, но была обставлена едва ли не так же скупой, как аскетичная монашеская келья. Сразу бросалось в глаза, что хозяин здесь почти не бывал. Сквозь одинокое узкое окно просачивался свет засыпающего солнца, который освещал един-

ственный стул и грубо обтёсанный стол, на котором стояли глиняный кувшин, кубок и лежала страшная маска в виде змеиноного черепа. В углу стояла узкая кровать, заправленная простым хлопковым бельём, а в её изголовье на стене поблёскивал крюк, на который, судя по всему, Влахос вешал свои доспехи на ночь. Это всё, что было внутри. Ни ковра, ни камина, только неуютные каменные стены.

Влахос усадил Данку на кровать и дал ей воды. Девушка смогла успокоиться только через несколько минут. Всё это время командир Ловчих сидел рядом с ней и обнимал, что-то шепча, но даже его объятия служили ей слабым утешением.

Вытирая слёзы, Данка, наконец, смогла рассказать Влахосу, что произошло в темнице и кем был человек, которого поймали эвдонцы.

– Он напал на тебя? – Влахос ласково гладил Данку по голове.

– Да. Но он ничего не успел. Я просто испугалась. Всё было как в прошлый раз.

– Он тебя больше не тронет. – Молодой мужчина прижимал к своей груди заплаканную девушку. – Я обещаю. Я попрошу Корвена, чтобы он посылал к нему других слуг, а ты больше в темницу ни ногой, поняла? Я скажу Хранителю ключей, чтобы он тебя не трогал, и предупрежу принцессу – у неё помимо тебя есть кому выносить ночную вазу. Сиди здесь и отдохни. Сегодня я дежурю ночью...

– Всю ночь?

– Я приду к тебе позже. Не плачь.

Впервые Данка действительно бросила все дела и исчезла. До самой поздней ночи она сидела в этом склепе с видом на дерево и горько плакала.

Влахос вернулся поздно – скользнул в комнату, подобно призраку, тихо разделся и лёг рядом с дремавшей Данкой.

– Я думала, ты придёшь утром, – прошептала она сквозь сон, прижимаясь к груди любимого.

– Я попросил Сеара выйти вместо меня.

– Что это? – Пальцы девушки нащупали на шее мужчины царапину, которой раньше не было.

– Застёжка на воротнике. Ерунда. Спи. – Он поцеловал Данку в висок и уткнулся в пахнувшие мылом волосы.

А уже утром Туренсворд сотряс тревожный звук горниз. Когда один из стражников пришёл в камеру, чтобы забрать пленника на казнь, он обнаружил его остывшее тело. Ночью кто-то перерезал ему горло.

Осе был вне себя от бешенства и учинил допрос всем, кто был вхож в темницу: ключникам, камергеру и страже в попытках выяснить, кто убил этого человека. Сеар знал, кто это сделал, но хранил молчание и исправно выполнял приказ короля, допрашивая возможных свидетелей. Конечно, никто ничего не видел и не слышал. Иначе и быть не могло, если в деле был замешан Влахос. Сеар понял это, как только увидел след на шее покойника. Лишь ненамётанный глаз мог разглядеть в этой ране след от ножа, но Сеар знал, что

подобные порезы оставляет тонкая нить стальной гарроты. Он спросил своего командира, не имеет ли он отношение к убийству, Влахос же лишь промолчал и продолжил скручивать вымытую и начищенную проволоку, вспомнившую вкус человеческой крови.

Когда предводителя Ловчих вызвали на допрос, Сеар хотел наврать, что всю ночь они с командиром провели на башне Ардо II, как вдруг его перебила Данка и сказала, что всю ночь Влахос провёл вместе с ней.

– Ты и Бродяга?! – изумлённо вытянулось худое лицо короля. – Подумать только. Все те годы, что Ловчие служат при моём дворе, он не был замечен в связи ни с одной девушкой. И вдруг ты? И ты уверена, что он никуда не отлучался, пока вы... ну... ты поняла.

– Я бы заметила, мой король. Влахос никуда не уходил до самого рассвета.

Ясне было больно, очень-очень больно слышать эти слова, но она не подавала виду, что желает Данке смерти. Богиня её не услышала, и Ясна прокляла свои наивные мечты.

Поскольку драгоценное время шло, а убийца пленного так и не был найден, король был вынужден пойти иным путём. Он приказал повесить тело покойника на площади под позорным свитком, в котором говорилось, что это один из убийц, напавших на беззащитный Негерд, и что он покончил с собой осколком стекла, когда испугался суда. И поскольку этот человек самоубийца, король разрешил жителям

Паденброга делать с его телом всё, что они захотят.

Спустя всего несколько минут вокруг останков уже собралась толпа, которая самозабвенно кидала в тело камнями и молотила дубинками, потом сбила его на землю, привязала к лошади и пустила по улицам Верхнего города, пока обезображенный труп не превратился в ободранный кусок мяса в обёртке из лохмотьев. После останки разрубили топорами, свезли к мосту Ворожеи и сбросили в Руну.

Королю очень не нравилось, что он разбудил в своих подданных подобную кровожадность, но был вынужден довольствоваться и такой формой правосудия.

Как и предрекал Чернильная Рука, всего через пару дней в Паденброг поступили вести с Приграничья – в районе Адельхейда, близ Аранских холмов на войско Иларха напали. Гонец сообщил, что эти новости ему передал один из лазутчиков короля. Когда его спросили, почему он так решил, тот ответил, что у этого человека была нашивка на внутренней стороне рукава в виде бычьей головы, как у всех, кто служит Осе.

Король сидел на троне как на иголках. Что если его нашивку подделали? Смог же Теабран изготовить доспехи как у северян, что ему мешает сделать нашивки как у шпионов короля? А если же всё это неправда, то войско Иларха всё ещё где-то бродит по равнинам и холмам Ангенора в поисках Ложного короля... но если на них всё же напали, имеется ли хоть единственный шанс, что кто-то уцелел?

Чувство вины не давало ему покоя и особенно сильно цапало его своей когтистой лапой, когда он видел Марция и Калхаса.

– И что мы теперь будем делать? – спросила Вечера, когда снова был созван совет.

Все посмотрели на короля.

– Ничего, – ответил Осе. – И прежде, чем ты начнёшь громко высказываться по этому поводу, Вечера, я тебе скажу. Эти новости могут быть неправдой.

– Тебе нужно, чтобы гонец принёс голову Иларха, чтобы ты поверил?

– Нет, но и кидаться в драку не имеет никакого смысла. Если на них напали, то наверняка уже всех перебили.

– Но там могут оставаться выжившие!

– Да, их участь печальна.

– Скажи это Флавии. Девочка уже давно бежит по Ласской башне и спрашивает Марция, где их папа.

– Амагина... – попробовал урезонить принцессу Эрнан и положил руку ей на локоть.

– Что?! – Принцесса вскочила, будто её ударили плетью. – Вы хоть понимаете, о чём говорите? Ты предлагаешь бросить человека, который служил нам много лет, умирать! А вы все согласно киваете! Я не прошу выслать за ними всю армию, но можно же послать нескольких людей поискать выживших!

– Чтобы их схватили и под пытками узнали наши планы на касарийское войско? – нахмурился король.

– Можно подумать, Теабран этого не знает. У него шпионов при дворе больше, чем блох на собаке.

– Мы ничего не будем делать, – настаивал король. – По крайней мере, ещё пару дней. Если ничего не изменится, так и быть, вышлю людей на разведку. К тому же вполне вероятно, что если эти новости – ложь, за это время Иларх сам явится в Паденброг, не будет же он вечно гоняться за Теабраном по холмам, к тому же...

Вечера не стала слушать оправдания короля и выбежала из Комнаты советов. Через минуту она уже была у бычьих загонов, где очень скоро отыскала Марция. Он уже всё знал и порывался броситься на помощь отцу. Вечера его остановила.

– Если ты уедешь без разрешения Согейра, тебя посчитают дезертиром! – Она схватила за узду встревоженного Дыма, удерживая эвдонца от бегства.

– Я не могу оставаться, когда моя семья там погибает! – Марций впервые был растерян.

– Два дня. Осе дал им два дня.

– И за это время они все умрут. Принцесса, поймите, я не могу...

– Я не хочу, чтобы потом тебя казнили. А ступишь за Ворота Воина у Согейра за спиной – Осе прикажет отрубить тебе голову!

– Но там мой отец и брат!

– Прошу, всего два дня. – Вечера тронула рукой его за-

пьястье. – Тогда, в Мраморной долине, ты поклялся делать всё, что бы я ни попросила!

– Я помню. Но не просите меня остаться сейчас.

– Если тебя казнят за побег, я останусь совсем одна. – Обычно переливчатые глаза Вечеры сейчас были тёмно-серыми, как грозовые тучи. – Обещаю, позже я вышлю туда двоих всадников. Они найдут Иларха. Но ты останешься здесь. Обещай мне.

И Марций остался, снедаемый неведением.

А замок и город продолжали жить, как и жили до страшных вестей, и только Марций вздрагивал каждый раз, когда к воротам замка приближались всадники. И вот, после двух дней мучительного ожидания, ворота Туренсворда распахнулись в очередной раз, и на площадке у донжона остановилось несколько коней с полуживыми всадниками. Среди них был Иларх.

– Нас разбили у Адельхейда, – докладывал предводитель эвдонских беглецов. Весь израненный и будто растерявший половину своей силы, он лежал на койке в лазарете на среднем ярусе Ласской башни. К его замотанной чистыми повязками руке жалась маленькая Флавия, а в углу плакала его жена. – Теабран прятался там. Когда мы вышли из-за холма, то увидели его войско. Тысяч сто солдат, не меньше. Мы знали, что заметь они что-то, нас всех перебьют – с ними нам не тягаться, и постарались уйти незаметно, но у этого ублюдка везде свои глаза и уши. Мы отошли до края холмов, чтобы

наутро вернуться в Паденброг, но ночью на нас напали.

Его разбитые губы растянулись в горькой улыбке, а глаза наполнились слезами.

– Воины Теабрана не люди. Доспехи не пробить ни стрелой, ни мечом. Наши топоры разлетались о них, как деревянные. На лицах зеркальные маски с чёрными глазницами, пустыми, как у смерти, и все вооружены до зубов ксифосами, булавами. Даже на конях их доспехи с шипами. Командует ими всадник в шлеме в виде птицы.

Иларх не постеснялся присутствия женщин и детей и разразился такой кудрявой бранью, описывая неизвестного всадника, что Осе покраснел от смущения.

– Ты знаешь, кто он? – спросил Осе.

– Не знаю, и мне плевать! Я видел его всего раз, когда он отрубал голову моему сыну. – И Иларх заплакал. – Всего его изрубил, пока он ещё дёргался в судорогах! – скулил он. – Гадёныш, вонючая крыса! Я бросился к нему, чтобы убить ублюдка, но в меня попала чья-то стрела, и я упал. А он продолжал рубить моих людей, как яблоки. А потом... потом птицеголовый затрубил в горн и увёл своих людей. Я думал, нас оставили подыхать, но это был не конец. Они ушли, чтобы Теабран мог обрушить на нас огонь, о котором говорил тот мальчишка-монах...

– Так он существует? – голос короля дрогнул. – Огонь не выдумка?

– Существует, – кивнул Иларх. – Ещё на подходе мы заме-

тили несколько катапульт вдалеке. Таких огромных, что они касались неба. – Он поводил в воздухе руками, будто описывая контур неизвестного оружия. – Солдаты натянули тросы, и в небо полетели мешки. Лучники обстреляли их горящими стрелами, те взорвались, и небо вспыхнуло мириадами звёзд. Они падали на моих людей бесшумно, как пыль, и прожигали насквозь... будто проходили сквозь пустоту! Я успел отползти в какой-то овраг, закрылся телом Ларго и остался жив. А всё вокруг воняло жжёным мясом. Теабран сжёг почти всех моих людей меньше, чем за десять минут. Только единицам удалось уцелеть.

– Так Теабран сейчас в Адельхейде? – спросил Осе.

– Я не знаю, – прохрипел Иларх. – Возможно, там или где-то рядом. Ему нет нужды прятаться от кого бы то ни было с этим оружием. Он просто придёт в Паденброг и сожжёт всех нас вместе с ним. И какая разница, придёт он с севера или юга. Он просто оставит вместо Паденброга выжженную землю и сядет пировать на руинах.

Глава 20

Тавромахия

«Паденброг будет разрушен!»

«Паденброг будет сожжён!»

Весть о неизвестном огненном оружии, о котором раньше знали только по слухам, взбудоражила город. История знала массу примеров, когда новый правитель восседал на руинах разрушенного города, и теперь никто не верил, что их смогут защитить неприступные стены, если смерть обрушится с неба в виде дождя. В Паденброге становилось беспокойно, всюду нарастала паника. Даже последние приготовления к тавромахии прошли без обычного приподнятого настроения – все только и думали о том, что король Осе должен перестать просиживать штаны на троне и напасть первым, чтобы не дать чужаку подойти к городу ближе, чем на пару лиг. Так бы сделал король Эдгар, так бы сделал любой король.

Накануне тавромахии Вальдарих по традиции отвёл турдебальдов в таверну при Миртовом доме, чтобы мальчишки насладились последними часами жизни, потому что боль-

шинство из них уже завтра будут мертвы. Несколько воинов, как обычно, следили за порядком, но было тихо. Напуганные отнюдь не призрачной опасностью погибнуть уже через несколько часов, турдебальды сидели смиренно и скорбно смотрели на дно своих кубков, будто пытаясь рассмотреть там ближайшее будущее. Страшный мрак жуткого предчувствия отравлял их последнюю ночь.

Марций не хотел сегодня никуда идти и просил Вальдариха освободить его от обязанности няньки, но Согейр буквально вытолкнул его из Ласской башни, опасаясь, что без присмотра Эвдонец покинет город и отправится в одиночку мстить Теабрану.

Младший Рейес тихо сидел в самом дальнем углу таверны и пил, предоставив турдебальдов самим себе. Малиновка нежно, почти по-матерински гладила его по голове и что-то мурлыкала ему на ухо.

– Ты знала, что на Эвдоне верят, будто у Даимахов есть право решать, кто получит душу, а кто нет? – буркнул Марций, допивая кружку пива. Он был уже совершенно пьян и дал волю слезам.

– Нет, – ласково шепнула цыганка.

Марций хмыкнул.

– Актеон часто говорил, что всё это чушь, что ни у кого нет такой власти. Что, если Даимахи не могут уже несколько поколений произвести на свет никого, кроме идиотов или уродов, куда уж им решать, получит кто-то душу или нет.

Однажды, когда мы были совсем мальчишками, брат сказал об этом соседскому пареньку. Так, между делом, когда они спорили о покойнике, которого выносили из соседней хижины накануне. А тот пошёл и настучал кому надо, представляешь? Ему за это дали три медяка, а брату... Актеона выволокли из дома прямо среди ночи, притащили в Источник, а там полы из хрусталя, сам Пелегр сидит, как горгулья, как горбатое божество, на троне-лилии, весь окутанный светом свечей. – Рука Марция скользнула по гладкому бедру Малиновки. – Приказал брату сознаться в своих словах. А брат простой и смелый, но глупый, как осёл, взял и сознался. Тогда Пелегр приказал стражнику отрезать ему палец ножом для фруктов, а когда мизинец брата остался валяться на полу, Пелегр велел Актеону поцеловать свой изумрудный перстень в знак повиновения. А Актеон взял и плюнул в Даимаха, собрал все слюни и сопли и как харкнул ему в рожу! – Марций захохотал, будто ничего в жизни смешнее не говорил, а потом вдруг остановился, и лицо его помрачнело. – Пелегр обещал, что уже на рассвете его обезглавят, и приказал солдатам заковать в цепи всю нашу семью. Отец, едва увидя стражников на пороге вместе с закованным в кандалы сыном, понял, что это конец, схватился за нож. Он и Калхас убили их всех. После этого у нас оставался один выход – бежать с острова. Той же ночью мы оказались на борту «Чёрной Капитолины», бросив всё, что у нас было. – Марций замолчал и глубоко задумался. – Теперь Актеона обезглавил

всадник в шлеме в виде птицы. Брат говорил, что обманул судьбу, да только это она его обманула. – Он ещё немного помолчал и вытер лицо. – На Эвдоне за убийство дарима этому уроду не было бы ничего, но мы не на Эвдоне. Брат будет отомщён.

Малиновка вздохнула:

– Ты уже второй человек, который сегодня клянётся мне кому-то отомстить.

– А кто был первым?

Цыганка поманила Марция за собой и провела через дверь для слуг в соседнюю с домом соблазнов пристройку. Марций уже видел раньше это крошечное неприметное здание из неотёсанного кирпича и принимал его за сарай для мётел, но внутри оказалось жилое помещение, хотя с первого взгляда его можно было принять скорее за богадельню для нищих. Низкий потолок, с которого свисала бедная люстра с пятью свечками, небольшие окна, спрятанные за занавесками из дешёвой ткани, серые неуютные стены. По периметру и в проходах густо стояли узкие койки, забросанные стёгаными покрывалами, на которых дремали усталые миртовые птички. Разительный контраст между живописными богатыми комнатами для клиентов и этим убожеством заставил Марция удивлённо замереть.

– Это наша клетка. Здесь мы отдыхаем, – тихо шептала Малиновка, испуганно озираясь по сторонам. – Только хозяину не говори, что я тебя сюда водила, иначе он меня на-

кажет.

На одной из коек в дальнем углу сидел Войкан и держал на руках Ласточку. Даже в свете слабых свечей было видно, что голова птички перевязана.

– Три дня назад её последний раз отвели к касарийскому самрату, – взволнованно шептала Малиновка. – Он как обычно попросил её раздеться и ублажить его поскорее, а когда она закончила, спросил, какой она веры. Ласточка и сказала, что верит в богов Норинат. Тогда самрат положил перед ней десять золотых монет и сказал, что отдаст ей их за спиной хозяина, если она встанет перед ним на колени и попросит. Но нам же не платят, не удивительно, что она согласилась, встала на колени и попросила дать ей эти деньги. Тогда он сказал, чтобы она прочитала «Вирго-сатиму», молитву дев, тогда он даст ей ещё десять монет. Ласточка попросила разрешения одеться, потому что эту молитву не стоит читать шлюхе, да ещё и голой, а самрат сказал, что ударит, если она оденется. Когда она начала читать, он поставил её на четвереньки и взял сзади, как собаку... Она попросила её отпустить и заплакала, а самрат кинул ей в лицо горсть заработанных монет, схватил за волосы и ударил головой об угол кровати. Хорошо, что она осталась жива. Но когда её уносили, хозяину доложили о монетах, и он их забрал. Всё прикарманил. Скоро она снова сможет работать, но твой друг, – цыганка указала подбородком на Войкана, – обещал убить самрата. Обещал пустить стрелу ему между глаз.

Утром у шестнадцатилетних турдебальдов не болела голова, а прошлая решительность уже казалась миражем. Несколько юношей стошнило, когда Вальдарих позвал всех надевать кирасы и шлемы. Пути назад не было – теперь им только и оставалось ждать своей встречи с быком, перебирать в руках скрученную верёвку и молиться.

Люди, предвкушая реки крови, начали собираться на арене заблаговременно, чтобы успеть занять лучшие места. За ярусы у выхода из загона едва не случилась драка. Существовала примета, что того, кто стукнет по спине быка, который впоследствии убьёт своего турдебальда, весь следующий год будет ожидать удача. Поэтому чаще всего именно там толкались жители Нижнего города.

В секторах выше собирались представители благородных домов, менее озабоченные проблемами примет и суеверий. Многие приносили с собой собранные лепестки и семена, чтобы осыпать ими победителя, и камни, чтобы бросать их в того, кто выкинет чёрный платок.

Инто себе места не находил всё утро и всё время маячил возле шатра.

– Иди работать, – гнал его Вальдарих, опасаясь, как бы парень не натворил глупостей, и Инто уходил, чтобы через пару минут вернуться вновь.

Уже в десять часов жара стояла несусветная, зной вонючей свинцовой плитой лежал на арене. Дамы оведали себя веерами, мужчины обтирали лица платками, надушенными

лавандовой водой. Эрнан потягивал вино, поднесённое Золотой Росой, и теребил чётки. Суаве отказалась посетить обряд, Четта поддержала сестру, и они решили, что провести это время вместе в саду гораздо лучше, чем смотреть на убийства. Отказалась посетить тавромахию и Вечера. Она с самого утра, как только Альвгред покинул её, закрылась в дальней части покоев, где находилась её личная библиотека, и сказала, что хочет побыть одна.

А вот Ясна была лишена этой роскоши. Она пришла в ложу по приказу отца, потому что её жених должен был биться с быком и поддержать его была её прямая обязанность. Сам Осе также идти не хотел, но его звал к этому долг короля.

Никто не сомневался, что ложу посетит Тонгейр. Ему ли было не любить подобные кровавые игры? Рядом с ним смиренно сидела Меганира, которая мыслями будто была где-то в своём крохотном, сокрытом от посторонних глаз, внутреннем мире и не выказывала ни малейшей заинтересованности в происходящем. Родители Роланда также находились в ложе и переживали сильнее всех. Эрдор даже попросил слугу принести побольше воды и нюхательной соли для жены.

– Вот сегодня и узнаем, чего на самом деле стоит ваш сынок. Он сильный дикий вепрь или ма-а-аленький поросёночек, – издевался над ними Тонгейр. – Готовы увидеть кишки своего ненаглядного?

Последними прибыли Согейр и Альвгред. Они только что закончили встречу с добровольцами, которым давали по-

следние напутствия.

Люди внизу уже делали ставки на смерти и победы, кто-то торговал початками кукурузы и жареными кроличьими лапками.

Данка стояла позади короля, чтобы в любой момент подать ему вина, но ей не хотелось здесь быть. Ей было стыдно признаваться, но неожиданная смерть того пленника её обрадовала, хотя служила весьма слабым утешением в том, что ей пришлось пережить.

Песок покрывал ровным слоем весь овал арены и слепил алебастровой белизной, а агдеборги выглядели алыми каплями крови, готовыми вот-вот упасть на белое полотно. Воняло потом и горячим камнем. Солнце раскалило воздух, толпа требовала начала обряда. И вот, держа в руках две чаши с вином и бычьей кровью, на арену вышел архонт и произнёс молитву, прося Саттелит о милости к участникам, а Хакона – дать Паденброгу больше смелых воинов. После, во славу богов, он влил в поднесённый Полудницей кубок вино и кровь, смешал и вылил на середину арены. Полудницы в белоснежных лёгких одеждах с рыжим подбоем зажгли сандаловые ветки, призывая богов обратить свой взор на арену. Когда в ответ на это в небо взмыла стая жемчужных скворцов, блестя россыпью белых крапинок на груди, и расселась на высоких пиках над верхними ярусами, жрец объявил это добрым знаком.

В это время добровольцы – похолодевшие от страха дети –

находились в шатре, прилегавшем выходом к арене, и каждые несколько минут их становилось меньше на одного. Десять, пятнадцать минут. Больше времени обычно не требовалось. Либо бык сразу убивал турдебальда, либо на шестнадцатой минуте у юноши уже не оставалось сил убежать, и он выкидывал позорное чёрное полотно.

К двум часам четверо добровольцев уже были мертвы, четверо остановили обряд – сидящие в шатре понимали, что происходит снаружи, по воплям толпы, и сердца их холодели с каждым разом всё больше. У одного из турдебальдов случилась истерика, он сорвал с себя кирасу и убежал. Вальдарих приказал остановить его и заковать.

Потом последовала долгая пауза – чувствовали первого победителя, и в сердцах турдебальдов вспыхнула надежда. Первым победителем в этом году стал тот заика, который недавно дал сдачи Роланду. Его быка звали Камень. Был он не самым ретивым из всех, что жили в загоне, скорее, самым спокойным. Но всё же розги и перец разозлили его и заставили двадцать минут гонять турдебальда по арене, желая выпустить ему кишки.

День казался бесконечным, и быки с добровольцами постоянно меняли друг друга. Кто-то умирал и отправлялся в другой шатер в чёрном саване на носилках, кто-то побеждал, в кого-то бросали камнями и тухлым картофелем, и шатёр сразу выплёвывал на арену нового юношу.

Ясна почти всё время просидела, опустив глаза в книгу,

смысл которой никак не могла уловить из-за отвлекающих её внимание воплей. Она убирала её только, чтобы похлопать победителю, и зажмуривалась, чтобы не видеть, как уносят покойников. Каждый из них напоминал ей обезображенного Кирана, и она больше ни за что не хотела видеть его мёртвым. Была пара моментов, когда даже Эрнан поморщился от омерзения. Первый раз – когда бык разможил юноше голову копытом и не пускал к его трупу слуг, и второй раз – когда бык по кличке Вороной проткнул своего наездника розгами насквозь и выпустил ему наружу всю требуху. Если бы Лаэтан хотя бы заикнулся о желании принять участие в этом кошмаре, Эрнан бы лично отходил сына розгами. Сейчас же Лаэтан и Аэлис тихо сидели рядом с отцом. Они видели тавромахию впервые, и пелена грёз о благородной традиции, описанной в книгах, уже спала с их глаз. После очередной смерти девочка вскочила с места и убежала в слезах.

Солнце начало клониться к закату, и жара стала потихоньку отступать, отпуская собравшихся на арене людей из своего душного плена. С гор повеяло приятной прохладой. Слуги зажгли над каждым агдеборгом по факелу. Настало время Роланда.

Всё это время наследник Утёса прятал страх в самые потаённые уголки своей, казалось бы, чёрствой души, но ему было страшно, как зайцу, которого выследила и загнала голодная лиса. Бой, который когда-то казался ему чем-то далёким и нереальным, вдруг оказался совсем близко и вот-

вот мог обернуться совсем иной историей, чем та, которую будущий наследник трона нарисовал в своём воображении.

Он никогда раньше не видел тавромахию и представлял красивые картины собственной победы, которые были бы достойны остаться увековеченными на обсидиановой двери у входа в его склеп в Долине королей, но теперь, видя через отдёргнутый полог шатра лужи крови и слыша исполненные агонии вопли умирающих, он чувствовал, что душа его цеменеет предчувствием собственной гибели.

Когда Вальдарих подозвал его к себе, Роланда обдало холодным потом. Но он сжал свою верёвку, встал, забыв о том, как собирался небрежно размять затёкшие от ожидания плечи, и на ватных ногах подошёл к занавесу, который отделял его от триумфа или смерти.

– Будь сильным, – хлопнул его по плечу Вальдарих, как делал это с каждым добровольцем. – Будь мужчиной. Не дай страху себя контролировать. Зачем ты выходишь на арену?

– За победой.

– Что тебя опозорит?

– Побег.

– Кто тебе поможет?

– Никто.

– Тогда иди. Боги с тобой.

Роланд надел шлем и ступил на смердящий кровью песок.

Люди, пресыщенные кровавым зрелищем, уже смотрели на него как на очередную жертву, и он до боли сжал верёвку.

Его шлем будто стал меньше размером и начал сдавливать голову. Стало трудно дышать. Роланду захотелось его снять.

Толпа улюлюкала и хлопала. Роланду казалось, что они все хотят его смерти. Даже те, кто улыбался, желал увидеть его раздробленные кости.

«Ум-ри! Ум-ри!»

И даже небо над его головой сочилось пролитой кровью. Взгляд упал на торчащий из кармана уголок спасительной чёрной ткани. А что, если...

Скрипнули ворота загона, и на арену, как вихрь, вырвался Гнев и предстал перед зрителями во всей своей пугающей мощи и красе. Огромный чёрный бык с шестью длинными, выбеленными цинковыми белилами, рогами, налитыми кровью дурными глазами, слюнями, стекающими изо рта, мощными копытами – он был рождён убивать. Роланд физически почувствовал, как с него слетает спесь, как если бы с него вдруг содрали кожу.

Бык кинулся на него, и земля под ногами Роланда задрожала, точно юноша оказался в центре землетрясения. Жуткий крик, полный ужаса, вырвался из груди будущего кронпринца, и он почувствовал, как земля ушла у него из-под ног. Он не понял, как оказался на другой стороне арены, но бык уже бежал за ним, выставив вперёд острые, как пики, рога. Роланд снова кинулся в сторону и услышал, как толпа осмеивает его. «Позор страшнее смерти! Позор страшнее смерти!» Роланд проклял тех, кто придумал эту чушь. Они

никогда не встречались на арене с этим чудовищем.

Бык настиг свою жертву у одного из агдеборгов и поддел ногу Роланда, оцарапав голень, но тот не почувствовал боли – все его чувства застил испуг. Он отпихнул чёрную голову и едва увернулся от удара копытом в лицо. Роланд успел пробежать половину арены, как вдруг его нога за что-то зацепилась, и турдебальд рухнул лицом прямо в песок. Мелкая алебастровая пыль попала в глаза. В ушах зазвенело, юноша сдёрнул шлем. Земля перестала трястись, а значит, бык снова готовился к атаке.

«Это конец» – мелькнула в голове трусливая мысль, и испуг судорогой скользнул по лицу и нырнул прямо в глотку. Остатки обеда вместе со слюнями выплеснулись на песок. Трибуны захохотали. Вот так он и умрёт, по уши в собственной рвоте.

Слуга нерешительно тронул плечо притаившегося за занавесом шатра Вальдариха.

– Что? – Распорядитель отвернулся от блюющего Роланда.

– Срочное дело.

– Что случилось?

– Помните, вы приказали мне сегодня проверить все кирасы? – Слуга тарашил глаза на хмурого вояку.

– Помню, ты докладывал. Что-то не так?

Слуга побледнел.

– Когда все добровольцы были готовы, в кузнице оставалось пять кирас.

– Ну?

– А теперь их четыре.

Толпа на арене возопила, будто придя в восторг от чего-то неожиданного. Слуга и Вальдарих обернулись и замерли.

Раздался скрип, и рядом с головой ползающего на четвереньках Роланда распахнулись ворота. Он решил, что родители закончили бой за него, и кинулся к спасительной двери. Но не успел он ужом проскочить в убежище, как нечто сбилось его с ног, и наследник Алого утёса упал в лужу собственной рвоты. Это был другой турдебальд. Он стрелой вылетел на арену и с размаху ударил Роланда ногой по лицу. Резкая боль ослепила спесивого наследника, сжав весь его мир до крохотной точки оглушительной боли. Он взвыл, прижал к разбитой челюсти руку и откатился в сторону. Второй юноша решительно бросился на быка и кинул ему на рога верёвку, как путы. Гнев не был готов к атаке и замотал головой. Доброволец подпрыгнул, зацепился за один из агдеборгов, подтянулся, встал на знамя и двумя ударами сломал флаг. Агдеборг и факел упали в песок, турдебальд спрыгнул вниз и подхватил добытое оружие.

Вальдарих схватился за голову.

– Инто! Инто, что ты творишь! – кричал он, но его отчаянные вопли утонули в шуме беснующихся трибун, которые впервые за несколько лет увидели на арене что-то новое.

Роланд пытался удержать на месте выбитые зубы. В правой руке его соперник штыком держал знамя, а в левой –

факел, готовый в любой момент подпалить животному бок. Шаг, ещё шаг... бык почувствовал опасность и обернулся.

Гнев выставил рога и бросился на жертву. Человек увернулся и стукнул животное знаменем. Рога расшвирипевшего убийцы скользнули по железному шлему, оставив на нём глубокую борозду. Горящий факел впился в чёрный, блестящий от пота бок, и Гнев взвыл. Турдебальд воспользовался паузой, пока животное пыталось справиться с болью, схватил верёвку Роланда из пыли и проскочил между чёрными ногами. Он действовал быстро, как молния, толпа только и успевала ловить его движения то тут, то там. То он быстро спутывал передние ноги Гнева, то снова бил того по голове палкой, оглушая, как рыбу. Бык отбивался и пытался ударить его рогами, задеть копытом, но человек был умнее. Он сунул агдеборг между рогов зверя, вцепился в него, быстро подтянулся, как на турнике, перевернулся и оказался у быка на спине. Толпа замерла в ожидании. Человек со всей силы сжал ногами спину животного, обхватив его коленями, сорвал с агдеборга алое знамя и перекинул его через рога, как если бы это была сбруя. Ткань закрыла Гневу глаза, и животное ослепло. Бык жалобно заревел, начал брыкаться в отчаянных попытках сбросить своего всадника, но человек со всей силы натянул полотно и прижался к огромной чёрной туше всем телом.

Гнев ревел, Гнев мычал и дёргался из стороны в сторону, едва не упал, запутавшись в верёвке, но полотно плотно

обхватило его голову. Мотая головой, Гнев врезался в стену, и наездник едва не упал. Толпа взвыла, но турдебальд удержался и не оказался под смертоносными копытами зверя. Гнев пытался сбросить наездника ещё несколько минут, будто от этого зависела его жизнь, и вдруг он в последний раз встал на дыбы, подпрыгнул, ещё раз мотнул головой и остановился. Арена Туренсворда погрузилась в гробовую тишину. Что это? Люди переглянулись.

– Гнева оседлали! – крикнул кто-то внизу, и трибуны взорвались.

Убийца наследника подчинился воле человека.

Пока трибуны галдели, вопили, сыпали на голову победителя лепестки, наездник не спешил спрыгивать, он будто сам не верил в то, что произошло. Он сидел на широкой, покачивающейся между его ногами спине, не шевелясь, и внутри него всё дрожало. Он сидел на животном и всё ещё натягивал агдеборг, как упряжку. Но бык больше не сопротивлялся его воле. Всё кончено. Всё было кончено.

Вальдарих стоял у шатра, словно громом поражённый, и закрывал лицо широкими ладонями.

Наездник повернулся в сторону королевской ложи. Там, белый, как мрамор в тронной зале, стоял сбитый с толку король. Осе не знал, что ему делать. Приветствовать того, кто покорил своей воле убийцу его сына, или просто уйти?

– Сними шлем! Покажись! – крикнул Альвгред, и победитель подчинился. Он стянул тугой шлем, и все на арене

увидели победителя.

Это была Вечера.

На арене вдруг стало совсем тихо. Было слышно даже, как начали звенеть цикады на лужайках за ареной. Лепестки бесшумно падали с неба, как падает пепел. Вечера отбросила шлем. Все силы словно разом покинули её, оставив голую пустую оболочку. Слезы пробивали дорожки по припорошенному алебастровой пылью лицу. Всклокоченная грязная коса лежала на плече. Вечера осторожно стянула с глаз Гнева агдеборг и развернула его у себя над головой.

Никто не понял, кто прокричал это первым, но уже через несколько мгновений сорокатысячная толпа в один голос скандировала: «Женщина-король! Женщина-король!»

Глаза смертельно уставшей наследницы короля Эдгара засверкали, как два топаза, и счастливая улыбка заиграла на губах. Победа! Вечера расцвела, как цветок под солнцем. Всё кончено. И алые бутоны распустились на её щеках. Она взмахнула агдеборгом, и толпа возопила её имя. Ал-мазный Эдель-вейс! Ал-мазный Эдель-вейс!

Её личный враг сидел у стены и выл, как побитая дворняга. Теперь он – никто и ничто. Будто огромный камень свалился с плеч принцессы, и тьма конюшни и отчаянные крики о помощи больше не занимали её мысли. Отомщена. Она мельком глянула на Роланда и отвернулась.

Осе не вынес унижения и поспешил покинуть трибуну. Вечера видела, как он серой тенью скользнул к выходу из ло-

жи и исчез, но его побег более не заметил никто. Но это уже было неважно. Главное, что эти люди, её люди, теперь любили её, восхищались ею, боготворили её. Она – их признанная королева.

Когда всё кончилось, Инто с потухшей душой отчаянно пытался выстроить логическую цепочку событий в своей голове, чтобы оправдать предсказания Гезы. Он забрал Гнева с арены и отвёл его в загон для прирученных быков, а после, ощущая невыносимую гнетущую пустоту в груди, там, где раньше теплилась надежда, отправился обратно в конюшню, где получил подзатыльник от отца за грязные поилки и принялся грести навоз.

Вечера, не помня себя от усталости, вернулась в замок. Больше всего ей хотелось смыть с себя грязь, но Осе приказал привести её к себе.

– Что тебе нужно, дядя? – спросила она, вытирая лицо платком.

Осе сидел на троне и долго смотрел на неё, потом подошёл и молча отвесил пощёчину, которая стёрла наглуую ухмылку.

И в ней была вся его боль по погибшему сыну. Вечера приняла оплеуху с покорным молчанием. А потом просто ушла, оставив Осе наедине со своей потревоженной скорбью.

Несмотря на усталость, навалившуюся на её плечи, как огромный валун, Вечера быстро умылась, смахнула с кирасы пыль и поспешила к Ласской башне, где уже всюду чествовали победителей тавромахии. Всего их насчитывалось око-

ло двадцати трёх, и гвалт в их честь в башне стоял несусветный. Ужас юношей, победивших зверя, перешёл в отчаянное веселье и рвался наружу всеми мыслимыми способами. Они пили, будто завтра не наступит никогда, горланили песни, будто забыв, что накануне их жизнь была отравлена томительным ожиданием собственной смерти.

Когда Вечера переступила порог Ласской башни, та содрожалась от мужицкого хохота.

– Моя принцесса? – окликнул Вечеру Марций. Он и Войкан несли только что украденную из подвала бочку вина из Альгарды. Лучник спохватился и попытался быстро затолкать добычу за угол, но у него ничего не вышло.

– Вы решили почтить нашу гулянку своим присутствием? – спросил Марций.

– В некотором роде я тоже имею право здесь находиться, – ответила она с улыбкой, по которой Марций долго скучал.

– Тогда прошу, – сказал он и протянул принцессе руку, и когда она взяла её, он подал знак Войкану, и они в четыре руки подхватили её и усадили к себе на плечи. От неожиданности Вечера вскрикнула и рассмеялась.

– Королеве кирасиров – кирасирский трон.

И воины внесли принцессу в общую комнату, где сам воздух накалился от жара факелов и пропах алкоголем и едой. Никто не ожидал увидеть принцессу в этих стенах, да ещё и в кирасе, подобно мужчине, лохматую, смеющуюся. И её появление заставило воинов, бывалых и новых, стушеваться,

но лишь поначалу. К тому моменту, когда подошла к концу принесённая бочка вина и румяная от хмеля Вечера предложила украсть ещё две, она уже была своей на этом празднике победивших смерть. А когда дело было сделано, никому уже не было разницы, сидит с ними на одной скамье новобранец, воин или наследница трона, и всё чаще раздавались возгласы: «Женщина-король!»

Альвгред тоже был там, но держался в стороне, пока и во все не улизнул в свою старую комнату, где решил провести всю ночь, не желая более видеть жену среди солдатни.

Ровно в полночь Вальдарих вывел всех победителей на плац и выстроил в ряд. Вечера также стояла среди них, готовая пройти Таврод – обряд наречения кирасиров, который воины придумали сами, как отражение официальной церемонии кирасирской клятвы, которую проводит король.

Обряд требовал терпеть боль, и Вечера была к этому готова. В порядке очереди всем новым кирасирам ставили клейма на загривке. Когда подошла очередь Вечеры, Вальдарих протянул ей чашку с хомой – напитком, который притуплял боль. Вечера осушила его до дна и села на скамью. Воин аккуратно опустил её голову вперёд и убрал волосы. Боль от раскалённого клейма была жуткой, но короткой, и скоро оставила от себя только пульсирующие волны, скользящие по обожжённой коже.

– Теперь вы одна из нас, – поздравил он её и полил ожог хомой.

Глава 21

Монеты, решившие всё

Ближе к утру Вечера вернулась к нелюбимому мужу, но сердце её рвалось обратно в Ласскую башню, среди мужицкого быта которой она нашла свой истинный дом. Стены её просторной спальни теперь казались ей непомерно широкими, а потолки слишком высокими, когда ей было достаточно небольшой казарменной комнатёнки или даже койки – но в месте, где живут люди, которым она доверяет. Вечера не стала раздеваться и рухнула на шёлковые простыни прямо в грязной кирасе и сапогах. Её клонило в сон, и она решила поддаться этой манящей неге. Впервые за долгое время она крепко спала, и ей снился Киран. Он грустно улыбнулся ей и ушёл, и Вечера проснулась со знанием того, что больше никогда его не увидит.

Королевская семья восприняла её победу неоднозначно. Эрнан, Лаэтан, Четта и Аэлис были восхищены, Суаве и Ясна напуганы, Альвгред и Согейр растерялись. Сын трона Касарии многозначительно поднял кубок в честь Алмазного

Эдельвейса, когда она вышла к завтраку, но этим и ограничился.

Осе переполняла ярость, и он едва дождался, когда все удалятся на прогулку, чтобы остановить Вечеру в дверях.

– Как ты могла? – У него разве что носом не шла кровь от злости. – Как ты посмела?

– Я всего лишь сделала то, что не смогла эта трусливая свинья. – Вечере с трудом удавалось напустить на себя скупающий вид, но ей было не по себе от обращённого в её сторону гнева.

– Этого быка выбрал Роланд, а не ты! Ты хотя бы понимаешь, что натворила?!

– Роланд бы в любом случае проиграл, – огрызнулась принцесса. – Пусть лучше скажет мне спасибо, что остался жив.

– Он должен был умереть!

– Я знаю, дядя. Но, если ты хотел его смерти, лучше бы послал к нему Влахоса, чем доверять воле случая.

– Что? – Король обескураженно уставился на племянницу.

– Ты думал, я не узнаю? У Оллана и Ваноры, между прочим, в Туренсворде свои уши, дядя. Поэтому с твоей стороны было большой ошибкой отправить меня в изгнание именно к ним.

– Не понимаю, о чём ты говоришь.

– А я думаю, понимаешь. Незадолго до моего отъезда

из Эквинского замка по Мраморной долине слух прошёл, что Роланд выбрал Гнева сразу после беседы с тобой, когда ты навестил Элботов в их замке весной. До этого он хотел выбрать Пустозвона, эту ленивую клячу, с которой справится и ребёнок, но ты, ты внушил Роланду, что он станет достойным трона, только оседлав убийцу Кирана.

– Да, внушил! – выкрикнул король, сам не ожидая от себя признания. – Мёртвый Роланд гораздо лучше, чем разделяющий ложе с моей дочкой! Гнев должен был его убить, но Элботы всё равно были бы обязаны предоставить мне свою армию. А теперь их сын – выживший трус с перевёрнутой рукой Вейла на лбу, которого спасла от смерти женщина!

– Око за око, дядя, – ядовито улыбнулась Вечера. – Он унизил меня. Я унизила его. Теперь мы квиты.

– О боги! – возвёл руки к небу король. – Ты поставила личные счёты выше интересов государства!

– Роланд уничтожил мою честь, я уничтожила его. Ты же не думал, что я останусь в стороне после твоего отказа меня защитить?

– Я рассчитывал на твоё благоразумие!

– Считаешь, что я неблагоразумна? Считаю, сколько хочешь. Но не смей думать, что я глупая и что я заставила Роланда глотать пыль, не имея никакой страховки.

– Что за глупости ты несёшь? Какая ещё страховка?

– А такая, дядя, которая позволит тебе разорвать помолвку Ясны и иметь право требовать, чтобы армия Элботов при-

соединилась к королевской армии во всём составе по одному твоему щелчку.

– Ты, похоже, всё-таки ничего не смыслишь в политике, – Осе удручённо покачал головой, – Эрдор ни за что не отдаст своих людей после унижения сына.

– Как знать, как знать? – Полная превосходства улыбка просияла на лице принцессы. – Советую тебе спросить своего старого друга про торговый путь, который проходит через Альый утёс от севера к югу. Эта беседа сделает его намного стоворчивее.

– О чём ты говоришь? – не понял Осе.

– О золотых крефах с оттиском лилии, которые получает Эрдор Элбот за торговлю с Ложным королём и которые хранит в одном из банков в Мраморной долине.

Вечера сунула руку в потайной карман юбки и протянула дяде монету с оттиском герба Ложного короля и небольшой свиток с вскрытой печатью Алого утёса.

– Это мне на днях доставили из долины. Пришлось подкупить кое-кого, чтобы получить эти занимательные вещицы. Это, – она кивнула на свиток, – расписка Эрдора Элбота о том, что он передаёт Жемчужному банку сто тысяч таких монет.

Осе, не веря своим глазам, провернул в руке большую начищенную, совсем новую золотую монету, по краю которой тянулась руническая надпись: «Теабран Эссегридеон», и вчитался в документ.

– Подделка, – заключил он.

– Расписка самая настоящая и печать на сургуче тоже, как и монета. И хранение таких денег в Ангеноре незаконно, как ты знаешь.

Осе ещё раз перечитал документ. Вечера же не упустила возможность вбить последний гвоздь в гроб репутации графов Алого утёса:

– За твоей спиной, дядя, твой драгоценный друг провоцировал торговые сделки с нашим врагом, и тот платил ему своими деньгами. И всё было скрыто от чужих глаз, пока мой человек случайно не наткнулся на одном из рынков у Эквинского замка на лавку с украшениями, где один из покупателей расплачивался такими деньгами. Он проследил за ним и выяснил, что монеты были украдены из обоза, который прибыл из Алого утёса. Нам понадобилось несколько часов, чтобы выяснить судьбу этих денег. Через неделю их должны были отправить в плавильню у пристани, а готовые слитки вернуть обратно в банк.

– Измена... – растерянно прошептал Осе. – Измена!

– Именно, – сохраняла ехидное спокойствие Вечера. – Как думаешь, что напугает Элботов больше: унижение их сына и вымоленное помилование за заслуги перед королём, когда мы выиграем эту войну, или топор палача?

– Поганый ублюдок!

– Не буду настаивать на благодарности, Осе, но всё же я сделала это и ради Ясны. Теперь ты сможешь отказаться

от своих обещаний и найти сестре более достойного мужа среди менее спесивых графских сыновей.

– Тогда почему ты не дала Гневу просто убить Роланда? Эта бешеная тварь всё равно бы это сделала.

– Я уже сказала – унижение. Я не могла позволить Роланду умереть героем. Теперь ему и его семье придётся валяться у тебя в ногах, прося, как о милости, о возможности участвовать в битве за Паденброг. Лично меня это устраивает куда больше, чем почести погибшему турдебальду Алого утёса.

Осе пристально посмотрел в лицо нелюбимой племянницы, будто ища в нём ответ на важный вопрос. От её ответного взгляда Осе стало зябко, и в голову отчего-то закралась мысль, что, возможно, выдать Ясну за Роланда было бы куда лучше, чем оказаться в долгу у этого непредсказуемого существа. Нет, нет! Глупая мысль. Теперь его любимая Ясна была свободна, и этот юноша, которого Осе всей душой ненавидел, никогда к ней не прикоснётся. Это было самое важное.

– Знаешь, а ведь ты именно такая, как я о тебе думал, – произнёс король, возвращаясь на трон. – Хитрая, расчётливая, жестокая.

– Нет, дядя, ты не прав, – всё так же спокойно ответила Вечера, – я совсем не такая, я гораздо хуже. И советую это учесть, когда ты в следующий раз вздумаешь от меня отвернуться.

И всё же Осе не стал рубить сплеча, хотя всей душой же-

лал поскорее вышвырнуть Элботов из замка. Первым делом он распорядился, чтобы Ловчие как можно скорее выехали в Мраморную долину и привезли в Туренсворд виновника переполоха, чья подпись значилась на расписке рядом с подписью Эрдора Элбота.

Северные наёмники привезли казначея Жемчужного банка спустя всего несколько суток после того, как выехали из города, и сразу потащили его на допрос. Слуга золотой житницы был с головы до ног в дорожной пыли и невероятно зол, но, несмотря на усталость после тяжёлой дороги, кричал на своих похитителей и беспрестанно грозил им официальной жалобой королю. Пока он ругался на произвол и заходился в проклятьях, Ловчие оставались подчёркнуто равнодушны, а когда дошли до темницы, то и вовсе подхватили его под локотки и затолкали в тесную клетку, как обыкновенного вора.

Допросом занялся лично Влахос, что закованной в колодки жертве не сулило хорошего конца. Казначей Жемчужного банка возмущался, грозил подать в суд Мраморной долины и отрицал все вменяемые ему обвинения, но очень скоро, после того, как главарь Ловчих применил к нему лишь первую часть из арсенала известных ему пыток, его громогласные заявления о своей невинности сменились воплями мук. Их эхо разносилось по всему подземелью, вселяя ужас в остальных заключенных. То тут, то там доносились требования прекратить истязания, но они прекратились

лишь спустя несколько часов, когда служитель банка завопил: «Виновен!»

Данка видела, как Влахос вышел из темницы и опустился на пол, подперев спиной стену. Уставший, весь с макушки до пяток в кровавых брызгах, он был похож на волка, который после долгой погони разодрал на куски кролика.

– Что ты с ним сделал? – Девушка побоялась вытереть с его лица бурые капли. Сейчас перед ней сидел будто совсем другой мужчина. Совсем не тот, в которого она влюбилась. – Он же... Он же человек!

– Он моя работа, – спокойно ответил Влахос и вытер вспотевший лоб.

Когда Осе вызвал к себе Элботов для разговора без свидетелей, граф и графиня Алого утёса до последнего отказывались признавать свою вину и винили доносчиков, которые решили замарать их честное имя в грязи предательства. И только когда Осе представил им незаконную монету, расписку и замученного казначея, который, глядя им в глаза, подтвердил обвинение короля, весь лоск графов озера Веверн куда-то улетучился, оставив двоих жалких людей унижаться, стоя на коленях перед своим королём.

– Но это неправда, – задыхался от возмущения Эрдор. – Это всё неправда, мой король! Я не знаю, почему этот человек оклеветал нас. Это ложь!

– Я могу прямо сейчас отдать приказ о вашей казни, – гнул своё Осе, впервые за долгие годы ощутив в себе силу. Гнев

ли давал её ему, или в нём вдруг проснулась память рода Роксбургов, разницы не было, но в тот миг его переполняла упрямая решимость довести дело предателей до конца, как до него это делали все короли.

– Нет! Нет, прошу вас, мой король! – взмолился отец семейства, упав в ноги Осе.

– Молишь о пощаде? А о чём ты думал, когда получал деньги Теабрана? – И он оттолкнул графа Алого утёса.

– Я не получал, они не мои! Пощадите! – заливался слезами граф.

– Будешь продолжать врать, я сейчас же прикажу вас обоих обезглавить.

– Помилуйте! Помилуйте! – заплакала Анна-Марин, обхватив сапог короля. – Мы ни в чём не виноваты!

– Прошу, прошу простить нас, – не переставал унижаться граф Элбот. – Мы же ваши старые друзья, Осе. Друзья!

– Мы не друзья!

Крик короля, как приговор, дрожащим эхом раскатился по тронному залу и затих. Эрдор и Анна-Марин подняли изумлённые лица на Осе. Король выдержал необходимую паузу и с видом победителя произнёс:

– Больше нет. Но! Мои действия сейчас полностью зависят от вас.

Эрдор ухватился за проблеск надежды.

– Что вы хотите, мой король?

– Во-первых, я разрываю помолвку Роланда и Ясны, – вы-

двинул своё первое требование Осе.

– Но, но позвольте, – выказал неуместное возмущение опальный граф. – Помолвку нельзя разорвать! Боги против этого. Уже данное слово нельзя забрать. Иначе боги покарают наших детей!

– В таком случае, уверен, они скажут мне спасибо, если я очищу Ангенор от предателя. Вы клялись мне в верности, стоя передо мной на коленях в этом зале, и я назвал вас своими друзьями, а вы напрямую вели торговлю с человеком, которого я считаю своим личным врагом! И вы же ещё будете учить меня морали? Влахос!

В тронный зал вошли несколько Ловчих во главе с Бродягой.

– Уведи их с глаз моих. В темницу обоих. Следующие сутки палач, а не я, будет вашим другом. Надеюсь, раскалённые щипцы и кантамбрийский сапог научат вас верности одному королю.

Анна-Марин завопила и, вырвавшись из рук охранников, кинулась в ноги Осе. Королю было неприятно смотреть на унижение этой женщины, но он решительно не подавал виду, что его это трогает.

Король жестом приказал Бродяге остановиться.

– Я условий не меняю, – настоял Осе. – Ясна не станет женой вашего сына, но, если хотите вернуть моё расположение, то его придётся заслужить.

– Как? – в один голос спросили граф и графиня.

– Ваша армия окажется у Ворот Мира, когда Теабран подойдет к городу, и будет защищать Паденброг наравне с армией короны. Это условие для сохранения ваших жизней. Если мы победим, я помилую вас, но большего не ждите. Я был готов сдержать своё слово и посадить Роланда на трон, но теперь этому не бывать, и в этом вы можете винить только собственную жадность. Будь на моём месте мой брат Эдгар, он бы вас казнил, но я милосерднее его, и я даю вам шанс.

– Да! Да, наш король! – Супруги снова кинулись в ноги королю. – Мы сделаем что угодно! Один ваш приказ!

– И учтите, если вы продолжите торговать с Теабраном, я сразу узнаю. И тогда ваши обезглавленные трупы вывешат у ворот Туренсворда, а головы с набитыми землёй ртами насадят на пики рядом с ними. Ваши тела будут находиться там до тех пор, пока их не склюют вороны, а потом вашими костями я прикажу заправить пушки и выстрелить ими в сторону озера Веверн. Роксбурги предателей не щадили никогда. Я и так был к вам слишком добр, не вынуждайте меня передумать.

Сначала Ясна не поняла, почему Элботы вместе со слугами движутся в сторону Ворот Мира. Сначала она подумала, что они решили прогуляться по холмам и поглядеть на Редколесье, но потом заметила, что их кареты были набиты вещами.

– Почему они уезжают? – спросила она у отца. – Эрдор, Анна-Марин, Роланд – я видела, как они вместе со слугами

покидают город. Разве они не должны были гостить у нас ещё два месяца?

– После тавромахии всё изменилось, моя милая, – объяснил ей Осе и провёл рукой по золотистым волосам любимой дочки. – Видишь ли, я был вынужден разорвать вашу помолвку с Роландом.

Светлые глаза Ясны широко распахнулись от удивления.

– Прости, милая, я знаю, ты уже привыкла к мысли, что он станет твоим мужем, и ты уже привыкла к нему, но открылись обстоятельства, о которых мне трудно говорить, и которые помешали...

Он не успел договорить, как дочка бросилась отцу на шею и осыпала его лицо поцелуями.

– Ничего не говори, – улыбалась она и целовала его. – Папа, ничего не говори. Не хочу ничего слышать. – И обняла его с такой силой, с какой никогда не обнимала прежде.

Вечера всё больше времени проводила на плацу, где наравне с молодыми кирасирами обучалась бою на мечех и оттачивала умение держаться в седле на широкой бычьей спине, что оказалось сложнее, чем сидеть на спине послушной Велиборки. Гнев всё ещё не мог смириться с тем, что его оседлали, и иногда пытался укунить хозяйку за пальцы, когда она приносила ему яблоки или морковь, и толкал её, когда она выводила его на выездку.

Кузнец изготовил ему полный комплект доспехов и украсил их золотым клеймом с прозвищем быка, и Вечере стоило

огромного труда надеть их на упрямого зверя. Гневу не нравилось их носить, он постоянно жаловался своей наезднице, и пытался даже драться с ней, чтобы она сняла с него эти дурацкие путы, и только Инто удавалось успокоить его и заставить смириться с новой судьбой.

Ночью, уже после спешного побега Элботов из города, Вечера рассказала Альвгреду свою тайну, связанную с Роландом, и причины, по которым она молчала. Альвгред был обижен и мучился самым настоящим стыдом.

– Прости, но я тебя знаю, – нравоучительным тоном заметила Вечера, глядя на сникшего мужа сквозь ночь, когда они оба лежали в кровати. – Накануне тавромахии мне меньше всего был нужен труп младшего Элбота, когда на кону стоял мой собственный статус. Если бы ты убил Роланда, Элботы бы пошли против нас.

– Да, я бы его убил, – прошептал Альвгред, проведя пальцем по шее жены. – Всадил бы ему меч в горло по самую рукоять и наблюдал бы, как эта тварь захлёбывается собственной кровью. Я бы сделал это для тебя.

– Тебе нужно чаще вспоминать, что ты не только ангенорец, но что в тебе течёт и холодная касарийская кровь.

– Ты не касарийка, но холодна, как они.

– Я не холодна, а благоразумна. Половина моей крови родом из Мраморной долины, а там даже на ночную вазу не сядут, не взвесив все за и против.

– Хотел бы я так. Я привык сначала делать, а потом ду-

мать.

– Ты рождён под созвездием Тигра. Лучше для воина не придумать, когда отбиваешься от Волков ночей. – Вечера вздохнула. – Ты можешь быстро принимать решение, а меня зарежут, пока я буду всё обдумывать.

Альвгред отрицательно помотал головой.

– Марций говорит, ты одна из лучших кирасиров, которых ему приходилось обучать, а Вальдарих сравнил тебя с Эдгаром.

– А что они ещё могут сказать? Им же платят за похвалу. Вечере стало стыдно за свои слова.

– Думаешь, это правда? – спросила она после минуты молчания.

– Вальдарих никогда не врёт, – уверенно заявил Альвгред. – А вот Марций врёт. Я только сейчас стал замечать, как он на тебя смотрит. Будто ты для него мёдом намазана. Он положил на тебя глаз и всё время глядит, когда думает, что никто не видит. А я вижу. Теперь вижу.

– Прекрати. – Вечера стукнула ревнивца по плечу. – Тебе везде мерещатся соперники.

– Но это не значит, что у меня их нет.

– Я твоя жена.

– А я твой муж, и сегодня я буду спать на софе, а не делить с тобой ложе.

– Будешь, – согласилась Вечера.

– Но я уже попросил у тебя прощения.

– Ты назвал меня потаскухой, ударил, срезал прядь волос. Ты меня унизил. Теперь тебе придётся ждать.

– Ты права.

Наступила пауза, и Альвгред попытался взять руку жены, но Вечера сделала вид, что не заметила этого, и убрала руку.

– Ты видел Иларха? – спросила она. – Как он?

– Ругается, – поджал губы наследник самрата. – У этого человека не рот, а выгребная яма. Я, конечно, тоже не нежная лань, но Иларх, мне кажется, после Адельхейда помутился рассудком. Ходит по башне, пророчит всем смерть и всё время говорит о всаднике в птичьем шлеме и огне Теабрана. Этот огонь оставил ужасные шрамы на его теле. Левая рука почти вся обгорела. Геза дала Гараю какие-то травы для примочек, но и она не верит, что Иларх сможет управлять этой рукой. Он утверждает, что перед этим огнём теряет смысл любое численное преимущество нашей армии, что даже с войсками Монтонари и Элботов нам всё равно не выстоять.

– Вот в этом я сильно сомневаюсь, – скривила губы Вечера. – Признаюсь, поначалу меня тоже напугали слова Иларха, но, если подумать, любое оружие имеет свойство выходить из строя или заканчиваться. Почему это не может произойти с оружием Теабрана? – Она с шумом выдохнула. – Я знаю, что на этой войне многие умрут, но потери понесём не только мы. В армии Ложного короля не бессмертные, а такие же люди. Да, у них страшные маски, но под ними скрываются

люди из плоти и крови. А значит, их плоть можно разрубить, а кровь пролить. И я разрублю и пролью! Я дочь Короля Жезлов, во мне его кровь! Я встану во главе армии Паденброга и поведу нас к победе. А Осе пусть и дальше протирает штаны на троне, я добьюсь победы. Вместе с тобой, Согейром и всеми, кто присягнет мне на верность. И если Тонгейр не поможет нам, мы справимся и без него. Сейчас он слабое звено – надеяться на него попросту глупо.

– Я говорил с ним после тавромахии, – вдруг вспомнил Альвгред. – Его впечатлил твой поступок. Он сказал, что не ожидал, что женщина заткнёт за пояс ангенорских мужчин.

– Не сомневаюсь, – усмехнулась Вечера. – Он привык, что касарийские женщины могут быть только безропотными овечками, которые боятся даже глаза поднять на мужа.

– Он сказал, что поступок Алмазного Эдельвейса стоил того, чтобы пройти весь путь от Таш-Харана до Туренсворда.

– Тонгейр Свирепый признался мне в любви? – брызнула смехом принцесса.

– Думаю, да, – согласился Альвгред. – И такой соперник пугает меня куда больше Монтонари или Рейеса.

Вечера засмеялась.

– Тонгейр старый.

– Но это не мешает ему каждый день водить к себе Миртовых птиц. Не удивлюсь, если он обрюхатит Меганиру ещё раз, несмотря на седины.

Вечера запустила в мужа подушкой.

– Ты же понимаешь, что мы всего в шаге от того, чтобы всё-таки склонить самрата на нашу сторону? – спросил Альвгред, когда они перестали смеяться.

– Я бы не стала на это надеяться, – усомнилась Вечера. – Я понимаю, он твой дед, и ты, возможно, почувствовал родную кровь и потому хочешь, чтобы он нам помог, но Тонгейр... Я смотрю на него и вижу его холодные глаза. Он смотрит на нас всех как на своих жертв. Ты же видел Меганиру. Вот что делает Тонгейр с теми, кто оказывается от него зависим. Он унижает её. Попробуй запретить любой ангенорке смотреть на людей, говорить – и получишь кочергой между глаз, а Меганира покорно сносит все унижения. Рано или поздно Тонгейр её убьёт. – Вечера замолчала и внимательно посмотрела сквозь темноту в лицо Альвгреду. – Он не станет нам помогать. Он будет сидеть здесь и наблюдать, как Осе бегаёт вокруг него, как щенок, виляя хвостом, а когда ему наскучит, уедет и ничего не скажет о своём решении. Помнишь, как было во время нашей свадьбы? Он просто приехал, не предупредив о своём приезде вообще никого. Разве что ноги на обеденный стол не закинул. Он относится к нам как к своим слугам и не считает нас равными ему. Думаешь, он отправит своих людей за нас умирать? Ангенорские войска, кирасиры, Ловчие, кантамбрийцы, воины Алого утёса – это все, кто у нас есть.

– А мне кажется, с ним можно договориться, – поджал

губы юноша.

– С чего ты решил?

– С того, что пару дней назад я видел, как Тонгейр возвращался в замок из города. Я сделал вид, что не заметил, но на его ботинках были следы от синего мха. Тонгейр был на могиле Идалиры. Он любил и любит свою сестру. Пусть он никогда в этом не признается или будет отрицать, но он точно там был. И я это знаю, потому что отправился к ней на могилу. На ней лежали свежие цветы.

– Ты храбрый кирасир, но ничего не смыслишь в людях, Альвгред, – вздохнула Вечера. – Тонгейр любит сестру и ненавидит всё, что послужило причиной её смерти. А это всё, что связано с Ангенором. Кстати, тебе не показалось странным, что доспехи воинов Теабрана было не разбить секирами эвдонцев? Много ли ты знаешь кузниц, где могут изготовить такие доспехи? Если Тонгейр до сих пор скорбит по сестре, это значит, что от него можно ожидать что угодно, кроме помощи.

Глава 22

Хранители

Этой ночью Инто вновь подрался с отцом, и Хранителям ключей и казны, которые стали невольными свидетелями драки, пришлось их разнимать. Они как раз заканчивали затянувшуюся партию в шахматы, когда услышали возню под окнами.

Не сказать, что им удалось разнять дерущихся без труда. Отец Инто был в три раза крупнее своего противника, бил огромными лапами наотмашь и запросто мог сломать кость, стиснув её в кулаке. Да и мальчишка не уступал отцу в силе, хотя с виду едва ли можно было предположить, что щуплый парень вообще способен был оставить после своего удара хотя бы синяк. Со стороны их схватка походила на то, как если бы вертлявая тощая кошка нападала на медведя. Корвену даже пришлось схватиться за вилы, чтобы отбиться от пьяного верзилы, который орал, что ему пытаются выбить глаз молотком.

Когда поверженный конюх ушёл зализывать раны –

по всей видимости, в одну из таверн Нижнего города, – камергер и Хранитель казны отвели Инто на кухню, где кухарка Герта достала из-под стола чистые тряпки и набрала миску воды, чтобы промыть ссадины и царапины на лице мальчишки. Она привыкла, что эти вещи могут понадобиться в любой момент, пока в стенах замка живет его вечно пьяный ленивый увалень-папаша.

– С чего на этот раз началась драка? – осведомился камергер в перерыве между руганью по поводу оборванных пуговиц на манжете. – С чего весь сыр-бор?

– Отец издевался надо мной, над тем, что я хотел выступить на тавромахии, – всхлипывал Инто от горькой обиды, пока кухарка смывала грязь с его ободранных скул. – Дразнил меня недомерком, уродом. Сказал, что я цыганский ублюдок, а не его сын, и мой удел – сдохнуть рядом с навозом, а не носить кирасу. Когда я сказал ему, что выйду на арену в следующем году, он начал орать, что с удовольствием полюбуется, как бык размозжит мою башку, а деньги за мою смерть он спустит на бочонок хорошего эля, потому что ему от него будет больше пользы, чем от меня. Я разозлился и ударил его, он ударил в ответ, потом отпихнул меня и кинулся к половице у моей кровати, под которой я хранил свои деньги. Он отобрал у меня всё. Все мои сбережения!

– Неужели в твоём доме нет ни единого места, в котором можно спрятать твои гроши понадёжнее? – приподнял бровь Корвен.

– Я прятал. И под полом, и в подоконнике, зашивал в матрас, но он всюду находит мои деньги и спускает в таверне.

– Почему вы не пришли с этим ко мне? – тихо прошеле-стел казначей. Его голос был низким, спокойным и хищным. Он стоял у печи и тщательно протирал платком испачканные руки. Сальдо не терпел чужих прикосновений, но только скривлённые губы служили признаком того, что чужой пот, оставшийся на коже его рук, доводил казначея до исступления.

– А что бы вы сделали? – огрызнулся Инто. – В замке только и говорят, что вас ничего не трогает, кроме денег. И сердца у вас нет – одни цифры. Какое вам дело до моих проблем?

Корвен ухмыльнулся в сторону казначея:

– Хорошая у вас репутация, не так ли, мой угрюмый друг?

Сальдо поджал губы и буркнул:

– Меня это могло заинтересовать хотя бы потому, что налицо факт воровства.

– Отец воровал не у короля, а у того, кто целыми днями чистит бычьи загоны от дерьма.

– А какая разница? – Сальдо вопросительно поднял бровь.

Инто усмехнулся.

– Можно подумать, вы бы что-то смогли сделать. Вы теперь лучше смотрите, как бы мой папаша не встретил вас в тёмном переулке и не прихлопнул, как муху. У него сил и злости на десятерых, а мозгов как у голубя. Только и хватает, чтобы жрать, пить и гадить.

– Приму это к сведению, – невозмутимо ответил Сальвадор. – А когда вы успокоитесь, советую найти меня и обсудить, как можно решить вашу проблему.

– Вы, что ли, предлагаете мне положить деньги в банк, как королю? Да вы сама щедрость. Ай!

Из потревоженной ранки на щеке Инто потекла кровь.

– А ну, не дерзи! – зашипела Герта и прижала тряпку к его лицу.

– Разумеется, нет, – произнёс младший Монтонари и снова отвернулся к уютному пламени, продолжая полировать ладонь. – Но в моей власти хранить ваши сбережения в месте более надёжном, чем половица под кроватью или матрас.

– И с чего вдруг такая щедрость? – Инто недоверчиво нахмурился.

– Это не щедрость, а знание моих прямых обязанностей как Хранителя казны.

– Да хоть как называйте, что теперь толку? У нас с матерью всё равно уже ничего нет. Ни одного даже завалящего медного крефа. А до жалования ещё целая неделя. Матери теперь не на что даже пряжу купить, чтобы вязать сорочки на продажу. – Инто немного помялся, но всё же произнёс уже совсем без дерзости: – Может быть, вы могли бы одолжить мне немного денег?

Сальдо не сводил глаз с отполированных до блеска ногтей. Теперь его руки едва не светились белизной в приглушённом свете оплывших восковых свечей.

– Здесь я тебе не помощник. Я Хранитель казны, а не банк.

Он бросил испачканный платок в огонь и покинул кухню.

– Ишь, белоручка, – хмыкнула ему вдогонку кухарка.

Позже Корвен вернулся в библиотеку. Однако ему пришлось прождать своего оппонента некоторое время, прежде чем тот присоединился к нему, чтобы продолжить прерванную партию. Камергер не слышал, как он подошёл, Сальдо будто воплотился из тени книжного стеллажа, весь в привычном чёрном, как монах, снова застёгнутый на все монеты-пуговицы под самое горло, и неспешно прошёл к игровой доске.

– Может быть, вы скажете, зачем соврали Инто? – спросил Корвен, когда Сальдо садился в своё кресло. – Слуги, как и все, у кого нет титула, не имеют права пользоваться вашими услугами как Хранителя, или я чего-то не знаю?

– Вы правы, но я не врал. – Когда Сальдо зачитывал королю доклад о доходах с продажи северного вина и соли в Мраморной долине, его голос выражал куда больше эмоций, чем сейчас, когда он ответил на обвинение во лжи.

– Вот как? – Серые брови Хранителя ключей взмыли вверх. – Очень любопытно. Инто не покривил душой, сказав, что в Туренсворде у вас репутация весьма бессердечного человека. А сегодня вы намекнули, что под вашим чёрным камзолом кроется вполне человеческое сердце. Чему лично я, безусловно, рад.

Монтонари едва бросил взгляд на доску и съел его белую пешку.

– Не обольщайтесь.

– Почему же? Раньше я в одиночку отгонял от Инто его грязного папашу. – Корвен вернул долг, убрав с доски чёрного коня кантамбрийца. – А теперь у меня появился союзник.

– Мне не хотелось бросать старика биться с этим верзилой в одиночку.

Корвен пропустил мимо ушей замечание о собственном возрасте.

– Я всё видел. – Камергер шутливо погрозил ему пальцем. – Вы первым схватились за палку и ударили эту свинью. Ещё два дня назад я бы поставил деньги на то, что вы никогда не сделаете ничего подобного, а теперь вижу, что ошибался.

– Я скорее защищался, чем защищал другого, – возразил казначей. – Меня не прельщала мысль, что этот вонючий кусок грязи может случайно задеть меня своей лапой.

– Тогда зачем же вы пошли за мной? Оставались бы здесь в уютном кресле наблюдать, как я защищаю мальчишку.

– Я любопытен.

– И великодушны. Инто теперь будет у вас в долгу. Жаль только, что теперь мальчик остался совсем без денег.

– Я верю, вполне в ваших силах сделать так, чтобы он случайно нашёл у какого-нибудь загона пару потерянных кем-то серебряных монет. И я не великодушен, а расчётлив. Отец Инто – идиот. Но, что плохо, в чём Инто совершенно прав,

он сильный идиот. Рано или поздно, пытаясь украсть очередные гроши своего сына, он его убьёт. Если бы я не предложил ему свою услугу, будущая смерть мальчишки была бы на моей совести. А я не люблю её марать. Как и руки.

– Так, значит, вами двигал обычный эгоизм?

– Разумный эгоизм.

Корвен улыбнулся одними глазами.

– Как угодно. Но всё же вы больше похожи на своего старшего брата, чем можете в этом признаться. В вас тоже живёт эта идея бескорыстно помогать тем, кто оказался в беде.

Оливковое лицо Сальдо оставалось непроницаемым.

– Единственным в моей семье, к кому можно было применить слово «бескорыстный», был мой покойный отец. – Мужчина сделал паузу, размышляя, куда лучше поставить своего ферзя. – Вы же знаете, почему на гербе моей семьи изображена богиня Ллер?

– Потому что Альгарда – крупнейший порт на юге?

– Потому что у неё есть второе имя – Многоликая. Она оборачивается серебряными пузырями и топит корабли, а в виде страшного зубастого кита спасает утопающих.

– Так ваш брат возомнил себя китом?

– Скорее, возомнил себя богом.

– А мне казалось, Эрнан весьма бескорыстно помогает беглецам с Эвдона. Это благородно, хотя и глупо.

– Мой брат не благороден и не глуп. Он богат, благополучен, самолюбив, и ему скучно.

Сальдо убрал ещё одну пешку камергера.

– Вам же известно, что у нашей матери было три выкидыша прежде, чем она родила Фернандо? Неудивительно, что отец души в нём не чаял. Эрнан был любимым, зацелованным от макушки до пяток и снова до макушки, возведённым на пьедестал ребёнком. Он вырос в мире имени самого себя. Это – его единственная искренняя любовь. Когда отец понял, что воспитал неугомонное самовлюблённое создание, не поддающееся никакому контролю, он предпринял вторую попытку – так появился я.

– И вторая попытка оказалась удачнее? – не без иронии поинтересовался Корвен, но Сальдо не стал отвечать. Вместо этого он изрёк:

– Вы же знаете, что отец умер внезапно?

– Я об этом слышал, – заинтригованно ответил камергер.

– Отец никогда не болел, и вдруг умер от внезапной остановки дыхания. Сначала я поверил в эту причину, как и все в Вилле де Валента, пока не зашёл в наш фамильный склеп. Когда я снял с лица отца покров, то увидел, что его кожа почернела, как и кончики пальцев. Я немного знаю о ядах, но знаю, что один из них, амалабрис, оставляет именно такие следы. Я рассказал об этом матери и брату, и тот сразу обвинил в смерти отца Шеной, хотя лично я сильно сомневаюсь, что Паучиха стала бы действовать исподтишка. Но я знаю, кто стал бы. – Сальдо помолчал и взял кубок. – И моя доверчивая невестка отчего-то искренне верит, что приручила

этого человека. Её право. Моему брату это, видимо, даже кажется забавным. Эрнан будет сидеть на её цепи ровно до тех пор, пока сам себе это позволяет.

– Значит, Чернильную Руку лучше бояться?

Хранитель казны ухмыльнулся.

– С ним лучше дружить. А для этого нужно быть ему полезным.

– Что ж, пожалуй, прикажу принести в его покои ещё табачных курительниц, а на обед попрошу пожарить каштанов по его вкусу – я помню, это его любимое блюдо. – В голосе Корвена не слышалось и тени беспокойства. – А вы? Вас мне стоит бояться?

– Если задумали сунуть руку в карман короля.

– И в мыслях такого не было.

– Тогда не стоит.

– Кстати, сколько лет вы уже служите при дворе? Пять, если не ошибаюсь? – вдруг спросил с любопытством камергер.

– Вы знаете, что десять, – ответил казначей.

Корвен улыбнулся. Конечно же, он знал, сколько лет сидящий напротив него мужчина служил королю.

– Это треть вашей жизни. Разрешите поинтересоваться, вы всё ещё считаете себя кантамбрийцем или же в вас стало больше от ангенорца?

Сальдо поднял на камергера вопросительный взгляд.

– Вы же знаете Иларха? – спросил Корвен. – Предводителя эвдонцев.

– Его все знают, – Сальдо откинулся в кресле. – Его и его детей самого разного возраста.

– Его старшие сыновья Актеон и Калхас выросли эвдонцами, Марций считает себя таковым лишь наполовину, а вот младшая дочка до мозга костей ангенорка, потому что сутками носится по двору с местной детворой. Удивительно, как на человека влияет среда, в которой он проводит большую часть жизни, вы не находите?

– Вас беспокоит, может ли кантамбриец с фамилией Монтонари быть верным ангенорскому королю? – Казначей не стал ходить вокруг да около.

– Кантамбрийцы всегда верны своему народу.

– А ангенорцы – своему.

– И вы первый представитель другого графства, который поступил на службу Роксбургам.

– Понимаю, к чему вы клоните, Корвен, но хочу вас успокоить, для ваших подозрений нет никаких оснований. Я не считаю себя кантамбрийцем. В моей груди ничто не трепещет, когда я слышу родную речь, и меня не тянет возвращаться в Альгарду. Я королевский казначей, а это значит, что привязанность к чему-то, кроме своего дела, – роскошь, которую я, увы, не могу себе позволить. Я имею дело со слишком большими деньгами.

– Если я правильно вас понял, вы готовы отречься даже от собственной семьи, как от привязанности, только потому, что так вы сможете отгородить себя... От чего?

– Алчности. Она свойственна людям, у которых в жизни есть ещё что-то, кроме подобной работы. Став казначеем, я выбрал себе господина. И это – золото. Это то, ради чего меня назначили на этот пост, то, ради чего я встаю по утрам. Мой камзол – моя единственная собственность. Мое состояние – монеты вместо пуговиц, мой дом – Туренсворд, а мои дети – книги учёта и деньги короля, которые хранятся в Коралловом банке. Сейчас у меня есть всё, что мне нужно, и мне этого достаточно. Я служу деньгам.

– А я думал, вы служите короне. – В голосе Корвена слышалась тревога.

– Я служу казне. И тому, в чьих руках она окажется.

Белый ферзь застыл в руке камергера, не успев убрать чёрного слона. Камергер растерялся.

– Сальдо, вы понимаете, что это звучит, как измена? – встревоженно прошипел он, будто стены библиотеки вдруг превратились в один слух.

Монтонари-младший молча подпёр висок рукой, а в его тёмных глазах заиграл дотоле неизвестный камергеру огонёк.

Двое мужчин молча смотрели друг на друга, и Корвен всеми силами пытался прочесть мысли сидящего напротив него.

– Вы... вы шутите? – нерешительно спросил камергер, цепляясь за последнюю надежду услышать утвердительный ответ и развеять свои опасения.

Вдруг уголок губ Сальдо дёрнулся, и его бледное лицо расплылось в непривычной улыбке.

– Шутите? – Корвен почувствовал волну облегчения, как если бы с его шеи сняли тяжёлые цепи. – Вы пошутили?!

– А вы испугались, – кивнул Сальдо. Молодого мужчину будто смутила его же улыбка, и он быстро стёр её, пригубив вина. – Прошу меня простить. Я делаю это не столь изящно, как другие.

– Ну и шуточки у вас, мой друг. – Корвен залпом утолил внезапно накатившую жажду. – От них душа уходит в пятки.

– Поэтому я редко шучу. – Казначей сделал ещё один глоток. – Но, к сожалению, я бы соврал, если бы сказал, что сказанное мною полностью не соответствует действительности. Я люблю деньги. – Он коснулся тонкими пальцами губ. – Пожалуй, даже больше, чем следовало бы. Свои, чужие – мне нет особой разницы.

– Я так и знал, что вам давно пора жениться.

– Брак – прерогатива моего брата, – ответил Сальвадор.

– И вашему брату, признаюсь, повезло, – заметил Хранитель ключей. – Юрире Ферро – великолепная партия. Умна, красива.

– Считаете?

– Что значит красота, когда есть обаяние, которым супруга вашего брата наделена в избытке?

– Не замечал.

– Она великолепна, как алмаз в окружении изумрудов. На-

стоящее сокровище.

– А мой брат знает, что у него есть соперник? – ухмыльнулся Сальвадор.

– Что вы, что вы, – замахал руками камергер. – Я восхищён вашей невесткой как роскошным произведением искусства и даже не думал представлять свой морщинистый зад на её ложе. Но был бы я вашим ровесником – кто знает? Признаться, королева Суаве и графиня – женщины редкой прелести. Рядом с ними любой мужчина чувствует себя по-особенному. Что и говорить, если перед прелестью королевы не устоял даже Король Жезлов, а ведь его отец в своё время сомневался, что его старший сын вообще был способен любить. Как жаль, что вместе с Эдгаром умерла и душа королевы. В тот день Суаве потухла, как свеча, и обратилась в прах, и вряд ли что-то в этом мире заставит её снять вдовий кушак. А вот ваша невестка сияет, как слиток золота в солнечных лучах. Я радуюсь каждый раз, когда она приезжает в Туренсворд. Назовите меня сентиментальным стариком и скажите, что мне подобные вольности не по статусу, но мне не будет стыдно. И я уверен, многие разделяют мои чувства. Улыбка Юрире освещает собой всё вокруг, как Солнце – эту землю. Неужели вы не разделяете мои мысли?

– Нет. Не разделяю, – без лишних размышлений ответил Сальдо.

– Тогда, возможно, в вашей груди вспыхивает солнце при виде лучезарной улыбки какого-нибудь красивого юноши?

И такое бывает.

– Нет.

– Между прочим, с вашей родословной и данными, – Корвен смерил Сальдо оценивающим взглядом и на секунду остановился на красивых глазах казначея, которые, видимо, по непонятному недоразумению нашли своё место на довольно хищном лице, – вы составите завидную партию любой девушке в этом королевстве. Удивительно, что вы добровольно отрекаетесь от этой части жизни нормального человека. Слышал, младшая дочь Виттории-Лары проявляет к вам интерес.

– Валеска ещё совсем ребёнок.

– Ребёнок, который в будущем вместе с братом унаследует половину Шеноя. Она была бы для вас блестящим выбором, и политически верным, учитывая обстоятельства.

– Между прочим, вы уже можете поставить вашего ферзя на Е4.

Некоторое время они играли в тишине, и в головах каждого из них роились неведомые другому мысли. Первым молчание нарушил Корвен.

– Кстати, видел вас на тавромахии. – Он опустил ладью на голову чёрной пешке. – Странно, что вы пришли. Обычно вы предпочитаете заниматься делами. Все деньги королевства были посчитаны?

– Я делал ставку.

– Так вы азартны? Кто бы мог подумать? Ещё один плюс

в вашем списке человеческих качеств. Ещё немного, и я решу, что вы действительно человек.

– Я уже говорил, что любопытен.

– Это тоже свойственно людям. И много вы выиграли? – Корвен вглядывался в фигуры на доске, подсвеченные ярким пламенем нескольких свечей, и думал.

– Достаточно, чтобы завтра угостить своего друга в таверне Верхнего города хорошим вином.

– С удовольствием принимаю ваше приглашение. И если не секрет, на кого вы поставили?

– На Элбота. Точнее, на то, что его бой будет прерван.

Корвен поджал губы.

– Вы как в воду глядели. Ходили к Леди Полудня за предсказанием? Вы же говорили, что не верите ведьмам.

– В сказках сумасшедшей эллари отпадает всякая нужда, когда в твоём арсенале есть наблюдательность и расчёт.

– Порой её слова действительно похожи на бред сумасшедшей, – согласился Корвен. – Вот совсем недавно она предрекла Данке – это одна из наших служанок, – что однажды её лицо омоет принц. Подумать только, правда? Особенно если учесть, что эта традиция присуща брачной церемонии Святой Благодати.

– Потому я и не верю гадалкам. Слова Леди Полудня перечат истине разума. Год назад она мне предрекла судьбу легендарного вора. Можете себе такое представить? Эта женщина чрезвычайно увлеклась своими мнимыми беседа-

ми с богами. К тому же будь у Гезы дар, о котором все говорят, она бы не стала молчать о Роланде. А я знал, что свой обряд он провалит.

Корвен заинтригованно подался вперёд.

– Поделитесь своими наблюдениями?

– Роланд трус. – Вкрадчивый голос казначея отразился от стен библиотеки. – И свою трусость он прячет за силой, которую может применить только по отношению к более слабому. А ещё он самонадеян, и потому не признаёт своей слабости. И именно поэтому он должен был остановить этот бой. Единственное, в чём я ошибся, – я думал, что его остановит Инто. В этом мальчике гораздо больше амбиций и отваги, чем он думает. И отчего-то я думаю, что он собирался выйти на арену вопреки правилам, но его остановили.

Сальдо вдруг прервался, выдержав паузу.

Хранитель ключей заинтересованно ждал продолжения.

– Ну, говорите, не томите, – взмолился он.

– Данка всё время находилась в ложе короля, верно?

– Верно, я сам видел.

– Но кто-то же должен был помочь принцессе застегнуть на ней кирасу?

Умные глаза камергера подозрительно сощурились, будто ища подсказку в невозмутимом лице сидящего напротив мужчины.

– Инто? – протянул он.

– Инто, – подтвердил Монтонари. – Только он мог про-

никнуть в шатёр, где хранились кирасы для турдебальдов, и спрятать одну под мешками. Роланд должен целовать принцессе ноги за то, что она избавила его от унижения быть забросанным гнилыми овощами.

– К слову будет сказано, я видел, как он плакал в своих покоех после боя. Слёзы унижения на мужском лице – жалкое зрелище. Поделитесь наблюдением и расчётами, за кого же теперь король выдаст замуж Ясну?

– На вашем месте я бы больше беспокоился за вашего короля. – Сальдо кивнул в сторону шахматной доски. – Если вы опрометчиво съедите мою ладью в расчёте на шах и мат через три хода, я съем вашего короля уже через два.

Корвен ухмыльнулся своему проигрышу и указательным пальцем опрокинул белую фигуру.

– Мои поздравления. – Он размял затёкшую спину. – Вынужден признать, вы в который раз доказали, что лучший стратег, чем я.

Монтонари растянул губы в улыбке.

– Грешно проиграть, когда противник так славно поддаётся. А вы хитры, мой друг, но ваши действия были слишком очевидны.

– Заметили? Что ж, а я уж решил, что действительно так умён, как обо мне говорят. Выходит, что нет. Но вы не ответили на мой вопрос.

– А разве ответ не лежит на поверхности?

– Не думаю, что королева Суаве это одобрит. Лаэтан

и принцесса – двоюродные брат и сестра. К тому же король никогда не скрывал, что не хочет видеть вашего племянника рядом со своей дочкой.

– А вы видите среди сыновей графов Ангенора иные подходящие кандидатуры? Единственный оставшийся в живых сын графа Корбела выбыл из списка претендентов на руку принцессы, когда его отец перешёл на сторону Теабрана, Роланда оттуда вычеркнула принцесса Вечера. Отпрыски Даимахов? Пелегр лучше отгрызёт себе руку, чем нарушит обет чистоты крови своей касты. Мой племянник – самый подходящий выбор.

– Тогда почему в этом случае король сразу не помолвил их, а затеял историю с Элботами?

– Потому что король не доверяет моему брату, что весьма разумно. Хотите, расскажу одну историю?

– Конечно, хочу.

– Когда Эрнану исполнилось четырнадцать, отец купил ему эвдонского тигра, чтобы тот украшал наш сад в Вилле де Валента. Слуги кормили это исполинское чудище до отвала, чтобы оно ни на кого не напало, и приучили его к обществу человека. Постепенно тигр привык, что его окружают люди, привык, что его кормят, что его шерсть расчёсывают, и охотно подставлял живот слуге, выпрашивая ласку. Эрнан проводил дни напролёт рядом с этой зверюгой. Ухаживал за ним, кормил мясом с руки, играл и называл его своим диким братом. Однажды отец уехал на несколько дней

в Заречье и оставил Эрнана за хозяина. – Сальдо выставил указательный палец. – И первое, что сделал Эрнан, как только за отцом закрылись ворота Виллы де Валента, – набрал целую корзину камней и начал кидать ими в животное. Сначала мелкие, потом начал брать камни побольше. Зверь начал рычать и показывать зубы. Чурался слуг каждый раз, когда они приносили ему мясо. Когда он спал, Эрнан подкрадывался к нему и обливал холодной водой. Тигр начал нападать. Тогда мой братец приказал слугам не давать тигру еду. Когда животное оголодало и попыталось напасть на нашу домашнюю антилопу, Эрнан приказал загнать тигра в клетку, в которой его когда-то привезли с Эвдона. Он морил зверя голодом трое суток, и всё это время тыкал в него раскалённым железным прутом. Тигр начал кидаться на прутья каждый раз, когда Эрнан появлялся в поле его зрения. И тогда Эрнан пришёл к нему с мечом и открыл клетку. Голодный тигр напал, и брат отсёк ему голову.

По спине камергера побежали мурашки.

– Неужели он способен на подобное безумство? – поморщился он, гоня от себя образ изрубленного в неравной драке тигра.

– Когда отец вернулся, брат заставил слуг врать, что тигр набросился на одну из служанок, когда настало время очередной кормёжки, и у него не оставалось иного выбора, кроме как броситься на помощь. Так Эрнан стал героем. Сейчас он стал старше, но своим увлечениям не изменил. «Чёр-

ная Капитолина» – раскалённая кочерга, которой он тыкает под хвост Эвдон и Шеной, и скоро настанет день, когда этот тигр начнёт бросаться на прутья. И когда это случится, Эрнан снова откроет клетку. Есть люди, которым нужна война, Корвен. Мой брат такой человек, он всегда таким был. Вы всё ещё задаётесь вопросом, почему король не хотел выдавать свою любимую дочь за отпрыска Эрнана? А теперь у него просто не осталось выбора.

Глава 23

Чистое сердце, холодное сердце

В следующую пятницу после казни казначея Жемчужного банка в праздник Донэтан-Норинат король, как и предсказывал Сальдо Монтонари, объявил о помолвке своей дочери и наследника Кантамбрии.

Ясна восприняла эту новость почти равнодушно – Влахос теперь не скрывал своих отношений со служанкой, и у неё уже не было сил ни плакать, ни радоваться. «Ладно, пусть будет Лаэтан, – без какого-либо волнения подумала она. – Он благороден, неглуп и воспитан и никогда не поднимет на женщину руку».

По случаю помолвки и праздника Рождения мира была устроена пышная ярмарка. Было шумно и весело, всюду гремели радостные хлопучки, а в небо взмывали разноцветные ленты. Праздные горожане приветствовали друг друга словами «Доно-Норен», что значило «Разверзлась скала», и получали ответ «Интто Ревен» – «Жизнь дала». Это была отсылка к одной из песен «Новагерета», первой части книги

«Вилевдатт», где говорилось о создании мира. Песнь повествовала о том, как существующий мир был сотворён из висящей в сумерках скалы Норинат, в которую однажды ударила молния.

– Скала раскололась на две половины, – рассказывала Ясна, подглядывая в книгу, когда они с юным женихом после прогулки по праздничному городу отдыхали в саду в тени раскидистого рыжего альмиона, – и из её крошечных песчинок появились духи, нуэны, которых позже люди назовут богами: Хакон, Беркана, Эгиль и Веньё. Из горячей пыли Норинат и глины Эгиль смастерил себе инструменты и вытесал из половины развернутой скалы всю землю, а из пара, исходящего от раскалённой крови Норинат, он сделал небо, и было оно столь прекрасно и безгранично, что уста Берканы тронула улыбка, и из улыбки той родились семена, что упали на землю и проросли травами, деревьями и цветами дивной красоты. Слезы счастья наполнили ясные глаза Берканы и скатились на ожившую землю, наполняя собою реки и озёра, моря и океаны. Но то была солёная вода, и цветы на земле стали быстро вянуть. Не пришлось это по сердцу Веньё. Он спустился в реку, и стала она чернеть. Когда вся вода на земле стала чернее самой черной ночи, Веньё зачерпнул эту воду и испил её, и вода стала такой чистой и прозрачной, что были видны даже камешки на дне озёр, и всё вокруг начало оживать. Из второй половины нуэны решили сделать людей, что заселят всю землю. Эгиль взял свой молот Бет-

тек и ударил по камню, и рассыпался он на миллионы мельчайших камней, из которых вышли первые люди, в которых Беркана вдыхала жизнь. Хакон давал им силу и отвагу, а Веннё одаривал знаниями, чтобы они могли выжить в новом мире...

– А откуда появились горы? – Лаэтан прервал невесту на середине рассказа.

– Эгиль ударил ладонью о земную твердь, – ответила принцесса, – и там, где ударила его рука, появились хребты.

– А звери и птицы?

– Звери появились из цветов, сорванных Берканой, а там, где она смеялась, начинали петь птицы.

– И ангенорских быков тоже создали боги?

– Конечно. – Ясна вдруг усомнилась в уме своего жениха. – Ты что же, не читал «Вилевдатт»?

– Читал. – Лаэтан сунул в рот травинку. – Тебя проверяю. Мне нравится, как ты рассказываешь, не подглядывая.

Ясне напустила на себя важный вид и захлопнула книгу.

– Ангенорские быки появились на свадьбе Берканы и Хакона. Эгиль подарил им две статуэтки из чёрного мрамора в виде шестирогих быков, и Беркана вдохнула в них жизнь. А когда они спокойно паслись на лугу, Хакон ради шутки влил им в рот раскалённую лаву, которая наполнила их сердце и жилы, и из обычных быков они превратились в тех, перед которыми теперь трясутся коленки у любого врага.

– Но, если Эгиль смастерил две фигуры быков, откуда же

остальным было взяться? Они же оба были быками.

– Ты совсем глупый?

– У двух быков не может появиться потомства, – подмигнул Лаэтан, и его глаза озорно заулыбались. – Они же быки.

– Потому что они начали плодиться, когда на лугу у Многоликой горы им встретила первая корова. Эгиль высек её из алмаза, а Беркана оживила. Разве непонятно? – оскорбленно заметила Ясна. – Потому и считается, что чистокровными ангенорскими быками бывают только чёрные и белые.

– Значит, Вечера оседлала чистокровного быка? Потомка быков из мрамора и алмаза?

– Да, Гнев – один из немногих чистокровок, оставшихся в Ангеноре. А ты разве не заметил?

Её нравоучительный тон не нравился южанину, но воспитание не позволяло ему ей об этом сказать. Лаэтан всегда думал, что ближе к двадцати женится на девушке, похожей на его сестру, такой же задорной егозе, шумной, смелой и забавной, но Ясна была совсем не такой. Скучная, надменная, за всё время он ни разу не видел на её симпатичном, хотя и простеньком лице даже тени улыбки, и как он ни старался, все его попытки её рассмешить Ясна клеймила как неуместные и глупые. Он был расстроен выбором отца, но старался внять его убедительным речам.

– Твоя мама не всегда была такой, какой ты её знаешь, Лаэтан, – говорил Эрнан сыну. – Когда её доставили в Альгарду, она была непроницаема и холодна, как камень, потому

что ей с детства внушали мысль, что она – вещь и что её отдадут любому выгодному жениху, которого таковым сочтут её практичные родители. Она почти всегда молчала и предпочитала книги прогулкам по берегу, и только и знала, что во всём со мной соглашалась, потому что её так воспитали. А теперь? Твоя мама – самая красивая и пылкая женщина, которую я только знал. Она стала моим солнцем, которое согревает каждый день моей жизни. И такой её сделала любовь. Любая женщина отражает любовь своего мужчины, и тебе решать, каким будет это отражение.

Лаэтану было трудно следовать совету отца и стараться быть с Ясной приветливым, обходительным и внимательным. Теперь, когда они были помолвлены и проводили почти всё время вместе, присматриваясь друг к другу, он не верил, что ему будет под силу стать ей хотя бы другом.

Они часто сидели в беседке во внутреннем дворе Туренворда, выезжали на прогулку в город, наблюдали невероятной красоты закаты с башни Юрто, но, независимо от того, где они проводили время, Ясна не изменяла своему отстранённо надменному поведению, за которым угадывалась её непонятная и чуждая ласковому улыбчивому Лаэтану злоба.

Юноша старался развеять её раздражение и всё время рассказывал об Альгарде. О породистых скакунах в конюшнях Виллы де Валента и о том, как они красиво несутся вперёд, разрезая воздух, будто не касаясь копытами земли. Рас-

сказывал о цветущих садах юга, финиковых, апельсиновых и оливковых рощах, бурных водах пролива Каслин, на дне которого прячутся толстые жемчужницы, и о рифах, которые сгубили несколько десятков кораблей. Рассказывал о пиратских судах, что иногда проносятся по горизонту в стороне от Эвдона, о легендарной «Чёрной Капитолине» и о фейерверках в честь дня рождения мамы, которые отец устраивает каждый год. Он говорил и о празднике вина каждый последний день месяца, когда горожане выкатывают на улицы бочки своего лучшего вина и угощают прохожих.

Рассказывал Лаэтан и о Чумном граде – городе, о котором читала и его будущая жена. Он стоял севернее Альгарды и был покинут людьми два столетия назад, когда на него опустился Серый мрак. Те, кто успел, бежали в Альгарду и другие города Кантамбрии, а кто не смог, остался умирать, и теперь их истлевшими костями были устланы все улицы этого проклятого города. Говорят, спустя неделю после того, как город покинули люди, в дерево, что росло в центре городской площади, ударила молния, и пламя от него разнеслось ветром по крышам домов. Город выгорел полностью, а что не сгорело, разрушило время. И теперь Чумной град медленно превращается в руины, и никто не возвращается туда, чтобы его возродить, потому что земля его пропитана чумой и усыпана пеплом.

А ещё он рассказывал о Хоакине, танцоре, который никогда не выходил за пределы стен Альгарды. Люди верили,

что, когда он родился, его за ножки подержала сама богиня танца Версавья. Все звали его просто «он», и этого было достаточно, чтобы понять, о ком галдит восторженная толпа. «Он снова там, он снова танцует!» – и люди бросались на улицу, чтобы увидеть Хоакина. Он выступал на городской площади раз в неделю и собирал толпы зевак. Хоакин исполнял огненный кантамбрийский танец Эль Соль, и булыжники под его ногами раскалялись, когда он бил по ним железными набойками под магические звуки лютен и гитар. Этот человек был настолько же одарён богами, насколько расточителен и упрям.

– Зеваки дают тебе не меньше трёх пригоршней серебра и золота каждый раз, когда ты танцуешь, – изображал Лаэтан возмущённого отца, когда тот ругался с танцором. – У тебя нет ни драгоценностей, ни коней, ни дома, ни семьи. Почему у тебя вечно пустые карманы?

– Но у меня есть женщины! – отвечал за Хоакина Лаэтан. – Они мои драгоценные камни, мои лошади, мой дом, моя семья. Они заслуживают того, чтобы я тратил на них все свои деньги!.. – Юноша вдруг замолчал. – Ясна, а почему ты плачешь?

Слушая речи Лаэтана о родных землях, Ясна всё отчетливее осознавала, почему кантамбрийцы никогда не поймут ангенорцев и никогда не будут участвовать в тавромахии. Зачем им посылать своих детей на смерть, когда самым сложным испытанием в их жизни будет сквозь нежную дремоту

дотянуться до согретых на солнце оливок во время отдыха на овитой виноградной лозой веранде? А самым сложным выбором является выбор, какое платье надеть к обеду: шёлковое или бархатное?

И она ловила себя на мысли, что хочет туда, хочет в свободную Альгарду, хочет услышать чарующее пение её ласковых птиц, хочет вкусить сочных южных фруктов и увидеть настоящее бурное море, хлопать танцующему Хоакину, хочет убежать из дома. Подальше от кровавой арены, как можно дальше от безжалостной алмандиновой короны, дальше от благих намерений отца, из-за которых она задыхалась.

В тот же день они с Лаэтаном бросали камни в Змеиную яму, как когда-то принцесса делала это с братом и старшей сестрой, и вслушивались в странное шипение глубоко на дне. В тот день Лаэтан обещал, что в следующий раз, когда приедет с семьей в Паденброг, на свадьбу, он привезёт Ясне в подарок самый красивый кантамбрийский жадеит в обрамлении изумрудов, и там, на краю бездонной пропасти, наследник южных земель обещал быть ей заботливым мужем и другом.

В его клятве ещё не звучало любви, лишь преданность, продиктованная долгом и понятием чести, но его слова пронизывала искренность и решительность юного мужчины, готового на всё ради девушки, которую ему теперь вверено защищать.

Глава 24

Орда касарийского кадерхана

Наутро после праздника на подоконнике в комнате Данки зацвёл цветок, семена которого всего две недели назад ей дал дворцовый садовник, жалующься, что ни один из высаженных им у внутренних ворот Туренсворда цветов до сих пор не дал ни единого всхода.

Влахос уже ушёл на утренний обход, но подушка всё ещё пахла его мылом. Данка улыбнулась. Она любила этот аромат каждой своей клеточкой. Солнце ещё не выглянуло из-за гор, но шаги за дверью служили сигналом, что уже пора вставать.

Она поднялась и как есть, нагая, подошла к цветку. Ещё несколько дней назад она бы и не подумала ходить по комнате обнажённой, но Влахос приучил её не стесняться своего тела. Её кожа всё ещё хранила тепло его объятий.

Расцветший ирис источал дивный тонкий аромат. Чудо. Данка сладко потянулась и проверила повязку на ноге. Неглубокая ранка уже почти затянулась. Она сменила повязку и натянула рабочее платье. Пора готовить кирасу прин-

цессы к параду.

Данка быстро позавтракала и побежала наверх, едва не налетев на казначея, бесшумно вынырнувшего из-за угла Красной галереи.

– Осторожнее, – возмутился бестактно выкинутый из глубоких размышлений мужчина.

– Прошу прощения, Хранитель, – извинилась Данка и, опустив глаза, поспешила исчезнуть с пути этого нелюдимого человека, как вдруг...

– Не так быстро, – остановил ее Монтонари.

– Да?

– Ты сделала то, что я просил?

– Разумеется.

– Тебя кто-нибудь видел?

– Я так не думаю.

– Уверена?

– Уверена, – девушка бойко осадил подозрения казначея. – Их не найдут. А если найдут, то не заметят. Кузнецы неразборчивы и подмахивают в огонь всё, что лежит в том сундуке. Не беспокойтесь о них, лучше беспокойтесь о себе.

Аккуратные брови казначея сомкнулись на переносице.

– Не понял.

– Ещё одна подобная просьба, и я решу, что у вас действительно есть сердце.

С этими словами она быстро поднялась на носочки и чмокнула казначея в подбородок. Сальдо отпрянул от сме-

ющеюся нахалки, будто его ударили шпорой.

– Да какое право ты имеешь?.. – Но Данка уже юркнула за поворот.

Когда она вошла в покои Вечеры, принцесса уже не спала. Она сидела у зеркала и заплетала волосы в косу. Кушетка у стены, на которой спал Альвгред, была заброшена покрывалом.

Для самой служанки оставалось загадкой, чем она заслужила расположение этой недоверчивой особы с именем звезды, если та доверяет ей секреты, о которых Данка предпочла бы не знать.

Вечера готовилась к церемонии кирасирской клятвы и не могла скрыть волнения, на которое у неё было две причины.

Первая заключалась в том, что Гнев оказался более несносным животным, чем она ожидала. Он был совершенно необуздан и лишь иногда проявлял задатки боевого быка. Триумф на тавромахии оказался миражем, не имеющим ничего общего с действительностью. За тот месяц, что прошёл с момента обряда, на Гнева уже несколько раз находило безумие, и он превращался в неуправляемый вихрь, который в слепой своей ярости нёсся, не разбирая пути. Раньше всё обходилось лишь его рьяными попытками выкинуть принцессу из специального кирасирского седла, чего Вечере удавалось избегать только благодаря сноровке и цепкой хватке. Теперь же с каждым днём его поведение станови-

лось всё более непредсказуемым. Накануне бык дважды напал на Инто и даже выломал двери своего загона, будто ему шлея под хвост попала, а когда его удалось успокоить и вывести на плац, Гнев вырвался из рук Вечеры и протаранил выстроившихся на площадке кантамбрийцев. Никто чудом не погиб, но бык сильно ранил двоих, подцепив их на рога. Его удалось усмирить, лишь снова нацепив ему на глаза повязку.

– И что мне теперь прикажете с ним делать? – взорвалась гневом Вечера. – Гнев может вести себя, как боевой бык, только когда на его глазах тряпка! Что ему надо? Быть слепым? Как я поведу войско на битву на слепом быке?

Инто и Марций тщетно пытались её успокоить – Вечера их не слышала и разносила в щепки всё, что попадалось ей под руку.

Каждый раз, взбираясь Гневу на спину, она молила богов о благосклонности и просила их усмирить бурю в душе этого животного. Иногда это помогало, иногда нет.

Второй причиной для волнения служил недавний разговор, к которому всё шло ещё со дня свадьбы.

Самрат сразу понял, для чего король учтиво пригласил его на аудиенцию в Комнату советов и для чего туда пришли Вечера и Согейр.

Он смерил их хитрым взглядом и прошёл к столу с фруктами, чтобы взять и разломить голыми руками сочное яблоко. Он ел его, пока Осе говорил о касарийском оружии,

которое было найдено в утонувшем в крови Негерде, и сок тёк по его рукам. Бурая шкура медведя на его плечах пахла пыльным мехом и вином, а стеклянные глаза побеждённого хищника смотрели на короля. Всем присутствующим было не по себе при виде этого животного, накинутого на плечи другого животного.

Осе окольными путями и как можно тактичнее намекнул владыке Касарии на то, что, возможно, в доспехах армии Теабрана и оружия, которое было найдено в Негерде, угадывается колчедан, и аккуратно поинтересовался, бывали ли в Касарии случаи грабежей оружейных, которые, как известно, расположены близ Пепельного перевала, служившего дорогой через Частокол.

Никто из присутствующих не испытывал гордости за добровольное унижение короля перед северным самодуром, и даже Согейра тошнило от самодовольной щетинистой рожи своего дяди. Тонгейр волком глядел на Осе, и рот его кривился в ухмылке.

– Иными словами, – прервала короля Вечера, – король высказывает мнение, что наши подданные были убиты вашим оружием, а часть нашей армии столкнулась с армией, одетой в доспехи из касарийского колчедана.

– Покажите, – произнёс Тонгейр, и слуга положил перед ним свёрток. Самрат развернул ткань и обнажил сверкающий жёлтый клинок.

– Хм, – хмыкнул он и взял золотой меч. – Такие ковались

в моих кузницах около трёх лет назад. Теперь мои люди такие не делают. Они слишком лёгкие – рука теряет управление во время быстрого маха. Нет противовеса. Значит, его нашли в Негерде?

– Да, у сожжённых монастырских ворот, – подтвердил Влахос.

– Уж не хотите ли вы сказать, что я снабжаю армию Теабрана оружием?

– Мы говорим, что ваши подданные, возможно, верны не тому правителю, – замялся Осе. – А это, в свою очередь, значит нарушение установленного мира и фактическое объявление войны. Едва ли этот клинок был единственным в руках Теабрана. Но нельзя снабдить целую армию оружием незаметно – арсеналы пришлось бы грабить слишком часто. Но банальная продажа, легальная или нет, значительно упрощает задачу. Вполне возможно, что вашим людям есть смысл проверить Частокол на наличие тайных торговых троп.

– Да, – снова перебила короля Вечера, – мы считаем, что Касария снабжает армию Ложного короля мечами и доспехами, что весьма сложно сделать у вас за спиной.

– Хоть кто-то здесь говорит, как мужик. – Тонгейр впился зубами в яблоко. – Значит, ты, – он ткнул мизинцем в принцессу, – и вы оба, – та же участь постигла Согейра и короля, – считаете, что я продаю оружие Теабрану, перед армией которого у вас всех трясутся поджилки, как у овец, которых ведут на заклание?

– Мы можем только предполагать, – проглотил оскорбление король. – Но из слов Иларха следует именно такой вывод. Ни одна другая сталь не похожа на касарийский колчедан, а доспехи армии у Аранских холмов не мог пробить ни один клинок.

– Вы обвиняете моих подданных или меня?

– Мы не хотим никого обвинять, – ответил Согейр, – но вывод напрашивается сам собой.

– У вас есть личная причина мстить Ангенору, – твёрдо заявила Вечера. – Ангенорец стал причиной самоубийства вашей сестры.

– Пожалуй, я буду вести переговоры с ней. – Тонгейр показал подбородком на кронпринцессу. – Хочешь правду, красавица? Год назад Теабран предлагал мне весьма выгодные условия торговли. Даже давал авансом сундук золота, так у него руки чесались прикарманить мои клинки, но я отказался от сделки.

– Неужели?

– Мне не понравилась рожа человека, которому ваш Ложный король заглядывает в рот. Настоящий король никогда не стал бы вилять хвостом перед чужаком, тем более с такой сомнительной биографией. – Он перевёл взгляд на Осе.

– Вы знаете Кукольника?

– У вас его тоже так кличут?

– Нам известны только слухи.

– Мы не утверждаем, что оружие Теабрану продаёте имен-

но вы, – снова подал голос король в очередной попытке обойти острый угол. – Но факт остаётся фактом – касарийские клинки находятся у вражеской армии. Если это не ваших рук дело, помогите нам разобраться. Вполне может стать, что вы, как и мы, стали жертвой нападений Волков ночей.

– Касария находится далековато от Вильхейма, – заметил Тонгейр.

– Но Частокол и север Приграничья никто не патрулирует с тех пор, как Корбелы перешли на сторону Ложного короля. А баладжеры не мыслят так же, как мы с вами. У них свои законы и понятия о том, кто друг, а кто враг. Они воруют нашу соль ради наживы, почему бы им не ограбить и вас ради оружия, чтобы продать его Ложному королю?! – Осе не ожидал, что осмелится крикнуть на сына трона Касарии.

– Допустим, мои люди проверят Частокол, – спокойно ответил Тонгейр. – Что дальше?

– Найдите тайную тропу – поймайте торговцев, выдайте их нам, и корона не останется в долгу.

– Хотите меня купить?

– Отблагодарить.

С минуту никто не говорил ни слова – все следили за Тонгейром. Самрат не спешил нарушать молчание, но в лице его будто что-то изменилось. Глубокая морщина разрезала его лоб между бровями.

Тонгейр протянул руку за вторым яблоком.

– Ладно, сознаюсь, – наконец, обронил он и сломал яб-

локо пополам, не приложив к этому особенных усилий. – Был один случай некоторое время назад. Никому об этом знать, разумеется, было незачем. Однажды ночью кто-то напал на одну из моих оружейных у Гаты и вынес всё, что там было. – Самрат сжал кулак и раздавил половинку яблока, будто это была голова одного из воров. Зубы его оскಾಲились, как у зверя, а лицо исказила злоба. – Двести клинков, около сотни мечей, полторы сотни полных комплектов обмундирования – всё, что мои кузнецы сносили туда несколько месяцев. Всё было украдено! – И он размозжил о столешницу вторую половину фрукта. – Мои люди тогда прочесали всю округу – заглянули под каждый куст, под каждый камень залезли, будто искали Серебристый ручей, но не нашли ни единого следа моего оружия – оно будто в воздухе растворилось. Тогда я решил, что Волки ночей добрались и до моих границ и увезли награбленное в Дикие горы, но, по всей видимости, путь их оказался более близким.

Осе воспрял духом:

– Почему вы не сообщили об этом мне? Я бы мог распорядиться и созвать отряд, который напал бы на их гнездо и вернул оружие...

– Да неужели?! – бесцеремонно оборвал его взбесившийся самрат. – Тогда почему ты раньше этого не сделал?! – выкрикнул Тонгейр. – Баладжеры нападают на Соляную башню каждый месяц, и никто из вас не спешит созывать отряд головорезов, чтобы выследить это проклятое ворьё! Хотите

ко мне в доверие втереться? По всей видимости, вам очень нужна моя армия, если у вас хватает наивности полагать, что такими подачками вам удастся подкупить меня!

– Этот союз был бы взаимовыгоден, – попытался умерить его пыл Согейр.

– Чем? – Косматое лицо Тонгейра в ту же секунду оказалось в сантиметре от его лица, но легат совладал с отвращением.

– Тем, что соседним государствам во все времена было лучше дружить. К чему вам быть с нами в ссоре, если мы можем стать друзьями? А что до нападок на Вильхейм, то до тех пор, пока Теабран жив, в Паденброге каждый солдат на счету. Помогите разобраться с ним – мы разберёмся с баладжерами. Ни мы, ни ангенорские воины вам не враги.

– Враги? – изумился Тонгейр. – Да ваши кирасиры и пальца на ногу моих воинов не стоят. А знаешь почему, племянничек? Потому что ваши воины изнежены бабами.

– Ангенорские воины должны быть женатыми, – подтвердила традицию Ангенора Вечера, обратив на себя перекошенное гневом лицо самрата, – потому что в этом случае им будет что защищать помимо короля. Воин дерётся более яростно, когда война касается его лично, и...

– Кто тебе это сказал?

– Так говорил мой отец.

– Осе, отбери книги у этой дуры! Она слишком много читает про своего папашу и верит всему, что о нём пишут!

Вечера едва сдержалась, чтобы не кинуть Тонгейру в голову блюдо.

– Касарийские воины – кадерхан, – прорычал Тонгейр. – Знаете, что значит это слово? Оно значит – «обречённые». В мою армию могут вступить только те, кто обрёл себя на жизнь без души. Воры, убийцы, насильники – на руках моих людей больше крови женщин, стариков и детей, чем вашим пастухам может присниться. В их сердцах нет места такой ерунде, как любовь и сострадание, – для них это всего лишь пустые слова, существующие в лексиконе слабаков, как вы. Сила, кровь, убийство – вот, что такое кадерхан. Рядом с моими людьми вся ваша армия – сборище безруких детей! Им не страшно умирать. У них ничего нет. Им нечего терять. И потому они сильнее.

– П-потому мы и просим о помощи, – заикаясь ответил Осе. – Тем более что мы теперь родственники.

– Она – баба, с которой спит внук женщины, которая когда-то была мне сестрой! – самрат ткнул пальцем в Вечеру, затем его колючий взгляд устремился с неё на легата. – Но Идалира перестала ею быть в тот момент, когда покончила с собой из-за тебя! Мне симпатична твоя Има, Согейр. Она похожа на касарийку даже больше, чем ты, но этого мало, чтобы я отправил своих людей умирать ради королевства того, кто когда-то отобрал у меня сестру!

– Тогда получается, что затея со свадьбой Вечеры и Альвгрета была лишней? – Лицо Осе побагровело.

Тонгейр пожал плечами:

– Могу поблагодарить за вкусного молочного поросёнка, король. Хотя бы вашастряпня стоила того, чтобы тащиться в Туренсворд по вашим поганым дорогам.

– Так, значит, ты, – встал с места Согейр, – с самого начала не собирался нам помогать? Почему сразу не сказал?

– Чтобы упустить возможность посмотреть, как сам король Ангенора будет ползать у меня в ногах, умоляя о военной поддержке? Я бы заплатил за то, чтобы увидеть это снова.

– Паршивый ублюдок! – вскочила с места Вечера.

– Вечера! – воскликнул Осе.

– Прочь из Туренсворда!

– Вечера, замолчи! – Согейр всей душой жалел, что не успел вставить кляп в рот принцессы, хотя ему самому не терпелось дожидаться, когда же самрат, наконец, уберётся из замка.

– Не замолчу! – ответила она. – Мой отец бы никогда не замолчал! В этом замке последнее слово всегда остаётся за королями! – Она перевела гневный взгляд на Тонгейра. – Вы здесь всего лишь гость, самрат, и вы осмелились плюнуть нам в лицо! Два часа! Даю вам два часа, чтобы собрать свои вещи и убраться из Паденброга!

Комната советов погрузилась в тишину – было слышно, как за окном завывает ветер, а потом Тонгейр засмеялся, и от его плотоядного смеха у растерянного короля похоло-

дела кровь. И он смеялся так долго и громко, что казалось, стены залы покроются трещинами.

Наконец, он замолчал и вытер пальцами накатившие слёзы.

– Нет, это просто поразительно, что из всех присутствующих здесь мужчин только у ангенорской бабы оказалась пара яиц.

Вечера стиснула зубы.

– Ты не сдаёшься. Хотя что я говорю девице, которая смогла оседлать бешеного быка? Слабые мужики, которым ты должна бы подчиняться, хотят моих людей? Так тому и быть, Алмазный Эдельвейс, – сказал Тонгейр и ударил себя по коленкам, – я оставлю вам своих людей. В конце концов, должен же хоть кто-то в Паденброге драться как мужик. Не одной же тебе за всех отдуваться?

– Оставьте? – пролепетал король, и лицо его просияло. – Оставьте нам людей?

Тонгейр играючи подбросил в воздухе персик.

– Я оставлю вам орду. Орда касарийцев, говорят, тысяч кирасиров стоит. Чего стоят те семеро, что сторожат ваши Столпы, а? – Тонгейр ободряюще похлопал Осе по плечу. – Мимо них, говорят, и вошь не проскочит, а? Надеюсь, этим я заслужил благодарность его величества?

У Согейра даже сил не хватило растянуть губы в лживой улыбке.

– Конечно, – ответил Осе. – Ангенор в лице короля бла-

годарит самрата за щедрость.

– Щедрость, – прохрипел самрат сквозь смех. – Щедрость! – И с этими словами он ушёл, хлопнув дверью.

Осе шумно выдохнул и снял тяжёлую корону.

– Орда касарийцев тысячи кирасиров стоит? Разве так говорят? – спросил он, повернувшись к Согейру.

– Нет, – ответил Согейр, – не говорят.

– Но касарийцы хорошие воины?

– Да.

– Тогда хотя бы орда, – пожал плечами король. – Конечно, я рассчитывал на большее количество людей...

И тут первый раз в жизни Согейр осмелился перебить короля.

– Тонгейр только что плюнул вам в лицо, мой король, – сказал он, – обычная касарийская орда состоит из пяти человек.

Глава 25

Падение

Королевские оружейники выковали для Вечеры парадную кирасу с оттиском бычьей морды на груди и подогнали под её размеры. Это была точная копия формы кирасиров за одним исключением – плетёный обруч кронпринцессы, который носила Вечера, теперь венчали её военный шлем, а на бордовом плаще из тяжёлого бархата переливалась золотом длинная морда быка, в то время как у остальных символ Роксбургов был чёрным.

– Вам к лицу военная одежда, – улыбнулась Данка, глядя на решительную воинственную красоту через зеркало.

– Думаю начать ходить только так – в платье с зелёным кушаком я будто голая, – ответила Вечера.

– Но в Ангеноре женщины не ходят в мужском наряде. Принцесса ухмыльнулась.

– В Ангеноре женщины не участвуют в тавромахии.

Она ещё раз смерила своё отражение критическим взглядом и приняла из рук служанки начищенный щит.

– Теперь я готова.

Когда Вечера спускалась по лестнице в Красную галерею, её окликнул мужской голос. Одну из колонн подпирал спиной Эрнан Монтонари. Холёный, довольный, как кот, который только что сожрал огромную мышь.

– Окликать будете миртовых девок, – отозвалась Вечера, но того будто не тронуло её справедливое замечание. – Что вы хотите?

– Гулял сегодня по вашему плацу, – улыбнулся Эрнан, довольно потирая подбородок.

– Рада за вас. Это всё?

– Знаете, в Туренсворде одна из лучших площадок для солдат.

– Прикажу вышить эту фразу золотом на королевских салфетках. Я спешу.

Вечера попыталась уйти, но граф преградил ей дорогу.

– Стоять. – Его ладонь по-хозяйски легла принцессе на ключицу, и он толкнул её обратно. Толчок был лёгким, но от этого не менее сильным. Вечера больно ударилась затылком о мрамор.

– Как вы смеете?!

Но Эрнан не обратил внимания на её гнев.

– Вчера сын попросил устроить с ним учебный бой, и я согласился – не могу же я в чём-то отказать своему наследнику.

– Уберите руку, – прошипела Вечера.

– Перед боем, – граф и не подумал послушаться, – ко-

гда Лаэтан ждал меня на площадке, я решил выбрать для него меч – я всегда так делаю. Так вот, меня заинтересовали арсеналы короля, и я решил заглянуть в один из них. Даже не знаю, что меня потянуло именно в дальний угол, где хранится старое оружие для переплавки. Я разобрал один из сундуков с мечами, и знаете, что я нашёл среди старого железа? Оттиски для чеканки монет и печати на сургуче. Представляете?

– Кузнец хранит там старые оттиски, как и всё железо для переплавки. Уберите руку, или отрублю её по локоть.

Лицо Эрнана оставалось невозмутимым, несмотря на прямую угрозу.

– И даже оттиски с вензелем дома Элботов и лилией Теабрана Эссегридиона? Интересно, и как такая вещица попала в Туренсворд?

Несколько секунд Вечера молчала и внимательно глядела в пронизательные глаза южного графа:

– Почему мне кажется, что вы знали, где искать? Любой кузнец не глядя сунул бы оттиски в плавильню. Но вы знали, зачем пришли в старый арсенал.

– Перекинулся парой фраз с братом. Он-то и посвятил меня в курс дела.

– Никогда бы не подумала, что Сальдо Монтонари не умеет держать язык за зубами.

– Не стоит его винить. Я бываю настойчив, а мой брат всегда плохо переносил боль.

Вечере вдруг вспомнилось, как пару часов назад она видела Хранителя казны с повязкой на левой кисти. На её вопрос, что случилось, он сказал, что стоял у камина в своём кабинете и случайно схватился рукой за раскалённую решетку.

– А Четта знает о вашем увлечении?

– Ты умница, Аматина, – граф не посчитал нужным ответить на этот вопрос. – Я бы не догадался изготовить поддельные клейма и печать, да ещё и написать расписку за казначея Жемчужного банка.

– Вы просили убрать с вашей дороги Элботов, я это сделала. Осе теперь никогда в их сторону даже не посмотрит.

– Жаль только этих бедняг, не правда ли? Они ведь все были совершенно ни в чём не виноваты и хранили верность короне. Да и Хранитель Жемчужного банка потерял голову почём зря.

– Вы не просили меня обойтись без жертв.

– Как бы правосудие Саттелит вас не настигло. – Ухоженные пальцы графа нежно скользнули по подбородку принцессы.

– Вам бы лучше о своей участи тужить. Вы виноваты не меньше меня.

Вечера предприняла попытку уйти, но рука Эрнана бесцеремонно схватила её за плечо и с силой толкнула к стене.

– Эй!

– О, не стоит обвинять меня в чрезмерной жестокости, – бархатный голос Монтонари стал ниже. Его смуглое лицо,

спрятанное в полумраке, оказалось совсем близко от лица Вечеры.

– Куда уж мне тягаться с вами?

– Я быю только того, кто этого заслуживает.

– Как и я.

С этими словами Вечера вывернула руку и отвесила кантамбрийцу звонкую оплеуху. Эрнан схватился за лицо и засмеялся.

– А ты не так проста, как я думал. – Он тронул покрасневшую щёку, проверяя, не рассекла ли её принцесса обручальными кольцами. – Мне нравится.

– Не стоит думать, что вам всё позволено, мой вынужденный друг. Я не ваш брат и могу дать сдачи.

– Кстати, я сломал чеканки. – Повёл бровью южный граф, поглаживая щёку, будто это было место поцелуя. – Мало ли кто ещё окажется столь же любопытным, как я, и увидит то, что не нужно.

– Вы довольны? – прервала его елейные речи принцесса. – Я выполнила ваши условия. Теперь я жду того же от вас.

Вместо ответа Эрнан послал принцессе воздушный поцелуй и произнёс:

– Кантамбрийцы своих не бросают.

К полудню люди потянулись к площади Агерат, чтобы увидеть обряд кирасирской клятвы. С того дня как тела погибших турдебальдов унесли с арены, их держали в холодных подвалах Туренсворда, где Геза обрабатывала их насто-

ями из трав. Из-за перебродившего сока кожа покойников покрылась слоем белого воска, который не давал телам разлагаться и отбивал малейший трупный запах. Сейчас белоснежные, будто покрытые тонким инеем тела в несколько рядов лежали возле воткнутых в землю агдеборгов на Агерат на невысоких каменных постаментах, и архонт зачитывал над ними слова «Морген-эреи». Полудницы украшали головы покойников погребальными золотыми герберами, чтобы духи-посланники Саттелит унесли души юношей в горы.

– А что потом? – прошептала Данка, тронув Влахоса за рукав.

– Потом могильщики отнесут тела в братскую могилу близ Долины королей, где хоронят павших кирасиров, и заложат тела камнями.

Родители погибших плакали и прижимали к груди мешочки с золотыми монетами. Те, кто остался в живых, стояли рядом в окружении солдат и прятали лица, потому что каждый, кто замечал на их лбу перевёрнутую руну Вейла, старался дать им пощёчину.

За всё время своего пребывания на троне Осе так и не научился произносить воодушевляющие речи с той же страстью, с которой это делал его брат, и сейчас, стоя в специально возведённой ложе, король чувствовал наплывы зыбкой неуверенности. Ему казалось, что люди смотрят на него искоса, и кантамбрийцы, что огораживали площадь от зевак, бросают на него недобрые взгляды, и что у каждого из них за па-

зухой спрятан камень, чтобы запустить его в голову ненавистному Тумтабарду.

Осе попытался укрыться под навесом от пульсирующего солнечного света, но и там ослепляющие раскалённые лучи преследовали его, оставляя в глазах разноцветные пятна, а яркие знамёна с каждым движением ветра хлестали его обожжённые глаза алыми языками пламени. Весь мир сегодня будто сговорился и обрядился в едкие цвета, чтобы ослепить короля Ангенора.

От рези в глазах у Осе навернулись слёзы, и он поспешил смахнуть их, пока никто не увидел. Он знал, что значат эти слёзы, и приказал слуге поскорее принести нюхательной соли.

– Тебе плохо? – встревожилась Суаве и положила руку на плечо мужа. – Ты побледнел.

– Нет, всё хорошо. – Осе перевёл дух, силясь показаться утомлённым лишь горячим воздухом.

– Я прикажу принести вина.

– Нет, не нужно, я в порядке.

– Правда?

– Просто жарко.

– Ты дрожишь.

– Простое волнение.

Он успел взять руку Суаве и поцеловать до того, как она её убрала. Долгожданного облегчения этот невинный акт любви ему не принёс.

Толпа внизу гудела в ожидании представления. Как же эти люди любят зрелища. Свадьба, тавромахия, похороны, парад или казнь – толпа не делала различий, лишь бы собраться в кучу, поглазеть, порадоваться, поплакать вместе со всеми, в объятиях всеобщей радости или скорби, и разойтись по своим делам, чтобы всё забыть уже через час. Какая пошлость. Всего несколько лет назад эти люди были готовы зарубить короля в ответ на казнь повстанцев, а теперь они же бросали в его ложу цветы. Ребёнком Осе был готов полюбить каждого из них, а теперь не испытывал ничего, кроме отвращения.

Его мысли прервал далёкий звук горниз и лёгкая дрожь, внезапно накатившая со стороны Туренсворда. Толпа и гости в королевской ложе повернули лица в сторону источника гула. Вдалеке в ярком свете солнца заблестели начищенные новые кирасы, золотой волной мчащиеся по улице к площади.

Весь маршрут новобранцев от Ласской башни до площади ограждали отряды кантамбрийцев и Ловчие, которым было велено прогонять случайно выскочивших на пути быков зевак, чья нерасторопность и невнимательность могли привести к катастрофическим последствиям. За порядком коршунном следил Сеар и уже в первые две минуты буквально выдернул из-под копыт Гнева какого-то пучеглазого мальчишку.

– Ты совсем из ума выжил, щенок?! – В гневе за кощун-

ственную невнимательность Сear отвесил пареньку оплеуху и оттолкнул к стене богадельни. – Они чуть тебя не затоптали! Иди ворон лови в другом месте!

А мальчишка только глядел на него огромными, как блюда, угрюмыми глазами и вытирал чумазой рукой разбитую губу.

– Что молчишь? – лютовал седовласый северянин. – Хоть бы поблагодарил – я только что спас тебе жизнь.

Но мальчишка продолжал молча смотреть на несущихся мимо него быков в золотых доспехах.

Сear махнул на недоумка рукой и вернулся на пост.

Возглавляли парад Вечера, Альвгред и Согейр, хотя на их месте сама наследница предпочла бы видеть Марция или Инто, но эвдонцу было велено замыкать шествие, а слуга продолжал гнуть спину в загонах вдали от парада.

Правой рукой трое погонщиков удерживали поводья, а левой поднимали над головой агдеборги.

Накануне Вечера сделала подношение на Агерат и поставила свечи всем иконам в недостроенной кирхе, моля и старых, и новых богов о милости и чуде, чтобы они усмирили нрав Гнева в важный для неё день. И маленькое чудо произошло – с самого утра Гнев являл собой спокойнейшего из быков в загоне, если не сказать, даже ласкового. Лишь один раз он дёрнулся в сторону, когда на пути Вечеры из-за дома выскочил какой-то мальчишка, которого в последний момент спихнул с дороги Сear.

Десятки воинов за её спиной неслись во весь опор по узким улицам города, гремя подковами и звеня позолоченными, ещё не знавшими вкуса крови кирасами. Чем ближе эта воинственная сила приближалась к площади, тем сильнее дрожала земля под ногами собравшихся. Дрожали даже статуи богов, превратившиеся в пять исполинских камертонов. Дрожь была такой силы, что в ложе короля попадали на пол принесённые слугами кубки, забрызгав вином обувь гостей.

– Представляю, что происходит на поле, когда в бой идёт вся ваша кавалерия, – улыбнулся Эрнан, отряхивая капли вина с сапог.

Когда воины оказались на площади, под ложей загудели горнизы, и воздух задрожал от их громкого рёва. Кирасиры направили своих быков вокруг площади. Шумная толпа кидала в их сторону зёрна, и Гнев недовольно задёргал головой, когда анисовые зёрнышки попали ему в глаза. Резкий толчок едва не выбил Вечеру из седла.

– Гнев, нет! – потянула она за узду. – Медленнее! Медленнее!

Но бык уже выбежал из общего строя, едва успев развернуться и не врезаться в отхлынувшую толпу.

– Тихо! – умоляла его принцесса. Люди продолжали кидать в неё зерна, и Гнев всё больше терял над собою контроль. Согейр и Альвгред, почувствовав неладное, покидали свои агдеборги и повели своих быков по обе стороны от испуганного животного.

– Тише-тише, – заговорил Альвгред, наклонился и взял Гнева за один из рогов. – Отец!

Согейр сделал то же самое, что и сын, и тоже взял бычий рог со своей стороны.

Все трое повели Гнева в нужную сторону, чтобы он не вырвался и не встал на дыбы.

– Он перестаёт меня слушаться, – пролепетала Вечера, беспомощно вцепившись в узду, которой она уже не управляла. – Он вырывается.

– Спокойно, моя принцесса, – ответил Согейр. – Он не сможет вырваться, пока мы его держим.

– Все видят!

– Поднимите над головой агдеборг и приветствуйте толпу. – Быстро! – прошипел легат.

Вечера повиновалась приказу легата и подняла алое знамя над головой как можно выше.

– Улыбайтесь, – продолжал командовать Согейр, – пусть думают, что так и было задумано.

Будто чувствуя силу удерживающих его рук, Гнев перестал мотать головой и реветь и замедлил бег.

– Вот так, – приговаривал Альвгред. – Вот так, тихо. Хороший бык.

– Всё, я смогу сама, – сказала Вечера, когда круг кирасиров обогнул площадь и почти замкнулся. Впереди замелькала спина Марция, подгонявшего новичков, которые вели своих быков медленнее всех и потому нуждались в помощи

более опытного наездника.

– Всё хорошо? – обернулся Рейес, когда круг воинов замкнулся и теперь все они описывали круги вокруг Агерат. – Я видел, Гнев вырвался вперёд.

– Всё хорошо, – ответила Вечера. – Зерно попало ему в глаз. Теперь всё хорошо.

Десять – ровно столько поколений королей сменилось со времен правления Ардо Роксбурга, и ровно столько кругов проделали новобранцы вокруг статуй богов, сверкая на солнце золотом и гранёными алмадинами на парадных кирасах. Десять кругов оглушительного рёва горниз и земной дрожи... казалось, статуи богов разлетятся на бесформенные камни. Десять кругов под рёв толпы и выкрики. Десять кругов, которые показали Осе вечностью.

Он уже стоял у перил, чтобы по окончании, когда кирасиры остановят своих быков и развернутся к королю лицом, произнести Мегарон – речь, которую он уже произносил много раз, чтобы официально признать новобранцев своими воинами. Он был готов снова произнести эти выученные наизусть пятьсот тринадцать слов, от которых в крови кирасиров вспыхивала отвага, как вдруг его голову начала разрывать знакомая боль.

Король приказал себе не обращать на неё внимания. Возможно, это просто страх и боль сейчас пройдёт, хотя он знал, что это не так. Он знал, что вот-вот случится, но стоял на своём месте, томительно дожидаясь тишины, когда все

глаза будут устремлены только на него.

– Будь что будет, – прошептал он, отдавая себя на волю богов, и выпрямил спину. Кирасиры остановили быков и развернулись к ложе, площадь окунулась в долгожданную тишину. Все ждали слов короля. Осе поднял над головой кулак, и кирасиры последовали его примеру.

– Приветствую вас! – громко произнёс король, чтобы его голос был слышен во всех концах площади. – Теперь вы королевские кирасиры!

Вдруг его прервал едва слышный смешок внизу. Осе перевёл взгляд в сторону звука и увидел пятерых касарийцев из орды самратского кадерхана, которых оставил Тонгейр перед своим отбытием из замка. Все пятеро стояли чуть в стороне у лестницы, ведущей в ложу, и о чём-то перешептывались, ухмыляясь в сторону короля.

– Осе! – зашептала Суаве, заметя смятение на белом лице мужа. – Осе, не молчи. Они ждут.

Но король, как замороженный, глядел в сторону орды, брошенной ему, как обглоданная кость нищему. Раскалённое кольцо сдавило голову Осе. Громкий вздох вырвался из его груди, он пошатнулся и вцепился побелевшими пальцами в резные перила. Толпа и кирасиры переглянулись.

– Корона опять показала характер? – шепнула Вечера Альвгреду.

– Ваша язвительность здесь неуместна, – резко осадил её Согейр, прыгнул с Ревущего и бросился к ложе.

Когда он взлетел вверх по ступенькам, тело короля уже трясло.

– Где Гарай?! – крикнул Согейр Данке, пробиваясь сквозь придворных. – Быстро веди его сюда!

Тело короля вдруг неестественно выгнулось, напряжённое, будто все его мышцы скрутило судорогой, и Осе упал. Согейр не успел его подхватить, и он ударился виском об угол фигурных перил. Альмандиновая корона закатилась за кресло. Осе начал задыхаться. Из его глаз, будто молящих, чтобы его убили, лишь бы приступ прекратился, потекли слёзы. Суаве с ужасом глядела на своего мужа.

– Папа! – кинулась к отцу Ясна, но Влахос оттащил принцессу в сторону, чтобы её не зашиб Гарай, поспешивший на помощь королю.

– Держите его, – приказал он сбившимся в кучу у стены растерянным слугам. – Быстрее!

Слуги прижали тело короля к полу.

– Согейр, нужно разжать ему зубы.

Судорога усилилась. Кое-как легат ухитрился разжать зубы короля, и Гарай всыпал в рот Осе какой-то порошок. Эрнан, прячась за спиной жены, едва успел подавить смешок, когда потерявший над собой контроль Осе выплюнул почти всё лекарство в лицо легату.

– Держите крепче, – приказал Гарай и подставил руку под затылок короля.

Мучения Осе длились несколько бесконечно долгих ми-

нут, из ложи доносились сдавленные крики и скуления. Неосознанными движениями Осе пытался отбиться от прижимавших его к полу людей.

Вскоре силы начали покидать его, как и припадок, и вот уже отблески солнца на навесе уже не казались Осе невыносимо яркими. Он пытался что-то произнести непослушными губами, но ему удалось только что-то промычать, как мычат недоумки в богадельне. Потом Осе сделал пару слабых вдохов, закрыл глаза и потерял сознание.

Король не стал свидетелем последовавшей за его приступом суматохи: не видел тысячи изумлённых глаз, устремлённых в сторону ложи, не видел порыва Суаве помочь Согейру поднять властителя на носилки. Не увидел он и разочарованных кирасиров и того, как Эрнан отдавал приказы слугам, чтобы те поскорее перенесли короля в замок, а бесконечно преданный ему Согейр отгонял с пути любопытную чернь.

Осе пробыл в беспамятстве больше суток, пока глубокий сон не наполнил силами его изнемогшее тело.

Больше всего Осе боялся унижения, когда его болезнь сломит его прилюдно, но теперь, когда он обмочился на глазах у всего народа, его мысли были менее всего о публичном позоре. Он просто устал.

Первое, что он увидел, когда поднял свинцовые веки, был расписной балдахин его ложа, чей бордовый низ играл в свете зажжённых свечей золотыми уютными искорками. В его спальне приятно пахло свечным воском и розовым маслом,

которым пользовалась Суаве. Осе любил этот запах, и ему было приятно почувствовать его, проснувшись после тяжёлого приступа. «Странно, – подумал он, – Суаве никогда не приказывала душить мою комнату своими маслами...»

Осе повернул голову и увидел её.

– Как ты? – Суаве сидела возле его кровати и смачивала в воде платок. – У тебя был жар.

– Сколько я спал? – безжизненным голосом прошептал король.

– Около полутора суток.

– Воды.

Суаве протянула мужу бокал и помогла приподнять голову.

– Забавно, – произнёс он, поблагодарив.

– Что?

– Я всегда мечтал, чтобы ты по своей воле пришла в мою спальню. А для этого мне всего лишь нужно было оказаться при смерти.

– Ты не умираешь. Просто твоя болезнь вернулась.

– Она мучала меня всю юность, и каждый день я мечтал о смерти. Потом припадки прекратились, и я воздавал хвалы богам, и вот опять. Я больше так не могу...

– Ты сможешь, ты Роксбург.

– Последним Роксбургом был мой брат, а я лишь его тень. – Король сморгнул накатившие слёзы. – И тень твоей дочери.

Он тронул голову, и его рука коснулась повязки.

– Ты разбил висок, когда упал.

– А где корона? – встревожился король. – Она разбилась?

– Треснула, – успокоила его Суаве. – Всего лишь небольшая трещина. Я уже отдала корону Дагмару. Он сделает трещину незаметной.

– Трещина... Корона была невредима тысячу лет, и я тот король, который едва её не разбил. Эгиль должен меня за это покарать.

– Он поймёт. Виной всему болезнь, а не ты.

Осе положил свою слабую холодную руку поверх её, но на его удивление Суаве не поспешила убрать свою ладонь.

– А что люди? – спросил он. – Теперь плюют в сторону Туренсворда? Кому нужен король, который мочится в штаны? Брат до последнего скрывал от всех мою болезнь, чтобы его род не выглядел слабым, и вот... Они меня проклянут. Заклеймят, придумают новое прозвище...

– Я так не думаю, – возразила Суаве. – Вчера вечером я попросила отца Ноэ провести службу за твоё здоровье в кирхе, которую ты строишь.

– И?

– Он сказал, что проведёт три, как требует Святая благодать. Когда вчера он начал первую службу, вместе с ним в это время в храме было всего несколько прихожан, которые спросили, о ком его молитвы, а когда он ответил, стали молиться вместе с ним.

Суаве встала, подошла к окну и раздвинула шторы.

– Видишь свет? – спросила она, указывая за окно, из которого открывался вид на недостроенную церковь. Она возвышалась над жилыми зданиями в полутьме, и в её окнах горел свет.

– Там Ноэ? – спросил король, приподнявшись на подушках.

– Ты видишь огоньки вокруг? Они идут от церкви до самого берега Руны.

– Что это?

– Это горожане, которые присоединились ко второй службе за тебя.

Осе этого было не видно, но Суаве видела очень хорошо, как множество огоньков густо столпились вокруг церкви и тянулись к самой реке. Впервые над городом звенели колокола недостроенной башни, и их металлический мерный перезвон накрывал город невидимым облаком, от которого почему-то становилось спокойно.

Суаве продолжала:

– На площади Агерат сейчас то же самое. Люди жгут травы под статуей Венё. Все просят его помочь тебе.

С минуту они оба молчали. Осе не ощущал радости из-за молитв людей о себе. Он ощущал только гнетущую пустоту, будто внутри он был уже мёртв.

– Есть какие-то новости о Теабране?

– Сегодня нам доложили, что его армия движется с севе-

ро-запада и подойдёт к городу меньше, чем через неделю.

– О боги... – выдохнул король. – Что армия?

– Готовится. Согейр, Гаал, Вальдарих, Вечера уже отдали приказ укреплять стены. Готовят масло, онагры, заправляют пушки. Отец с матерью вернулись в Мраморную долину.

– А Монтонари?

– Остался. Он сказал, что будет сам командовать кантамбрийцами во время сражения. Эрнан отправил домой только Четту и Аэлис. Лаэтан наотрез отказался уезжать. Он сказал, что в этом городе его невеста, и он обязан её защищать. Даже поссорился из-за этого с отцом.

– Лаэтан хороший мальчишка, – слабо улыбнулся Осе. – Я должен поблагодарить Вечеру за то, что она не дала мне связать узами брака Ясну и Роланда. Едва ли он бы стал защищать город ради женщины. Элботу уже выслали приказ, чтобы он отправил нам своих людей?

– Да, Вечера сделала это сразу после того, как пришли вести от лазутчиков. Дочь почти всё время проводит в башне, готовится к бою.

– Жаль, во мне нет и половины той отваги, что есть в ней. Она всегда была сильнее меня, – сделал король признание, которое душило его многие годы. – Прости меня.

– Не у меня ты должен просить прощения, а у Вечеры.

– Она не простит – она слишком похожа на Эдгара.

– Но Эдгар многое прощал.

– Мой брат никогда никого не прощал. При всей моей

любви к тебе, ты знала его всего пару лет, а я всю жизнь. Любовь к тебе сделала его мягче, но он остался тем же Эдгаром, каким и был.

– Не будем об этом. – Суаве воспротивилась кощунственным речам о покойном муже.

– Прости. Я тоже любил брата. Надеюсь, когда-нибудь вы с ним встретитесь в горах.

– Мы все встретимся там.

– Боюсь, что меня там никто не ждёт. Я всегда ощущал себя чужаком среди Роксбургов – для меня нет места среди предков. Я просто хотел бы ещё раз увидеться с сыном, а потом просто исчезнуть.

Суаве всплеснула руками.

– У тебя, наверное, снова горячка.

– Просто болезнь напомнила мне, что я смертен. Единственный приступ оказался более отрезвляющим, чем лицезрение десятков чужих смертей во время каждой тавромахии.

– Чего ты хочешь?

– Чтобы всё это скорее кончилось. Чтобы Теабран был повержен, а я спокойно доживал свой век, глядя на то, как мой преемник займёт трон. Мне уже всё равно, на чьей голове окажется корона. Недавно я мечтал, чтобы она оказалась на голове моего отпрыска, но теперь я не уверен, что хочу, чтобы моя Ясна носила её. Не хочу. Если Вечера хочет корону – пусть. Она заслужила эту кровавую ношу. В конце

концов, когда-то Эдгар завещал корону ей, а я её отобрал.

Король говорил, речь его становилась всё более путаной и бессвязной, будто его мысли засасывало в болото, его язык заплетался, путая слова и буквы местами. Алое пятно на его виске под повязкой медленно расползлось, и ткань пропустила сквозь себя жирную кровавую каплю.

Суаве прижала руку к голове мужа и позвала на помощь, но Осе сознанием был уже далеко. Он смотрел на её лицо и улыбался. На полуслове он закрыл глаза и снова погрузился в безмятежный сон, чтобы через несколько дней проснуться под грохот призывных пушек.

Кирасиры собирались у ворот.

Глава 26

Крах

Долгое ожидание неизбежных вестей разрешилось в один час – войско Теабрана находилось на подступах к городу. На улицах началась паника, которую пришлось усмирять силами солдат. Многие горожане спешно хватали всё, что могли унести, и устремлялись прочь от места будущей схватки двух королей. Но многие оставались, пребывая в уверенности, что городские стены неприступны и что запасов в подвалах Ласской башни хватит на несколько месяцев обороны.

– Много ли нам понадобится еды, ежели в первый же день Теабран обрушит на Паденброг свой огонь? – всё чаще можно было услышать на улицах. То и дело то тут, то там вспыхивали драки – люди, как шакалы, хватали всё, что не было приколочено, и прятались по углам.

– Теабран не сможет сжечь этот город, – орал Согейр, разгоняя обезумевшую в страхе толпу. – Город ему нужен, как и вы! Зачем ему корона, если он будет королём выжженных земель? Он выжигал города и княжества лишь затем,

чтобы весть о его деяниях дошла до короля, но Паденброг ему нужен! Стены города выдержат любую атаку, ворота снаружи открыть нельзя! Чего вы боитесь? Что всех нас перебьют? Не выйдет! Ангенорцы будут биться до последней капли крови, но не пустят врага в город!

Иногда у него выходило успокаивать испуганных людей, иногда нет.

Беду чувствовали не только они. Из города вдруг исчезли все птицы. Чёрное бесформенное облако воробьёв и ласточек вдруг поднялось над городом, метнулось сначала к горам, потом от них и со скоростью ветра исчезло в стороне Редколесья. Следом пропали и голуби, исчезнув буквально за один час, а на их место налетело жадное вороньё, которое с волчьим голодом кидалось разорять прилавки с едой. В городе остались только жемчужные скворцы. Притихшими стайками они сидели на крышах и молчаливо наблюдали за людьми.

Вместе с тем не только птицы чувствовали неладное. Кирасиры сошлись во мнении, что причиной внезапного буйства быков также является предчувствие кровавой бойни. Боевые быки словно посходили с ума. Их загоны ходили ходуном под натиском взбесившихся туш. Особенно худо было Гневу, который уже вторые сутки не спал и пытался бежать. Он с такой силой метался в своём стойле, что пробил рогом стену и застрял в дыре, простояв до самого утра с перекошенной шеей. Едва Инто освободил его из плена, как

бык сильно укусил его за плечо, едва не оставив мальчишку без руки.

Вечера постоянно ходила сама не своя – всё происходило для неё как в бреду. Война, столь ожидаемая и просчитанная на многочисленных советах с королем и Согейром, совсем неожиданно оказалась на самом пороге, и Вечеру всё чаще стало посещать предательское зыбкое чувство, что она к ней не готова. Холодные, как у покойника, пальцы страха касались её лица каждый раз, когда она оказывалась наедине со своими мыслями и предчувствием беды.

Её поддерживал Альвгред. Он чаще оставался с женой и старался быть ей хорошим мужем, и не бросал её даже, когда её мутило. Он искренне жалел, что в первую брачную ночь Вечера не понесла от него ребёнка. Носи она под сердцем его наследника, он бы никогда не позволил ей появиться на поле брани, будь она хоть трижды кронпринцессой, оседлавшей быка.

В то утро, когда стало ясно, что Теабран подойдёт к городу в течение нескольких часов, город замер в томительном ожидании. На улицах не было ни души. Только воины собрались на плацу и готовили оружие.

Войкан с остальными лучниками уже сидел на стене и глядел вдаль, играя солнечным зайчиком на одной из своих стрел. На его мизинце скромно блестело дешёвое серебряное колечко с хрусталём, которое дала ему накануне Ласточка.

За полчаса до выступления кирасиров Вечера зашла

к Осе. Он вполне окреп и, несмотря на настойчивые советы Гарая, уже не проводил большую часть времени в кровати.

Сейчас он разбирал какие-то бумаги и, подписывая их, складывал в стол.

– Ты пришла? – Король оторвал глаза от пергамента.

– Мы скоро выступаем, – ответила Вечера на этот раз без свойственной ей язвительности. – Я хотела сказать, что для вас с мамой и Ясной всё готово, люди Согейра предупреждены. Вам нечего бояться.

– Ещё не поздно передать командование армией Согейру и остаться с нами.

– Ты же знаешь, что я не могу, – Вечера пресекла неосознанную попытку короля пробудить в ней трусость. – Я давала кирасирский обет. Мой долг – быть с моей армией.

– Всё ещё хочешь вести их в бой?

– Кто-то же должен заменить собой Кирана.

– Тогда приведи нас к победе. Мой Киран бы обязательно победил. Боги с тобой.

– Богов здесь нет – есть только мы. Во мне течёт кровь моего отца, а значит, я не сдамся. Я никогда не сдаюсь.

Сейчас она была очень похожа на Короля Жезлов. На секунду Осе даже показалось, что невидимая душа его брата встала между ним и племянницей. Решимость Эдгара горела в серых глазах Вечеры и пылала на её щеках. Или Осе хотелось верить, что он это видит.

– Твой отец бы тобою гордился, Вечера Эдгариан, – тихо

произнёс он и легонько кивнул.

Кронпринцесса решительным шагом направилась к двери. В холле стояло четверо приставленных Влахосом Ловчих. Они поклонились принцессе, как вдруг она остановилась всего в полушаге от лестницы. На её раскрасневшемся лице читалась крайняя степень смятения. Она вернулась.

– Что-то случилось? – удивился король, снова увидев её на пороге.

Вечера сделала робкий шаг. Растерянность и что-то ещё, доселе невиданное ранее, мелькнуло в лабрадоровых глазах. Она колебалась.

– Возможно, с моей стороны будет неверным говорить тебе это, и ты бы этого никогда не узнал, если бы не война...

– Узнал что? – нахмурился король и отложил только что подписанный документ.

Кровь отхлынула от лица Вечеры. Она до хруста сжала кулаки и, сглотнув комок в горле, произнесла:

– Киран сделал это сам.

Лицо Осе напряглось, а глаза остановились на лице племянницы.

– Сделал что?

– Ранил себя, – продолжила Вечера пугающее своей неправдоподобностью признание. – Он не знал, как иначе избежать обряда. К участию в тавромахии не допускаются больные и раненые, ты же знаешь. Настоящее оружие он тоже выкрал сам. Моя вина была лишь в том, что я сразу не по-

няла, зачем ему вообще понадобились настоящие мечи незадолго до тавромахии. Он ранил себя сам, дядя. Просто воткнул меч себе в ногу, когда я отвернулась. Он не хотел, чтобы кто-то знал о его поступке, поэтому я не сопротивлялась, когда он сказал, что это я случайно его ранила. А я подумала, пусть лучше ты сочтёшь виновной меня, чем все вокруг узнают, что уже второй король из династии Роксбургов не желает выступать против быка. Брат лишь надеялся на твоё здравомыслие и что ты подчинишься правилам обряда, но вместо этого ты приказал быстро залатать его рану и отправил на арену. Киран знал, что не вернётся оттуда живым.

– Что ты такое говоришь, Вечера! – ошеломлённо возразил Осе и попытался встать, но ослабшие ноги его подкосились, и король упал в кресло. – Я не верю тебе!

– Я сама не верила в то, что случилось, но приняла это. Мне не хватает Кирана так же, как и тебе. – Её лицо исказила гримаса злобы. – Пусть это будет новостью для тебя, но я его любила, и любила так сильно, что год прожила с клеймом убийцы, не пытаясь оправдаться. Я могла бы уйти и не говорить тебе этого, но с меня хватит. Если я погибну, то не хочу уносить этот секрет с собой в могилу. Я не виновна в смерти брата. Так что, если я не вернусь, не приказывай выбивать на моём обсидиановом камне слова о его смерти. Ты не имеешь на это никакого права.

С этими словами она оставила короля в одиночестве.

Вечера прекрасно понимала, что наносит Осе сокрушаю-

ший удар по самому больному месту, но ожидание боя перевесило чашу весов. Она не кривила душой, сказав, что жила с клеймом убийцы, но, если удача окажется не на её стороне, она не собиралась с ним умирать. А Осе переживёт и примет эту правду. Пусть не сразу, но он свыкнется с нею, и, возможно, в следующий раз ей уже не придётся прокрадываться к могиле Кирана тайком среди ночи.

Инто находился в загоне и проверял на мощной груди Гнева застёжки новой сбруи. Остальных быков уже вывели наружу, один Гнев упёрся и отказывался выходить. Впервые он не кусался и не пытался удрать, а лишь клонил голову вниз и глядел на Инто пустыми глазами.

– Ну-ну, пора идти. – Инто гладил несносного быка по чёрной шее, словно испуганного ребёнка. – Знаю, тебе драться в первый раз. Ну что ты? Ты же уже не маленький. Вон как гонял Роланда по арене. Что тебе тысяча-другая таких же, как он? Они все тебе на один рог. Подцепишь одного, второго, никто к тебе больше не сунется. Ты же воин. Лучший среди всех быков, что я видел, а я многих повидал. Ты справишься.

Но Гнев всё равно воротил морду и грустно ревел.

– Он готов? – раздался голос у него за спиной. – Мы выступаем.

Инто обернулся.

– Моя принцесса? Так рано?

– Да. Я решила, будет лучше, если я выведу его сама, чем

его потащит кто-то другой.

– Ещё не поздно передумать, – дрогнул голос мальчишки. – Согейр может повести армию, а вам бы впору отправиться в Туренсворд к королю, королеве и сестре.

– Я знаю, – вопреки ожиданиям, она не стала возражать.

– Вы дрожите, – заметил слуга. – Вы напуганы.

– Разве кирасирам страх ведом? – Вечера тронула голову Гнева, и тот ткнулся носом ей в шею.

– Откуда ж мне знать? – пожал плечами Инто.

– Прости, что отняла его у тебя. Выходя на арену, я думала, что он твой бык, и оттуда я не вернусь.

– Не ваша вина, что Роланд выбрал именно его, – покачал головой слуга.

– Но я думала, что пророчество Гезы верно. Она же обещала тебе судьбу великого воина, укротившего дикого зверя.

– Слишком многое из её слов сегодня рассыпается, как сухой песок. Может быть, я зря ей поверил, и моя судьба действительно прозябать в тёмной конюшне до конца своих дней, как говорит мой папаша? Надо к этому просто привыкнуть.

– Как знать? Она же не говорила, что ты станешь воином в этом году. К моменту следующей тавромахии тебе исполнится шестнадцать, и тогда у тебя уже будет шанс.

– Я уже не уверен. Все мои надежды возлагались на Гнева, а теперь... – Инто запнулся. – Второго такого нет.

– И по какой ошибке богов ты родился среди слуг? – недо-

уменно спросила Вечера. – Ты слишком честолюбив для ко-
нюха.

– Просто до прошлой тавромахии я был уверен, что моё
место совсем не здесь.

– Тогда, прежде чем я выйду за Ворота Воина, мои молит-
вы будут о том, чтобы к следующему обряду в город из до-
лины прибудил чистокровный ангенорский бык. Боги нас
слышат, где бы мы ни находились, и исполняют наши жела-
ния, если они идут от чистого сердца. Если так случится, по-
клянись, что выберешь этого быка для своего обряда.

До этого угрюмое смуглое лицо Инто расплылось в сму-
щённой улыбке.

– Вы говорите так, будто прощаетесь.

– Когда две армии столкнутся, всякое может случиться.

– Не говорите так, моя принцесса! – оторопело восклик-
нул Инто и схватил Гнева за сбрую. – Не надо так говорить
перед началом боя. Не к добру.

– Просто мне страшно.

– Не иначе в Редколесье что-то сдохло, если вы признаё-
тесь в своём страхе. Я уверен, что вы принесёте этим землям
победу, и ваш друг вам поможет, – уверенно заявил Инто
и легко хлопнул быка по шее. – Он поклялся.

– Так уж и поклялся?

– Сам слышал, – иронично ответил Инто. – Я с детства
умею разговаривать с быками и понимать, что они лопочут.
Они сплетники ещё те.

Вечера повернулась к Гневу.

– Вы берёте его с собой? – Инто заметил цепочку, что выбилась из-под воротника её кирасы и блеснула в свете факелов.

– Что?

– Огненный опал. Я видел его на вашей шее. Вы не расстанётесь с ним с тех пор, как вернулись из Мраморной долины.

– Это подарок. – Вечера вытасила «Валамар».

– Кто вам его подарил?

– Марций, – ответила она. – Он дал мне его, когда в последний раз был в Мраморной долине. – Она провела пальцем по переливчатому камню. – По приказу Осе во время изгнания я не имела права покидать Эквинский замок, и потому я всё время проводила на балконе. Когда Рейес приехал с обозами соли, стража не пустила его ко мне, тогда он забрался на мой балкон по плющу и сунул мне его в руку. Он был пьян и нёс всякую чушь о своей любви. А я испугалась и скинула его вниз. Он многое успел наговорить прежде, чем свалился на землю.

– Кто, как не пьяные, говорят в этом мире правду? – пожал плечами мальчишка.

– Слова словами, а я о людях сужу по поступкам. – Тёмные глаза Вечеры скользнули по лицу слуги. – И это не зависит от сословия.

– Куда уж мне? – промямлил он. – Я всего лишь сын конюха и швеи. Кто я такой?

– Я помню, как ты меня тогда защитил. Ты напал на графа. Ты ли не знал, что тебя за это накажут, если вообще не казнят? Почему ты это сделал?

Инто пожал плечами:

– Так больше было некому.

Вечера заметила, как Инто смутился, будто в содеянном было что-то постыдное. Томительная минута тишины тянулась, словно час, будто каждый ожидал, что другой заговорит. У Инто из груди рвалась мольба, чтобы принцесса выбросила из головы глупости и осталась за стенами, в безопасности, но он знал, что она его не послушает, а только обозлится, как это бывало всегда.

– Мне пора, – оборвала его мысли Вечера. – Меня уже ждут. Помоги мне забраться в седло.

Инто послушно развернул Гнева и помог принцессе подняться на его широкую спину.

– Знаешь, – сказала она, беря в руки шлем с короной, – я ведь тогда тебя так и не отблагодарила. В Ангеноре за спасение дают золотую монету или награждают поцелуем. Что ты выбираешь?

В груди Инто вспыхнул жар, заставивший его, наконец, оторвать глаза от пола. Смуглые щёки его запылали.

– Не знаю. – Чёрные цыганские глаза заблестели в полумраке загона.

– С моей стороны неприлично оставлять своего спасителя без награды. Я обещаю отблагодарить тебя, когда мы снова

вернёмся в Туренсворд. У тебя есть время выбрать.

Но Инто просто смотрел ей в лицо, будто запоминая каждую его чёрточку, и гнал от себя мысли, что, возможно, больше никогда её не увидит. Он был близок к тому, чтобы поддаться зову и закричать о желанной награде, но всё же в последний момент остановил себя. Ну и дурак! Какой дурак!

– Просто вернитесь, – тихо произнёс он. – Берегите себя.

– А ты себя, – широко улыбнулась Вечера, надела на голову шлем и подстегнула быка.

Проводившему её взглядом Инто стало очень тоскливо. На его сердце вдруг опустилась невыносимая тяжесть. Она ушла. Ушла.

Теабран подошёл к городу около полудня. Его войско тянулось по линии горизонта вдоль всего пространства между изгибами Руны. За спинами пехоты виднелись катапульти и вышки, о которых рассказывали Альфред и Иларх. На верхушках угадывались заряженные пушки. Серая масса неторопливо двигалась к городу, вознося над собою копья и белые знамёна с алыми лилиями.

Согейр оценивающе глядел на приближающееся войско.

– Почему ты улыбаешься? – спросил Альвгред, косясь на отца.

– Об армии Теабрана говорили как о богах. Я ожидал увидеть что-то более внушительное, а пока я вижу обычных людей, пусть и в уродливых масках.

– Запакованных в непробиваемые касарийские доспехи.

– Они ничем не отличаются от баладжеров. Их головы летели в стороны от наших клинков, полетят головы и этих.

Рядом с ним сидела на быке Вечера. Её лицо полностью закрывал позолоченный коронованный шлем, и никто не видел страха, застывшего на её лице.

– Они могут разойтись по сторонам? – встревоженно спросила она. – Могут окружить?

– Нет, – ответил Альвгред. – Справа от нас Руна, слишком глубокая – их будет держать берег, а слева хоть и река по колено, но наши рвы с кольями сдержат их. Им некуда расходиться. Будут идти только вперед.

– Но нас по-прежнему меньше.

– Не настолько, чтобы они стали обходить с флангов, к тому же сзади нас прикрывают лучники и орудия. Они будут атаковать в лоб, стенка на стенку. Ничего не бойся, просто вспомни, чему тебя учили, дерись без пощады, а отец будет рядом.

В стороне от них кантамбрийцы обменивались щитами и мечами.

Принцесса вцепилась в рукоять касарийского клинка и до крови кусала белые губы.

– Как ты нарекла его? – спросил Альвгред, показав подбородком на её меч.

– Никак, – пробормотала Вечера. – Этот бой даст ему имя.

Ровно в два часа пополудни Осе выдернул из полусна оглушительный грохот пушки, и приснившийся ему образ

Гезы растаял, как дым. Его голова снова разламывалась от боли.

Рядом с кроватью, как на иголках, сидела Ясна, в углу на коленях стояла Суаве и иступлённо шептала молитвы, а у окна скромно склонила голову Данка, готовая исполнить любую просьбу королевской семьи. Снаружи за дверью доносились тихие голоса охранников.

– Что это?! – Король приподнялся на кровати. Головная боль будто резонировала с дрожью окон от грохота, пульсируя в его затылке.

– Пушки у Ворот Мира. – Данка вгляделась сквозь мозаичные стекла. – Солдаты стреляют из них.

Королева смахнула с лица слёзы.

– Армия Теабрана огромна, – плакала она. – Его войско видно даже отсюда.

– Покажи. – Осе кинулся к окну.

– Отец, не надо, – испугалась Ясна и попыталась остановить его. – Ты ещё слишком слаб.

– Я хочу видеть! – Осе едва не свалился с кровати на пол. Данка и Ясна помогли ему подняться и подвели к окну.

Отсюда была хорошо видна городская стена и наполненная железной рудой красная земля за ней. Сейчас её закрывали полчища солдат, и эта масса в железных латах двигалась, будто бурлящее штормовое море. В этой мешанине мелькали то алые, то белоснежные, то синие знамёна. Кто-то наступал, кто-то отступал. Катапульты кидали каменные

глыбы на головы воинов. Там, куда падали зажжённые стрелы, чернел дым, мёртвых тел почти не было видно под ногами ещё дерущихся солдат. Снаружи доносились нечеловеческие вопли. Кричали люди, ревели быки и ржали кони, и где-то среди этого ужаса, ещё живая или уже мёртвая, сейчас находилась Вечера.

– О боги! – выдохнул король и отпрянул от окна. – О боги! За что это нам? – Он схватился за прикроватный столик и сел на кровать. Трясущимися руками он обхватил голову и завыл.

– Нам конец, – прошептал он. – Нам конец...

Перед началом боя Вечера послала к Ложному королю гонца с предложением переговоров в надежде встретиться с дядей лицом к лицу и по возможности отсрочить или вообще избежать войны, но в ответ получила голову своего человека, привязанную за волосы к хвосту его коня.

Вечера призвала солдат сомкнуть ряды и приготовить гаубицы. Лучники Гаала натянули тетивы.

– Плохо это, плохо, – выдохнул Марций, глядя на толстые тучи, готовые в любой момент разразиться дождём. – Трава намокнет, станет скользкой.

– Она станет скользкой не только для нас, верно? – ответил Согейр и вытер мокрый от пота лоб.

Вечера подняла свой меч над головой, что послужило знаком быть наготове. Эрнан, одетый в сине-красные доспехи и посчитавший ниже своего достоинства надеть шлем, по-

спешил занять позицию рядом со своими людьми с левого фланга. Командующий армией Алого утёса, чье имя Вечера забыла сразу после того, как их представили друг другу, занял место у противоположного края. Согейр направился к своему полку кирасиров посередине. Рядом с Вечерой остались только Альвгред и Марций.

«В атаку!»

И Теабран выпустил по ангенорцам стрелы из всех луков. Очень скоро земля перед городскими стенами превратилась в дерущуюся массу из своих и чужих солдат вперемешку с конями, быками, мечами и ксифосами. Кто атаковал, кто защищался – было трудно понять. Солдаты гибли – кто сразу, кто умирал в агонии от тяжёлых ран, кого протыкали стрелы, кто был затоптан копытами. Марций шёл на таран и пробивал себе путь рогами Дыма. В его поножах хлюпала кровь. На счету Альвгрета было уже пятнадцать покойников, на счету его Лиса – тридцать, и с каждой секундой их становилось всё больше. Наследник самрата размахивал ксифосом с такой кровожадностью, что воины Теабрана очень скоро смекнули, что лучше предоставить мальчишку лучникам, чем подставлять ему свою шею. Но едва ли кирасир давал им уйти далеко.

В этой суматохе обычные солдаты совсем упустили из виду Вечеру, чей геройский запал, с которым она кинулась в бой, испарился в тот же миг, когда меч неизвестного солдата с алой лилией на груди опустился на её щит. Удар был

такой силы, что руку Вечеры едва не выдернуло из сустава. Она выставила меч, но голова того солдата уже отлетела в сторону. Вечера прижимала меч к груди, пытаясь удержаться в седле. Гнев метался, напуганный хаотичными ударами по броне. Всё происходило как в ужасном сне. Принцесса наблюдала за всем будто со стороны. В нос била вонь пролитой крови и пыли, в лицо летели брызги и грязь. На счету Вечеры ещё не было ни одной смерти, и её меч был чист, а в её голове набатом звучали слова Вальдариха: «В бою можно выжить только убивая. Тот, кто пытается защититься, умрёт». Её замутило.

Человек в шлеме птицы, о котором рассказывал Иларх, тоже был там, в толчее дерущихся солдат. Он восседал на вороном жеребце, закованном в чёрные латы, и размахивал огромной секирой, разрубая людей пополам, сея за собой гибель, как обезумевший палач. Никому не удавалось уйти из-под удара его смертоносного оружия, и он шагал по трупам, пробивая себе путь к принцессе.

Когда он занёс свой топор над Лаэтаном, его конь вдруг встал на дыбы и заржал. Красная стрела Войкана проткнула его ногу и застряла в щели между железными пластинами. Он взвыл и ударил рукой по древку. Эрнан Монтонари стукнул солдата по шлему.

– Прочь! – закричал южанин, приказывая сыну убираться, и оттолкнул Виверо. Едва отразив удар топором, Эрнан заметил на груди черного всадника гравировку «Ночная гар-

пия». Всадник ударил коня Монтонари. Конь заржал и отступил. Железная пластина на его носу раскололась уродливой трещиной. Эрнан ухмыльнулся, радостно принимая вызов, и вернул долг, ударив чёрную птицу мечом по железной перчатке.

Лаэтан видел, как отец даёт ему уйти, и попытался прорваться сквозь наступающий кантамбрийский фланг, но толпа оттеснила его в сторону. Он оглянулся.

Армия Теабрана, как огромный кровожадный убийца с сотней тысяч лиц под масками, вооружённый и сметающий всё на своём пути в жажде обладания вожделенной короной, медленно продвигалась вперёд, оттесняя ангенорцев к стенам города. Но армия короля Осе упрямо держала сомкнутыми ряды и не пускала врага за нулевую черту.

Чёрный всадник ударил острым краем своего щита по спине коня кантамбрийца. Скакун Эрнана просел, Монтонари потерял равновесие, но смог удержаться в седле. Из раны на спине его коня брызнула кровь. Мелькнуло лезвие боевого топора, но Монтонари успел развернуть своего скакуна, и топор противника безжалостно опустился животному на бедро. Конь заржал и поднялся на дыбы. Перерубленное бедро надломилось, и конь упал, едва не придавив собой всадника. Монтонари быстро вскочил на ноги и нашёл выпавший меч. Гарпия натянула вожжи, и копыто её жеребца ударило по плечу южного графа. Раздался хруст, Эрнан закричал и упал на тушу умирающего животного. Катаясь

по земле, он, не глядя махнул перед собой мечом и попал чёрному коню по сухожилиям. Обречённое животное повело в сторону, но всадник в шлеме птицы успел спрыгнуть на землю.

Два врага встали друг напротив друга. Ночная гарпия оказалась совсем небольшого роста – макушка едва доходила до уха кантамбрийца.

Атака была быстрой и мощной, как удар тарана о таран. Птицеголовый обрушил секиру сверху, пытаясь разрубить голову кантамбрийца, но Эрнан успел отразить все его удары. От боли в сломанной руке темнело в глазах.

– Получай! – Лезвие кантамбрийца ударило по узкой глазнице чёрного шлема. Противник отшатнулся, но не упал. Эрнан приготовился к атаке. Из-под шлема по шее врага потекла тонкая струйка крови. Гарпия заметалась, схватилась за шлем и сорвала его с головы, зажав рукой глаз. Эрнан не сразу понял, кто стоит перед ним.

Лица было почти не видать – всё от лба до кончика носа измазано какой-то сажей. Скулы и челюсть слишком мягкие для юноши, но грубые для девушки, всклокоченные грязные патлы до плеч, которые на фоне серых туч будто светились золотом, торчали во все стороны. Длинные ресницы обрамляли злющий синий глаз. Пухлые белые губы уродовал старый вертикальный шрам.

– Ты парень или девка, Гарпия? – осведомился Эрнан, разглядывая сторбившееся от боли непонятное существо.

– Пошёл ты! – низкий надтреснутый голос существа не прояснил ситуацию.

Секунда, и в его руке оказался длинный, сверкающий, как солнце, меч.

Альвгред видел, как южный граф и белобрысый парень, с явным преимуществом второго, катаются по земле, стараясь пырнуть друг друга мечами, и кинулся на помощь, но его остановила горящая стрела, которая опалила шею Лиса. Бык заметался, заревел и, впервые не послушав приказы своего кирасира, унёс его в сторону.

Гарпия схватила сломанное знамя и ударила Эрнана в шею, как копьём, но Монтонари успел увернуться и стукнул противника ногой по торчащей из бедра стреле. Чумазое существо завопило, схватилось за рану и с грязной руганью рухнуло на колено – его преимущество растаяло в смердящем воздухе. Эрнан встал и из последних сил ударил побеждённого сапогом по лицу. Из разбитого рта брызнула кровь, Ночная гарпия упала на спину и схватилась за челюсть. Эрнан устало улыбнулся победе и поднял меч, чтобы отсечь белобрысую голову, как вдруг в руке жертвы мелькнуло золотое перо и маленький ножик из колчедана воткнулся в стопу кантамбрийца. Резкая, ни с чем не сравнимая боль, слишком сильная для такой маленькой раны, пронзила ногу Монтонари от пальцев до бедра.

– Сдохни, – прошипело бесполое злобное создание и растянуло кровавый рот в улыбке, полной превосходства.

Монтонари, подволакивая ногу, бросился в сторону и, увидев коня без наездника, схватился за сбрую и быстро взобрался в седло.

Раздался тревожный звук горниз.

– Отходим! – послышался голос Согеёра, едва различимый во мраке всеобщего шума. – Отступаем! Назад.

Ангенорские воины растерялись, но продолжили бой, посчитав, что это лишь эхо их страха. Но клич повторился. Ещё более надрывный и настойчивый.

– Они оттесняют нас, – отплёвывался от крови Марций, помогая Гневу развернуться. Рога и морду быка наследницы обагрят кровь.

– Я не отступлю, – отпиралась Вечера. – Я не уйду! – надрывалась она.

– Вы не понимаете! Мы должны отступить!

Всё происходило сумбурно. Никто не понимал, когда же всё пошло не так. Масса ангенорских солдат, подгоняемая своими предводителями, отступала к Воротам Воина.

– Откройте! – вопили они, отдавая приказы куда-то в сторону наблюдательных башен. – Откройте чёртовы ворота! – И молотили руками по закованной в железо древесине.

Но ворота оставались недвижимы.

– Где наблюдатели? – негодовала Вечера, оттесняемая к стене Лисом.

– Где лучники? – не понимал Альвгред.

По периметру стен не было ни души – лучники Гаала буд-

то исчезли.

– Что происходит? – воскликнул Марций, пробившись сквозь толпу кирасиров к Согейру.

– Я не знаю, – пытался отдышаться тот. Из глубокой раны по его лицу текла кровь. Легат был растерян. – Ворота заперты. Я не знаю почему.

– Неужели всех чёртовых лучников перебили?! – упало с губ эвдонца.

– Я не знаю.

– Войкан! – закричал кирасир. – Войкан, открой ворота!

Но ни Войкан, никто-либо другой ему не ответил.

– Да что же это такое? – ударил он мечом по стене. – Мы должны зайти в город, иначе Теабран прижмёт нас к стене и разобьёт. Где Монтонари?

– Ещё со своими солдатами. Они прикрывают нас, чтобы мы могли отойти. Почему же ворота закрыты?! – Согейр повернулся к двум кирасирам. – Вы двое – к Воротам Мира и Молота! Быстро!

Воины кивнули и развернули быков.

– А сейчас что нам делать? – спросил Марций.

– Готовиться к атаке.

Но едва Согейр успел дать приказ сомкнуть ряды, как где-то вдалеке послышался будоражащий кровь тяжёлый звук старого военного горна. Земля под ногами задрожала.

Альвгред одёрнул отца.

– Что это? – Он с тревогой показывал куда-то в сторону.

– Где?

– Там, на горизонте.

Глаза воинов с надеждой устремились в указанном направлении.

– Да где же?

– Вон там!

Марций и Согейр прищурились, вглядываясь в подёрнутую дымкой даль, потревоженную то тут, то там одиночными драками.

– Вы это видите?! – воскликнул Альвгред, вглядываясь в непонятную черноту на горизонте. Она, как бурлящая вода, медленно двигалась вперёд.

– Это воины! – воскликнул Альвгред. – Я вижу пики... – Он изо всех сил пытался разглядеть, что происходит вдали. – Они заходят в сторону Теабрана, вы видите? Они... Они идут в атаку.

– В атаку? Кто это? – Сердце Вечеры чуть не выскочило из груди.

– Тонгейр. – Согейр увидел чёрные флаги с серебряными медвежьими мордами, и его сердце ухнуло о рёбра, брызнув в кровь волну облегчения.

– Тонгейр? – не поверила Вечера. – Ты уверен?

– Да, я вижу флаги.

– Я тоже, – подтвердил Марций.

«Он прибыл! Он прибыл! – жёг горло принцессы ликующий возглас. – Он атакует Теабрана с тыла!»

– Сомкнуть ряды, приготовиться к атаке! – скомандовал Согейр, обнажив меч. – Выступаем по приказу!..

– Стой! – внезапно одёрнул легата Альвгред и схватил отца за руку.

– Что?

– Погляди.

На юном лице Альвгрета застыл оторопелый испуг. Согейр устремил взгляд туда, куда глядел его сын, а когда понял, что видит, почувствовал, как почва уходит у него из-под ног.

Армия Тонгейра на полном ходу сделала крюк у холма совсем близко от воинов Теабрана, но вместо того, чтобы протаранить редкие ряды захватчиков, измолотив тех несокрушимым оружием, скользнула вдоль них и врезалась в отряд кантамбрийцев, разметав их в стороны, как шахматные фигурки по столу. Южные воины бросились врассыпную.

– Они нападают... Они нападают на нас...

Огромная туча касарийских воинов неслась в их сторону, оголив жёлтые сверкающие мечи. Со стороны армии Ложного короля раздался грохот пушек. В небо взмыли золотистые звёзды.

– Огонь Теабрана!

Но звёзды падали слишком быстро и совсем не бесшумно. Когда они опустились на ангенорцев, слышался звон.

– Это монеты! – Марций рассматривал пойманную звезду. – Золотые крефы!..

– Какой ваш приказ? – спросил Согейр у Вечеры. – Мы атакуем?

Но Вечера молча смотрела на надвигающееся в их сторону чёрное облако.

Она выхватила из-за плаща серебряный рог и трижды прогудела в него.

Со стороны разбитого отряда кантамбрийцев подоспели Фернандо и Лаэтан, которые с тяжёлыми сердцами вели свои войска в отступление.

– Вы видели? – недоумевал Лаэтан. – Нужно уходить!

– Не выйдет!

Это были слова тех кирасиров, которых Согейр отправил к другим воротам несколькими минутами ранее. Один из них был ранен.

– Что случилось? – выступил вперёд Лаэтан.

– Мы не смогли подойти к Воротам Мира и Молота, нас обстреляли сверху. – Раненый тронул обломок стрелы, застрявший у него в плече.

– Лучники Гаала?

– Мы не видели, кто стрелял. Но если они продолжают, мы не сможем пройти к воротам с той стороны.

– Остаются Сумеречные Ворота, – сказал Эрнан.

– К Сумеречным Воротам! – скомандовал Согейр. – Все быстро к Сумеречным Воротам!

– Осторожно! – внезапно завопил Эрнан. – Наверху!

Воины посмотрели вверх, и увидели, как над ними пере-

ворачиваются бочки с раскалённым маслом. Воины в панике кинулись врассыпную. Кто-то успел отпрыгнуть в сторону, кого-то подмяли под себя быки. Плевок раскалённого масла брызнул на бедро Гнева. Вечера почувствовала, как теряет контроль над животным, теряет контроль над собой. Она вцепилась в поводья и прижалась к его потной туше всем телом. Гнев изогнулся дугой, встал на дыбы, метнулся в сторону, как делал на тавромахии, и заревел. Всех, кто попадался ему на пути, он цеплял на рога и втоптывал в землю. Жалкие потуги Вечеры остановить его были тщетны. Гнев нёсся не разбирая дороги. Марций видел, как потерявшее над собой контроль животное уносит принцессу прочь, и уже кинулся за ней, но стрела с жёлтым наконечником, горячая, как раскалённый в кузне клинок, разрешила его кирасу и выбила из седла. Град из зажжённых стрел с новой силой обрушился на головы ангенорцев.

Вспыхнуло разлитое масло.

За бесполезными попытками воинов уцелеть в пламени, наблюдал, сидя на каменных перилах башни Сумеречных Ворот, Вламос. Совершенно спокойный и будто безучастный ко всему происходящему внизу, он неторопливо чистил окровавленную Летучую мышь, подпирая ногой тело заколотого лучника. Недалеко сновали Ловчие и добивали тех, кто ещё подавал признаки жизни. Где-то около башни началась возня, фоном для которой служили проклятья, замелькали мечи. Но бой прекратился так же быстро, как и начался.

ся. Появился Сеар. Он волок за собой Войкана.

– Этот последний остался, – доложил он.

– А остальные? – спросил предводитель Ловчих, сунув Летучую мышь обратно в ножны.

– Как ты приказал, мертвы.

– А почему этот до сих пор жив?

– Он успел убить пятерых наших. Подумал, ты решишь, что с ним делать.

– Ладно, пока оставь. Отведи в темницу к остальным пленным.

– Предатель, – выплюнул лучник, но Влахос притворился, будто не слышит.

Вместо него на оскорбление ответил Сеар. Он одним ударом выбил из Войкана дух и бросил к ногам командира.

– И зачем ты это сделал? – Влахос поджал губы. – Его нужно было отвести в темницу, а теперь придется волоочь его по земле. – Он посмотрел на Сеара так же, как смотрят на тупого барана. – Зови других и иди на вышку. Мне не нужно, чтобы хотя бы один ангенорец пробрался к воротам. И цельтесь лучше.

Армия Ангенора под ногами Влахоса таяла на глазах, и ждать исхода оставалось недолго. Он прекрасно видел, как кантамбрийцев отбросило в сторону, но с наступлением воинов кадерхана идти в бой даже им было бессмысленно. Катапульти и баллисты Осе были разрушены. Кирасиры в отчаянной попытке атаки были взяты в кольцо и доживали по-

следние минуты. Влахос сидел на самой высокой точке обзора и старался не высовываться, пока там, внизу, гибла целая армия во главе с Согейром и Марцием. Первую часть своего обещания Влахос исполнил, теперь дело оставалось за второй.

То, что происходило у Сумеречных Ворот, осталось невидимым для глаз Вечеры. К моменту, когда волна касарийцев накрыла ангенорских воинов, Гнев уже унёс её далеко. Он бежал в сторону Редколесья и всё время ревел, будто его гнали вперёд все порождения тьмы. Его обожжённое бедро покрылось волдырями.

Слова всех молитв улетучились из головы Вечеры, и она просто молила богов, сама не зная, о чём. О спасении? Или быстрой смерти? Просто молилась, чтобы они заметили её, и вжималась в чёрную тушу быка. Она понимала весь ужас своего положения, понимала, что не смогла, не сумела оправдать ожидания и надежды. Взяла на себя обязательства, подгоняемая гордыней, и не справилась с ними.

Вдали слышалось страшное эхо криков погибающей армии, и этот звук отдавался ознобом. Торчащие по обе стороны узкой тропы во все стороны ветки хлестали Вечеру по шлему.

Внезапно мимо её уха просвистела стрела и угодила в дерево. Позади послышался топот. Вечера обернулась и увидела двух всадников в касарийских доспехах с зубастыми шлемами. Они гнали её во весь опор и улюлюкали вслед, как

зверю, загоняемому ради потехи. Вечера подстегнула Гнева, ударив его по ожогу. Бык дёрнулся и прибавил скорости, грудью пробив высокие кусты можжевельника, и устремился в чашу.

Погоня продолжалась несколько минут. Преследователи, раззадоренные жаждой крови, гнали принцессу, отгородив её любые пути к отступлению с двух сторон, и подбирались всё ближе и ближе, пока не оказались к ней вплотную. Один из них выхватил меч и ударил Гнева по ноге. Бык взвыл, покосился на бок и на полном ходу рухнул на землю. От сильного толчка Вечеру выкинуло из седла и, отлетев в сторону, она упала у столетнего дуба, чью кору то тут, то там резали следы от плётки, которые когда-то принцесса оставила собственной гневливой рукой. От сильного удара о дерево Вечера на мгновение потеряла ощущение пространства и времени. Шлем слетел с её головы. Она попыталась встать, но потеряла равновесие и упала. Касарийцы остановили коней и прыгнули на землю. Они не утруждали себя разговорами с принцессой на ангенорском языке, но их интонации и рожи не давали возможности понять их намерения как-то иначе. В их глазах она увидела конец своей войны за корону. Здесь, на краю Змеиной ямы, куда они загнали Вечеру, она и должна была остаться.

Принцесса швырнула в рожу одному из убийц землёй и, воспользовавшись секундным замешательством, выхватила ещё не отведавший крови клинок.

Касарийцы захохотали, вынули из ножен свои мечи и обступили принцессу с двух сторон. Один из них, что был выше, шутливо, с издёвкой, слегка стукнул по подаренному Тонгейром клинку и сказал что-то второму. Тот засмеялся и сделал шаг вперёд, но Вечера успела ударить его по лицу так быстро, что касариец сам не понял, как она рассекла ему бровь. Он схватился за рану.

– Мне ли вам говорить, насколько остро касарийское оружие? – огрызнулась Вечера. – Живой я вам не дамся.

Рядом корчился от боли Гнев, но перерезанное сухожилие на ноге лишило его возможности встать.

– А такого приказа у нас и не было.

Солдаты напали.

Битва была недолгой. Вечера старалась держаться подальше от ямы, но эти двое, точно зная её страх перед пропастью, то прижимали её к ней, то давали отойти, давая жертве надежду на спасение. И Вечера верила, что побеждает, и иногда так сильно, что даже шла в атаку. Наконец, одному из касарийцев надоело биться с ней. Он двумя ударами повалил принцессу на землю, Вечера выставила перед собой меч, но как только оружие касарийца ударило по нему, он издал странный звук, похожий на треск, и золотое лезвие отлетело в сторону.

– Что?!

Касарийцы захохотали, а тот, высокий, ткнул отвалившееся лезвие ногой. Вечера безмолвно наблюдала, как двое её

будущих убийц играют с отломанным лезвием, и не верила глазам. В рукояти, что осталась у неё в руке, торчал лишь крошечный осколок лезвия. Как такое возможно? И тут ей вспомнились слова Тонгейра о том, что она не должна оскорблять меч учебным боем. Он не хотел, чтобы меч сломался раньше времени. Вечера должна была остаться на поле боя безоружной.

Она попыталась встать, но получила оглушительный удар железным сапогом по голове. Касарийцы перешли от игр к настоящему делу. Вечера потеряла сознание, мутный рас­судок её пропускал лишь обрывки того, что происходило во­круг, и она лишь смутно понимала, что её куда-то потащили, ощущала удары. Сквозь дымку накативших слёз она увидела золотое лезвие ножа, которым касарийцы срезали с неё ки­расу, рассекая защитные крепкими нитями ремни с застёжка­ми. Она услышала слова «золото» и «камни» – мародёры уже делили награбленное. Вечера застонала и попыталась схва­тить одного из них за ногу, за что получила ещё несколько сильных ударов по голове, груди и животу. Во рту появил­ся солёный привкус крови. Высокий воин молотил её с та­кой силой и злостью, что второму пришлось оттащить его от жертвы. Касарийцы о чём-то оживлённо заспорили над её обессиленным телом.

В стороне всё ещё стонал от боли Гнев. Вечера приот­крыла заплывшее веко и увидела, как двое подошли к нему и один из них поднял меч. Он перерезал быку горло на глазах

его наездницы. Гнев захрипел, дёрнулся. Его вытаращенные глаза смотрели прямо на беспомощную хозяйку. Она видела, как они затухают. Потом он затих, а из носа потекли густые бурые капли. А касарийцы, вдоволь налюбовавшись агонией умирающего зверя, направились к принцессе.

Они подняли её в четыре руки, и Вечера ощутила их руки на своей груди и бёдрах. Её поножи, браслеты и щит, всё, что представляло из себя ценность и могло быть переплавлено, было снято и теперь лежало в стороне, как трофеи. Сильная рука скользнула по шее Вечеры и дёрнула за торчащую цепочку, вытащив на свет «Валамар». Касариец проверил камень на свет, пробивавшийся в чашу сквозь густую листву высоких деревьев, протёр его и сунул за пазуху.

Вечера наблюдала за ним безучастно, опрокинутая волной боли и тошноты. Она видела, как они о чём-то говорили, озирались по сторонам, как заговорщики, а потом подошли. Липкие грязные лапы снова заскользили по её полуголому телу. Один касариец спешно начал срывать с неё остатки одежды, пока второй пытался быстро стянуть с себя штаны. Когда его хозяйство было готово вот-вот вывалиться из штанов, он навалился на принцессу, как туша. С секунду он ёрзал, пытался проникнуть в тело жертвы, как вдруг заорал. Зубы Вечеры вцепились ему чуть ниже щеки, отрывая кусок мяса. Она дёрнула головой и вырвала кусок плоти. Касариец взвыл и мгновенно отпрянул от живучей девки, что-то прокричав второму. Они били её несколько бесконечных

минут, изуродовав её лицо и тело. Наконец, один схватил её за волосы, а второй взял рукоятку обломанного касарийского меча, подошёл и с размаху полоснул им по шее Вечеры.

Обжигающая кровь хлынула в разорванную глотку. Глаза Вечеры широко распахнулись, и она упала лицом в траву. Тот, что был ниже, сплюнул и пнул её ногой.

Вечера, ещё живая, упала в Змеиную яму и не смогла даже закричать в последнем испуге. Лица её убийц были последним, что увидела принцесса перед тем, как её короткая жизнь сжалась до белой точки где-то там, вдалеке, а потом потухла в последнем хриплом вдохе.

Едва её осквернённое тело скрылось в темноте той бездны, вслед ей полетели и остатки меча, а затем касарийцы прихватили золотые трофеи и неторопливо повели коней в сторону Паденброга.

Солдаты Ложного короля беспрепятственно шли по улицам города, оставляя после себя плевки и следы крови от сапог. Они прошли по площади Агерат, найдя там подходящее место, чтобы справить нужду, но поруганные человеческими нечистотами статуи великих богов были недвижимы. Таковыми они и остались, когда на защиту своих святынь кинулся безоружный архонт, а опьянённые кровью поверженных воинов солдаты мечами прервали его порыв спасти своих богов от унижения, а затем, переступив через его тело, обступили Полудниц. Пока часть солдат срывала с девушек одежды, остальные двинулись к Туренсворду. Ловчие отво-

рили им ворота, и воины беспрепятственно зашли внутрь, разрушая всё, что видели на своём пути.

– А кантамбрийцы? – спросил Влахос, подведя Багряна к Тонгейру, когда израненных, но ещё живых легата, его сына, Марция и ещё с несколько десятков солдат провели через отворённые по его приказу ворота королевского замка.

– Я сказал их не преследовать, – ответил самрат, протирая ладонью испачканный кровью шлем. Он сидел верхом на сером скакуне с мощными ногами, совсем не под стать тонконогому Багряну. – Наверное, сейчас южный граф уже на полпути в Альгарду, к юбке своей жены. Думаю, после этой битвы мы не услышим о нём ближайшие лет пятьдесят.

– А Вечера?

– Скорее всего, уже мертва. Приказа оставлять Алмазный Эдельвейс в живых я не давал.

– Кронпринцесса в заложниках куда лучше, чем мёртвая.

– Твоими стараниями у нас в заложниках оказались король с королевой. Это куда лучше, чем одна взбалмошная девка. К тому же Осе станет куда сговорчивее, узнав о её смерти. Его, кстати, уже схватили, или он ещё в неведении, что находится в плену?

– Его покои охраняют мои люди.

– Как и люди Согейра, я полагаю.

– Моим людям они нипочём. А из покоев выхода нет. Я проверял замок на наличие тайных ходов несколько лет, пока отвечал за охрану. Спальня короля – тупик, и он доб-

ровольно загнал в него всю свою семью.

Суровое лицо Тонгейра оставалось недовольным.

– Я не успокоюсь, пока собственными глазами не увижу Осе на коленях.

– Ты не веришь моим людям?

– Верю, – отмахнулся самрат. – А вот кому я не верю, так это Согейру.

– Почему же?

– Потому что он касариец. А ты только что сам видел, чем оборачивается доверие тем, в ком течёт моя кровь.

– Тогда нам нужно поспешить, чтобы ты смог убедиться, что Осе схвачен.

Они проследовали в сторону покоев, расталкивая солдат и застигнутых врасплох придворных. Всюду царил хаос. Туренсворд грабили солдаты, а Ловчие мгновенно остужали их мародёрский пыл, напоминая о приказе истинного короля оставить замок нетронутым.

Никто из придворных и слуг не понимал, почему Влахос и Тонгейр с видом хозяев следуют в известном им одним направлении и почему враг их не трогает. Корвен это понял слишком поздно, но и его проклятья в сторону Ловчего утонули в оглушительном плаче каких-то женщин. Старого камергера схватили и проволокли мимо Влахоса в сторону темницы и бросили к остальным пленникам.

Когда от короля их отделяло всего две двери, в нос Влахоса и Тонгейра ударил резкий запах свежей крови. Ботинки

прилипли к каменному полу. Предатели короны переглянулись и посмотрели под ноги – из-под двери, ведущей к анфиладе перед покоем, текли бурые струи, пробивавшие себе путь в стыках между камнями в полу.

– Видимо, твоим людям пришлось потрудиться, сдерживая порыв немощного короля к побегу, – заметил Тонгейр.

Влахос открыл двери и замер. Всё помещение было завалено телами кирасиров и Ловчих. Стены дышали свежей дракой. Двери в покои короля были выбиты. Комната была пуста.

Точно громом поражённый, Влахос кинулся к дверям и, снова убедившись, что ни короля, ни королевы, ни принцессы внутри нет, в сердцах перевернул тумбу с бумагами.

– Как?! – закричал он в гневе, пиная разбросанный пергамент. – Как?! Нет!

В стороне раздался слабый хрип. Это был один из Ловчих, что лежал у самой двери. Жизнь уже покидала его, но он всё ещё сжимал в руке Летучую мышь.

– Влахос, – кряхтел он, – Влахос...

Бродяга поднял умирающего.

– Как вы это допустили?! – Он попытался зажать рукой рану на его шее. – Где король? Вы что, не смогли справиться с парой солдат и служанкой?

– Парой? Когда ты ушёл, Согейр отправил к нам две дюжины кирасиров!

Влахос выругался.

– Что я тебе говорил, а? – нравоучительно прохрипел Тонгейр. – Не верь касарийцам, даже если они полукровки.

– Когда послышался горн, мы поняли, что это знак, – шептал умирающий. – Ангенорцы вошли – пришло время королю покинуть замок, но мы стояли... Ты приказал нам никого не выпускать!.. Кто-то увидел, как наши бьют лучников. Их было больше нас в несколько раз.

– Я вижу, – сказал Влахос, и его пальцы залило густыми потёками крови.

– Они вывели короля, а Сеар бросился... в погоню. Прости, что не сдержал слово...

С этими словами его зрачки расширились, и его голова упала на грудь. Влахос закрыл ему глаза и вскочил на ноги, заметавшись среди остывающих тел, как дикий зверь, загнанный в клетку. Его тонкие губы были обескровлены, а лицо приобрело землистый оттенок.

– Сколько Теабран обещал тебе за пленного короля? – ехидно поинтересовался Тонгейр. – А, Бродяга? Мешок золота? Два мешка?

– Ты ничего не понимаешь, проклятый берложник! – воскликнул Влахос и ступил за порог королевских покоев. Только розовые духи королевы Суаве служили доказательством, что здесь совсем недавно находились люди. – Дело не в деньгах, – глухо произнёс он. – Дело никогда не было в деньгах! – Его лицо исказила отчаянная злоба. – Я его верну, – прошипел он. – Верну его. Спущу с цепей всех ищеек Ангенора,

натравлю на след головорезов Столпов, но верну его! Я всегда возвращаю беглецов!

И с этими словами, под смех самрата, Влахос побежал к лестнице в поисках Багряна, полный решимости пуститься по свежему следу, как вдруг в главном холле ему преградил дорогу Сеар. За поводья он вёл ангенорского коня, чей хозяин сложил голову от Летучей мыши.

– Это все, кого нам удалось поймать, – произнёс он, со стыдом глядя на своего предводителя. – Остальных угнали кирасиры.

На коне сидели две перепуганные пленницы. Это были Данка и Ясна.

Конец первой книги